

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

MASTODONIA

**ENCHANTED
PILGRIMAGE**

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МАСТОДОНИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВОЛШЕБСТВО

Издательская фирма «Полярис»
1994

Mastodonia

Copyright © 1978 by Clifford D. Simak

Enchanted Pilgrimage

Copyright © 1975 by Clifford D. Simak

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1993 В. Иванов, *иллюстрации*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключитель-
но с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-060-3

МАСТОДОНИЯ

Глава 1

Пронзительный вой собаки поднял меня с постели полусонного. Я вскочил, ничего не соображая. Первые лучи рассвета проникли в комнату, высветив призрачные очертания обшарпанного комода, стенного шкафа с приоткрытой створкой, потертого ковра.

— Что случилось, Эйза?

Я повернул голову, увидел Райлу, привставшую в кровати, и удивился, каким образом, о Господи, после стольких лет Райла могла оказаться здесь? Но тут у меня в голове прояснилось и я все вспомнил.

Собака снова завизжала, звук раздался уже совсем близко и выражал страдание и испуг.

Я выбрался из-под одеяла, схватил брюки и зашарил ногами по полу в поисках шлепанцев.

— Это Баузер, — объяснил я Райле. — Подлая тварь где-то шлялась всю ночь. Наверное, опять гонялся за сурком.

Баузер был одержим сурками. Учув зверька, он никак не мог остановиться. Пес, должно быть, прокопал уже полпути до Китая, охотясь за ними. Обычно, чтобы привести его в чувство, я всегда прослеживаю эти вылазки и приволакиваю его обратно. Но в эту ночь, рядом с Райлой, мне было не до Баузера.

Когда я добрался до кухни, Баузер уже вопил на крыльце. Я открыл дверь, и он, конечно, торчал там, а из него самого торчала деревянная стрела. Я ступил на

крыльцо и, обхватив Баузера рукой, положил на бок, чтобы разобраться, в чем дело. Я увидел, что в ляжку моего пса вонзился дротик с каменным наконечником. Баузер жалобно заскулил, глядя на меня с тоской.

— Ну что там, Эйза? — снова спросила Райла, появляясь в дверях.

— Кто-то метнул в Баузера дротик, — ответил я. — И он застрял в его ляжке.

Она спустилась по ступенькам, быстро обошла крыльцо и склонилась над собакой.

— Наконечник вошел лишь наполовину, — заметила она. — Смотри, как провисло древко.

Райла протянула руку, схватила наконечник, резко повернула его и рывком выдернула из раны.

Баузер отчаянно взвизгнул и снова жалобно заскулил. Он мелко дрожал. Я взял его на руки и внес в кухню.

— В спальне на тахте лежит плед, — сказал я Райле. — Принеси его, пожалуйста, устроим ему здесь постель в углу.

— Эйза!

— Да, Райла?

— Но это же фолсомский наконечник! — она подняла дротик, чтобы я смог его разглядеть. — Кто же мог выстрелить в собаку фолсомским дротиком?

— Да какой-нибудь мальчишка, — предположил я. — Они же просто маленькие чудовища!

Она с сомнением покачала головой:

— Да ты только посмотри, как наконечник прилажен к древку. Откуда мальчишке знать, как это делается?

Я не стал это обсуждать и повторил свою просьбу:

— Пожалуйста, принеси плед!

Она оставила стрелу на столе и пошла в спальню. Вернувшись, Райла сложила покрывало и опустилась на колени, чтобы положить эту подстилку на пол в углу кухни.

Я устроил Баузера на пледе.

— Не горюй, старина, мы тебя вылечим! Не думаю, что рана так уж серьезна.

— Эйза, ведь ты меня не понял? Или не услышал, что я тебе сказала?

— Да услышал, услышал, — пробормотал я. — Фолсомский наконечник. Они делались десять веков назад

древними предками индейцев. Их находили в костях доисторических бизонов...

— Но ведь дело не просто в этом, — никак не могла успокоиться Райла. — Он же насажен на древко так, как умели только те первобытные люди!

— Понимаю, — откликнулся я. — Не хотел тебе говорить, да видно придется. Судя по всему, мой Баузер — это собака, путешествующая во времени. Он однажды приволок сюда кость динозавра.

— А зачем собаке понадобилась эта окаменелость?

— Ты не поняла меня. Это была не древняя кость. Не ископаемая. Она была свеженькая, с клочками плоти, свисающими с нее. И принадлежала не взрослому динозавру, а детенышу. Размером с собаку, или чуть побольше.

Райла и бровью не повела.

— Возьми-ка ножницы и обстриги шерсть вокруг раны. Я обмою ее теплой водой и смажу чем-нибудь. Где у тебя аптечка?

— В ванной. Справа от зеркала.

Когда она повернулась, чтобы выйти, я окликнул ее.

— Райла!

— Чего тебе?

— Как я рад, что ты здесь, — ответил я.

Глава 2

Она и сама вернулась из прошлого, по меньшей мере, двадцатилетней давности. И всего лишь накануне вечером. Я сидел в шезлонге под большим кленом, когда с магистрали в сторону моего дома свернула большая черная машина. Я лениво удивился, кто бы это мог быть?

Честно говоря, я вовсе не жаждал увидеть кого бы то ни было, тем более что за последние несколько месяцев я наконец вкусил прелесть одиночества. И уже начинал испытывать легкую досаду при любой попытке вторжения на мою территорию.

Машина подрулила к воротам и остановилась. Женщина вышла из автомобиля, миновала ворота и направилась ко мне. Я встал с кресла и неторопливо двинулся ей навстречу. Она прошла большую часть пути, прежде чем я распознал в этой стройной элегантной особе девушку из своего прошлого. Из юности.

Я остановился, немного ошарашенный.

— Райла... — произнес я не вполне уверенно. — Вы Райла Эллиот?

Она тоже остановилась и взгляделась в меня через двенадцать футов, разделяющих нас. Казалось, она не вполне верила, что видит перед собой Эйзу Стила.

— Эйза, — наконец произнесла она, — Так это же и вправду вы! Теперь я вижу, это вы! Я недавно узнала, что вы обитаете в здешних краях... А мне

казалось, вы еще прозябаете в том маленьком колледже где-то на Западе. Я так часто думала о вас...

Она еще и еще что-то говорила, будто стремилась словами замаскировать неуверенность и даже некоторую нервозность...

Я пересек наконец разделяющее нас расстояние, и мы теперь стояли совсем рядом.

— Эйза, — проговорила она. — Мы не виделись чертовски давно!

Она оказалась в моих объятиях, и у меня возникло странное ощущение, что я обнимаю женщину, вышедшую из длинного черного лимузина, как из машины времени, в этот висконсинский вечер. Вышедшую из прошлого, удаленного на добрых два десятка лет.

И все же было не так уж легко отождествить ее со смешливой жизнерадостной девушкой, которая так безропотно вкалывала вместе со мной на тех раскопках в Малой Азии. Мы пытались постичь тайны древних курганов, но то, что нам попадалось, никак нельзя было назвать хоть сколько-нибудь значительным. Я копал, просеивал землю, расчищал найденные предметы, а она снабжала их ярлычками, пытаясь распознать назначение черепков и прочего древнего хлама, разложенного вокруг.

Тот жаркий пыльный сезон пролетел слишком быстро. Работая вместе в течение дня, мы и спали вместе в те ночи, когда удавалось улизнуть от остальных участников экспедиции. Впрочем, припоминаю, что в конце она уже перестала осторожничать, тем более что окружающим, как оказалось, было до нас мало дела.

— Даже не надеялся увидеть вас когда-нибудь еще! — воскликнул я. — Думать-то о вас, конечно, думал, но не рассчитывал, что сумею к вам подступить. Говорил себе, что вы все забыли и наша встреча вряд ли доставит вам радость. А если она и состоится, вы, разумеется, будете любезны и мы обменяемся какими-нибудь расхожими пустяковыми репликами. Мне вовсе не хотелось лишиться своих воспоминаний из-за такой финальной точки... Лет десять назад я услышал, что вы подвизаетесь на ниве экспортно-импортного бизнеса, а потом для меня ваши следы как-то затерялись.

Она плотнее прижалась ко мне, подняв лицо как бы в ожидании поцелуя. И я поцеловал ее. Возможно, без

того трепета, который испытывал когда-то, но с глубочайшей радостью, что вновь вижу ее.

— Я и теперь занимаюсь бизнесом, — проговорила она. — Экспортно-импортным, как вы его назвали. Но уже подумываю о выходе из него.

— Да что же мы стоим тут? — спохватился я. — Пойдемте к шезлонгам, под дерево. Там так приятно сидеть по вечерам. Что я и делаю всегда. Если не возражаете, я организую нам какую-нибудь выпивку.

— Чуть попозже, — ответила Райла. — Здесь так славно, так покойно!

— Именно покойно, — согласился я. — Даже, сказал бы, отдохновенно. Правда, в университетском кампусе тоже вполне спокойно, но качественно это совсем другое. Здешним покоем я наслаждаюсь почти уже год.

— Вы что же, оставили свою должность в университете?

— Нет, у меня творческий отпуск, предоставляемый преподавателям каждый седьмой год. Предполагается, что я должен работать над книгой, но я и строчки не написал, да вовсе и не помышлял ни о какой книге. Когда отпуск закончится, я, может быть, подам в отставку.

— И останетесь здесь... Это местечко называется Виллоу Бенд*?

— Сам Виллоу Бенд — маленький городишко не-далеке от того шоссе, по которому вы ехали сюда. Я там жил когда-то. Мой отец на окраине содержал лавку сельскохозяйственного инвентаря. А эта вот ферма в сорок акров принадлежала семейству неких Стритеров. Я мальчишкой частенько слонялся здесь со сверстниками, мы охотились, удили рыбу, обследовали окрестности. Сам Стритер никогда этому не препятствовал. Его сын Хьюг, — кажется, так его звали, — тоже состоял в нашей компании.

— А где теперь ваши родители?

— Мой отец уехал отсюда давно. Подался к брату в Калифорнию. Да и у матери две сестры обитали на побережье. Они и сейчас там. А я около пяти лет назад вернулся сюда и, узнав, что ферма продается, купил ее.

* «Ивовая излучина». (Здесь и далее — примеч. пер.)

Нельзя сказать, что меня тянуло «к своим корням» или каким-нибудь очень уж приятным воспоминаниям...

— Но если не к корням или воспоминаниям, то почему же вас все же потянуло именно в Виллоу Бенд и именно на эту ферму?

— Да было, было кое-что, заставившее меня вернуться... А давайте-ка лучше поговорим о вас и вашем бизнесе, ладно?

— О, вас мои дела, наверное, позабавят, — сказала она. — Я ведь занялась продажей древних изделий и окаменелостей. Начала с пустяков, потом дело разрослось. Сперва продавала всякую архаику, но иногда мне попадались геммы и другие более поздние античные поделки. Хотя я и не сумела стать археологом или палеонтологом, но все же нашла применение своим небольшим познаниям. В моем бизнесе наибольшим спросом стали пользоваться маленькие черепа динозавров, трилобиты в хорошей сохранности и каменные пластины с отпечатками рыб или растений. Вы не поверите, сколько усилий требовали поиски по-настоящему приличного товара, впрочем, и не вполне приличного тоже! А пару лет назад одна компания по производству консервированных завтраков решила поощрять своих наиболее постоянных покупателей маленькими сувенирами, избрав в этом качестве брелоки-кубики из костей динозавров! Компания обратилась ко мне. И знаете, где я стала добывать эти кости? В Аризоне. Там оказалось большое их кладбище, и его стали раскапывать бульдозерами, сваливая добычу в грузовики-откатчики. Мы распилили сотни тонн костей и изготовили из них эти дурацкие брелоки. И, представьте, я бы не сказала, что мне было хоть чуточку стыдно. Этот бизнес не был нелегальным. Я откупила этот участок и никаких законов не нарушила. Но никто и вообразить не может, сколько бесценных окаменелостей мы там погубили!

— Да уж, воображаю, — согласился я. — Сдается мне, что вы не очень-то печетесь об археологии или палеонтологии, да и не слишком жалуете специалистов этого дела?

— Напротив, — ответила она. — Я очень уважаю настоящих специалистов. Мне ведь и самой когда-то страшно хотелось войти в эту среду, но у меня не оказалось шансов. Я и на тех унылых раскопках в Турции появилась именно из желания приобщиться к

археологии. Конечно, можно было бы и дальше посвящать этому каждое лето, что-то раскапывать, классифицировать, заносить в каталоги, а по окончании сезона корпеть над систематизацией чужих находок. В промежутках можно было бы обучать каких-нибудь студентов-второкурсников, большей частью безмозглых кретинов. И что же дальше? Все мои усилия шли бы в актив боссов науки, а мне и не светило быть упомянутой в какой-нибудь самой скромной публикации. Для того чтобы вписаться в этот научный рэкет, вы должны состоять в штате Йейла, Гарварда или Чикаго, да и там, пожалуй, утечет много воды, пока за вас кто-нибудь замолвит словечко! Там наверху засело несколько жирных котов, снимающих пенки с ваших трудов, и никому нет дела до того, с какими усилиями вы пытаетесь сами вскарабкаться наверх.

— Я, пожалуй, могу сказать то же и о себе, — ответил я. — Преподавая в маленьком университете, я не имею ни малейших надежд на выполнение настоящих научных исследований. И никаких возможностей и средств для организации серьезных, пусть и краткосрочных, раскопок. А тем более для крупных, если даже имеются интересные идеи и ты готов сам трудиться как осел над их разработкой... И к тому же я всегда привык довольствоваться малым. Мой университетский городок был вполне комфортабелен, и уже ничего другого не хотелось. Но тут Элис меня оставила и я... Вы ведь слышали о нашем разводе?

— Да, — сказала она. — Я слышала.

— Не скажу, что это причинило мне настоящее горе, — заметил я. — И все же моему самолюбию был нанесен удар. И я стал искать, куда бы мне спрятаться от окружения. Потом мне подвернулась эта ферма. А те невзгоды я давно уже преодолел.

— У вас ведь есть сын?

— Да, Роберт. Он с матерью в Вене, кажется. Во всяком случае, где-то в Европе. Человек, ради которого она меня бросила, дипломат. Профессиональный дипломат, а не политик...

— А мальчик, Роберт?

— Поначалу он оставался со мной. Но, наверное, ему стало скучно, и он пожелал уехать к матери. Вот я и отпустил его.

— А я так и не вышла замуж, — заметила Райла. — Сперва была слишком увлечена делами, а потом эта проблема как-то потеряла актуальность.

Мы посидели молча, пока вокруг расползались сумерки. Пахло сиренью от лохматых, разросшихся во все стороны кустов.

Знакомая нахальная синичка невозмутимо прыгала с ветки на ветку, время от времени останавливаясь, чтобы поглазеть на нас глазом-бусинкой.

Не знаю, почему я сказал ей то, о чем вроде и думать забыл. Но слова вырвались сами собой.

— Райла, — произнес я, — мы тогда сваяли с вами дурака. У нас же все было не просто так, а мы и не понимали этого! Ведь было же, не так ли?

— Вот потому-то я и здесь, — откликнулась она.

— Ну так вы сможете побыть в Виллоу Бенде хоть какое-то время? Нам ведь есть о чем потолковать. Я могу позвонить в мотель. Он, правда, не ахти какой, но...

— Нет, — возразила она решительно. — Если вы не против, я бы предпочла остаться здесь, у вас. С вами.

— Вот и чудесно, — обрадовался я. — Я вполне могу устроиться на тахте, перетащу ее на кухню.

— Эйза, — сказала она. — Хватит изображать джентльмена! Мне не нужно твое дурацкое джентльменство. Я же сказала, что хочу *быть с тобой*, ты понял?

Глава 3

Баузер лежал в своем углу, взирая на нас глазами, в которых застыла мировая скорбь. Мы завтракали на кухне.

— Интересно, как он себя чувствует? — спросила Райла.

— Не волнуйся, он скоро будет в полном порядке, — ответил я. — Он оправляется очень быстро.

— Как давно он у тебя?

— Да уже несколько лет. Он был вначале вполне благонаправленным городским песиком, весьма корректным и послушным. Лишь позволял себе иногда бросаться во время прогулок на птичек. Но стоило нам переехать сюда, его словно подменили. Теперь это большой любитель раскопок, да еще фанатик погони за сурками. У него к суркам какое-то особое пристрастие. Прямо мания. Почти каждый вечер я сам гоняюсь за ним и буквально вытягиваю его из раскопанных нор, в которых трясутся от ужаса и верещат загнанные им зверьки.

— И вот что случилось, как только ты предоставил его самому себе!

— Но ведь у меня наклеывались гораздо более интересные дела, да мне и подумалось, что в кои то веки я могу оказать ему услугу, отпустив на всю ночь.

— Эйза, сурки сурками, но ведь он принес нам фолсомский наконечник! Не могу же я ошибиться! Слишком много мне таких пришлось повидать, они же

ни на что другое не похожи! И ни один мальчишка не сумел бы насадить такой наконечник на древко. К тому же оно ведь не окаменелое, а вполне свежее... Постой, ты ведь что-то обронил о свежей кости динозавра?

— И еще я сказал тебе, что эта собака, по-видимому, совершает прогулки во времени.

— Эйза Стил, не морочь мне голову. Что ты такое несешь? Собака, путешествующая во времени!

— Ну ладно, перестаяю. Но попробуй объяснить мне, где он взял косточку динозавра?

— Но может быть, это вовсе и не была кость динозавра?

— Леди, поверьте, я уж знаю, какими бывают эти кости! Я же перечитал все публикации о них, преподавая палеонтологию в колледже. Динозавры стали моим любимым хобби. А однажды мы разжились скелетом динозавра для музея. Я сам его монтировал, потратив на это целую зиму. Ухлопал уйму времени, подбирая и подгоняя кости друг к другу, да еще изготавливая недостающие детали, пока весь скелет не был собран, выкрашен белой краской и стал выглядеть так, что никому не пришло бы и в голову упрекнуть нас в недостоверности или подделке!

— Ну хорошо. Но откуда Баузер мог взять новую, свежую кость динозавра?

— На ней оставались хрящи, сухожилия и мясо! Кость дико воняла, и Баузер тоже не благоухал. Видимо, он нашел труп детеныша и отхватил от него кусок. Я три дня эту кость вываривал, чтобы избавиться от зловония...

— Но как же ты мог бы это объяснить?

— Никак. Даже не пытался это сделать. Правда, была у меня мыслишка о том, что, может, и в наше время где-то водятся единичные экземпляры малых динозавров, и Баузер наткнулся на труп одного из них. Но эта идея не менее завиральная, чем предположение о «собаке, путешествующей во времени»!

В дверь постучали.

— Кто там? — крикнул я.

— Это Хайрам, мистер Стил. Я пришел в гости к Баузеру.

— Заходи, Хайрам, — сказал я. — Баузер здесь, на кухне. Он попал в переделку.

Хайрам шагнул вперед, но, увидев Райлу, смущенно отступил.

— Зайду попозже, мистер Стил, — пробормотал он. — Я постучался только потому, что не увидел Баузера во дворе.

— Не стесняйся, Хайрам, — успокоил я его. — Вот познакомься, эту леди звать мисс Эллиот. Она мой друг. Мы не виделись много времени.

Он робко приблизился, сдернул с головы шапку и прижал ее обеими руками к груди.

— Рад вас видеть, мисс, — пробормотал он. — Это ваше авто там, снаружи?

— Да, мое, — ответила Райли.

— Большое, — заметил Хайрам. — И так славно блестит, что в него смотреться можно!

Он бросил взгляд на Баузера и торопливо обошел стол, чтобы присесть на корточки около собаки.

— Что это с ним случилось? — с беспокойством спросил он. — У него же на ляжке совсем нет шерсти!

— Это я выстриг, — объяснил я ему. — Так было надо, потому что кто-то ранил его стрелой из лука.

Конечно, мое объяснение грешило некоторой неточностью, но зато было достаточно простым для Хайрама и исключало дополнительные вопросы. Он же наверняка слышал о луках и стрелах: большинство мальчишек городка и сейчас ими балуется!

— Он что, опасно ранен?

— Да нет, не думаю, просто ему больно.

Хайрам обвил рукой шею Баузера.

— Это нехорошо, — расстроено объявил он. — Шляться вокруг без дела и подстреливать собак. Никто не имеет права стрелять в собаку!

Баузер, великолепно уловив сочувствие, слабо застучал по полу хвостом и лизнул Хайрама в лицо.

— Особенно в Баузера, — не унимался Хайрам. — Нет лучше собаки, чем Баузер!

— Не выпьешь ли кофе, Хайрам?

— Нет, нет, вы продолжайте завтракать. Я только посижу здесь с Баузером.

— Может, жарить тебе яичницу?

— Нет, мистер Стил, благодарю вас. Я уже поел. Побывал у преподобного Джекобсона, он накормил меня булочками и колбасой.

— Ну, как знаешь, — сказал я. — Ты оставайся с Баузером, а мы с мисс Эллиот прогуляемся. Покажу ей окрестности.

Когда мы удалились от дома на расстояние ярда и он уже не мог нас услышать, я сказал:

— Хайрам совершенно безобиден, чуточку не в себе, но это ничего. Город его опекает. Куда ни заглянет, везде его прикармливают. Ему живется не так уж и плохо, поверь!

— А жилье у него есть?

— А как же, хижина внизу у реки. Но он редко там бывает, все больше шатается вокруг, навещает друзей. Например, Баузера. Он с ним в великой дружбе.

— Да уж, это заметно, — ввернула Райла.

— Он уверяет, что они с Баузером «беседуют». Хайрам что-то рассказывает псу, а тот — ему. Но он беседует не только с Баузером. Ведет дружбу со всеми животными и птицами. Хайрам может, сидя во дворе, разговаривать с глупенькой, косящей глазом синичкой, и та никогда не улетает, а словно слушает его, склонив головку набок. Ей-богу, мне иногда верится, что она его понимает! Он еще навещает лес к кроликам, белкам, наносит визиты суркам и бурундукам. Он ходатайствует о сурках перед Баузером, убеждает того оставить их в покое. Говорит, что, если Баузер не будет их пугать, они вылезут наружу и начнут с ним играть...

— Он немножко с придурью, правда?

— Вне всякого сомнения. Но ведь в мире масса людей, подобных ему. И не только в глухомани...

— Это прозвучало так, словно ты совсем не прочь к ним присоединиться?

— Да нет, просто я их не чураюсь. От них не исходит никакого зла, а, скорее, наоборот. Это простые души.

— Ты знаешь, Баузер чем-то похож на него.

— Не знаю, похож ли, но Баузер его просто обожает!

— Так ты сказал, — переменяла тему Райла, — что у тебя здесь сорок акров? И на что человеку с твоим характером сорок акров?

— О Господи, да ты только погляди вокруг! — ответил я. — И ты поймешь. Послушай птиц. Полюбуйся на тот яблоневый сад наверху. Деревья сплошь усыпаны цветами. Правда, надо бы их привить или опылить, а то плоды стали маленькими и кисловатыми. И родится их

совсем немного. Следовало бы этим заняться. Ведь у меня тут есть редкие сорта. Одна старая яблоня из породы «снежных», парочка «коричных»... Если ты не попробуешь коричневого яблока, ты не будешь знать, что такое вкус яблок вообще!

Она рассмеялась.

— Ну, Эйза, ты меня дурачишь, как всегда это делал раньше. Разыгрываешь в твоей особой, прелестной манере. Неужели ты думаешь, что я поверю: ты окопался здесь из-за пения птиц или забытых сортов яблок, которые тебе и привить-то неохота? Может, эти чудеса и играют свою роль, но тебя сюда привело совсем-совсем другое! Вчера вечером ты мне намекнул на какую-то гораздо более глубокую причину, и я была бы совсем не прочь ее узнать!

Я взял ее за руку.

— Пойдем, — сказал я. — Я покажу тебе кое-что.

Дорога вела мимо обветшавшего сарая с покоробленной провисшей дверью, пересекала угол фруктового сада с тощими деревьями и шла дальше, вдоль давно не возделывавшегося поля, сплошь заросшего сорняками и окаймленного лесом. Она обрывалась у самого края поля довольно крутым уклоном.

— Вот, — сказал я. — Воронка. Или что-то очень похожее.

— Ты, кажется, производил здесь раскопки? — спросила она, разглядывая траншеи, из которых я выгреб грунт.

— Именно, — кивнул я. — Местные жители даже считают меня из-за этого чуть чокнутым. Раньше они думали, что я ищу клад, и это их вполне устраивало, но когда никакого клада не оказалось, а я все продолжал копать, то иначе как дуростью они это объяснить не могут.

— Да ну, вряд ли их это особенно могло занять, — отмахнулась Райла. — Да и вряд ли это воронка? А ну выкладывай, что это такое?

Я вздохнул.

— Ну, слушай. Мне кажется, что это кратер, возникший на месте аварии звездолета, произошедшей бог знает когда. Здесь попадают кусочки металла, к сожалению, не такие уж крупные, чтобы внятно поведать о чем-нибудь, но все же расплавленные и спекшиеся. Этот корабль, или аппарат, как хочешь его назови,

врезался в землю не как метеорит и не на слишком большой скорости, а, скорее всего, при посадке. Следов плазменной реакции здесь нет, но он был достаточно крупным, чтобы взрыть такую яму и уйти глубоко под землю. Я уверен, что его основная масса лежит на приличной глубине...

— А когда ты бывал здесь раньше, в детстве, эта яма уже существовала?

— В том-то и дело, что да. Правда, здесь кругом все изрыто минеральными карьерами, поскольку больше ста лет назад повсюду шныряли старатели и изыскатели в надежде на какие-то полезные ископаемые. Везде тогда бурились отверстия для определения возможных залежей. А потом все это было заброшено, но любая яма могла сойти за минеральный карьер. Мои приятели и я сам тоже считали эту воронку бывшим карьером и сами из любопытства тут копались. Старый хозяин фермы забавлялся этим и прозвал нас «рудокопами». Вот тогда-то мы и наткнулись на кусочки металла, но поскольку ничего ценного в них не обнаружили, то, в конце концов, потеряли к этой яме интерес. Зато впоследствии, мысленно возвращаясь к нашим находкам, я пришел к выводу, что это могли быть осколки космического аппарата. Ну вот, так я сгоряча и купил эту ферму. Но, по правде, несколько об этом не жалею. Мне понравилось торчать здесь целыми месяцами...

— По-моему, это прекрасно! — сказала Райла.

Я удивленно уставился на нее.

— Неужели ты это всерьез?

— Да, всерьез. Мне понравилась твоя идея о звездолете.

— Но ведь ничего категорически утверждать нельзя!

Она встала на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

— А это и не важно, — ответила она. — Мне нравится, что ты еще способен мечтать и даже уверить себя в такой возможности!

— А ты-то сама, трезвомыслящая деловая женщина, что об этом можешь сказать?

— Быть деловой женщиной значит суметь выжить, только и всего! В глубине души я остаюсь археологом, а стало быть, таким же романтиком, как ты!

— А знаешь, — сообщил я, — ведь мне очень хотелось поделиться с тобой этим, но я колебался, боясь,

что ты в глубине души считаешь меня легковесным прожектором...

— Ну а какие у тебя все же аргументы в пользу этой версии?

— Да все те же спекшиеся кусочки металла. Они из какого-то неведомого сплава, я отсылал их в университет на экспертизу. Правда, сказал им, что нашел где-то случайно, и изобразил крайнее удивление, когда они проявили интерес. Мне совершенно не хотелось, чтобы они начали трубить об этой находке. Она пока что только моя. И так как никакой информации они не получили, то и толков никаких не возникло. Так вот эти кусочки все же свидетельствуют о том, что они когда-то принадлежали некоей конструкции. Это тяжелый и исключительно твердый сплав с ужасающей прочностью на растяжение. Никакого следа ржавчины или царапин. И все же мне необходимы еще какие-то доказательства, иначе меня может занести в заоблачные дали... Я ведь иногда этим грешу.

— Эйза, перестань, никуда тебя не занесет. Твою гипотезу трудно переварить, хотя кое-что и говорит в ее пользу!

— Ну тогда, — продолжал я, — послушай-ка еще кое о чем. Правда, тут уж вовсе нет научных свидетельств. Если не считать таковыми свидетельство моих собственных глаз и мои ощущения... Я обнаружил здесь некое странное соседство. Лучше было бы его тебе описать, но по существу ничего реального я ведь и не видел! Хотя я несомненно ощущал на себе чей-то взгляд, замечал какие-то промельки, иногда достаточно выраженные очертания, ясно осознавал чье-то присутствие. И, хотя никаких научно обоснованных реалий я привести не могу, я уверен, что *оно* существует! Иногда нависает над садом, но не остается там подолгу. И похоже, что само за чем-то наблюдает!

— А кто-нибудь еще видел это явление?

— Как будто бы да. Здешние жители периодически говорят о какой-то «пуме», боятся ее, хотя откуда здесь пума, ума не приложу! В здешних сельских общинах всегда излюбленными были байки о медведе и пуме. В них есть что-то атавистическое, но ведь они продолжают занимать людей, эти страхи!

— Но... может, тут и вправду есть какие-либо крупные кошки, рыси, например?

— Сомневаюсь. Их уже с полвека никто здесь в лесах не замечал. Но я полагаю, что то существо иногда может принимать очертания крупной кошки. И есть один человек, который знает об этом больше других. Он являет собой нечто среднее между Дэйвидом Торо и Дэниелом Бун^{*}. Живет большую часть своих дней в лесу.

— И что же он говорит по этому поводу?

— Мы с ним толковали. Он, как и я, не сомневается в наличии такого существа, но тоже не ведает, что же это такое...

— Но ты полагаешь, что между твоим звездолетом и тем существом имеется связь?

— Искушение так думать очень велико, хотя и может показаться, что версия чуточку притянута за уши. А заключается она в том, что речь идет о внеземном существе, спасшемся при аварии звездолета. Стало быть, оно живет невысказанно долго. Но, с другой стороны, если это была авария, то кто смог бы уцелеть?..

— Мне захотелось взглянуть на те металлические кусочки.

— Нет проблем. Они в сарае. Посмотришь, когда вернемся домой.

^{*} Генри Дэйвид Торо — американский писатель и философ XIX века, проповедовавший идеи единения человека с природой. Бун — легендарный отшельник, персонаж преданий.

Глава 4

Хайрам устроился на одном из шезлонгов во дворе, а Баузер растянулся возле него. Знакомая синичка все так же независимо скакала в нескольких шагах, весело и даже вызывающе оглядывая нас, непрошенных гостей, вторгшихся на ее территорию.

Хайрам доложил:

— Баузер сказал, что не хочет оставаться в доме, вот я его и вывел сюда.

— Небось использовал тебя в качестве носильщика? Сам-то он вряд ли доковылял бы! — сказал я, глядя на собаку.

Баузер виновато забил хвостом.

— Синичка ему тоже посочувствовала, — сообщил Хайрам. — Вы можете идти по своим делам, мистер Стил. Я присмотрю за Баузером, пока он не выздоровеет. Буду при нем и день и ночь, если понадобится. А если он сам чего захочет, то и скажет мне.

— Ну и прекрасно, выхаживай его, — согласился я. — А у нас есть чем заняться!

...Я не без труда открыл провисшую дверь сарая. Не раз обещал сам себе ее починить, это потребовало бы пары часов работы, но было все как-то недосут, а вернее всего, лень.

Сарай изнутри весь пропах конским навозом, давним, слежавшимся. В углу был свален всякий случайный хлам, но основное пространство занимали два длинных

стола, которые соорудил я сам из досок и козел. На них были разложены все кусочки металла, выуженные мной из той ямы, а еще две полые яркие полусферы из какого-то неведомого металла. Я их нашел в сарае, когда прибирал хлам, брошенный бывшими владельцами фермы.

Райла подошла к одному из столов и взяла в руки зазубренный кусок металла. Она разглядывала его так и эдак, поворачивая в ладонях.

— Да, в точности, как ты сказал. Совсем нет ржавчины. Лишь небольшая побегалость и изменение цвета. Но ведь в нем, по-видимому, содержится и железо, не так ли?

— И достаточно много, — ответил я. — По крайней мере, так утверждали сотрудники университета...

— Не всякий железистый сплав должен ржаветь, — задумчиво проговорила она. — Некоторые из них выдерживают довольно долго, но в конце концов хоть немного ржавчины на них появляется, когда с ними соприкасается кислород.

— А ведь прошло более ста лет, — согласился я. — Возможно, даже и намного больше. Виллоу Бенд отметил свое столетие всего несколько лет назад, а воронка существовала наверняка еще до основания города. Она намного старше его. Ведь на дне ямы лежит слой грунта глубиной в несколько футов. Для образования такого слоя требуется изрядное время. Много лет должно пройти, пока опавшие листья станут перегноем толщиной хотя бы в один фут!

— А ты не пытался приладить эти кусочки друг к другу?

— Ну как же, пытался, только из этого мало что вышло. Друг к другу более или менее подходят очень немногие из них.

— Так что же ты собираешься предпринять дальше?

— А не знаю, возможно, что и ничего! Знаю лишь, что буду пока держать факт этих раскопок в тайне. Ты единственная душа, которой я поведал обо всем. Скажи я такое кому-нибудь еще, меня бы подняли на смех. Или нашлись бы эксперты, которые всему придумывают весьма прозаическое объяснение...

— Я тоже так считаю, — согласилась Райла. — Но, поскольку у тебя появилась такая необыкновенная возможность убедиться в наличии разумной жизни в кос-

мосе и в том, что Землю посетили инопланетяне, можно было бы и не обращать внимания на насмешки или превратные толкования!

— Но разве ты не понимаешь, — возразил я, — что любые торопливые умозаключения могут ужасно навредить, если вовсе не погубят дело? У человеческой расы ведь имеется странное инстинктивное предубеждение против идеи, что она не одинока во Вселенной. И вероятно это прямое следствие нашей боязни заглянуть в глубь собственной сущности. А может, мы боимся, что иной внепланетный разум способен заставить нас почувствовать свою второсортность, неполноценность? Мы частенько сетуем на то, что одиноки в космосе, но это не более чем поза, риторическая фигура...

— И тем не менее, — философски заметила Райла, — рано или поздно люди с этим столкнутся. Так не лучше ли поразмыслить над имеющимися фактами пораньше? Ведь это позволило бы освоиться с мыслью об инопланетном разуме к тому времени, когда встреча станет реальностью...

— Многие с тобой согласились бы, — ответил я, — но только не безликая толпа, именуемая «публикой». Мы поодиночке можем быть мыслящими существами, способными к абстрагированию, но стоит нам оказаться частицею «массы», как мы становимся безмозглыми животными!

Райла прошла вдоль стола и остановилась около ярко блестящих двух полусфер. Она коснулась пальцем одной из них.

— А эти, что же, тоже из раскопок?

— Нет, не оттуда. Не знаю, откуда они и взялись. Вместе они составляют совершенный шар. Толщина оболочки — один дюйм. Металл тоже исключительно тверд. Я хотел было отослать одну из них вместе с кусочками металла в университет, но передумал. Я ведь не уверен, что они имеют отношение к моей тайне, ибо нашел их здесь, в сарае, когда расчищал место для установки столов. Они лежали под здоровой кучей мусора, рваными сбруями, деревьяшками, тряпьем и прочим хламом...

Райла приложила полусферы друг к другу и провела ладонью по линии их соприкосновения.

— Полностью совпадают, — отметила она, — но странно, нет ни скреп, ни даже следов от крепления.

Полый шар, аккуратно разъятый на две половинки... У тебя-то есть на этот счет соображения?

— Вот уж ни малейших!

— А ведь объяснение может быть совершенно простым и вполне земным!

Я посмотрел на часы.

— В самом деле, давай вернемся к земным проблемам. Не пора ли подумать о ленче? — спросил я. — В двадцати милях отсюда вверх по дороге есть не такое уж плохое местечко.

— Но мы могли бы поесть и дома. Я бы приготовила что-нибудь!

— Ни в коем случае, — отрезал я. — Я хочу повести тебя куда-нибудь. Ты отдаешь себе отчет в том, что я никогда не водил тебя ни в один ресторан?

Глава 5

«Манхэттен» был совсем недурен. Я подумал, что это первый цивилизованный напиток, который я употреблял за несколько последних месяцев. Я ведь стал уже совсем забывать, каков вкус у приличных коктейлей. Я поведал об этом Райле.

— Дома я пробавляюсь пивом или тяну помой вроде скотча с двумя кубиками льда.

— Ты и впрямь совсем врос в свою ферму! — заметила она.

— Ты права. Но я совсем об этом не жалею. Должно быть, за всю жизнь я впервые удачно вложил деньги, купив ее. Ферма дала мне год интересных размышлений и ощущение полного покоя. У меня ни того ни другого не было раньше никогда. Да и Баузеру это место понравилось.

— Господи, как трогательно ты заботишься о духовной жизни Баузера!

— Мы же с ним большие друзья. И оба терпеть не можем возвращаться к старой рутине...

— Но по-моему, ты сказал, что и не вернешься? Что по окончании отпуска подашь в отставку?

— Говорил, говорил... Я ведь всегда жажду подать в отставку. Но, увы, это всего лишь мечты... У меня же нет особого выбора. И как бы мне ни претила мысль о возвращении в университет, я все равно буду вынужден это сделать. Я, конечно, не нищий, но и не настолько

обеспечен, чтобы бросаться постоянным гарантированным заработком...

— Ох, но как же ты должен ненавидеть эту работу во имя куска хлеба насущного, — сказала она. — И особенно из-за невозможности продолжить твои раскопки!

— Раскопки могут и подождать. Им ведь не остается ничего другого!..

— Но, Эйза, это же недостойно тебя! Ты не должен так говорить...

— Может, и недостойно, но ведь ждали же они столько веков, могут еще малость потерпеть. И я ведь каждое лето буду сюда приезжать!

— Поразительно, — резюмировала Райла, — каким терпением обладают археологи! Должно быть, это профессиональная особенность. Они имеют дело со столь древними событиями, что время для них теряет всякий смысл.

— Говоришь так, словно сама никогда не была археологом!

— Да ну, я-то, конечно, и не была по-настоящему. Что у меня на счету? То лето с тобой в Турции, потом еще парочка никому не нужных раскопок в Огайо на летней стоянке индейцев. И потом около года в университете Чикаго, целиком убитого на составление каталогов. После такой практики не составило труда прийти к заключению, что это занятие не по мне!

— Вот тогда ты и переключилась на свою торговлю антиквариатом?

— Вначале завела небольшой магазинчик в верхней части Нью-Йорка, — кивнула она. — Но мне повезло, я попала в струю. Как раз в это время очень оживились коллекционеры, и дело начало крепнуть. Но в связи с ростом интереса к антикварным изделиям такие лавчонки стали появляться как грибы. И тут я сообразила, что гораздо выгоднее быть поставщиком. Пришлось пустить в ход все мои сбережения, влезть в долги, но новое дело запустить все же удалось. Поработать пришлось, засучив рукава, зато и удовольствие я от своих трудов получала немалое. Ассортимент моих покупок и продаж заметно расширился, это, наверное, с точки зрения моих бывших коллег, нарушало «чистоту жанра», но было вполне результативным, тем более что мне не терпелось поскорее добиться приличных прибылей!

— А ведь ты вчера тоже мне сказала, что хочешь выйти из бизнеса? Вроде бы продать дело?

— Да, хочу. У меня есть партнер, который мечтает откупить мою долю и готов заплатить за нее больше, чем она даже стоит. Он питает иллюзии насчет перспектив, но я-то знаю, что дело продержится не более трех лет...

— Насколько я понимаю, тебе все же будет остро не доставать активности, ты же так любишь бизнес!

Она пожала плечами:

— Ты прав. В бизнесе есть жестокость и атмосфера игры. Вот что меня в нем привлекает!

— Ну, ну, ну! Уж и жестокость! Это ты, что ли, жестокая?

— Это касается только бизнеса. Он выявляет мои худшие черты...

Мы разделились с напитками и официант принес нам закуски.

— Еще по одному коктейлю? — спросил я.

Она покачала головой:

— Я себя ограничиваю. За ленчем — только одну порцию спиртного. Установила для себя такое правило много лет назад. На деловых ленчах и разных приемах обычно пьют так много, что невольно можешь и перебрать. Но я-то знаю, что может сделать с человеком лишний коктейль. Ну а ты, если хочешь, возьми себе еще!

— Ну нет, я как ты. А когда мы закончим наш ленч, если не возражаешь, поедem повидать местного «Дэниела Буна».

— Что ж, чудесно! Но вдруг мы там задержимся? Как же быть тогда с Баузером?

— О, Хайрам ведь сказал, что позаботится о нем! Ты же сама слышала? Он побудет с Баузером, пока мы вернемся. В холодильнике есть мясо, в курятнике яйца. Он поделит мясо с Баузером, а потом посоветуется с ним, не пора ли идти в курятник за яйцами. Баузер спросит, который час, Хайрам ответит. Баузер заявит, что пора, и Хайрам пойдет собирать яйца...

— О Господи, ну и фантазии же насчет этих разговоров с Баузером! Может, ты и сам полагаешь, что они беседуют, или вы оба валяете дурака? Интересно, Хайрам искренне думает, что может разговаривать с животными?

— А кто его знает, — ответил я. — Скорее всего, он именно так и думает. Впрочем, какая разница? Ведь никогда не можешь точно сказать, что понимают животные? Нельзя же отрицать, что они наделены индивидуальностями? И что с ними можно строить отношения? Вот когда Баузер раскапывает сурочки норки, а я выхожу и вытягиваю его оттуда, облепленного грязью, он ни за что не желает идти домой. Он же совершенно бывает заморожен этим сурком! И тут я хватаю его за хвост и говорю: «ПШЛИ ДОМОЙ, БАУЗЕР». Ты не поверишь: он после этого покорно плетется за мной! Но делает это только тогда, когда я его хватаю за хвост и говорю именно эти слова. Иначе он ни за что не пойдет! Ну и суди сама, что же это такое?

Райла расхохоталась.

— Боже! И Хайрам, и твой Баузер, и ты сам, все — чокнутые!

— Разумеется, чокнутые! К тому же, если годами общаешься с собакой...

— А про кур ты забыл? Я их заметила. А может, у тебя есть и свинки, и лошадки, а еще... и пумы?

— Чего нет, того нет! Только куры. Из-за яиц и иногда гриля. Подумывал о покупке коровы, но слишком много возни...

— Эйза, мне хочется поговорить с тобой о деле. Ты сказал, что не желаешь вмешательства университетской публики в твои раскопки. По-моему, ты вполне этого добился. Ну а что, если в это вмешаюсь я?..

Я как раз собирался поднести ко рту вилку с салатом, но мне пришлось вернуть ее на тарелку. В словах Райлы мне почудилась какая-то угроза. Они меня насторожили.

— Вмещаешься? — повторил я. — Что ты подразумеваешь под этим?

— Позволь мне принять участие в твоей работе.

— Стоит ли спрашивать об этом? — ответил я. — Разумеется, ты можешь участвовать. Раз я тебе рассказал, значит, ты уже причастна к моим делам!

— Я говорю не только о твоей тайне и не прошу разделить со мной это открытие в качестве подарка. Я говорю о партнерстве. Тебе нельзя прерывать свои исследования, и я хочу помочь тебе тем, что нужно для их продолжения...

Я довольно резко прервал ее:

— Нет! Не продолжай. Я не могу этого принять! Ты предлагаешь мне финансирование, но я не желаю его!

— Ты говоришь это так, словно я предложила тебе нечто постыдное! — обиженно сказала она. — Не беспокойся, я не посягаю на твою независимость, не мечтаю тебя поработить... Просто я в тебя верю, и мне больно, что ты вынужден...

— Большой бизнес предлагает взять шефство над несостоятельным, — огрызнулся я. — К черту все это, Райла. Я не хочу никакого спонсорства.

— Очень жаль, что ты так это воспринял. А я надеялась на понимание!

— Да Господь с ним, этим пониманием. Тебе надо бы знать меня получше. А ведь до сих пор все шло так прекрасно...

— Эйза, ты тоже должен был бы меня знать. Вспомни, как мы расстались. Какую ужасную размолвку перенесли! Она отняла у нас двадцать лет жизни. Не сделай так, чтобы она повторилась...

— Размолвку? Что-то не припоминаю никакой размолвки...

— Ну так, значит, я одна и пережила все, что тогда произошло. Ты смылся с двумя типами на попойку, начисто забыв обо мне. Потом пытался что-то объяснить, попросить прощения, говорил, что сожалеешь. Но я не захотела тебя слушать. Это случилось в день окончания раскопок, и у меня не оставалось времени, чтобы остыть и простить тебе обиду. Но мы не можем себе позволить поссориться сейчас. По крайней мере, я этого не хочу. А ты?

— Нет, — отозвался я. — Совсем не хочу. Но я не могу взять у тебя деньги. Мне совершенно не важно, насколько ты состоятельна и как малы будут твои расходы...

— Вовсе не так уж я состоятельна, — отмахнулась она. — Ну хорошо. Давай забудем об этом разговоре, ладно? Я жалею, что завела его. И можно ли мне после этого еще немного побыть у тебя?

— Так долго, как только пожелаешь, — ответил я. — И навсегда, если тебе захочется.

— А как же твои друзья и соседи, что они скажут?

— Боюсь, ты права, здесь начнутся пересуды. В местечке, подобном Виллоу Бенду, такая тема будет лакомой. Ну и что?

— Не вижу, чтобы тебя это особенно волновало.

— А почему это должно меня волновать? Я для них все тот же подросток-сорвиголова Стил, который вернулся в родной городишко неизвестно зачем. Они совсем не в восторге от меня и судачат даже вовсе без повода. Просто остро ощущают свою провинциальность, вот и все! А уж забивать себе голову их мнением было бы непростительной роскошью...

— Ну уж я-то и не собираюсь ничем таким забивать себе голову. Просто мне подумалось, а вдруг тебе понадобилось бы представлять меня им? Достаточно ли респектабельной я им покажусь?

— Ну вот уж проблема, которая меня никогда не займет! — ответил я.

Глава 6

— Так вы хотите знать про енота, который вовсе не енот? — спросил Райлу Эзра Хопкинс. — Я потратил бог знает сколько времени, чтобы догадаться, что это вовсе не енот!

— Вы уверены, что это не енот?

— Мисс, я уверен в этом. Но беда в том, что я не знаю, что же это такое? Если бы старина Рэнджер только мог говорить, он, наверное, рассказал бы вам побольше моего.

Он потянул за ухо поджарого охотничьего пса, лежащего возле его стула. Рэнджер лениво мигнул. Ему явно нравилось, когда его трепали за уши.

— Мы бы могли как-нибудь зазвать сюда Хайрама, — сказал я. — Он бы поговорил с Рэнджером. Хайрам уверяет, что может толковать с Баузером. Он с ним все время беседует.

— Ну ладно, — отмахнулся Эзра. — Мне неохота спорить об этом. Когда-то я это делал, но перестал.

— Давайте оставим в покое Хайрама и Баузера, — попросила Райла. — Пожалуйста, продолжим разговор о еноте.

— Я обошел эти горы вдоль и поперек и когда был мальчишкой, и когда повзрослел, — сказал Эзра. — Больше пятидесяти лет я тут брожу. Кое-что изменилось, но не так чтобы очень. Эта местность не слишком подходит для фермерского дела. Она вся в рытвинах и

обрывах. Когда-то здесь пасли скот, но и он не очень-то любит забредать сюда. Время от времени здесь пытались заняться лесозаготовками, но и это не получалось, так как на вывоз древесины приходилось выбрасывать уйму денег. Прекратился и этот промысел. Поэтому здешние горы остались моими владениями. Со всем, чем они богаты. По закону мне принадлежат лишь несколько акров бросовой земли, на которой стоит моя лачуга, но, по сути дела, я владею всем, что имеется окрест.

— Вы любите горы, — отметила Райла.

— Ну да, это так. Любовь приходит через знание, а я эти горы знаю. Я мог бы показать вам вещи, о которых вы и не помышляли. Я знаю место, где еще есть розовые «дамские башмачки», дикорастущие цветы. Вот желтые — это уже выведенные специально, но розовые в неволе никогда не растут. Попробуйте пустить стадо коров туда, где растут розовые, и через два сезона они исчезнут совсем. Попробуйте нарвать охапку розовых «башмачков», и они больше не вырастут! Люди думают: их больше не найти в горах, но я знаю местечки, мисс, где они еще попадают. Я никому их не показываю и сам никогда не рву. Я не хожу через эти полянки, а просто останавливаюсь в сторонке, гляжу на цветы, жалею. В общем — даю им жить.

А еще я знаю, где логово самки-лисы. Оно в укромном месте. Она вырастила уже шесть выводков. Когда лисята подрастают, они вылезают наружу и резвятся возле норы: играют, борются, валяются наземь, покусывают друг друга. Забавные неуклюжие малыши.

У меня есть место, откуда я их могу наблюдать. Я думаю, старая лисица чувствует, что я там сижу, но не подает вида. За все эти годы она убедилась, что от меня ей вреда не бывает.

Хижина прилепилась к подножью горы прямо над потоком, который несся, рокоча в своем жестком ложе. Деревья теснились вокруг домика, а выше виднелась обнаженная каменистая земля горного склона. У стульев, на которых мы сидели перед хижинкой, были подпилены задние ножки. Это позволяло выровнять их сиденья, скомпенсировав покатость почвы. На скамейке возле открытой двери стояли бадья с водой и умывальный таз. У одной из стен высилась поленница. Из трубы домика неторопливо вился дымок.

— Мне удобно здесь жить, — сказал Эзра. — Когда не хочешь многого, жить становится легко. Люди там, в городе, скажут вам, что я мало на что гожусь, да и сам я так думаю, но вопрос в том, чем измерить эту «пригодность»? Они говорят, что я попиваю, и это тоже истинная правда. Раз два в году я напиваюсь, но никогда не причиняю вреда никому. Да вряд ли кому-то пришло бы в голову, что я на это способен. Я ни разу никому не солгал. У меня есть один большой недостаток: я слишком много говорю. Но это потому, что я редко с кем вижусь. Вот людям и кажется, что я не могу молчать. Но довольно об этом. Вы же хотите услышать о дружке Рэнджера?

— Эйза не сказал мне, что это существо — приятель Рэнджера!

— О, они в самом деле приятели.

— Но вы же с Рэнджером охотились за ним?

— Да, когда-то, может, и охотились, но ничего из этого не получилось. Я смолоду был рьяным охотником, да и силки ставил. А теперь уже много лет ничего такого не делаю. Повесил на стену свои ловушки и устыдился, что когда-то их использовал. Иногда еще бью белок, кроликов или тетеревов для еды. Если и охочусь, то только как индеец: чтобы наполнить мясом котелок. Но бывают моменты, когда я даже этого не делаю. Рука не поднимается. Думаю, что как существо плотоядное имею право на охоту. По крайней мере, сам себе так говорю. Но у меня нет права на убийство просто так, без разумного основания. На убийство моих лесных братьев. Из всех видов охоты мне больше всего нравится охота на енота. Вы когда-нибудь испытали это?

— Нет, никогда, — ответила Райла. — Я вообще никогда не охотилась.

— Охотиться на енота надо осенью. Собака травит его до тех пор, пока енот не взберется на дерево, а уж тогда вы можете его подстрелить. Убивают в основном из-за меха, но бывает — из спортивного интереса. Конечно, если называть убийство спортом! Хотя когда мне удавалось подстрелить енота, то я использовал не только шкуру, но и мясо. Некоторые полагают, что мясо енота не годится в пищу, но я вам скажу — они неправы.

Да дело не только в самой охоте. Это еще шорохи осенней ночи, острая свежесть воздуха, запах палой листвы, ощущение единения с природой... Да еще и

азарт охоты! Если только такую дрожь можно назвать азартом охоты. — Он помолчал. — Прошло довольно много времени с той ночи, когда я в последний раз убил енота. Рэнджер тогда был еще щенком. Но я бросил не охоту, я бросил убийство. Рэнджер выходил ночью, поднимал енота и загонял его на дерево. И я, охотник, наводил на него ружье, но никогда не нажимал на курок. Это была охота без единого выстрела. Вначале Рэнджер меня не понимал. Я было думал, что нарушу его психику, если не буду стрелять. Но он все понял. Собаки многое могут понять, если вы с ними терпеливы.

Так мы и охотились не убивая, Рэнджер и я. Но однажды я вдруг заприметил одного енота, который сам вовлек нас в погоню, не так, как другие. Он знал все охотничьи уловки, и много ночей Рэнджеру не удавалось загнать его на дерево. Сколько же мы за ним гонялись! Мне уже стало казаться, что погоня нравится еноту так же, как и нам. Этот старый самец был не глупее нас, а может, даже умнее. Он играл с нами так же, как мы с ним, и все время смеялся над нами. Вы не можете не оценить достойного соперника, не так ли? Но в то же время я стал немного злиться на него. Он был слишком хорош и дурачил нас всюю. Поэтому, не в силу какого-то обдуманного решения, а шаг за шагом я вдруг стал ощущать, что в отношении именно этого енота я больше не желаю придерживаться своего правила не убивать. Если бы Рэнджер смог загнать его на дерево, я бы убил его и тем разрешил проблему: кто же умнее, он или мы?.. Понимаете ли, охота на енотов — дело осеннее, но на этого енота правила уже не распространялись. Мы гоняли его по многу раз и в другие месяцы года. Рэнджер носился за ним и один. Эта игра становилась бесконечной. Игра между Рэнджером и енотом, да и мною тоже, когда я включался в погоню, невзирая на сезон.

— Но как вы могли знать, не видя его, что это енот? — спросила Райла. — Рэнджер ведь мог гоняться за кем угодно: за лисой, за волком...

Эзра твердо возразил:

— Рэнджер никогда ни за кем, кроме енота, не гонится. Он — охотник на енотов и происходит из династии таких собак.

Я сказал Райле:

— Эзра прав. Собака для енотов — это собака для енотов. И если она погонится за кроликом или лисой, она потеряет свою выучку.

— Итак, вы никогда не видели того енота, — сказала Райла, — и так и не смогли его убить?

— Да нет же, мне удалось! Я имею в виду — удалось его увидеть. Это случилось однажды ночью несколько лет назад. Рэнджер поднял его до рассвета, часа в четыре или около того, и я наконец различил его очертания на фоне неба. Он распластался на ветке у вершины дерева, стараясь выглядеть плоским и рассчитывая, что я его не замечу. Я поднял ружье, но так запыхался от погони, что не мог толком прицелиться. Дуло ружья все описывало и описывало круги. Тогда я опустил его и подождал, пока дыхание мое выровняется, а он все лежал, распластавшись вдоль ветки. Он должен был меня чутать, хотя я не шевелился. Затем наконец я поднял ружье и точно прицелился. Я положил палец на спусковой крючок, но так и не выстрелил. Прошла, должно быть, минута, пока я держал енота на прицеле. И я готов был нажать на курок, но все не решался. Не знаю, что на меня нашло. Глядя из сегодняшнего дня, я думаю, что вспомнил тогда ночные погони и понял, что они не повторятся никогда, если я сейчас выстрелю. И вместо достойного соперника я получу лишь покрытое мехом тело, и никто из нас более не насладится игрой. Не гарантирую, что именно так подумал, но я бросил свое ружье наземь. И в этот миг енот на дереве повернул голову и посмотрел мне в глаза... — Снова наступила пауза. Эзра продолжил: — И вот что интересно. Дерево-то было высокое, а енот находился у самой вершины. Близился восход, небо начало светлеть. Но енот был достаточно далеко от меня и все же была еще ночь. Вряд ли я смог бы четко различить морду любого другого енота. Но, когда этот повернулся ко мне, я увидел, что у него вовсе не морда енота! Это была скорее кошачья морда. У него были усы, как у кота, и даже на таком расстоянии я сумел ясно разглядеть эти усы. Морда была крупной, круглой и абсолютно спокойной. Трудно подобрать подходящее определение. Глаза у него были большие, немигающие, похожие на совиные. Я, наверное, должен был со страху выпрыгнуть из собственных штанов. Но я остался стоять на месте, прикованный к этому «кошачьему

лику», конечно, пораженный. Я понял наконец, не называя это словами и не додумывая до конца, что тварь, которую мы гоняли, вовсе не была енотом! И, когда я это понял, он вдруг усмехнулся. Не спрашивайте меня, как он усмехнулся. Я не увидел его зубов, это точно, но я знал, что он улыбается. У меня просто возникло ощущение этой улыбки. И это была не усмешка торжества надо мной и Рэнджером, нет, это была дружеская улыбка. Он как бы говорил: «Не правда ли, мы так долго и так чудесно развлекались?» Тогда я поднял с земли свое ружье и пошел домой, а Рэнджер потопал за мной.

— Кое-что здесь не совпадает, — сказала Райла. — Ведь, по вашим словам, Рэнджер — охотник на енотов и ни на кого больше, так ведь?

— Это и меня озадачило, — согласился Эзра. — Было время, когда я об этом много размышлял и сомневался. Но после этой самой ночи Рэнджер еще много раз гонялся за ним, и я ради забавы присоединялся к нему. Я еще не раз видел лик старого кота, этот лик, глядящий на меня из кустов или ветвей деревьев. И, когда он понимал, что я его вижу, он всегда мне улыбался. Улыбкой доброго друга... Вы ведь встречали его, Эйза?

— Несколько раз, — ответил я. — Он иногда зависает в моем фруктовом саду.

— И всегда это всего лишь лик, — подхватил Эзра. — Улыбающийся лик. Если там и есть туловище, то его невозможно различить. А иногда бывает и так, что это существо смотрит из куста на Рэнджера, а тот как сообщник стоит перед ним. Вы знаете, что я думаю?

— Что вы думаете? — спросила Райла.

— Я думаю, что Кошачий Лик предлагает Рэнджеру побегать. Он говорит: «Как насчет гонок сегодня ночью?» А Рэнджер отвечает: «О'кей!» Тогда Кошачий Лик спрашивает, как Рэнджер думает, пойдет ли Эзра с ними, а тот говорит: «Я с ним потолкую об этом!»

Райла весело рассмеялась.

— Как же это мило! — воскликнула она. — Как это мило и забавно!

Эзра кисло возразил:

— Для вас, может, и забавно. Но мне совсем не смешно. Для меня это реальность. И она кажется вполне логичной.

— Но что же это за явление? Есть ли у вас какие-либо мысли на этот счет?

— Конечно, я думал об этом. Но не знаю. Я говорил себе: может, это нечто, уцелевшее от доисторического прошлого? Или привидение? Из тех же времен? Хотя оно не очень-то похоже на привидение. А вы об этом что скажете, Эйза?

— Иногда он еле виден, — сказал я. — И, можно сказать, кажется даже пушистым. Но ведь призрак не может быть пушистым, не так ли? Он совсем не похож на привидение.

— А почему бы вам не поужинать со мною? — предложил Эзра. — Мы могли бы посидеть и проговорить всю ночь напролет. Я не очень-то часто беседую с людьми, а мог бы порассказать целую кучу интересно-го. У меня на огне стоит большой котел, полный черепашого жаркого; его в пять раз больше, чем мы с Рэнджером способны съесть. Я поймал двух молодых черепашек в маленькой запруде неподалеку отсюда. У старых мясо жестковатое, но у молодых — так и тает во рту. Вы наверняка пробовали много разносолов, но, отведав моего жаркого, вы ничего другого не захотите!

Райла посмотрела на меня.

— Мы могли бы остаться?

Я покачал головой.

— Очень соблазнительно, но нам надо возвращаться. В двух милях отсюда мы припарковали машину, и мне не хотелось бы добираться до нее в темноте. Нам лучше тронуться сейчас, пока еще светло и можно различить тропу.

Глава 7

Сидя за рулем по дороге домой, Райла спросила:

— Почему ты не сказал мне про этот Кошачий Лик?

— Сам не знаю, — ответил я. — Ведь у меня еще нет ясного ответа на вопрос, что же это такое. Поэтому я боялся, что ты мне не поверишь.

— И ты решил, что я поверю Эзре?

— Ну и как, ты поверила?

— Пока не пойму: и да, и нет. Все это звучит как небылица, легенда из глухомани. А сам Эзра похож на отшельника-философа. Я и не представляла, что на свете есть такие люди.

— Их не так уж и много. Это всего лишь осколки уходящей породы. Когда я был ребенком, таких бы здесь набралось с пяток. А когда-то их было немало. Моя бабушка называла их «старой командой». Эти люди никогда не женились, норовили уйти подальше от общества и жить, как им заблагорассудится, полагаясь только на себя. И жили проще простого: готовили себе еду, стирали свою одежду, разводили маленькие огороды, держали для компании собаку или несколько кошек. Они зарабатывали на жизнь, нанимаясь к фермерам в рабочие сезоны, может быть, еще подрабатывая на лесозаготовках. Большинство из них ловило силками скунсов, мускусных крыс и других зверьков. Они старались жить вне долины, охотились, удили рыбу, соби-

рали съедобные растения. Жили, что называется, «из руки в рот», но это было им по душе, и они всегда выглядели довольными. И никаких забот, поскольку ни за кого не были в ответе. Они были бесхитростны и нерасчетливы. Когда им удавалось собрать немного денег, они все до цента тратили на выпивку, после чего возвращались в свои домишки, и потом, спустя несколько месяцев, им вновь удавалось наскрести денег на следующую выпивку. А когда они старились, слабели и уже были неспособны себя обслужить, их либо отправляли в приюты для бедных, либо кто-то из соседей брал их к себе и поручал им нетрудную домашнюю работу. А бывало, они умирали в своих лачугах и оставались там лежать неделями.

— Все это представляется мне малопривлекательным. Какое-то нарочитое одиночество, — отметила Райла.

— По меркам современного общества, да, — согласился я. — Но дело в том, что именно так жили первопроходцы. И сейчас, представь, кое-кто из молодежи вдруг стал увлекаться такими идеями. Они тоже призывают к уходу от общества. И не может же быть, что все они дураки, не правда ли?

— Эйза, ты сказал, что тоже видел то существо, о котором говорил Эзра. А еще ты упомянул о страхах, связанных с «пумой». Выходит, и другие тоже могли его видеть?

— Только этим я и объясняю все эти байки о пумах! Кое-кто наверняка видел нечто, смутно смахивающее на большую кошку.

— Но улыбающаяся пума!

— Когда люди видят пуму или что-либо похожее на нее, они вряд ли успевают различить еще и улыбку. Они просто пугаются. И улыбка в их восприятии становится оскалом, а то и рычанием.

— Не знаю, не знаю, — протянула Райла. — Все это так фантастично! Да еще эти твои раскопки. И Баузер, раненный фолсомским дротиком, и свежие косточки динозавра!

— Ты все ждешь объяснений, — сказал я. — Райла, я ничего не могу объяснить! У меня большое искушение связать все воедино, но я не могу быть уверен, что эти загадки имеют общую причину. Пока что я ни в

чем не уверен. И если ты решишь уйти, я не стану тебя осуждать. Вряд ли все эти открытия так уж приятны!

— Может, они не так уж и приятны, — отрезала Райла, — но они очень интригующие и очень важные! И если бы обо всех этих делах мне поведал кто-то еще, я бы подумала об уходе. Но я же знаю тебя, ты всегда был честен во всем, даже если тебе это грозило гибелью! Правда, все это меня немножко путает. У меня такое ощущение, что я стою на краю неизвестного, быть может, такой великой новой реальности, которая открывает нам новый взгляд на Вселенную!

Я рассмеялся, но смех мой вышел немного вымученным.

— А давай-ка не будем так уж всерьез принимать самих себя! — предложил я. — Давай будем двигаться последовательно. Так нам будет легче.

— Давай так и сделаем, — согласилась она, успокаиваясь. — Но я все думаю, как там дела у Баузера?..

Когда мы через несколько минут прибыли домой, выяснилось, что дела у Баузера идут вполне прилично. Хайрам расположился на заднем крыльце, а рядом, прижавшись к нему, растянулся Баузер. При виде нас он радостно завилял хвостом.

— Ну как он? — спросила Райла у Хайрама.

— Баузер о'кей, — ответил тот. — У меня и у него был неплохой денек. Мы сидели и смотрели на синичку, да еще о многом говорили. Я ухаживал за тем местом, куда попала стрела. Теперь, кажется, все в порядке. Кровь больше не течет, а рана начала затягиваться. Баузер — добрый пес. Он лежал тихо, пока я промывал рану. Даже не дергался. Понимал, что я ему помогаю.

— Ты нашел что поесть? — спросил я его.

— В холодильнике лежал кусок говядины, и мы с Баузером его поделили. Там еще немного оставалось, и я дал ему это на ужин, а себе поджарил яичницу. Мы с ним вместе собрали в курятнике яйца. Было всего одиннадцать. — Хайрам медленно поднялся и распрямился. — Раз вы уже здесь, — произнес он, — я, пожалуй, пойду домой. Вернусь утром проводить Баузера.

— Но если у тебя имеются другие дела, — сказал я ему, — то завтра можешь не приходить. Мы больше не отлучимся и сами присмотрим за ним.

— У меня есть чем заняться, — с достоинством ответил Хайрам. — Всегда можно найти, чем заняться, но я обещал Баузеру. Я сказал ему, что буду заботиться о нем, пока он совсем не поправится. — Он спустился по ступеням, дошел до угла дома, но вдруг приостановился. — Я забыл, — сказал он. — Я не запер курятник. Его надо закрыть. Тут много скунсов и лисиц.

— Ты иди, — успокоил я его. — Я сам запру кур.

Глава 8

И вновь шум разбудил меня, заставив вскочить с постели.

— Да что там опять такое? — сонно спросила Райла.

— Что-то происходит в курятнике.

Она протестующе повернулась ко мне.

— А что, бывают здесь спокойные ночи? Вчера вопил Баузер, теперь куры!

— Это, наверное, та проклятая лиса, — предположил я. — Она уже унесла трех кур. Мой курятник хуже решета.

Из ночной мглы доносилось кудахтанье перепутанных птиц.

Я пошарил ступнями под кроватью, нащупал шлепанцы и сунул в них ноги.

Райла села в кровати.

— Что ты собираешься делать?

— На этот раз я ее достану! — ответил я. — Не включай свет, ты ее спугнешь!

— Но ведь сейчас ночь, — сказала Райла. — Ты вряд ли сможешь увидеть лису.

— Сегодня полнолуние. Если она там, я увижу!

В чуланчике при кухне я нащупал двустволку и нашел коробку с патронами. Я загнал два из них в оба ствола. Баузер заскулил в своем углу.

— Ты останешься здесь, — приказал я ему. — И будешь лежать смирно! Не желаю, чтобы ты там болтался и спугнул лису!

— Будь осторожен, Эйза, — предупредила Райла, появившаяся в дверях гостиной.

— Не беспокойся. Все будет в порядке!

— Ты бы надел что-нибудь. Не стоит бегать по двору в шлепанцах и пижамных штанах!

— Сегодня тепло, — ответил я.

— Но там, наверное, выпала роса, и ты можешь промочить ноги.

— Да ладно, все будет в порядке, — возразил я. — Я не собираюсь быть там долго.

Ночь была почти по-дневному светлой. Прямо над моей головой сияла огромная золотая луна. В мягком лунном свете мой двор казался словно сошедшим с японской гравюры. В ночном воздухе густо благоухали гроздья сирени.

Отчаянное кудахтанье все еще не утихало. В углу у курятника рос большой куст махровых роз, и я прямо-ком направился к нему, стараясь ступать неслышно по мокрой, отяжелевшей от росы траве. Она была холодна, как и предупреждала Райла, но у меня почему-то возникло ощущение того, что лиса находится вовсе не в курятнике, а притаилась именно в розах. Вот я и шел к этому кусту с ружьем наизготове. Было глупо так думать, убеждал я себя. Лиса либо еще в курятнике, либо уже улизнула, но уж никак не прячется в клумбе! Но неведомое чувство все же гнало меня к розам. И ощущение это, почти превратившееся в уверенность, заставляло меня одновременно удивляться тому, что я знаю, где лиса, и тому, как это возможно знать...

И в тот самый момент, когда я додумал это до конца, все мои мысли и все удивление куда-то улетучились. Из розового куста на меня пристально уставился лик — «Кошачий Лик» с усами, совиными глазами, усмешкой! Он глядел на меня не мигая, и я никогда не видел его раньше так ясно и в течение такого продолжительного времени. Все прежние мои впечатления о нем были не более чем о мимолетных промельках. Но теперь лик этот был отчетлив, он завис в розовом кусте, лунный свет до мельчайших подробностей выявлял все его черты, вплоть до каждого волоска усов. И, несомненно, я разглядел его усы впервые. Раньше у меня было лишь

общее впечатление, смутное понятие о них, но ничего столь ясного.

Завороженный и напуганный, но более замороженный, чем напуганный, и совершенно позабывший о лисице, я медленно продвигался вперед с ружьем наизготове, хотя и знал, что не пущу его в ход. Я был теперь совсем близко, и что-то подсказывало мне, что ближе, чем следует. Но я все же сделал еще один шаг и оступился, или мне показалось, что оступился.

Когда я восстановил равновесие, розового куста уже не было и не было никакого курятника.

Я теперь стоял на отлогом склоне, покрытом низкорослой травой и лишайником, а близ вершины холма высилась березовая роща. Ночи больше не было. Светило солнце, но лучи его грели мало. И Кошачьего Лика не было тоже...

Позади себя я услышал глухое тяжелое шарканье и обернулся. То, что шаркало и топало, стояло неподалеку и имело десять футов в высоту. У него были блестящие бивни, а между ними свисал хобот, медленно качающийся из стороны в сторону, подобно маятнику. Существо это находилось всего в каких-нибудь двенадцати футах и двигалось прямехонько на меня.

Я побежал. Я понесся вверх по склону, как затравленный заяц. Если бы я не мчался так рьяно, этот мастодонт просто протопал бы по мне! Он не уделил мне никакого внимания, даже не удостоил взглядом. Он очень спешил, осторожно передвигая в пространстве свою массу и переставляя ноги с какой-то тяжеловесной грацией.

«Это мастодонт, — сказал я себе. — Господи помилуй, это же мастодонт!»

Мои мысли словно заиклились на этом названии. Мастодонт, мастодонт, МАСТОДОНТ — ни для чего больше в голове не оставалось места, только для этого слова. Я стоял спиной к березовой роще, и в голове, словно пронзая ее иглой, снова и снова звучало это слово. Между тем животное топало по ландшафту, заворачивая от холма вниз к реке.

Сперва, подумалось мне наконец, был воющий Баузер с фолсомским дротиком в ноге, а теперь вот я! Каким-то образом я переместился и, как это ни смешно, в том же направлении, что и Баузер!

И вот я здесь торчу, думаю я, смешная фигурка, одетая лишь в пижаму и пару стоптанных шлепанцев, да еще с легкой двустовалкой!

Временной туннель забросил меня сюда — то ли это широкая дорога, то ли тропинка во времени? Но как бы там она ни называлась, а во всех моих горестях замешан тот чертов Кошачий Лик, так же, как он, несомненно, замешан и в шляниях Баузера во времени! Озадачивало то, что ни малейшего намека ни на какую временную тропу не было и в помине, когда я находился на расстоянии всего в один фут от Лика. Но, подумал я, а какие предупреждения об этом хотелось бы тебе иметь — дорожные знаки или хотя бы легкое мерцание в воздухе, что ли? Но никакого мерцания, я был абсолютно уверен, не наблюдалось!

Размышляя обо всех этих вещах, я подумал и еще кое о чем. Оказавшись здесь, я должен был как-то отметить то самое место, где стоял вначале, ибо только тогда у меня был бы хоть какой-нибудь шанс на возврат в мое собственное время. Впрочем, говорил я себе, вряд ли это так уж возможно было бы совершить. Но, как бы там ни было, теперь уж никаких надежд на то, чтобы отметить «место прибытия», не осталось. Я так был напуган, когда дал стрекача, заведя мастодонта! И теперь вряд ли отыщу эту исходную точку.

Я пытался успокоить себя тем, что Баузер ведь тоже попутешествовал в прошлое и все же вернулся назад! Значит, возвращение не так уж невозможно, говорил я себе. Раз смог Баузер, смогу и я. И все же я ни в чем не мог быть уверен. У Баузера могло сработать обоняние при поисках временного туннеля, человеку же этого не дано.

Однако просто стоять здесь и сокрушаться вряд ли имело смысл. Это не могло ни решить проблему, ни хотя бы что-нибудь прояснить. А если я не смогу найти дорогу обратно в свое настоящее и мне придется здесь остаться навсегда, то не лучше ли осмотреться? Так я и сделал.

В том направлении, куда двигался мастодонт, в миле отсюда или около того, виднелось стадо, состоящее из четырех взрослых особей и одного детеныша. Тот мастодонт, который чуть было не прогулялся по мне, спешил присоединиться к ним.

Это плейстоцен *, сказал я сам себе; но, насколько я углубился в плейстоцен, определить было трудно.

* Плейстоцен — наиболее длительная эпоха четвертичного периода Земли, характеризовавшаяся образованием ледников и общим похолоданием.

Хотя сам рельеф местности оставался тем же, но вид ее был существенно отличен от привычного, ибо не было вовсе лесов. Вместо них простирались травянистые пространства, отчасти смахивающие на тундру. На них кое-где виднелись рощи берез и каких-то хвойных деревьев. Лишь вдоль реки глаз мог смутно различить желтоватые очертания ив.

Березы в ближней ко мне рощице были покрыты листочками, маленькими и еще слабыми и бледными. Земля под деревьями являла сплошной ковер первоцвета, чьи нежные венчики самых разных оттенков всегда показываются после того, как растает снег. Эти цветы были мне знакомы и почти тождественны тем, какие я помнил с детства. Тогда на этой самой земле я совершал большие переходы по лесу, чтобы набрать полные охапки первоцвета. Моя мать ставила эти букеты в невысокий коричневый кувшин и помещала его на самую середину кухонного стола. И даже туда, где я стоял, доносился будто из детства изысканный, ни на что другое не похожий незабываемый аромат этих хрупких растений.

Весна, подумал я, но для весны холодновато. Несмотря на то что светило солнце, меня пробирала дрожь. Ледниковый период, сказал я себе. В нескольких милях отсюда к северу наверняка проходит фронт ледника. А я торчу тут, одетый лишь в пижамные штаны и шлепанцы, правда, еще и с ружьем в руке! С двустволкой, заряженной всего двумя патронами. Ничего себе! И это все, чем я располагаю. У меня нет ни ножа, ни спичек, ничего! Я поглядел на солнце и понял, что оно движется к полудню. Если так холодно в полдень, то ночью вполне может ударить и мороз!

Огонь, подумал я. Я знал, как его получить. Кремень, если удастся его найти. Я напряг свою память, пытаюсь вспомнить, попадались ли мне здесь кремни? Но если и попадались, что же дальше? Удар кремня о кремень — это искра, но еще не огонь! Можно ударить и по стали, тоже получится искра, но ее также недостаточно, чтобы разжечь щепки или хворост. Ружье-то сделано из стали, но кремня же нет! Я вспомнил, что мне здесь ни разу не попадались кремни. Я бы мог, например, вскрыть патрон, высыпать из него порох на щепки, а потом выстрелить в это оставшимся патроном. Теоретически щепки, посыпанные порохом, должны воспламениться.

Ну а если нет? Да и к тому же где эти самые щепки? Они должны быть там же, где есть гнилушки и старые бревна, но если я и найду такое бревно, я должен суметь его расколоть и расщепить так, чтобы извлечь из него сухую внутреннюю древесину. Можно, конечно, выстрелить в ствол березы и расщепить его. Может, это и даст что-нибудь, но я не очень-то хорошо представлял себе, что же это даст?

Я стоял, вконец расстроенный, измученный бесплодными рассуждениями и заползающим в душу страхом...

Вдруг я осознал, что вокруг меня довольно много птиц. Сперва цветы, теперь птицы. Я, конечно же, слышал их голоса с самого начала, но мой мозг, охваченный нахлынувшими на меня проблемами, не воспринимал их. Здесь были голубые сойки, сидевшие на стебельках сухих прошлогодних растений. Наверное, это были стебли коровяка, пытался зачем-то сообразить я. А рос ли в мое время здесь коровяк, был ли он местным растением или его занесли откуда-то? Значит, это вовсе не стебли коровяка... Но, как бы там ни было, сойки цеплялись за эти раскачивающиеся стебельки и распевали свои песенки. Луговые жаворонки выскакивали из травы и взмывали в небо, изливая оттуда трели чистой радости. В ветвях берез прыгали какие-то пичуги, должно быть, прародители наших воробьев. Они с писком перескакивали с ветки на ветку. Вся местность буквально кишела птицами.

Очертания ее, когда я немного освоился, становились все более и более мне знакомыми. Это обнаженное место вдоль берега реки было все той же «ивовой излучиной». Река струилась с севера, отклонялась на запад, потом снова поворачивала к востоку. И вся эта петля, эта речная излучина была окаймлена зарослями ивняка.

Мастодонты начали удаляться в глубь долины. Кроме них и птиц, я не заметил других признаков живых существ. Но это вовсе не означало, что их здесь нет. Например, саблезубых тигров, гигантских волков или даже пещерных медведей. У меня была от них временная защита, но, увы, только временная! Когда два моих патрона будут выпущены из ружья, я стану полностью безоружен, а ружье будет не более полезно, чем простая палка.

Внимательно всмотревшись в даль и не увидев никаких хищников, я спустился по склону и направился к реке, которая, как я обнаружил, была полноводнее и быстрее, чем в мое время. Возможно, это было следствием таяния льда на севере.

Желтый ореол вокруг ив, видневшийся мне издалика, объяснялся тем, что они были покрыты сережками, похожими на крупных пушистых гусениц, обсыпанных золотистой пылью. Поток был прозрачен и чист, настолько чист и прозрачен, что я различал голыши, перекатывавшиеся на его дне, и блики света, отражаемые телами играющих рыб, проносящихся по воде быстрыми стайками.

Вот и пища, сказал я себе. Безо всякого крючка и удочки. Я мог бы сплести сеть из гибких ветвей ивняка, закрепляя ее ячейки полосками ивовой коры. Это должна быть нелегкая работа, и сеть может получиться неуклюжей, но ее все же можно сплести. Я должен сделать эту сеть и ловить ею рыбу! Я прикинул, насколько годится в пищу сырая рыба, и слегка засомневался в этом.

Но если мне суждено здесь остаться, сказал я себе, и если нет дороги обратно в мое собственное время, то так или иначе, тем или иным способом, но я должен добыть огонь. Он мне нужен для обогрева и для приготовления пищи.

Стоя там, на берегу реки, я попытался рассортировать все наличные факты. Рассматривая ситуацию реалистично, я должен был примириться с мыслью, что мои шансы на возвращение в Виллоу Бенд весьма незначительны.

А это означало, что здесь у меня уйма работы. Первым делом надо было определить главные задачи. Найти кров сейчас важнее, чем найти пищу. Если понадобится, могу немного и поголодать. Но до наступления ночи я должен найти место, где смогу укрыться от ветра, а еще надо попытаться хоть как-то укрыть свое тело от холода. Очень важно было, и я это знал, не поддаваться панике! Я вообще не из породы паникеров, а сейчас тем более я не мог себе это позволить.

Убежище, огонь и пища — в этих трех вещах я нуждался в первую очередь. Первым было убежище, потом по степени важности шел огонь, а пища могла бы немного подождать. Рыба, если я сплету сеть, решит проблему еды, но здесь должна быть и другая пища.

Возможно, какие-нибудь клубни или корневища, даже листья и кора, хотя я и не знал, насколько это безопасно. Возможно, я бы и узнал, если бы мог увидеть, что едят медведи или другие животные. Тогда это была бы наверняка безопасная пища. Но все же такой еды было бы не вполне достаточно, она не вполне сытна и ее не так уж много, поэтому мне необходимо оружие, хотя бы дубинка. И если мне не удастся разыскать подходящий для этого сук, то сойдет и ружье, хотя оно и тяжеловато и его вряд ли удобно держать за дуло. Палка, конечно же, куда лучше! Наверное, я сумею раздобыть подходящую палку. Она должна быть из выдержанной древесины, такой, которая не разлетится при первом же ударе...

Лук и несколько стрел еще лучше, и со временем я, разумеется, смогу смастерить и такое оружие. Я должен найти острый камень или такой, который можно было бы расколоть для получения режущего края. С его помощью я бы смог отпилить ветку и сделать из нее лук. Мальчиком, помню, я был одержим идеей вольной жизни с луком и стрелами. Правда, здесь мне понадобилась бы тетива, но ее можно было бы смастерить из корней, из прекрасных упругих корней. А что, не корнями ли кедра еще индейцы прошивали свои каноэ? Прошло много лет с тех пор, как я читал «Песнь о Гайавате», но ведь в ней что-то об этом говорилось! Я был уверен, что там упоминались корни кедра, которые используют, когда строят каноэ! Возможно, те хвойные деревья, что растут здесь, и есть кедры, и я мог бы выкопать их корни?

И, раздумывая обо всем этом, я повернул от реки и направился обратно к березовой рощице. Я взял правее и поднялся немного выше по склону, поскольку решил, что мне следует теперь же начать искать убежище для ночлега. Прекрасно бы найти пещеру или что-нибудь в этом роде. Но если ничего такого я не найду или если пещера окажется непригодной, то я на худой конец мог бы укрыться в хвойном леске. Ветви большинства хвойных деревьев низко притягиваются к земле и, хоть они и не очень защитят от холода, от ветра все же смогут укрыть.

Я добрался до вершины невысокого холма и собрался сойти по другому его склону, высматривая, нет ли там подходящего убежища. Но, еще не начав спускаться, я увидел то, что искал. Это была яма в самой земле.

Остановившись на ее краю, я посмотрел вниз. И прошло несколько секунд, пока до меня дошло, что же именно я нашел!..

Меня осенило внезапно. Это была та самая яма, где я производил свои раскопки!

Но она и в эту незапамятную эпоху уже была совсем старой! Ничего не говорило о том, что она возникла недавно. Она просто была чуточку побольше, чем в мое собственное время, но выглядела совершенно такой же древней. Ее стены поросли травой и небольшими березками, имевшими какой-то причудливый уклон. Я присел на корточки на краю своей воронки, рассматривая ее. И тут надо мной пронеслась какая-то странная волна ужаса. У меня возникло невыносимое ощущение материальности времени. Если бы этот кратер хотя бы был новым или сравнительно молодым, то это, наверное, неведомым образом успокоило бы меня. Но почему-то, в силу не понятных мне причин, чудовищная старость этой ямы вызвала у меня чувство глубокой подавленности...

Чей-то холодный нос прикоснулся к моей голой спине, и я, потеряв равновесие, прынул вперед. Я кубарем скатился вниз по склону кратера, до самого дна, обронив по дороге свое ружье. Перевернувшись на спину, я с опаской глянул вверх, чтобы увидеть существо, ткнувшее меня носом.

Но это не был ни саблезубый тигр, ни пещерный волк! Это был Баузер, который смотрел на меня сверху вниз с глуповатой ухмылкой на морде и неистово виляющим хвостом!

Пустив в ход локти и колени, я дополз до верхнего края ямы, обвил руками моего пса и сжал его в объятии. А он изо всех сил старался умыть мое лицо мокрым шершавым языком.

Я поднялся на ноги и схватил его за хвост.

— Пшли домой, Баузер! — пронзительно крикнул я.

И мой хромающий Баузер, чья задняя нога еще плохо двигалась из-за «фолсомской» раны, привел меня прямо к дому.

Глава 9

Я сидел за кухонным столом, завернутый в одеяло, и пытался унять холод в костях. Райла хлопотала у плиты.

— Надеюсь, — резюмировала она, — ты не подхватил простуды!

Я дрожал и никак не мог совладать с этим.

— Там было холодновато, — признался я.

— Ну что ж, это же была твоя идея выскочить наружу, не имея на себе ничего, кроме низа пижамы?

— Там были северные льды, — сообщил я. — Я практически ощущал эти льды. Уверен, что находился не далее чем в двадцати милях от переднего края ледника. Эта местность не испытала ледяного дрейфа. Время от времени ледник спускался на юг, обтекая ее с обеих сторон, и ни разу, по-видимому, не прошел по ней. Никто толком объяснить не может, почему так происходило. Но на расстоянии двадцати-тридцати миль к северу вполне мог быть лед.

— У тебя было ружье, — вспомнила она. — Куда ты девал его?

— Ах да, когда Баузер подошел сзади и притронулся ко мне, я обезумел от страха и, падая в яму, выронил его. А когда увидел Баузера и выкарабкался наверх, уже было не до ружья, и я не стал за ним спускаться. Все мои мысли были только о том, что он может меня вернуть домой!

Она поставила на стол блюдо с оладьями и села напротив.

— Смешно, — произнесла она. — Мы здесь сидим и толкуем о твоём возвращении из времени так, будто это что-то вполне обыденное!

— Только не для меня, — ответил я. — Вот для Баузера — пожалуй. Что касается его, то я думаю теперь, что он способен перемещаться во много разных времен. Он же не мог быть ранен фолсомским наконецником в то самое время, когда нашел и приволок сюда кость мертвого динозавра?

— Для того чтобы заполучить фолсомский дротик, — сказала Райла, — он должен был переместиться не более чем на двадцать тысяч лет назад. Может, даже и меньше. А ты уверен, что в том времени, где побывал ты, не было признаков человека?

— Каких именно признаков? Отпечатков стопы? Сломанных стрел, валяющихся вокруг?

— Я думала о дыме.

— Нет, никакого дыма там не было и в помине. Единственным надежным признаком этого времени был чертов мастодонт, который чуть было не прогулялся по мне!

— А ты уверен, что вернулся из прошлого? Ты, часом, не издеваешься ли надо мной? Ты случайно не вообразил все это?

— Ну ладно! Я вернулся из ближнего леса, где спрятал ружье, где свистнул Баузеру, схватил его за хвост и...

— Прости меня, Эйза! Я знаю, что все это произошло и ты ничего не придумал. Так ты полагаешь, что это проделки «кошкиной морды»?.. А впрочем, давай-ка есть оладьи, пока они еще не остыли. Глотни-ка кофе, он горячий и должен согреть тебя.

Я подцепил вилок несколько оладий, положил их на свою тарелку, смазал маслом, полил сиропом.

— А ты знаешь, — вздохнула Райла, — ведь мы с тобой уже кое-что имеем!

— Святая правда. Мы имеем место, куда не следует соваться, гоняясь за лисицей!

— Я говорю серьезно, — возразила она. — Мы можем получить нечто грандиозное. Если ты открыл возможность передвигаться во времени, то тебе надо подумать, что из этого можно извлечь?

— Ни за что на свете! — взорвался я. — Я больше не сваяю такого дурака! С меня хватит! Если я увижу Кошачий Лик снова, я повернусь кругом и постараюсь унести ноги подальше. Нельзя снова попасть в эту ловушку! Я же не могу рассчитывать, что Баузер каждый раз будет меня оттуда вызволять и приводить обратно!

— Но если бы ты научился этим управлять...

— Как же я могу этому научиться?

— Ты бы вполне смог с помощью Лика.

— Какого черта! Я ведь не могу даже с ним поговорить!

— Не ты. Может быть, Хайрам. Он вполне мог бы поговорить с Кошачьим Ликом. Он ведь разговаривает с Баузером, не так ли?

— Он воображает, что разговаривает. Он думает, что и с синичкой тоже ведет беседы!

— Но, как знать, может, так оно и есть?

— Ну, Райла, не будь же ты так легковерна!

— Нет, буду. Как ты можешь уверять, что он не общается с Баузером. Как человек науки, ты...

— Я всего-навсего узкий специалист!

— Ну что ж, даже как узкий специалист ты прекрасно знаешь, что нельзя занимать позиции, ни отрицательной, ни положительной, пока у тебя нет очевидных фактов. И вспомни, что говорил о Лике Эзра. Он же тоже предположил, что Рэнджер договаривается с ним о погонях!

— Старый Эзра — просто псих. Очень симпатичный, правда. Но псих есть псих!

— А Хайрам, по-твоему, тоже псих?

— Хайрам не псих, он дурачок.

— Но, может быть, именно симпатичные психи, дурачки и собаки могут делать то, что нам не под силу? А что, если у них есть способности, которых мы лишены?..

— Райла, мы не можем рискнуть и навести Хайрама на Лика...

Входная дверь скрипнула, и я обернулся. Хайрам неловко протиснулся в дом.

— Я слышал вас, — заявил он. — Вы говорили обо мне и каком-то лике.

— Мы тут обсуждаем, — объяснила Райла, — не доводилось ли вам когда-либо разговаривать с Кошачьим Ликом так, как вы говорите с Баузером?

— Вы говорите о той штуке, что повисает в вашем саду?

— Значит, вы видели его?

— Много раз. Он выглядит как кот, но никакой это не кот! У него только голова и есть. А тела никакого не видеть.

— А вы говорили с ним когда-нибудь?

— Иногда. Но смысла в этом никакого. Он говорит о таких вещах, которые я совсем не понимаю.

— Вы хотите сказать, что он употребляет неизвестные вам слова?

— Можно сказать и так. Есть неизвестные слова. Но больше мысли. Такие, каких я никогда не слышал. Хотя слова-то вроде и знакомые. А еще занятно, что он не открывает рот и звуков не слышно никаких. А я вроде разбираю слова. Вот совсем как с Баузером. Он ведь тоже вслух ничего не говорит, не издает звуков, не открывает рта, а я понимаю все словами.

Я сказал:

— Хайрам, пододвинь-ка стул и садись завтракать с нами!

Он смущенно затоптался на месте.

— Не знаю, как и быть? Я ведь уже завтракал...

— У меня осталось еще тесто, — сказала Райла. — Я сейчас поджарю еще оладий.

— Ты ведь никогда не отказывался со мной позавтракать, — заметил я. — И не важно, сколько ты раз завтракал до этого. Не менять же наших правил из-за Райлы? Она ведь друг и она у меня в гостях. И раз она взяла эту заботу на себя, так давай ей поможем!

— Ну ладно, — решил Хайрам. — Коли так, то я составляю вам компанию! Мисс Райла, дайте мне оладий, да погуще полейте их сиропом!

Райла подошла к плите и вылила на сковородку изрядную порцию теста.

— По правде говоря, — сообщил Хайрам, — я к этой штуке с кошачьей мордой отношусь по-доброму. Когда-то я немножко ее побаивался. Она ведь смешная и смахивает на чучело. Голова большая, а тела не видеть. Похоже, будто эту голову намалевали на большом воздушном шаре. Она ведь никогда не отводит глаз от вас и никогда не мигает!

— Дело в том, — сказал я ему, — что для нас с Райлой очень важно с этой штукой поговорить. Так

считает мисс Райла. Но я не умею с ней разговаривать. Это можешь сделать только ты.

— Вы думаете, больше никто не может?

— Но ведь никто, кроме тебя, не может говорить с Баузером!

— И если вы согласитесь поговорить с Кошачьим Ликом, — подключилась Райла, — то знайте, что это должно остаться в тайне. Никто, кроме нас с Эйзой, не должен знать ни о том, что вы с ним разговаривали, ни то, о чем вы говорили.

— А Баузер? — протестующе спросил Хайрам. — Я не могу иметь секретов от Баузера. Он мой лучший друг, и я должен это ему рассказать.

— Ну что ж, — согласилась Райла. — Я думаю, что вреда не будет, если вы расскажете все Баузеру! Но только ему!

— Я вам обещаю, — торжественно сказал Хайрам, — что он тоже ни одной душе ничего не скажет. Если я его попрошу, он не проронит ни звука об этом!

Райла без улыбки взглянула на меня.

— Как ты считаешь, можно ли в это дело посвятить Баузера?

— Баузера можно, — согласился я, — поскольку он, понятное дело, никому не скажет.

— О, он не скажет, — обещал Хайрам. — Я предупрежу его обо всем.

После этого он переключил все свое внимание на блюдо с оладьями, затолкав в рот немалую толику и позволив сиропу спокойно стекать по своему подбородку.

После девятой оладьи он оказался готовым к подведению итогов беседы.

— Вы сказали, что, если я поговорю с кошачьим ликом, это будет что-то важное?

— Да, так и будет, — заверила его Райла. — Но вот то, о чем именно надо говорить, немножко трудно вам объяснить...

— Вы хотите, чтобы я поговорил с ним о том, что у вас на уме, и передал вам то, что он скажет? И чтобы об этом знали только мы четверо?

— Мы четверо?

— Баузер, — сказал я. — Ты забыла, что четвертый — это Баузер.

— Ах да, — ответила Райла, — мы не должны забывать о старине Баузере!

Хайрам повторил свой вопрос:

— Это будет только наш секрет, секрет нас четверых?

— Именно так оно и будет, — подтвердила Райла.

— Я люблю секреты, — радостно заявил Хайрам, — они дают мне чувствовать себя важной персоной...

— Хайрам, — приступила к делу Райла. — Вы ведь знаете, что такое время, не так ли?

— Время — это то, что вы видите, — ответил он, — когда смотрите на часы. Тогда вы можете сказать, что время полдень, или три часа, или шесть часов.

— Это верно, — сказала Райла, — но слово «время» означает еще кое-что. Вы знаете, что мы живем сейчас в настоящем времени, но потом, когда пройдут годы, о нас скажут как о «прошлом»?

— Как вчера, — подсказал Хайрам. — Вчера — это тоже прошлое.

— Да, правильно. Но прошлое — это и то, что было сто лет назад и миллион лет назад.

— Я не вижу, какая в этом разница? — сказал Хайрам. — Если все это прошлое.

— А вы никогда не думали о том, как славно было бы прогуляться в прошлое? Вернуться в то время, когда здесь еще не появились белые люди, а были лишь индейцы? Или отправиться в то время, когда и людей не было?

— Я никогда об этом не думал, — произнес Хайрам. — Я не думал об этом, потому что вряд ли такое можно сделать.

— Мы полагаем, что Кошачий Лик знает такой способ. Нам бы хотелось поговорить с ним о том, как это делается и не может ли он нам в этом помочь?

Хайрам некоторое время сидел молча, с видимым усилием пытаясь переварить услышанное.

— Вы хотите отправиться в прошлое? — спросил он наконец. — А зачем вы хотите это сделать?

— Вы знаете что-нибудь об истории?

— Конечно, знаю. Меня пытались учить истории, когда я ходил в школу, но я не особенно годился для учебы. Я никогда не мог запомнить все ихние даты. Там все говорилось про войны, да про то, кто был президентом, да еще про всякую всячину вроде этого.

— Есть люди, — продолжала Райла, — которых называют историками. Их дело — изучать прошлое. И есть очень много такого, в чем эти историки не уверены, так как люди, писавшие о разных событиях, иногда ошибались. А вот если бы они смогли вернуться назад во времени и увидеть своими глазами, как все это было, и поговорить с людьми, жившими в прошлом, то они все поняли бы гораздо лучше и смогли бы написать историю куда удачнее.

— Вы хотите сказать, что мы можем вернуться в прошлое и увидеть, как все было много, много лет назад? Взаправду отправиться туда и взаправду увидеть?

— Вот это самое я и хотела сказать. Вам бы интересно было это повидать, Хайрам?

— Ну, я бы не сказал, — пробормотал Хайрам. — Сдается мне, вы хотите создать себе много хлопот...

Я прервал их беседу.

— По сути дела, — пояснил я, — ты вовсе никуда не должен отправляться, если только сам этого не захочешь. Все, что нам от тебя нужно, — это чтобы ты выяснил, если сумеешь, знает ли Кошачий Лик что-нибудь о передвижении во времени и может ли он нам рассказать, как такое делается?

Хайрам пожал плечами.

— Я должен буду слоняться ночь напролет где-нибудь поблизости, скорее всего, в саду. Он иногда появляется и днем, но больше по ночам.

— Ну так ты собираешься нам помочь? — спросил я. — Ты бы мог отоспаться и днем!

— Почему бы и нет, если Баузер согласится пойти со мной. Ночь — дело одинокое, но если Баузер будет со мной, то ничего.

— Я думаю, с этим все будет в порядке, — заверил я его. — При условии, что ты наденешь на Баузера ошейник и будешь крепко держать за поводок, никуда от себя не отпуская. И еще одно запомни: когда увидишь Кошачий Лик, останься на месте и говори с ним оттуда. Ни за что не приближайся к нему!

— Мистер Стил, а почему я не должен ни за что к нему приближаться?

— Я не могу тебе сказать почему, — ответил я. — Ты просто должен мне верить. Мы с тобой знаем друг

друга порядочно времени, и ты помнишь, что я тебе никогда не говорил ничего неправильного?

— Я знаю, вы и не станете говорить такого. И вы не должны мне объяснять почему. Раз вы так сказали, значит, так тому и быть. Ни я, ни Баузер не приблизимся к нему ни за что.

— Так вы это сделаете? — воскликнула Райла. — Вы поговорите с Кошачьим Ликом?

— Я сделаю то, что смогу, — ответил Хайрам. — Я не знаю точно, что из этого получится, но я буду стараться изо всех сил.

Глава 10

Виллоу Бенд — городок невеликий, и его деловая часть занимает не более квартала. На одном углу этого квартала расположился супермаркет, напротив него — аптека. Дальше идет скобяная лавка, парикмахерская, обувной магазин, булочная, магазин готовой одежды, бюро транспортных услуг, объединенное с нотариальной конторой, магазин электротоваров, ремонтная мастерская, почтовая контора, кинотеатр, банк и пивной бар.

Я нашел свободное место перед аптекой и, припарковав машину, вышел, обошел ее, открыл дверцу для Райлы. Навстречу нам с противоположной стороны улицы устремился Бен Пэйдж.

— Эйза, — воскликнул он, — давненько же я тебя не видел! Ты не так уж часто жалуешь нас своим появлением здесь.

Он протянул руку, и я пожал ее.

— Появляюсь по мере надобности, — сказал я и, повернувшись к Райле, добавил: — Мисс Эллиот, познакомьтесь с Беном Пэйджем, нашим мэром и банкиром.

Бен приветственно выбросил руку.

— Добро пожаловать в наш город! — произнес он. — Вы к нам надолго?

— Райла — мой товарищ, — объяснил я. — Мы несколько лет назад производили раскопки в Малой Азии.

— Я не знаю, сколько здесь пробуду, — ответила Райла Бену.

— Вы из Нью-Йорка? — спросил Бен. — Кто-то говорил, что вы оттуда.

— А кто, черт возьми, мог об этом знать? — буркнул я. — Мы тебя первого здесь встретили.

— Да, наверное, Хайрам, — сказал Бен. — Он говорил что-то о машине с нью-йоркскими номерами. А еще он говорил насчет стрелы, ранившей Баузера. Это правда?

— Да, его кто-то ранил, — подтвердила Райла.

— Ну, скажу я вам, мы с этими подростками еще наплачемся, — подхватил Бен. — Они вечно вытворяют какие-то пакости! У них нет ничего святого. Скоро совсем одичают!

— А может, это и не ребенок сделал? — спросил я.

— А кто же еще? Эта выходка как раз в их духе. Прошлой ночью кто-то из них проколол мне шины. Я вышел после киносеанса и увидел, что все четыре покрышки осели.

— Ну а почему они так сделали? — поинтересовалась Райла.

— Понятия не имею. Просто они ненавидят всех, наверное. Эйза, когда мы с тобой были детьми, мы ничего подобного никогда не вытворяли! Мы бегали на рыбалку, помнишь, охотились осенью, а было время, когда ты нас всех увлек раскопками в этой воронке...

— Я и сейчас там копаю, — кивнул я.

— Я знаю, что копаешь. Ну и что, выкопал что-нибудь?

— Не так чтобы очень уж много...

— Ну ладно, я должен идти, — сказал Бен. — Кое-кому назначил встречу. Было приятно познакомиться, мисс Эллиот! Надеюсь, вам у нас понравится.

Мы смотрели ему вслед, пока он удалялся по тротуару.

— Это твой старый приятель? — спросила Райла. — Один из вашей компании?

— Один из компании, — подтвердил я.

Мы перешли улицу и зашли в супермаркет. Я взял тележку и покатил ее по проходу.

— Нам нужны картофель, масло, мыло и масса чего еще.

— А ты не составил списка?

— Я очень неорганизованный хозяин дома, — признался я. — Все пытаюсь запомнить наизусть и вечно что-нибудь упускаю!

— Ты многих знаешь в этом городе?

— Знаю некоторых. Кое-кого еще с детства, тех, кто никогда отсюда не уезжал. А еще с кем-то познакомился после возвращения.

Мы медленно катили тележку. Я, конечно, забыл в нее положить кое-что, но Райла, руководствуясь своим «мысленным списком», напомнила мне обо всем необходимом. Наконец мы подкатали тележку к кассе-контролю. Перед нами у кассы оказался Герб Ливингстон, только что вывалившийся на стойку охапку покупок.

— Эйза! — заорал он, изображая, как всегда, небывалую радость от встречи. — Я как раз собирался звонить тебе насчет новой заметки. Слышал, ты обзавелся компанией?

— Райла, — сказал я, — познакомься с Гербом Ливингстоном. Он тоже один из старых членов нашей команды. Теперь он владелец местной газеты.

Герб излучал радость.

— Я рад, что вы посетили нас! — объявил он Райле. — Слышал, что вы из Нью-Йорка. Полагаю, из города Нью-Йорка, а не из штата?

Он вытянул из кармана пиджака блокнот, а из кармана рубашки коротенький карандаш.

— Могу я узнать, как ваша фамилия?

— Эллиот, — сообщила Райла. — Два «л» и одно «т».

— Так вы навестили Эйзу? Полагаю, что именно за этим вы и приехали сюда?

— Мы давние друзья, — сухо пояснила Райла. — Работали вместе в Турции в конце пятидесятых...

Герб что-то нацарапал в своем блокноте.

— А теперь чем занимаетесь?

— У меня экспортно-импортный бизнес.

— Понимаю, — кивнул Герб, яростно покрывая каракулями страничку. — И вы остановились на ферме у Эйзы?

— Вот именно, — подтвердила Райла. — Я приехала, чтобы побыть с Эйзой. Я живу у него дома. И с ним!

Когда мы повернулись к своей тележке, она негромко заключила:

— Не сказала бы, что твои друзья вызывают у меня восторг!

— Не обращай внимания на Герба, — ответил я. — Он же газетчик, поэтому с тактом у него плоховато.

— Чего не могу понять, так это его интереса ко мне. Мое пребывание здесь вовсе не годится для газетной хроники!

— Для газеты Виллоу Бенда годится все. Здесь ведь вообще ничего не происходит! Вот Герб и заполняет все свои колонки информацией о приездах и отъездах. Миссис Пэйдж устраивает вечер бриджа на трех столиках, и здесь это уже общественное событие. Герб опишет его в малейших подробностях. Расскажет, кто там был, в чем был и кто что выиграл.

— Эйза, а тебя это не смущает? Может быть, мне надо уехать?

— Еще чего! — проворчал я. — Почему это должно меня смущать? Ах да, я нарушаю местные условности? Но в местечке, подобном нашему, что бы вы ни сделали, все выйдет за рамки условностей. Мы же затеяли это дело с перемещениями во времени, коли Хайраму удастся поговорить с Ликом. Но я окажусь совсем один, если ты вдруг вздумаешь уехать! Ты просто должна через все это пройти вместе со мной. Я нуждаюсь в тебе!

Я сел за руль, и она устроилась рядом.

— Как я надеялась услышать это от тебя! — проговорила она. — Не знаю, что с этими путешествиями во времени получится, но я хочу здесь остаться. Иногда я верю, что эти перемещения возможны, а иногда говорю самой себе: «Не будь идиоткой, Райла!» Кстати, я думала о Хайраме. Его звать просто Хайрам? У него же должна быть фамилия!

— Его зовут Хайрам Биглоу, — ответил я. — Но большинство здешних жителей забыло вторую половину его имени, ту, что звучит «Биглоу». Он просто Хайрам, и все! Он родился в Виллоу Бенде, и когда-то у него был старший брат. Но брат этот сбежал из дому и, насколько я знаю, с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Род Биглоу — старинный род, он восходит к самому основанию города. Отца Хайрама звали Горас, он был единственным потомком одного из основателей Виллоу Бенда. Семья жила в старом доме их предков, одном из строений с колоннами в викторианском стиле, стоящих в глубине лужайки, засаженной деревьями и обнесенной кованой оградой. Помню, как ребенком я повисал на этой ограде, пляясь на дом и мечтая о том, как хорошо было бы и мне пожить в таком. Моя семья была в то время довольно бедной, и мы жили в обыкно-

венном домике, а жилище Биглоу казалось мне прямо-таки дворцом!

— Но ты ведь сказал, что Хайрам живет в хижине у реки?

— Да, я расскажу и об этом. Отец Хайрама был банкиром этого города, партнером отца Бена Пэйджа.

— Мне этот Пэйдж понравился не более, чем тот тип Герб!

— Тебе, как и всем, почти всем, здесь, — сказал я. — Он не из тех, кто внушает симпатию и особое доверие, хотя в последние годы он, возможно, и изменился. Теперь тут есть люди, которые к нему постоянно обращаются... Ну так вот, когда Хайраму было около десяти лет, его отца нечаянно подстрелили на утиной охоте. К этому времени его брат, который был старше Хайрама на семь или восемь лет, уже исчез в неизвестном направлении, и Хайрам с матерью после гибели отца остались одни. Старая леди после этого совсем уединилась. Она ни разу не покинула дом и не откликалась на призывы друзей. Хайрам всегда был странным ребенком, он хуже всех учился в школе, отставал в развитии от остальных детей, к тому же никому неохота было им заниматься. Мне кажется, что его мать со временем поняла, что он не совсем нормален, почему она и закрылась с ним от людей. Гордость и самолюбие — вещи достаточно губительные повсюду, но в маленьких городках они просто смертельны. Они оба убежали от жизни и, хоть люди и знали, что они обитают в том же доме, о них как бы все забыли. Впрочем, именно этого и добивалась миссис Биглоу. Я уже уехал отсюда в то время и все остальное узнал позднее от других.

Когда, наконец, разобрались с наследством, оказалось, что у отца Хайрама была не такая уж большая доля в этом банке. Немного акций да жалованье — вот и все. Кое-кто поговаривал о том, что папаша Бена потихоньку выживал его из банка, хотя это и не доказано. Но как бы там ни было, кое-что еще оставалось, и этого хватило на то время, пока была жива старая леди. Она умерла, когда Хайраму было около двадцати пяти лет. И тут выяснилось, что дом Биглоу давно заложен банку, руководство которого решило, что банк помогал этому семейству столько, сколько мог, и что этого достаточно. Вскоре папаша Бена ушел в отставку, и во главе банка встал Бен. Он выделил некоторую сумму, собрал кое-что и у жителей городка, и на эти

деньги построил тот самый домик у реки, где и поселился Хайрам. Он и живет там с тех пор.

— Выходит, город усыновил его, — отметила Райла. — Взял на себя заботу о Хайраме? И теперь он надежно защищен, а может, даже является составной частью здешнего общества?

— Думаю, что можно сказать и так, — согласился я. — Город присматривает за ним, конечно, но не все обстоит так уж по-доброму. Некоторые жители искренне заботятся о нем, но для большинства он является чем-то вроде городского сумасшедшего, и они над ним потешаются. Они не думают, что он понимает, он является для них посмешищем. Но Хайрам понимает все. Он знает, кто ему друг, а кто над ним смеется. Он, конечно, с большими странностями, но далеко не так глуп, как думают многие!

— Я надеюсь, он немного поспал, — задумчиво произнесла Райла. — Это ведь будет первая ночь ожидания Кошачьего Лика.

— Таких ночей может оказаться несколько. Лик вовсе не регулярен в своих привычках.

— Я слушаю, как мы с тобой об этом толкуем, — сказала Райла, — и сама себя спрашиваю, во что же мы ввязываемся? Это же не вполне нормально, Эйза! Все эти странные штуки. Вряд ли кто-нибудь еще мог бы говорить или даже помышлять о таком, как это делаем мы!

— Я понимаю тебя, — ответил я. — Но ведь у меня-то больше очевидных фактов, чем у тебя! Я же побывал в плейстоцене и почти угодил под мастодонта. А Баузер ведь притащил-таки ту самую кость!

— Но если бы мы только ограничились этим, — сказала она. — Мы согласились с тем, что были кости динозавра и фолсомский наконечник, и мастодонт, но не позволяем себе выходить за пределы этих фактов. Мы не признаем себе в том, что Кошачий Лик — чужеродное существо, способное на создание временного туннеля. И не произносим вслух того, что он, должно быть, как-то спасся, когда инопланетный корабль много тысяч лет назад потерпел крушение!

— А может, мы к этому и идем? — заключил я. — Давай подождем и посмотрим, что там удастся сделать Хайраму

Глава 11

Спустя три ночи раздался стук в дверь спальни. Я со сна не мог сообразить, кто бы это мог быть. Райла недовольно пошевелилась возле меня.

— Кто там? — крикнул я. — Что случилось?

Впрочем, стоило мне задать этот вопрос, как я уже и сам знал ответ. Я знал, кто был за дверью.

— Это я, Хайрам...

— Это же Хайрам! — сказал я Райле.

Стук снова повторился.

— Да перестань же ты колотить в дверь! — крикнул я на него. — Я уже проснулся. Пройди на кухню и подожди там.

На ощупь, вслепую, я нашарил шлепанцы, всунул в них ноги, попытался найти халат, но не сумел и ввалился на кухню в одних пижамных штанах и тапочках.

— В чем дело, Хайрам? Надеюсь, что-нибудь важное?

— Там Кошкин Лик, мистер Стил. Я поговорил с ним. Он желает говорить с вами.

— Но я же не смогу, — возразил я. — Никак не смогу! Ты один только и можешь говорить с ним!

— Он сказал, что в моих словах нет смысла, — сообщил Хайрам. — Он рад, что мы хотим с ним разговаривать, но он не понимает, о чем я ему толкую.

— Ты думаешь, он еще там?

— Да, мистер Стил. Он сказал, что подождет, пока я схожу за вами. Он сказал, что надеется найти смысл в ваших словах.

— Ты полагаешь, что он подождет, пока я надену что-нибудь на себя?

— Думаю, да, мистер Стил. Он сказал, что будет ждать.

— Ты оставайся здесь, — велел я ему. — Не выходи из дому, пока я не смогу выйти вместе с тобой.

В спальне я наконец нашел, что на себя надеть. Райла села на край постели.

— Это Кошачий Лик, — сказал я ей. — Он хочет поговорить с нами.

— Я буду готова через минуту!

Хайрам ждал нас, сидя за кухонным столом.

— А где же Баузер? — спросила Райла.

— Он там, снаружи, с Кошкиным Ликом, — ответил Хайрам. — Они же старые приятели. Я теперь думаю, они все время дружили, а мы и не знали!

— Скажи мне, Хайрам, — произнес я. — Как это произошло? И трудно ли говорить с Ликом?

— Нет, так же, как с Баузером, — ответил он. — Легче, чем с синицей. С этой синичкой иногда и не поговоришь. Она не всегда желает разговаривать. А Кошкин Лик хочет говорить!

— Вот и прекрасно, — сказала Райла. — Пошли говорить с ним!

— Но как же мы сможем это сделать? — спросил я Хайрама.

— Это нетрудно, — пояснил он, — вы мне точно говорите, что хотите, а я это скажу ему. А потом скажу вам все, что он ответит. Может, я даже и не пойму, что он скажет, но передам слово в слово.

— Пожалуй, это все, что мы можем сделать, — отметила Райла.

— Он завис на той яблоне, что в углу. Баузер сидит и смотрит на него.

Я отворил дверь кухни и подождал, пока они выйдут.

В углу сада было нетрудно различить Кошачий Лик, глядящий на нас из кроны яблони. В лунном свете он был ясно виден. Усы тоже вполне можно было разглядеть. Баузер, кривобоко расположившийся со своей раненой ляжкой под деревом, не сводил глаз с Лика.

— Передай ему, что мы здесь, — попросил я Хайрама, — и что мы готовы начать.

— Он говорит, что тоже готов, — откликнулся Хайрам.

— Погоди-ка минуточку! У тебя ведь не было времени передать ему это?

— А времени и не нужно, — ответил Хайрам. — Он понимает все, что вы говорите, но не может ответить вам, потому что вы не услышите его слов!

— Тогда все в порядке, — заметил я. — Так оно будет проще!

Я обратился к Лику:

— Хайрам передал нам, что вы хотели бы поговорить с нами о перемещениях во времени?

— Его занимает этот вопрос, и он хотел бы поговорить о перемещениях во времени, — сказал Хайрам, — но дело в том, что я не смогу понять многого.

— Тогда, — сказал я Лику, — давайте упростим все это. Будем говорить медленнее, раздельнее и так просто, как вы сможете!

— Он говорит, что согласен, — перевел Хайрам. — Он говорит, что хочет запустить в работу эти перемещения. Говорит, что он конструктор времени. Я правильно вам говорю?

— Думаю, что да.

— Он говорит, это правильно. Но вы эту дорогу во времени увидеть не сможете, заплутаете в ней.

— А он может построить дорогу в любое место и любое время на этой планете?

— Говорит, что может.

— А в Древнюю Грецию? В Трою? — спросила Райла.

— Если вы объясните ему, где именно это место находится, он сможет. Он говорит, это нетрудно. На этой планете — где угодно!

— Но как же мы сможем ему объяснить, где нужное место?

— Он говорит, нужно отметить на карте. Он говорит о линиях на карте. Мистер Стил, о каких это линиях он толкует?

— О долготе и широте, должно быть?

— Он сказал, это верно!

— А он знает, как измеряется наше время? Знает, что такое год? Понимает ли, что значит миллион лет, сто лет?

— Говорит, что понимает.

— Я тоже хочу его спросить, — снова подключилась Райла. — Он что, инопланетянин, житель какого-то другого мира?

— Да, очень далекого отсюда.

— А на каком же это расстоянии?

— Около пятидесяти тысяч лет.

— И он живет так долго?

— Говорит, что не умирает совсем.

— Он может построить дорогу во времени. А сам он по ней может перемещаться?

— Говорит, что может.

— Но, по-видимому, он этого не делает? И остается в нашем времени? Он прибыл сюда очень давно, но потом жил в нормальном течении нашего времени. По обычному его закону. А зачем ему надо оставаться в нашем настоящем?

— Он говорит о надежде на избавление.

— О каком избавлении? Что имеет в виду?

— Если он не будет находиться в одном и том же месте и нормальном времени, те, кто будут его искать, не сумеют определить, где его найти!

— Он еще рассчитывает на спасение?

— Теперь у него осталось совсем мало надежды. Поэтому он хочет делать то, на что способен. Он начинает новую жизнь с нами. Вот почему он так счастлив.

— Но он же должен знать, где его родной мир? Если он способен строить дороги во времени и пространстве, он должен был бы найти дорогу и к себе домой?

— Говорит, что нет. Он не знает, где его дом, если смотреть отсюда. Он не знает, как туда добраться. Если бы кто-нибудь ему объяснил, он смог бы. Это знал тот, другой. Но теперь этот другой мертв. Он умер, когда упал корабль.

— Но Кошачий Лик не умирает, он же бессмертен?

— Он говорит, что и бессмертный может погибнуть, но только от несчастного случая. Это единственный способ. Он говорит, что ему повезло, он счастливчик. Он вышел из корабля прежде, чем тот ударился о землю.

— А как он вышел оттуда?

— На спасательной шляпке, говорит.

— Спасательной шляпке? — спросил я. — А это не сфера ли? Круглый полый шар, разделяющийся на две половинки? Так, чтобы из него можно было бы выйти наружу?

— Он говорит, да. Спрашивает, как вы узнали об этом?

— Я нашел спасательную шляпку, — ответил я. — Она лежит в моем сарае!

— Так он теперь хочет построить дорогу во времени для нас? — перебила Райла. — В любое место Земли? И держать ее открытой столько, сколько нам это понадобится?

— Кошкин Лик говорит «да». Он может ее построить, куда вы скажете, и будет держать ее открытой. А если она вам будет больше не нужна, он ее снова закроет!

— И сколько у него таких дорог? Больше одной?

— Столько, сколько вам будет надо.

— А когда мы сможем это начать?

— Прямо сейчас. Говорит, когда вы хотите и куда хотите!

— Передай ему, — сказала Райла, — что мы еще к этому не готовы. Нам понадобится некоторое время на подготовку, и тогда мы должны будем снова с ним побеседовать. Возможно, мы захотим несколько разных времен.

— Мисс, он говорит, в любое нужное вам время. Он будет висеть здесь поблизости и ждать разговора с вами.

Глава 12

Мы завтракали вместе с Хайрамом, который уже почти расправился со второй порцией яичницы с ветчиной. Баузер дремал на своем покрывале в углу кухни.

— Вопрос вот в чем, — произнесла Райла. — Можем ли мы полностью положиться на Кошачий Лик?

— Вы можете ему довериться, мэм, — сказал Хайрам. — Я долго разговаривал с ним до того, как пришел за вами. Он мировой парень. Такой же, как вы или мистер Стил.

— Ну что ж, — ответила Райла. — Тем лучше. Но мы не должны забывать, что он все же чужак! К тому же весьма специфический.

— А может и не специфический! — возразил я. — Мы же не знаем, каковы эти чужаки вообще. По сравнению с другими он, может быть, вовсе и не специфичен!

— Ох, да ты же понимаешь, что я имею в виду! Голова — и никакого тела! Или, может быть, он это тело прячет? Все, что ты можешь узреть, это «лик», торчащий из кроны дерева или куста!

— Эзра видел и тело. В ту ночь, когда Рэнджер загнал его на дерево, а он прицелился, но не выстрелил...

— Было же темно, — отмахнулась Райла. — Эзра не мог разглядеть точно. Только увидел обращенное к нему лицо. И вот почему я сомневаюсь, следует ли ему

до конца верить. Очень возможно, что его этические нормы и взгляды на вещи вовсе не такие, как у нас. И то, что считается дурным у нас, может оказаться совсем не таким уж плохим с его точки зрения?

— Но он же в этих местах находится с тех самых пор, как здесь поселились люди. Много больше ста лет. Он, возможно, имел даже контакты с индейцами задолго до нас! И он всегда наблюдал за людьми. Знает, что они собой представляют. Он достаточно проницателен и впитал огромное количество информации. Понимает, чего можно ожидать от людей, и уж, наверное, знает, чего могли бы ожидать от него люди!

— Эйза, так ты готов положиться на него полностью?

— Ну, не до конца. Я бы позволил себе оставить некоторый резерв для сомнений!

Хайрам поставил на стол свою чашку и встал.

— Я и Баузер идем гулять, — заявил он.

Баузер поднялся не без некоторого усилия.

— А не хотелось бы тебе немножко поспать? — спросил я. — Ты же был на ногах целую ночь!

— Позже, мистер Стил.

— Помни, ни слова никому о том, что здесь было!

— Я буду помнить, — заверил Хайрам. — Я обещаю и сдержу слово.

Некоторое время после его ухода мы еще сидели за столом, допивая по второй чашке кофе. Наконец Райла произнесла:

— Если все наладится и пойдет как надо, мы это задействуем!

— Ты имеешь в виду наши походы во время?

— Не только наши. Других людей. Тех, кто станет нам платить за то, что мы их отправим во временное путешествие. Служба перемещения во времени. Мы станем торговать такими экскурсиями!

— Это может оказаться опасным...

— Конечно, может. Но в наших контрактах будет указано, что мы не отвечаем за возможный риск. Всю эту ответственность возьмут на себя сами путешественники во времени, не мы!

— Нам понадобится хороший адвокат!

— У меня есть подходящая кандидатура. В Вашингтоне. Он сможет помочь нам наладить взаимоотношения с властями.

— Ты думаешь, власти захотят принять в этом участие?

— Можешь быть уверен! Стоит нам лишь начать, каждый захочет в этом поучаствовать. Вспомни, как ты опасался, что университетские деятели полезут в твои дела с раскопками?

— Ну да, я же сам тебе говорил об этом.

— И все же мы не должны позволять каждому совать нос в это дело. Оно должно принадлежать только нам!

— Я думаю, этим интересуются некоторые университеты и музеи, — сказал я. — Им наверняка захочется посмотреть собственными глазами на массу событий в прошлом. И они будут готовы платить за это. Впрочем, здесь могут возникнуть и проблемы. Нам надо будет выработать твердые правила и инструкции. Нельзя же отправляться к осаде Трои, нагрузившись кинокамерами. Или разговаривать там на современном языке! Нельзя будет ничем отличаться от них — ни одеждой, ни повадками. Иначе могут возникнуть осложнения, а если еще, не дай бог, кто-нибудь во что-нибудь вмешается, то может измениться даже сам ход истории.

— Да, проблем, очевидно, будет много, — согласилась Райла. — Мы должны составить целый кодекс правил для путешествий во времени. Особенно это касается контактов путешественников с людьми прошлого. Но до начала человеческой эры это не будет иметь такого большого значения!

— Например, как путешествие для большой охоты?

— Эйза, это именно то, где лежат деньги! Университеты не могут достаточно платить за такие вылазки. У них вечная нехватка фондов! Но «большие охотники» — это совсем другое дело! Они так любили отправляться на сафари в Африку и привозить кучу голов убитых животных. Или в Азию. Но теперь же это все ушло. В лицензиях на охоту теперь очень ограничено количество трофеев. Теперь больше поощряется фотоохота, а для любителей шкур убитых зверей это совсем не привлекательно! И ты только представь, сколько такой любитель мог бы отвалить за мастодонта или саблезуба?

— Или за динозавра! — подлил я масла в огонь.

— Вот именно это я и хочу тебе внушить! — подхватила Райла. — Мы должны ухватить свой шанс! И

не только организуя охоту. Есть еще масса возможностей. Мы бы могли отправить в путешествие кого-нибудь за аттической керамикой. Ты представляешь, как выгодно это можно продать? Или раздобыть несколько изображений совы богини Афины для собирателей монет. Или, скажем, первые денежные знаки. А еще можно было бы отправиться в Южную Африку и прямо с земли подбирать алмазы. Ведь первые алмазы находили именно так! Просто поднимали их с земли!

— Не слишком много было таких. Всего несколько и в разных местах. Конечно, «Африканская звезда» была найдена именно так. Но это было исключительное везение. А иначе можно провести годы, обшаривая глазами землю.

— А может, туда и следовало бы отправиться, Эйза, до того, как эти алмазы нашли другие? Они же попросту нашли то, что прозевали мы!

Я расхохотался.

— Ты просто одержима жаждой денег, Райла! Ты только о них и говоришь! Как превратить путешествие во времени в экспедицию за товаром, как его продать самому выгодному клиенту... А мне интересно все это с точки зрения научных исследований. Существует ведь так много исторических проблем. Есть и целые геологические периоды, о которых так мало известно!

— Это потом, — отрезала она. — Мы все это сделаем после. Сначала мы должны добиться финансового успеха, а потом уже заняться тем, что тебя интересует. Ты говоришь, я одержима жаждой денег? Может, и так. Это составило основу моей жизни. Я ее провела, создавая бизнес, высматривая, что можно продать. И наше с тобой предприятие, прежде чем мы его как следует обоснуем, потребует от нас немалых вложений. Мы должны построить ограду вокруг твоих владений, нанять охрану, чтобы отваживать орды визитеров, если новость распространится. Нам потребуются административное здание и штат. Нам будут нужны агенты и рекламисты.

— Райла, да где же мы возьмем на это денег?

— Я могу их дать.

— Мы это уже обсудили на днях, вспомни!

— Но сейчас дело обстоит по-другому! Тогда я тебе предлагала помощь, чтобы ты мог остаться здесь. А теперь это настоящее дело. Наш общий бизнес. Ты

владелец участка, ты основатель дела. А я всего лишь даю некоторый капитал для начала работ. — Она выжидательно смотрела на меня через стол. — Ну так как же, ты это принимаешь? Я «суюсь» в это дело. Может, тебе не нравится? Если так, скажи мне прямо. Это твоя земля, твой Лик, твой Хайрам. А я всего лишь *приблудный толкатель*...

— Может, ты и впрямь «приблудный толкатель», но я хочу, чтобы ты была со мной в этом деле. Мы не можем от этого отмахнуться, а я без тебя запутаюсь. Меня просто немного коробит от того, что ты говоришь лишь о том, что можно вывезти или продать. Я не отвергаю твоей позиции, но, чтобы оправдать нашу деятельность, мы должны часть графика путешествий во времени отвести на научные исследования.

— Даже странно, как легко мы согласовали вступительную часть! — рассмеялась Райла. — Путешествия во времени являются тем, что обычно отвергается автоматически как нечто невозможное. А мы с тобой сидим здесь, планируя их на основе нашего доверия к Кошачьему Лику и Хайраму!

— Но у нас ведь имеется несколько больше данных, чем просто доверие, — возразил я. — Я сам уже перемещался во времени. Это вне всяких сомнений. И тут нет никаких заблуждений. Я провел в прошлом час, или около того, впрочем, не знаю точно, сколько пробыл в плейстоцене. Но достаточно времени, чтобы пройти отсюда к реке и вернуться назад. Не говоря уже о наличии фолсомского наконечника Баузера и свежей косточки динозавра. Исходя из соображений чистого разума, я должен быть уверен, что это невозможно, но на деле я знаю, что наоборот — вполне возможно!

— Наше самое слабое звено, — сказала Райла, — это Хайрам. Если он не говорит нам правды или играет с нами в свои игры...

— Думаю, что за Хайрама я могу поручиться. Я знаю его гораздо лучше, чем другие, да к тому же он боготворит Баузера. Еще до всего этого не проходило и дня, чтобы он не пришел его проведать. Кроме того, я думаю, у него просто нет способности врать. Его мозги устроены иначе.

— Но вдруг он проговорится? Раньше, чем мы будем готовы открыть эту информацию?

— Он не станет делать этого умышленно. Его могут просто подвести к этому, попробовать что-то выпытать, или просто он нечаянно сболтнет что-нибудь, но ведь он и сам не слишком ясно понимает, о чем идет речь!

— Я думаю, мы должны эту возможность учесть. Хотя вряд ли кто-нибудь придаст особое значение его словам? — Она встала из-за стола и начала собирать посуду. — Мне надо кое-куда позвонить, — сообщила Райла. — Связаться с несколькими людьми в Нью-Йорке и с тем адвокатом в Вашингтоне. Через день-два я должна буду отправиться туда на несколько дней, и мне бы хотелось, чтобы ты поехал со мной.

Я покачал головой.

— Предоставляю это тебе. Я останусь здесь и буду оборонять нашу крепость. Кто-то же должен быть дома!

Глава 13

Я мыл посуду после ужина, когда Бен Пэйдж постучал в дверь кухни.

— Вижу, ты снова пребываешь в одиночестве, — спросил он.

— Райла отправилась на восток на несколько дней. Скоро вернется.

— Ты говорил, вы вместе когда-то производили раскопки?

— Да, было дело. В Турции. Небольшие развалины, датированные бронзовым веком. Ничего особенного не раскопали. Ничего ценного, ничего волнующего. Спонсоры были разочарованы.

— Думаю, что и в других раскопках ты ничего существенного не находил?

— Верно, — ответил я.

Я поставил на место вымытую посуду, вытер руки полотенцем и сел за кухонный стол напротив Бена.

Баузер в своем углу истоиво завыл, суча лапами, как если бы он травил зайца во сне.

— А то, что ты здесь копаешь, — продолжил Бен, — дало какие-нибудь результаты?

— Пока нет. А что?

— Но ведь это не простая воронка?

— Нет, не простая. Я не знаю, что это. Может быть, выемка от метеорита. Я нашел несколько обломков металла.

— Эйза, — укоризненно произнес Бен, — ты мне мозги не вкручивай! У тебя же кое-что есть на уме?

— А почему ты так говоришь, Бен?

— Хайрам. У него ужасно таинственный вид. Похоже, ты что-то таишь, а он с тобой заодно. Говорит, что не может ничего рассказывать, потому что дал слово. Очень доволен всем этим. Говорит, можно спросить у Баузера!

— Хайрам считает, что с Баузером можно беседовать...

— Я знаю. Он беседует с любой тварью.

— Хайрам молодчина, — сказал я. — Но ты же не можешь делать выводы из его речей? Он говорит много чепухи.

— Не думаю, что это так, во всяком случае, не сейчас. Кое-что мне самому кажется странным. Ты вернулся, купил эту ферму, начал раскапывать ту воронку. Потом появилась Райла, а она ведь археолог, как и ты?

— Если бы было о чем говорить, Бен, я бы тебя посвятил. Пока у меня с этим глухо, а может, ничего никогда и не будет!

— Смотри у меня, — сказал Бен. — Как мэр города, я имею право задавать вопросы. Если ты нашел что-нибудь, могущее повлиять на дела города, я должен узнать об этом в первую очередь. Тогда мы сумеем подготовиться.

— Бен, я даже не понимаю, о чем ты толкуешь!

— Ну ладно. Скажем, у меня на окраине города есть участок в десять акров. Я его откупил и плачу за него налоги. Неплохое местечко для мотеля. Другого такого вокруг не найдется. Но сюда мало заезжает солидной публики. А за мотель надо платить приличные деньги. Но если поблизости появится нечто, привлекающее внимание туристов, то мотель окажется весьма неплохим бизнесом!

— А что же такого наплел Хайрам, что могло тебя навести на мысль о нашествии туристов?

— Да ничего существенного. Просто у него такой чертовски таинственный и важный вид. Будто он наслаждается каким-то великим открытием. И невольно сболтнул что-то, не вполне понимая сам, что говорит. Эйза, скажи мне честно, может ли на дне этой воронки оказаться потерпевший аварию звездолет?

— Думаю, что может, — признался я. — Именно это я и предполагаю. Но пока никаких доказательств у меня нет. А если было бы так, то корабль, несомненно, внеземного происхождения. Управляемый разумными существами космический корабль из какой-то звездной системы. И, если бы удалось найти обломки такого корабля и представить достоверные доказательства, это было бы очень важным открытием. Было бы первым реальным подтверждением тому, что во Вселенной существуют другие цивилизации и что их представители посетили Землю.

Бен тихонько присвистнул.

— И это могло бы привлечь сюда множество народа, не так ли? И людей, желающих это исследовать. И охотников до сенсаций. И они валили бы сюда каждый год. Это могло бы стать приманкой для туристов!

— Могу себе представить! — произнес я.

— У тебя дело продвигается медленно, — сказал Бен. — Ты же ковыряешься тут в одиночку. А что если я подброшу тебе на помощь каких-нибудь ребят?

— Благодарен тебе за предложение, но из этого не выйдет ничего. Такие раскопки требуют знаний. Тот, кто их производит, должен знать, что именно он ищет. Любую находку надо осторожно извлечь и точно идентифицировать. Даже пыль с нее надо счищать по-особому. Пусты сюда эту свору с заступами и лопатами, и они вмиг тут все порушат. И пойдут насмарку все доказательства того, что мы ищем! Любая мелочь, на которую они и внимания не обратят, может оказаться самой важной для археолога-профессионала.

Бен энергично кивнул.

— Да, я понимаю, как это должно тщательно делаться. Над этим стоит подумать.

— Бен, спасибо тебе, — сказал я. — Но я буду еще более благодарен, если ты об этом не скажешь никому. У меня возникнет очень много трудностей, если просочится наружу хоть слово о раскопках звездолета. Пусть город думает, что я слегка рехнулся, но если слух дойдет до академических кругов, то многие университетские крысы искривят свои физиономии, а некоторые, я уверен, заявятся сюда самолично, чтобы поглумиться надо мной.

— Обещаю, — произнес Бен. — Я не исторгну ни слова. Ни единого. Но ты все-таки думаешь, это реально?

— Я ни в чем не уверен. У меня лишь догадки. Основанные на фактах, которые, быть может, вовсе не факты. Может быть, это всего лишь глупые домыслы... Как насчет пивка? Глотнем?..

После ухода Бена я долго оставался за столом, обдумывая, разумно ли поступил, рассказав ему это. У любого другого такая информация могла бы вызвать негативную реакцию, но только не у Бена. Он очень цепкий тип и, возможно, станет помалкивать хотя бы потому, что втихаря, зная возможные перспективы, начнет строить свой мотель, а может, и еще кое-что, о чем не счел нужным обмолвиться?

Я, правда, сказал ему кое-что, но этим я его увел в сторону от основного. Полное опровержение его никак не удовлетворило бы. Болтовня Хайрама и его намеки все равно вызвали бы у Бена подозрения. И, в конце концов, я же не солгал ему! Там, на дне воронки, и в самом деле погребен звездолет!

Я, возможно, просто нейтрализовал его, скорее всего на время. Но это очень важно для того, чтобы избежать сплетен в городке и свести все домыслы на данный момент к минимуму. Но как только мы начнем строить ограду, их, конечно, уже не остановишь! В одном Райла абсолютно права: нам обязательно нужна ограда!

Я подошел к холодильнику и вынул еще одну банку пива.

Господи, подумал я, вот сижу здесь и пью пиво, а все вокруг меня сдвинулось с катушек! Максимум, что я самому себе могу сказать в минуты просветления и благоразумия, — это то, что люди не могут перемещаться во времени! Я знал, что это невозможно! Но в моем мозгу отпечаталось видение того огромного мастодонта-самца! Ничего более потрясающего за всю свою жизнь я не испытал. Тот мастодонт со своей быстрой, почти скользящей поступью, чей хобот подобно маятнику покачивался между его бивнями. Он спешил к своему стаду. И я не мог забыть ужас, который охватил меня, когда я понял, где очутился, заброшенный в чужое время и покинутый там!

Снова и снова, сидя за тем же столом, я мысленно пробежал предварительную программу, набросанную Райлой. И, думая об этой программе, я не только гово-

рил себе о ее смутной нереальности, но и с какой-то опаской соглашался с ней.

Могло быть столько всякого, чего мы не предвидели, такие черные пятна, что любой самый великолепный план мог вполне сорваться! Но чего же мы все-таки не учли? Какие неожиданные обстоятельства способны свергнуть нас в бедствия в грядущем?

Я был очень обеспокоен тем, как мы собирались использовать перемещения во времени. Если бы я решил все это сам, я бы не стал думать о том направлении, каким задалась Райла. Но я понимал, что если использовать эти путешествия только с научной и познавательной целью, то для рыночной стороны дела места не останется совсем.

И все же Райла, несомненно, была права в том, что если бы кто-нибудь другой сделал это открытие и завладел механикой его реализации, то он использовал бы это для получения максимальной выгоды. По ее мнению, было бы недальновидно пренебрегать возможностью поставить путешествия во времени на солидную экономическую основу. И лишь при этом условии было бы реально проведение в дальнейшем содержательных научных исследований.

Дремлющий Баузер протяжно взвизгнул в углу. Очевидно, он нагнал-таки своего кролика. Я допил пиво, швырнул бутылку в помойное ведро и пошел спать.

Райла должна была вернуться завтра, и мне предстояло рано утром отправиться в Миннеаполис, чтобы встретить ее в аэропорту.

Глава 14

Когда я увидел Райлу, поднимающуюся по пандусу, она показалась мне мрачной и недовольной, но, разглядев меня, она улыбнулась и заторопилась навстречу. Я заключил ее в свои объятия и сказал:

— Слава богу, ты вернулась. Мне было так одиноко все три дня!

Она откинула голову в ожидании поцелуя, потом прижалась щекой к моему плечу.

— Как хорошо с тобой, Эйза! — шепнула она. — И как прекрасно возвратиться домой. Эти дни были такими ужасными!

— Почему же, Райла?

Она отодвинулась и внимательно посмотрела на меня.

— Я унижена, — сказала она. — Расстроена. Зла. Ни один из них не поверил мне!

— И кто же эти неверившие?

— Кортни Маккаллахан, например. Он юрист, я тебе о нем говорила. Мы были когда-то друзьями. И он раньше никогда не проявлял ко мне недоверия. Но теперь он положил локти на стол, закрыл лицо ладонями и стал неудержимо хохотать. Затем поднял голову, снял очки и вытер глаза — так сильно смеялся! Он даже не мог поначалу разговаривать со мной. Потом перевел дух и сказал сдавленным голосом: «Райла, я так давно вас знаю, но не думал, что вы на это способны!» Я спросила, на что же я способна, а он сказал, что на

такие шутки. И добавил, что прощает мне, поскольку свои дневные дела уже закончил. Я набросилась на него и сказала, что вовсе не шучу и что мы хотим, чтобы он взял на себя защиту наших интересов и стал нашим поверенным. Мы должны иметь адвоката, который бы вел наши дела, сказала я ему, а он ответил, что если бы то, что я ему рассказала, являлось истиной, то, несомненно, кто-то должен был бы представлять наши интересы. Но он отказался мне поверить. Видимо, решил, что все это лишь розыгрыш, не знаю, что он еще там подумал. Мне он не поверил. Ничему из того, что я сказала. Он повел меня обедать, угостил шампанским, но я не простила ему недоверия!

— Так он взялся представлять наши интересы?

— Бьюсь об заклад, возьмется! Он сказал, что, если я смогу представить ему доказательства, он ни за что в мире не упустит такой возможности. Сказал, что бросит все дела, откажется от всех партнерских работ и посвятит все свое время нам. Еще добавил, что такое дело, насколько он может судить, может потребовать все его время. И все же он продолжал посмеиваться, довезя меня до отеля и пожелав спокойной ночи...

— Но какие доказательства, Райла...

— Подожди немного. Это не все. Я отправилась в Нью-Йорк и поговорила с людьми в фирме «Сафари Инкорпорейтед». Они, разумеется, заинтересовались и даже не рассмеялись мне в лицо, хотя и проявили скептицизм. Они были почти уверены, что я вру, играю с ними в какую-то жульническую игру, но их озаботило то, что они не могли раскусить, в чем же состоит надувательство? Их руководитель, довольно негибкий старый формалист-англичанин, был весьма корректен и сказал мне: «Мисс Эллиот, не знаю, что бы все это могло означать, но если это нечто большее, чем чистая фантазия, то я могу вас уверить, что для нас это было бы весьма заманчиво». Он еще добавил: «Если бы я не знал вас раньше, то вовсе не стал бы этого слушать!»

— Он знал тебя раньше?

— Да, вернее не сам этот старик-англичанин, а его фирма. Несколько лет назад я купила у них множество предметов, накапливавшихся там годами и лежавших без дела. Это были куски слоновой кости, туземные статуэтки, страусовые перья и другой такой же хлам. Я взяла у них все, и они посчитали меня дурочкой. Но я

на несколько лет опередила их в понимании рыночного спроса и имела неплохую прибыль от продажи этих вещичек. Эта фирма, занимающаяся организацией сафари, прознала о моей удаче и решила продолжать снабжать меня тем же товаром. Дело в том, что розничная торговля им чужда, поэтому, поскольку я им подвернулась...

— Я полагаю, — перебил я ее, — что они в точности так же, как твой старый дружок Кортни, захотели иметь подтверждение?

— Именно, — ответила она. — И забавнее всего то, что их больше всего заинтересовали динозавры! Их изрядно смутило, когда я спросила, не хотелось бы им посылать клиентов поохотиться на динозавров? Не на мастодонтов, мамонтов или саблезубов, не на пещерных медведей, даже не на титанотериев, но именно динозавров! Больших и страшных. Я поинтересовалась, какого типа ружья они могли бы использовать для убийства крупного динозавра, и они сказали, что не знают, но полагают, что более мощные, чем существующие модели. Потом я спросила, нет ли у них таких моделей ружей? Они ответили, что есть два ружья, еще не бывших в употреблении. Такие, как оказалось, уже больше не выпускаются. Это оружие для охоты на слонов. Теперь, с усовершенствованием конструкции и увеличением скорости полета пули, производятся модели гораздо менее громоздкие и меньшего калибра. К тому же сейчас нельзя особенно много убивать слонов. Вот я и заявила, что хочу с божьей помощью купить у них эти два громадных ружья. После всевозможных разглагольствований они все же согласились их продать. Наверное, им показалось, что я не совсем в своем уме. Тысячу раз мне повторили, что теряют на этой сделке, отчаянно торговались, и я думаю, что они действительно продали их дешевле, чем купили. Но ведь, кроме меня, никто и не позарился бы на эти бездействующие образцы! Это ружья-монстры. Каждое весит около двадцати фунтов. А патроны размером с барабан!

— Ты что, — спросил я, — полагаешь, что я отправлюсь туда и подстрелю парочку плотоядных завров для получения нужных тебе доказательств? Ты лучше сразу же передумай! В двадцать два года я, может, еще бы увлекся этой идеей, но теперь все обстоит чуточку

по-другому! Для стрельбы из этих устаревших монстров, наверное, нужен великан.

— Ты и сам не такой уж малыш, — сказала она. — Но, скорее всего, стрелять вовсе и не придется! Они лишь для самозащиты. На случай, если какой-нибудь хищник перевозбудится, пока я буду снимать фильм-доказательство — ведь я купила еще и кинокамеру для съемки цветного звукового кино. С телеобъективами и всем, что положено.

— Но почему же два ружья? Я еле смогу понести одно, а ты будешь нагружена камерой...

— Я взяла два ружья, — объяснила она, — потому что не хочу, чтобы ты был там без помощника. Мы еще понятия не имеем, как это все будет выглядеть на деле, но я думаю, что все же это достаточно рискованно. Поэтому лучше пусть там будут два стрелка. Я и подумала, может, стоило уговорить кого-нибудь из твоих прежних приятелей?..

— Райла, но мы же собирались держать пока все это в тайне?! А теперь уже информация начала утекать. Бен Пэйдж понаблюдal за Хайрамом, у которого сделался очень важный вид, и заподозрил что-то...

— Мы, конечно, не должны особенно распространяться, — сказала она, — но должны вернуться оттуда невредимыми, иначе любые полученные нами доказательства окажутся бесполезными!

Мне это не слишком понравилось, но я усмотрел все же логику в ее словах.

— А что если нам взять туда с собой Бена? — предложил я. — Он был бы неплохим спутником. Он считает себя великим охотником, да, впрочем, это не так уж и расходится с истиной. Каждую осень он отправляется на охотничий сезон в Канаду и на Аляску. Лоси, снежные бараны, гризли — он охотится на всех этих животных. Несколько лет назад он добыл бурого медведя. И еще карибу, северного оленя. Он давно мечтал попасть в Африку, да так и не собрался, а теперь там и охота заглохла...

— А он захочет отправиться с нами и станет ли помалкивать обо всем, что увидит?

— Думаю, да. Я ведь кое-что был вынужден ему рассказать относительно вероятности наличия звездолета в той воронке. Он поклялся соблюдать это в тайне.

И он это сделает, поскольку у него есть свой интерес в этом.

— Нам, конечно, нужен второй мужчина, — сказала Райла. — Я не очень ясно представляю, что там будет в стране динозавров, но все же...

— Я тоже не представляю, — согласился я. — Это может оказаться ужасным. И следует позаботиться о безопасности. Там будет много травоядных, вполне мирных животных, как я предполагаю, но ведь будут и какие-то хищники! Я не представляю, как много их там будет и насколько они агрессивны...

— А мне необходимо будет подобраться поближе хотя бы к парочке самых страшных. Это же положит начало делу с фирмой «Сафари»! У меня нет конкретных идей о том, как на них надавить, но то, что мы получим, может оказаться грандиозным! Кроме того, представляешь, сколько может отвалить настоящий неистовый охотник за шкурами только за то, чтобы оказаться первым, кто подстрелит яростного кровожадного динозавра?

Мы подошли к эскалатору, спускающемуся к багажному отделению.

— Давай-ка твой талон, я получу багаж.

Она открыла сумочку и вынула билетный конверт.

— Ты лучше найми подмогу, — посоветовала она, отдавая мне талон. — Эти вещи слишком тяжелы для нас.

— Два ружья, — сказал я.

— И еще кинокамера.

— Возьму носильщика, — согласился я.

— Наиболее трудным было, — сообщила она, — не наплести им что-нибудь о машине времени. Если бы я сказала, что мы ее построили, они бы скорее мне поверили. У нас же к машинам столько почтения! Они нас просто завораживают! Если бы я сумела придумать какую-либо занятную байку и охмурить их ею, это произвело бы впечатление. Теоретические рассказы о машине времени. Но я ничего такого не смогла придумать. А сказать им о Кошачьем Лике — значило все погубить. Я просто обмолвилась, что мы располагаем способом перемещения во времени, надеясь, что они под «способом» станут подразумевать машину. Но не тут-то было. Они, естественно, осведомились о машине,

и были заметно разочарованы, когда я сказала им, что это не машина.

— Ну конечно же, — сказал я, — как можно ожидать от них доверия при отсутствии машины?

— Эйза, а куда мы отправимся делать наш фильм?

— Я уже ломал над этим голову, — ответил я, — и ничего толком не решил. В поздний юрский или ранний меловой период? В каждом из них можно найти огромное разнообразие видов, хотя точно ни в чем нельзя быть уверенными. Отпечатки на камнях, по всей видимости, отражают именно эти два возраста Земли, но окаменелости — это, к сожалению, все, чем мы располагаем. По-видимому, огромное количество информации утеряно. А мы рассуждаем обо всем этом так, словно что-то знаем, между тем располагаем лишь разрозненными кусочками и обломками, а вовсе не ясной картиной. Но все же если мы заглянем в ранний меловой период, то не исключено, что найдем там зверя, который больше других заинтересовал бы наших «белых охотников». Я имею в виду старину «королевского тиранозавра», или Тиранозавра-Рекса.

— Да, они его как раз и упоминали! — вспомнила Райла.

— Рекс появился позднее, — сказал я. — Вернее, некоторые так думают. Он мог иметь гораздо большие размеры, чем свидетельствуют отпечатки, и выглядеть еще страшнее. В любом случае охота на него просто безумие! У него рост восемнадцать футов, длина до пятидесяти, вес около восьми тонн, а может, и более. К тому же он наделен неукротимым охотничьим инстинктом. И мы не знаем, как много их там может оказаться. Возможно, что и не слишком. При таких размерах он требует огромной территории обитания и может на многих квадратных милях вокруг себя оставлять совершенно мертвую зону.

— Мы подумаем обо всем этом позже, — заметила она.

Глава 15

После полудня я позвонил Бену.

— Ты собираешься начать строительство своего мотеля?

— Ты что-то имеешь мне сообщить? — оживился Бен. — Он полностью спроектирован. Хотелось бы знать, что там у тебя?

— У меня кое-что имеется, — ответил я. — Есть некоторые подвижки. Я и Райла хотели бы потолковать с тобой. Ты мог бы к нам подъехать? Здесь нам было бы сподручнее поговорить.

— А я как раз закончил все сегодняшние дела. Могу подъехать сейчас же.

Я повесил трубку и сказал Райле:

— Мне этот бизнес все же не по душе! С Беном-то, возможно, будет полный порядок. Он же собирается сделать рывок со своим мотельным бизнесом, а может, и еще с чем-нибудь. Но меня лично слегка мутит от этого. Слишком рано посвящать кого-либо в наши тайны!

— Но ты же все равно не сможешь держать такое вечно под спудом, — ответила она. — И как только мы начнем строить ограду, люди догадаются, что ты что-то затеваешь. Ты же не сможешь построить ограду десятифутовой высоты вокруг участка в сорок акров лишь из-за пустой прихоти! Кроме того, нам нужен Бен или кто-нибудь еще, чтобы хотя бы просто нести второе ружье! Мы же уже решили с тобой, что было бы

безумием отправляться на свидание с динозаврами, имея всего одно ружье. И ты сам сказал, что Бен как раз тот, кто нам нужен!

— Он самый лучший из всех, кого я здесь знаю. Бен охотник. Он знает, как обращаться с ружьем. Он большой, сильный, тренированный и не поддастся панике в трудной ситуации. Но вся эта затея сулит неожиданно, поэтому мы должны держать наши пальцы скрещенными, чтобы не сглазить!

Я открыл дверцу шкафчика, взял бутылку, поставил ее на кухонный стол. Я расставил три стакана и отправился за льдом.

— Ты что, собираешься принять его здесь, на кухне? — удивилась Райла.

— А какого же черта еще, он ведь даже не будет знать, как реагировать, если его усадить в гостиную! Это будет слишком официально и может его спугнуть. Здесь ему будет куда удобнее!

— В таком случае, — заявила она, — и я целиком за это. Мне самой тут больше нравится. Атмосфера кабачка...

По дорожке кто-то затопал, направляясь к кухонной двери.

— Он не заставил себя долго ждать, — заметила Райла.

— Бен наверняка взволнован. Почуял запах денег...

Я открыл дверь, и Бен ввалился внутрь. У него был вид пойнтера, сделавшего стойку над кроликом.

— Ты что, все же нашел это? — спросил он с ходу.

— Бен, — сказал я. — Присядь-ка. Мы должны обсудить с тобой одно дельце. Бизнес.

Спиртное было разлито по стаканам, мы уселись вокруг стола.

— Да говори же, Эйза, что там у тебя на уме? — снова не выдержал Бен.

— Прежде всего, — сказал я, — должен кое в чем тебе признаться. Я вчера немножко приврал. Вернее, сказал половину правды. И притом не самую важную.

— Ты полагаешь, там нет звездолета?

— Да нет же. Как раз он есть. С этим все в порядке!

— Так в чем же заключается твой «полуправдивый бизнес»?

— Дело в том, что звездолет всего лишь часть полного дела, малая его часть. Более важное заключается в том, что мы наткнулись на возможность перемещений во времени. В прошлое, а может быть, даже в будущее. Мы были настолько этим ошарашены, что даже не помышляли вначале просить...

— Кого и о чем просить?

У Бена так отвисла челюсть, словно его стукнули чем-нибудь тяжелым.

— Может, лучше всего начать сначала, — сказала Райла. — Расскажи ему все, как было, а то вопросам и ответам конца не будет!

Бен одним залпом осушил свой стакан и потянулся к бутылке.

— Ну так, — сказал он Райле, — вы сами мне и расскажите!

Он, похоже, еще не врубился ни во что.

Я сказал Райле:

— Давай расскажи ему! А то у меня уйдет на это больше времени. А я пока займусь своей выпивкой!

Она выложила Бену все очень точно и лаконично, без лишних слов и восклицаний, начиная с того момента, как я купил эту ферму, и кончая своими переговорами в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Пока она говорила, Бен не шелохнулся. Он сидел молча, с остекленевшими глазами. И даже после того как она закончила, он еще некоторое время оцепенело молчал. Наконец он шевельнулся.

— Там есть одна вещь, которая меня доконала, — глухо вымолвил он. — Вы сказали, что Хайрам может разговаривать с этой тварью, Кошачьим Ликом. Выходит, он и с Баузером может вести беседы?

— Мы этого не знаем, — серьезно ответила Райла.

Он покачал головой.

— Все, что вы рассказали, переварить очень трудно. Ну как же можно вернуться в прошлое?

— В том-то и дело, что можно, — кивнула Райла. — И мы докажем это. Мы отправимся в прошлое, в такое, какого никто никогда не видал, и принесем с собой оттуда кинофильм. Есть одна вещь, которую мы вам еще не сказали, Бен. Эйза и я решили отправиться в эпоху динозавров и хотим, чтобы вы составили нам компанию!

— Я? Вы хотите, чтобы я отправился с вами? Назад, к динозаврам? — задохнулся Бен.

Я поднялся из-за стола и направился в гостиную, где мы разместили покупки, сделанные Райлой для исполнения нашего замысла. Я вернулся с одним из тех двух ружей и положил его перед Беном на стол.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил я его.

Он поднял его и покачал в руке, взвешивая. Потом повернулся на своем стуле, наставил ружье на окно кухни, оттянул затвор, посмотрел через прицел.

— Слоновое ружье, — сказал он. — Я о таких слышал, но ни разу не видал. Двустольное. Вы видели этот прицел? С такой штукой можно сбить слона с ног!

Он пытливо взглянул на меня.

— Но может ли оно сбить и динозавра? Крупного динозавра?

— Этого никто не знает, — ответил я. — При хорошем прицеле его можно хотя бы остановить. А можно ли убить, я не знаю! У нас только два таких ружья. Когда мы с Райлой отправимся в страну динозавров, я понесу одно из них. Она будет нагружена кинотехникой — камерой и прочим. И мы надеемся, что второе ружье понесешь ты. Мы, конечно, не знаем, что нас там ждет, но в любом случае два ружья лучше, чем одно!

Бен перевел дыхание.

— Динозавры! — тихо произнес он. — Вы даете мне шанс пойти с вами? С таким ружьем?

— Вы не совсем точно выразились, — заметила Райла. — Мы не даем вам шанс пойти с нами. Мы просим вас об этом!

— Вы не можете меня просить, — ответил Бен. — Скорее, вам бы надо попросить меня отказаться от этого! Африка! Я ведь всегда мечтал туда попасть. Но это куда похлеще Африки!

— Это может оказаться слишком опасным. Может и нет. Как вам сказал Эйза, ничего нельзя знать заранее.

— Но вы же сами туда пойдете?

Райла ответила надменно:

— Мне же надо поработать камерой!

— Ах да, еще и кино! — задохнулся Бен. — Мой бог, да кинопрокатчики поубивают друг друга, чтобы к этому подступиться! Миллион баксов*! Пять миллионов баксов! Вы можете назначить собственную цену!

* Жаргонное название доллара.

— Мы этим займемся попозже, — ответила Райла. — А может, киношники и сами захотят поснимать! Найдется работенка и для кинопрофессионалов!

— А вы будете продавать им права, — подхватил Бен. — Приятная перспектива!

— Но мы не позволим делать дешевку, — заключила Райла.

— А я, — не унимался Бен, — развоню всем о маленьком мотеле поблизости с номерами на две и четыре персоны. Хотя, чтобы весь этот бизнес поставить на ноги, потребуется приличный начальный кусок. Как вы собираетесь регистрировать это дело? Есть ли надежда на кредиты? Не надо слишком много акций. И только малый процент дивидендов...

— Мы сможем обсудить это потом, — сказала Райла. — Сперва нам надо подумать, какие мы сможем представить доказательства, когда вернемся от динозавров. Если у нас не окажется доказательств, все наши усилия пойдут прахом. И никакого будущего это дело иметь не сможет.

— И как далеко вы хотите углубиться в прошлое?

— Мы обсуждали разные варианты, — сказал я. — И пришли к выводу, что на семьдесят миллионов лет назад, по крайней мере. А может, и значительно дальше!

— Мы рады, что вы согласны пойти с нами, — произнесла Райла. — Нам нужен человек, умеющий обращаться с ружьем, знающий, как надо охотиться, как переносить трудности и как наблюдать за всем вокруг.

Бен покосился на меня.

— А ты когда-нибудь стрелял из такой штуки? Я покачал головой.

— Если ты не научишься правильно его держать, — сказал он, — оно может снести тебе голову. Отдача здесь может оказаться ужасной. Нам надо попрактиковаться, прежде чем мы отправимся туда!

— Но здесь негде этим заняться, — возразил я. — Мы переполошим всех в этой густонаселенной местности! Нам лучше даже и не пытаться. Слишком много шума и толков будет. Нам вовсе этого не надо. Мы же как-никак решили пока все сохранять в тайне!

— А патроны-то у вас имеются?

— Да есть немного. Думаю, что хватит.

— И ты полагаешь, что один такой патрон способен остановить динозавра?

— Это будет зависеть от того, насколько он будет велик. Некоторые из них столь огромны, что понадобится бы пушка. Но нас это не должно особенно беспокоить, если мы постараемся держаться от них подальше. Они не должны причинить нам вреда. Единственные, кого нам надо остерегаться, — это динозавры-хищники.

Бен снова посмотрел в дула стволов ружья.

— Они в приличном состоянии, — отметил он. — Слегка затуманены, а может, покрыты пылью. Никаких следов ржавчины. Не повредит их слегка протереть и смазать. В том месте, куда мы направляемся, нам надо иметь гладко работающие ружья.

Он шлепнул ладонью по стволам.

— Хорошая сталь, — сказал он. — Никогда не видел ничего подобного! Наверное, стоит целое состояние.

Райла пояснила:

— Я купила их у фирмы, организующей сафари, с учетом будущей сделки. Они готовы иметь с нами дело, если мы покажем им что-нибудь убедительное. Тогда они наконец поймут, что мы располагаем чем-то, что они смогут пустить в ход.

— Но есть еще одна вещь, которую мне бы хотелось подчеркнуть, Бен, — вмешался я. — Это будет вовсе не охотничья вылазка. Мы никак не отправляемся сейчас за динозаврами. Наша задача — сделать достаточно качественный фильм для того, чтобы убедить фирму «Сафари» и адвоката, друга Райлы. Мы не станем затевать никакой кутерьмы. Мы с тобой просто будем стоять на страже и действовать лишь в пределах необходимой обороны. Я хочу, чтобы ты это хорошенько усвоил, Бен!

— О, конечно, я это понимаю! — ответил он. — А позднее, быть может...

— Мы договоримся об этом, когда все устроится, — пообещал я. — Мы тебе обеспечим возможность поохотиться!

— Ну вот и прекрасно, — сказал он. — Но все-таки, раз мы туда отправляемся, нам обязательно следует опробовать эти ружья. Посмотреть, как они стреляют и как мы их держим. Мне надо знать, чего можно ожи-

дать от этой штуковины, раньше, чем придется всерьез пустить ее в дело!

— Мы это обязательно сделаем, — ответила Райла, — но не здесь, а там. Здесь мы не можем из них стрелять.

Он положил ружье обратно на стол.

— Когда, по вашему плану, намечено отправление? — спросил он.

— Как можно скорее, — ответила Райла, — через день или два.

— Эта вылазка лишь одна из фаз всего дела, — сказал Бен. — Это только начало. Вы должны подумать о массе других вещей. И раз это привлечет людей, то здесь начнется давка. Вы должны обеспечить себе нечто вроде зоны безопасности. Нельзя же допустить, чтобы здесь шныряли все, кому не лень, да еще пролезали во временные туннели или как вы их там называете! Вам придется купить себе защиту от всего этого.

— Мы намереваемся построить ограду вокруг своих сорока акров, — сообщила Райла. — Как можно более высокую. С ночным освещением и охраной, патрулирующей вокруг.

Бен присвистнул.

— Это недешево обойдется. Забор вокруг участка в сорок акров — дело нешуточное!

— А кроме того, нам потребуется административное здание, — добавила Райла, — да еще обслуживающий персонал. Вначале, возможно, и не слишком большой.

— Ну вот что я вам скажу, — заявил Бен. — А почему бы вам не обратиться за кредитом в мой банк? Для начала, скажем, пятьдесят тысяч, с возможностью его увеличения в случае необходимости. Вы занимаете только ту сумму, которая реально вам нужна. Если она, конечно, вам нужна. Вы выписываете чеки, а мы подтверждаем их платежеспособность.

— Бен, — сказал я. — Это же чертовски благородно с твоей стороны! А где же банкир с каменным сердцем?

— Да будет тебе, — отмахнулся он. — То, о чем я говорил, мы сделаем, если благополучно вернемся после нашей экскурсии. И, естественно, я тогда должен буду знать, под какое обеспечение будут даваться деньги?

— У тебя есть какие-то сомнения?

— Не то чтобы сомнения. Когда я уйду отсюда и сяду в машину, я начну сам себе удивляться — какого это я свалил дурака, как дал себя провести? Я целую ночь буду твердить самому себе, что как идиот развесил уши, слушая ваши байки насчет этих перемещений во времени, которые абсолютно противоречат здравому смыслу! Но, сидя здесь и лакая ваше пойло, я нисколько не сомневаюсь ни в чем! Мои руки чешутся от желания принять в этом участие. Если это был бы кто-нибудь другой, а не ты, Эйза, я бы не поверил ни слову. Но я помню, каким ты был в детстве. Я, конечно, состоял в этой шайке, но ведь я был банкирским сыном, а большинство остальных ребят относилось к этому враждебно. Они считали, что я ставлю себя выше их и, хотя этого не было, они были уверены в своей правоте. Поэтому они никогда не упускали возможности высмеять меня. Никто не любит банкира в маленьком городке. Я думаю, никто вообще не любит никаких банкиров. Говоря по правде, у моего старика была не шибко добрая репутация и это, полагаю, перешло потом на меня. Но ты, Эйза, никогда не издевался надо мной, никогда не поддерживал тех, кто меня дразнил. И всегда за меня заступался. Ты относился ко мне как никто другой.

— Да ну, — сказал я, — вот уж нет в этом никакой заслуги! Ты был для меня точно таким же мальчишкой, как и все остальные. Мы ведь всего лишь составляли банду ребятишек маленького городишки, и каждый был похож на остальных...

— Вы понимаете, — обратился Бен к Райле, — вы понимаете, почему я верю этому чучелу?

— Рада слышать это от вас, — откликнулась Райла, — и мы будем вам благодарны за любую помощь. Это дело будет слишком большим только для нас двоих.

— А почему бы вам не позволить мне слегка обработать публику в связи с этой оградой? Я бы мог то тут, то там в разговорах с людьми создать у них совсем иное впечатление. Я постараюсь внушить им, что этот участок интересует кого-то, кто хотел бы здесь организовать звероферму. Ничего определенного, разумеется, я не скажу, а всего лишь намекну и буду давать уклончивые ответы. Для них это будет вполне в моем стиле — они как раз и подозревают во мне лисьи повадки! И все эти мозги я обработаю как раз к моменту, когда вы мне

скажете, что ограду можно начинать строить. И еще я думаю, что смогу набрать достаточную команду рабочих, готовых принять участие в этой стройке. Вся штука будет заключаться в том, чтобы ограда была построена как можно быстрее и никто бы не начал ломать голову над тем, что бы это могло означать! И пока еще не созрел урожай, вокруг полно фермеров, которые были бы совсем не прочь подзаработать денег. Я думаю, что вы должны четко промерить границы своего участка, прежде чем воткнуть в них эту ограду. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она хотя бы чуточку выступала на территорию соседних участков. Что касается охранников, то это потруднее, но, думаю, и это можно будет организовать. Управление полиции Миннеаполиса испытывает трудности от сокращения городского бюджета, и у них уже уволено двадцать-тридцать ребят. Кое-кто из них вполне может согласиться перебраться сюда. Я поговорю с шерифом Ланкастера и посмотрю, что он думает по этому поводу. Не беспокойтесь, я не скажу ему больше, чем можно. Кроме того, вам еще понадобятся знаки, запрещающие въезд на эту территорию. Этот вопрос, я думаю, тоже требуется уладить. Эти знаки должны иметь стандартные размеры, и надписи на них должны отвечать принятым правилам. Я присмотрю и за этим!

— Бен, вы подумали обо всем! — сказала Райла. — Вы поистине опережаете нас!

— Когда вы идете на дело, — заметил Бен, — вы должны быть к нему готовы. Небольшое предварительное планирование может помочь избежать многих неприятностей. — Он посмотрел на свои часы. — Боже милосердный! — воскликнул он. — Я же опоздал к ужину! Майра спустит с меня шкуру! У нее какие-то свои правила относительно моей вечерней трапезы. Она считает, что ужинать надо как можно раньше. — Он встал и добавил: — Ну хорошо, будем держать связь. Вы мне дадите знать о всех ваших планах на отбытие. Мне надо будет отменить несколько ранее назначенных дел. Сослаться на отъезд или на что-нибудь еще.

— Нам хватит двух дней на подготовку, — сказала Райла.

— Для меня не составит особого труда быть тоже готовым к этому времени, — обещал Бен.

После того как он уехал, Райла сказала:

— Этот человек похож на вихревой поток!

— Ты поняла, что он задумал? — спросил я. — Он же норовит вступить с нами в дело!

— Мы будем платить его банку пять процентов, — решила Райла. — А у него-то самого деньжата водятся?

— Ну, для начала он кое-что наскребет, — предположил я. — Да еще есть оставленное ему наследство. Оно, может, и не так уж велико, но для начала сгодится.

Глава 16

Хайрам был наготове и поэтому очень важничал.

— Вы видите эти столбики?

Он указал на три колышка, окрашенных красной краской и вбитых в землю в ряд, один за другим.

— Эти колышки помечают вход в туннель. Вы должны будете всего лишь посмотреть на них и сможете туда войти.

Он вручил мне целую связку таких же столбиков.

— Когда вы там выйдете, — сказал он, — не бежите очертя голову, а осмотритесь. Воткните эти колышки вдоль того выхода из туннеля так же, как я воткнул здесь эти три. И тогда вы сможете узнать, где находится этот туннель, когда соберетесь вернуться.

— Но ведь здесь у тебя всего три колышка? — спросил я.

— Я дал вам больше, — важно объяснил Хайрам, — потому что вам надо обозначить место получше. Там ведь по ним могут пробежать разные твари, а здесь этого не случится. Я ваши колья сделал подлиннее и крепче, чтобы вы могли вогнать их как следует.

— Хайрам, — спросила Райла, — вы думаете, это все, что от нас требуется?

— Конечно, мисс! Тут нет ничего трудного. Вы будьте спокойны. А если вы через несколько дней не вернетесь, я пошлю за вами Баузера. Он приведет вас домой. Помните, мистер Стил, он же вас вывел оттуда?

— Как же, — сказал я. — Спасибо тебе за все, Хайрам!

— Запомни, ты должен оставаться здесь на месте, — сказал Хайраму Бен. — Никуда не отлучайся! Не своди глаз с этого места. Эйза оставил достаточно провианта в холодильнике, и тебе за этим никуда не понадобится ходить.

— Ну а в душевую я могу отлучиться?

— Да, конечно, — ответил Бен. — Но управляйся там как можно быстрее. И не болтай ни с кем о том, что здесь делается. Даже если кто заявится с расспросами. Сюда может припереться Герб. Он унюхал, что мы что-то затеваем, и у него, конечно, появился зуд. Но кто бы что ни спросил, особенно насчет этих колышков, отвечай, что не знаешь!

— Когда мы уйдем, — сказала Райла, — он мог бы даже убрать их!

— Нет, я не могу, — возразил Хайрам твердо, — иначе как же я смогу пойти и спасти вас?

— Мы не нуждаемся ни в каком спасении, — сказал Бен. — Даже если мы немного задержимся, не волнуйся! Не посылай Баузера за нами. И не смей сам туда идти!

— Если я и отправлюсь, — торжественно заявил Хайрам, — то только с отрядом.

— Черт побери, не смей, — рявкнул Бен. — Вообще не предпринимай ничего. Ты просто должен оставаться здесь и ждать!

— Все в порядке, мистер Пэйдж! — ответил Хайрам.

Я посмотрел на двух своих спутников и увидел, что они вполне готовы к старту. Райла была нагружена своей камерой и всем, что к ней прилагалось, у меня и Бена были за спинами рюкзаки, а в руках огромные ружья. Бен еще вдобавок запасся охотничьим ружьем, висевшим на ремне через плечо. Он объяснил, что оно пригодится для обеспечения нам свежего мясного рациона.

— Я никогда не отправляюсь на охоту без того, чтобы не подстрелить какую-нибудь дичь для еды. Живя на воздухе, мы должны иметь и свежее мясо!

— Но там же будут только ящерицы, — сказал я. — Динозавры-ящеры, и другие твари — тоже вроде них.

— А кто тебе сказал, что ящерицы несъедобны? — отпарировал Бен. — И даже динозавры! Я знаю массу людей, которые едят ящериц. И очень много читал об этом. Говорят, у них вкус цыплят...

Мы остановились у «ворот времени» — я впереди, Райла посередине и Бен — замыкающим.

— Ну так пошли, — сказал я. — Только запомните одно: за миллионы лет длина суток могла измениться, и там может оказаться ночь. Кроме того, Кошачий Лик мог и не так уж точно все рассчитать. Он нацелился на дистанцию в семьдесят миллионов лет, но могут быть и погрешности в несколько лет. И вы понимаете, что...

— Эйза, — прервал меня Бен, — кончай свою лекцию. Давай двигаться!

Я шагнул вперед, и хотя я не поворачивал головы, но знал, что они следуют за мной. Я прошел вдоль черты, обозначенной колышками, и, когда я миновал последний из них, меня словно кто-то толкнул в спину. Но я сразу же сумел восстановить равновесие и увидел, что нахожусь в другом месте!

— Стойте, где стоите! — скомандовал я своим спутникам. — Смотрите в том же направлении. Мы должны установить колышки, и никакого отклонения быть не должно!

Пока я это говорил, я не успел даже толком осмотреться. Все мои мысли были заняты тем, чтобы они в точности выполнили все как надо, ибо я панически боялся отклониться от выхода из туннеля. Я слишком хорошо помнил, в каком пиковом положении я оказался в плейстоцене и как не имел понятия, где же выход.

Вокруг нас была вовсе не ночь, как я предположил, а самый разгар дня и, хотя мы и сами не очень точно знали, куда попадем, по-видимому, это все-таки был поздний меловой период.

Нельзя сказать, что местность так уж сильно отличалась от той, которая окружала нас в Виллоу Бенде. Вокруг, конечно, было намного больше деревьев, но многие из них были хорошо знакомы: клены, березы, дубы, а кое-где и хвойные породы. Но прямо перед нами высилось нечто, похожее на огромный ананас, на вершине которого во все стороны торчало множество папоротникообразных ветвей. Это был древний папоротник — сикад, казавшийся тем более древним, что

он рос на этой широте в меловой период среди таких знакомых мне «домашних» деревьев!

— Итак, — сказал Бен, — давайте втыкать колышки!

Я, не оборачиваясь, протянул ему колышек а сам воткнул в землю на той же оси, где мы стояли, другой. Затем я шагнул вперед и воткнул еще один, а Бен — другой. Мы таким образом воткнули на одной линии шесть столбиков, причем Бен, идя за мной, углублял каждый следующий колышек чуть больше, чем предыдущий.

— Это позволит нам определить направление, — объяснил он. — Более высокие столбики ближе к дому.

— Смотри, сикад! — сказала мне Райла. — Они всегда меня очаровывали! Я купила как-то партию окаменелостей с их отпечатками.

— Чьих? — спросил Бен.

— Таких вот сикадов. Похожих на ненормальный ананас с хохолком.

— Ах, ананас! Ага, вижу! Это что, и вправду ананас?

— Нет, не сказала бы! — ответила Райла.

Мы с Беном сгрузили нашу ношу наземь. Райла подвесила свою кинокамеру на ветку.

— А ну-ка показывайте, — сказал Бен, — где все эти динозавры? Или вы меня одурачили?

— Да везде, — в тон ему ответила Райла. — Взгляните, например, на тот горный кряж. Там их целое стадо!

Бен покосился в ту сторону.

— Да ну, они же совсем маленькие, — сказал он. — Не больше овец!

— Динозавры бывают всех размеров, — пояснила Райла. — Начиная с величины курицы. Эти вот явно травоядные. Но они слишком далеко, чтобы определить их вид.

У нее с Беном, должно быть, зрение было острее моего. Я даже очертаний их почти не видел. И если бы эти твари не передвигались, пасясь, я бы их и вовсе не заметил.

Солнце стояло прямо над головой. Было тепло, но не жарко, и с запада тянул легкий бриз. Мне показалось, что стоит начало июня, когда еще не наступила летняя жара.

Итак, сперва я увидел «домашние» деревья, затем сикад. Теперь я стал присматриваться и к остальному.

Земля была покрыта, хоть и не сплошь, карликовыми лавровыми-кустами, сассафрасиями * и еще какими-то кустарниковыми растениями. Трава росла редкими участками — грубая, жесткая трава. Ее было немного, совсем не как в плейстоцене, где она сплошь покрывала всю землю, до последнего квадратного дюйма. Меня вообще удивило наличие даже этой травы. В меловом периоде, если верить книгам, травы быть вообще не должно. Она якобы появится много позднее, через несколько миллионов лет! Но она была, и это свидетельствовало о том, как ошибочно мы иногда судим о различных периодах жизни на Земле. Здесь и там, на расстоянии друг от друга между рощами знакомых деревьев, небольшими участками росли низкорослые пальмы. Мы когда-то учили, я помню, что в переходные моменты между разными геологическими периодами могли встречаться и листовенные породы, и уже вымирающие, более примитивные виды растительности. Здесь как раз они и были перемешаны.

Поскольку растительный покров был не таким густым, каким он станет через миллионы лет, когда разовьются настоящие травы, то почва была неровная, пересеченная множеством трещин, оставленных ручьями от летних ливней. По такой земле было не вполне безопасно передвигаться. В любую минуту можно было оступиться, и мы вынуждены были все время смотреть себе под ноги.

Бен нагнулся и взвалил себе на плечи рюкзак.

— Нам следовало бы найти место для стоянки, — сказал он. — И, если удастся, поблизости от воды. Тут недалеко должен быть родник. Дома, когда мы были подростками, здесь их было немало, помнишь, Эйза? Потом много деревьев вырубили, землю превратили в пастбища, и большинство родников пересохло.

Я кивнул.

— Но здесь-то мы без труда найдем хотя бы один. Попробую восстановить в памяти географию местности. Река все еще здесь, к западу и югу, но русло ее не то. Посмотри, оно здесь прямое и излучины нет! Река течет там, где потом образовалась ивовая излучина!

* Дерево из семейства лавровых.

— Вижу, — сказал Бен. — Здесь как-то все размыто, непохоже. Но я надеюсь, хоть горы и болота остались теми же? Давай попробуем восстановить их месторасположение.

— На этой древней земле, — подала голос Райла, — ничего такого нет, что бы сильно повлияло на вид ее ландшафта между этой порой и временем Виллоу Бенда. Тут нет внутриконтинентального моря, нет ледниковой активности. Канзасское море лежит во многих-многих милях к западу отсюда. И, за исключением возможных озер, здесь вряд ли имеются крупные водные массы. Исходя из этого, мы можем и не найти здесь много травоядных ящеров.

Я поднял свой рюкзак и вдел руки в его лямки. Райла тоже приладила свою ношу поудобнее, и мы во главе с Беном и в арьергарде со мной двинулись в путь. В зарослях кустарника, попадавшихся нам по дороге, кто-то взвизгивал и улепetyивал, прячась поглубже под ветками. Должно быть, подумал я, какие-нибудь маленькие млекопитающие. Может, кролики, может, опоссумы, а может, даже белки? Прячась от рыскающих вокруг плотоядных существ, вечно голодных и жестоких, эти маленькие прыгуны ухитрились выстоять и дожить до тех времен, когда на Земле исчезли огромные массы рептилий!

Бен вел нас к реке, держа курс на запад. Идти было трудновато. Ровной почвы не было. Приходилось все время смотреть под ноги, чтобы не упасть. И при этом почти не оставалось возможности наблюдать за тем, что находилось вокруг. А инстинкт подсказывал, что наблюдать не мешало бы!

Ружье начинало казаться все более тяжелым и неуклюжим. Я держал его неловко и уже начал думать, что черта с два я сумею пустить его в ход, если какое-нибудь истекающее слюной кровожадное существо, внезапно ринется на нас. Рюкзак тоже не был подарком, но ружье было хуже.

Черепаша — огромная черепаха — высунула голову размером с бочку из березовой рошцы в сотне шагов от нас. Она качнула головой, помедлила, моргнула, затем неторопливо двинулась к нам. При виде этой шишковатой массы, выползающей из берез, мы похолодели. Бен наполовину вскинул ружье.

Это выглядело похожим на огромную черепаху, но черепахой не было. У него был панцирь как настоящая броня. И оно продолжало двигаться, все время поглядывая на нас и моргая. Перепончатая мембрана закрывала и открывала его глаза. Существо двигалось вперевалку, лишь слегка отрывая короткие ноги от земли.

Справа от меня зажужжала камера Райлы, но я не повернул к ней головы. Я все время смотрел на эту тварь.

— Все в порядке, — произнес я, надеясь, что и в самом деле все в порядке. — Это анкилозавр. Он не хищник.

Но теперь ящер уже выполз из рощи и был виден во всю свою пятидесятифутовую длину. Его волочащийся по земле хвост был увенчан массивной шипастой булавой на конце.

Камера продолжала работать жужжа, и старина-броненосец остановился. Он громко фыркнул на нас, поднял свою страшную булаву и с силой ударил ею по земле.

— Будь я проклят, — сказал Бен, — он же нам грозит!

— Нам это не страшно, — возразил я. — А вот если на него кинется хищник-динозавр, он даст этой дубинкой ему прямо по зубам!

Анкилозавр решил не связываться с нами и пополз в сторону, явно успокоившись. Райла выключила камеру.

— Ну давайте искать место для лагеря, — предложил Бен.

Спустя полчаса мы нашли подходящее место около родника, бьющего на склоне горы и скрытого лесом, где росли могучие клены и дубы. Они напомнили мне иллюстрации, изображавшие старые английские леса в ранних изданиях Теннисона.

— Великолепно! — сказал Бен. — Теперь мы защищены. Ни один крупный зверь не проползет с легкостью среди этих деревьев.

— Не исключено, что мы преувеличиваем агрессивность плотоядных ящеров, — предположил я. — Может быть, они и не нападут, если мы им попадемся на глаза. Мы же для них выглядим необычно, не похожи на их обычную добычу. Они могут даже отпрянуть от нас! К тому же здесь их может и не быть так уж много!

— Даже если и так, — констатировал Бен, — мы не должны упускать из виду ничего. И будем держаться все вместе. Никто не должен отходить в сторону. И мы не можем поступиться ничем из своей программы. Когда мы разобьем палатки, надо будет потренироваться с ружьями.

Мы быстренько распаковали свои рюкзаки и поставили палатки, примитивно натянув два небольших тента под деревьями. Затем оборудовали очаг, выкопав яму и набрав ворох хвороста, щепок и сухих поленьев. Мы сложили их рядом с очагом.

— Ты и я будем поочередно караулить ночью, — сказал Бен. — Нельзя допустить ни малейшего промаха!

Когда наш лагерь был полностью готов, мы с Беном начали опробовать наши ружья.

— Задача в том, — объяснил он мне, — чтобы не слишком плотно его прижимать. Не напрягайся, расслабься. Прижми приклад к плечу, но не слишком усердствуй. В этом ничего особенного нет, просто ты должен постараться, чтобы приклад не отскочил от твоего плеча и не стукнул тебя по подбородку. Ты сам подайся вперед при выстреле. Не очень сильно, но подайся на него.

У самого Бена проблем с этим не было. Он и раньше имел дело с крупнокалиберками, правда, не с такими большими, как эти. Что касается меня, то дело обстояло несколько иначе. Я вообще никогда не стрелял из оружия калибром больше двадцати двух, но я хорошо запомнил советы Бена, и дело пошло не так уж плохо. Первый выстрел почти отбил мне плечо и отбросил меня на шаг или два, но я все же не свалился наземь! Второй выстрел оказался удачнее, третий вышел уже вполне приличным. При четвертом, последнем, выстреле я даже не ощутил отдачи.

Огромная одинокая береза, ствол которой мы выбрали в качестве мишени, была вся искорежена нашими пулями.

— Неплохо, — одобрительно заметил Бен. — Ты не поддался и не дал ему навредить тебе. Если бы это случилось, то при каждом выстреле ты бы напрягался и опасался. И тогда тебе не удалось бы попасть даже в широкий сарай на расстоянии тридцати шагов!

— Эйза, — тихо произнесла Райла откуда-то сбоку.

Я обернулся и увидел, что она сидит прямо на земле, скрестив ноги, положив локти на колени, чтобы удерживать тяжелый бинокль.

— А ну-ка погляди, — предложила она, — там их довольно много. Небольшими группами и поодиночке. Они сливаются с фоном, и их трудно различить. Смотри повыше, левее той группы из четырех деревьев, на той гряде, что уходит назад от реки.

Она передала мне бинокль, но я не мог удержать его стоя. Я должен был так же, как и она, сесть на землю и использовать свои колени как подпорку для собственных локтей.

Я не сразу понял, на что она хотела обратить мое внимание, но наконец натолкнулся взглядом на что-то подвижное и стал подкручивать регулировочный винт бинокля, чтобы лучше сфокусировать изображение. То, что я увидел, сидело на корточках, отдыхая, откинувшись назад, изогнув колени и опираясь на огромный хвост. Громадное туловище вытянулось почти вертикально, и безобразная голова раскачивалась из стороны в сторону, как бы обозревая все вокруг.

— Как ты думаешь, — спросила Райла, — это тиранозавр?

— Не знаю, — ответил я, — не могу сказать с уверенностью.

Проблема, конечно, заключалась в том, что никто не мог быть стопроцентно уверен ни в чем. Все, что до нас дошло от всех этих динозавров, было лишь костями да еще в немногих случаях окаменевшими останками с небольшими участками уцелевшей кожи. Наше зрительное восприятие этих существ базировалось на воображении художников, быть может, и превосходном, но отнюдь не претендующем на достоверность в отношении многих деталей.

— Только не Рекс, — сказал я. — Передние лапы слишком велики. Может быть, трионихид или другой вид тиранозавра, не дошедший до нас в окаменелостях. Мы же не можем утверждать, что располагаем отпечатками всех видов. Впрочем, кто бы это ни был, это громадный зверь. Он сидит, отдыхает, благодушно озирается вокруг, оценивая, а нет ли еще какой живности, которую можно сожрать?

Я продолжал разглядывать зверя. Если не считать раскачивающейся головы, он был совершенно неподвижен.

— Передние ноги слишком развиты, — повторила Райла. — Это и меня озадачило. Если бы мы попали на несколько миллионов лет назад, я бы рискнула сказать, что это аллозавр. Но теперь-то аллозавров быть не должно? Они же давно вымерли?

— А может, и не вымерли, — предположил я. — Мы ведем себя так, будто постигли всю историю динозавров по найденным окаменелостям. Если мы находим один тип динозавра в старом пласте и не находим его в более позднем, мы объявляем, что он уже вымер! А скорее всего мы просто впадаем в ошибку лишь потому, что увидели этот тип в более молодых геологических пластах. А аллозавры, может быть, существовали до самого конца!

Я вручил бинокль Бену, показав ему на дальнюю купу деревьев.

— Смотри левее от них.

— Эйза, — сказала Райла. — Я хочу его заснять. Это же первая крупная тварь, которую мы видим!

— Используй телеобъективы, — посоветовал я. — Они сумеют его уловить.

— Я пробую, — ответила она. — Но получается очень нечетко. По крайней мере на глазок. А мне нужно очень ясное изображение! Чтобы убедить ту публику в фирме «Сафари». Они врубятся в это, только если все будет видно отчетливо и с достаточно малого расстояния!

— Мы можем попробовать подобраться поближе, — сказал я. — Он, правда, далековато, но попробовать можно.

— Малый-то смывается! — воскликнул Бен. — Чешет вверх по гряде. Двигается быстро. Может, приметил добычу?

— Черт возьми! — огорчилась Райла. — Это все ваша стрельба. Он встревожен.

— А мне он вовсе не показался встревоженным, — возразил я. — Он просто там спокойно сидел. Да и вряд ли стрельба отсюда показалась ему такой уж громкой.

— Но мне же так нужно заснять что-нибудь крупное! — повторила Райла.

— Мы найдем тебе это, — пообещал я, желая ее успокоить.

— Мелких зверей тут довольно много, — отметила она. — «Страусовые» динозавры и маленькие стада тварей поменьше, размером с индеек. Небольшое количество анкилозавров. Какая-то рогатая мелочь. Все сорта ящериц. Крупные черепахи внизу у реки... Но кого заинтересуют крупные черепахи? Какие-то летающие рептилии, думаю, птерозавры. Несколько видов птиц. Но ничего, абсолютно ничего впечатляющего!

— Не имело смысла гнаться за тем крупным типом, — сказал Бен. — Он передвигался быстро, будто знал, куда спешит. Пока мы достигли бы его исходной позиции, он был бы совершенно вне досягаемости. Мы можем позволить себе небольшую прогулку, если вам уютно. Может, мы кое-кого и поднимем на ноги. Но слишком удаляться мы не должны. Сейчас уже солнце клонится к закату, а мы должны будем вернуться в лагерь до наступления темноты.

— Во тьме мы будем в большей безопасности, чем в любое другое время, — сказал я Бену. — Сомневаюсь, чтобы какая-либо из рептилий стала крутиться вокруг после захода солнца. Они в это время либо спят, либо готовятся ко сну. Они же создания с холодной кровью, и шкала их температурной активности весьма узка. Выползают наружу, лишь когда солнце достаточно греет, и прячутся в свои норы по ночам.

— Возможно, ты и прав, — откликнулся Бен. — Конечно, это так! Ты осведомлен об этом лучше моего. И все же я чувствую себя спокойнее ночью в лагере около доброго костра!

— Мы не можем быть абсолютно уверены в том, что динозавры по ночам не рыщут, — вдруг сказала Райла. — Во-первых, еще не факт, что после захода солнца температура так уж сильно падает. Во-вторых, имеются аргументы, говорящие, что динозавры не обязательно холоднокровны. Существуют довольно убедительные мнения некоторых палеонтологов о том, что кое-кто из них теплокровен!

Она, конечно, была права в том, что такие аргументы и мнения существовали. Я читал об этом, но меня это не слишком убедило. Однако я не стал ей возражать. Ясно, что Райла была с этими суждениями согласна, но сейчас

было бы совершенно неуместно ввязываться в научную дискуссию!

Откуда-то с севера вдруг донесся рев. Мы замерли и прислушались. Звуки не приближались, не удалялись, но и не прекращались. Все остальные звуки вокруг исчезли, и в промежутках между воплями неизвестного зверя было абсолютно тихо. До этого мы как-то не очень прислушивались к окружающему нас звуковому фону, но теперь ощутили его отсутствие. А фон этот состоял из пофыркиваний, негромкого птичьего щебета, массы всяких верещаний и писков.

— А может, это наш приятель с горного кряжа? — спросил Бен.

— Может, да, а может и кто-то другой, — откликнулась Райла.

— Я и не знал, что динозавры издают звуки!

— А никто и не знает. Большинство ученых придерживается мнения, что они существа молчаливые. А вот мы знаем, что они очень даже могут шуметь!

— Если мы вскарабкаемся на вершину нашего холма, — предложил Бен, — то, возможно, и увидим этого крикуна?

Мы так и сделали, но никакого ревуна не обнаружили. Рев прекратился еще до того, как мы добрались до вершины. В бинокль также не удалось увидеть никого достаточно крупного, чтобы быть источником такого звука.

Мы не нашли того крикуна, но вспугнули массу разной живности.

Небольшие стайки страусоподобных динозавров (орнитомимов), похожих на крупных ощипанных птиц, побежали прочь от нас. Маленькие хрюкающие рогатые твари шириной около двух футов в плечах заковыляли в сторону от своих ямок, которые они расковыривали рогами в поисках корневищ и клубней. Под нашими ногами, шурша, проскальзывали змеи. Мы вспугнули стаю гротескных неуклюжих птиц размером с тетеревов или чуточку крупнее. Они возмущенно захлопали крыльями. Выглядели эти птицы очень забавно. Их оперение казалось чем-то ошибочным, случайным и не способствующим нормальному полету.

Немного поодаль мы увидели несколько игуанодонов высотой около шести футов. Судя по известным нам отпечаткам, они должны были быть намного круп-

нее. Эти выглядели хоть и вялыми, но достаточно страшными существами и, открывая рот, демонстрировали очень приличные клыки. Такие зубы вряд ли предназначались для пережевывания травы или веток. Эти звери, несомненно, были хищниками. Мы довольно близко подошли к ним. Я и Бен держали ружья наготове. Я пытался их расшевелить, но они не проявили никакого интереса. Бросив на нас лишь сонно-подозрительные взгляды, они отвернулись и затопали прочь.

Все послеполуденное время камера Райлы стрекотала почти непрерывно. Полностью использовав одну бобину пленки, Райла перезарядила аппарат. Но, кроме этих игуанодонов, ничего крупного так и не попало.

Когда мы собирались вернуться в лагерь, Бен посмотрел на небо:

— Поглядите-ка!

Он показал на стаю птиц вдалеке. Их было не меньше сотни, и они темным облаком двигались к востоку.

Я настроил бинокль на фокус, и, хотя они были далеко, никаких сомнений быть не могло.

— Птерозавры, — сказал я. — Значит, здесь где-то все же близко большой водоем.

Солнце уже через час должно было скрыться за горизонтом, когда мы вернулись в лагерь. На полпути мы наткнулись на группу из шести страусовых динозавров. При виде нас они стали неохотно удаляться. Бен передал свое большое ружье мне.

— Подержи-ка минутку! — попросил он.

Он снял с плеча свою маленькую винтовку, но пока прицеливался, «страусозавры» начали улепетывать довольно быстро на своих длинных мощных ногах. Бен вскинул ружье и выстрелил, издав звук, похожий на сильный сухой щелчок. Одно из бегущих животных запрокинулось назад. Оно упало на спину, и его тонкие ноги рывком взметнулись в воздух.

— Ужин, — ухмыльнувшись, сообщил Бен.

Он снова перекинул ремень винтовки через плечо и потянулся ко мне, чтобы забрать свое большое ружье.

— Вы засекли это? — спросил он Райлу.

— А как же, — мрачно ответила она. — Это уже вошло в фильм. Первое убийство динозавра.

Бен заулыбался еще шире.

— И вы об этом знаете! — отметил он.

Бен двинулся к убитому динозавру. Он положил на землю большое ружье, и из ножен, укрепленных на ремне, вынул нож.

— Возьмись-ка за ногу, — скомандовал он, — и тяни на себя!

Все еще продолжая держать на весу собственное ружье, я схватил свободной рукой ногу динозавра и потянул к себе. Бен быстро и умело отсек ляжку от туловища.

— Порядок, — произнес он.

Он сам взялся за нее обеими руками и повернул ее сильным винтообразным движением. Она отделилась не полностью, и он еще двумя взмахами ножа закончил дело.

— Я понесу ее, — сказал я. — У тебя же два ружья. Он хмыкнул.

— Можно было бы взять и вторую ляжку, но этого, пожалуй, хватит. Не стоит брать мяса больше, чем можешь съесть. Это баловство.

— Почему ты думаешь, что это годится в пищу? — спросил я.

— Во всяком случае, мы не отравимся, — ответил он. — А не понравится, выбросим и поджарим бекон.

— Вряд ли мы захотим это выбросить, — заявила Райла. — Это будет вполне съедобно.

— А тебе это откуда известно? — поинтересовался я.

— Но едим же мы кур, не так ли?

— Может, я полный дурак, — пробормотал Бен, — но какое имеют к этому отношение куры?

— Куры близки к динозаврам. На сегодня они к ним ближе всего. Прямые наследники, если пренебречь одним или двумя промежуточными звеньями.

Ну да, конечно, если пренебречь одним или двумя звеньями, подумал я, но снова воздержался от того, чтобы открыть рот. По правде говоря, она ведь не была полностью неправа! Я воздержался насчет теплокровности динозавров, воздержусь и тут тоже...

Нам не пришлось эту ляжку выбрасывать. Она оказалась весьма вкусной, слегка напоминая телятину, впрочем, она была слаже и сочнее. Мы съели ее всю.

Подбросив дров в огонь, начинавший слабеть после нашей стряпни, мы уселись вокруг. Бен раскупорил бутылку виски и разлил жидкость в кофейные кружки.

— Немножко согревающего, — сказал он. — Охотничья порция. Всего-навсего, чтобы чуточку расслабиться и стать счастливыми. Чтобы продезинфицировать потроха.

Он роздал нам кружки и убрал бутылку. Мы сидели, потягивая виски, и мир был прекрасен. Нам было уютно возле огня, у нас уже имелся фильм, и все шло как надо. Мы не особенно много говорили. После переходов, совершенных нами, мы порядком устали и говорить не хотелось.

В подлеске, окружавшем наш лагерь, слышалась непрерывная возня и тихие писки.

— Это млекопитающие, — сказала Райла. — Беденькие маленькие попрыгунчики, они же должны прятаться день-деньской!

— Не такие уж они несчастные, — возразил Бен. — У них все идет великолепно. Они будут жить здесь и тогда, когда все эти динозавры и их потомки начисто вымрут!

— Можно и так посмотреть на вещи, — ответила Райла.

— Нам надо поспать. Я буду дежурить первым, — сказал мне Бен. — А тебя разбуджу в...

Он посмотрел на свои часы.

— Вот черт, они показывают четыре. Правильно. Наше время здесь не годится. Ну так я разбуджу тебя примерно через четыре часа!

— Но ведь нас здесь трое! — заметила Райла.

— Вы спите спокойно, — ответил Бен. — Мы с Эйзой управимся сами.

Правда, мы натянули палатки, но было так тепло, что в них влезать не хотелось. Мы развернули спальные мешки и легли в стороне от тентов. Я, хоть и очень устал, долго не мог заснуть. День выдался нелегким. Бен сидел около огня какое-то время, затем, захватив большое ружье, направился к краю рощи.

Вокруг нас в роще по-прежнему что-то шныряло, шуршало и повизгивало. Я подумал, что этих млекопитающих здесь значительно больше, чем можно было предположить.

— Эйза, — позвала Райла. — Ты спишь?

— Почти. И ты усни, — ответил я. — Завтра будет трудный день.

Она больше ничего не сказала, и я тоже лежал молча, как бы отдаваясь медленным наплывам дремоты и уговаривая себя поддаться им. И, в конце концов, мне удалось заснуть, ибо следующее, что я осознал, было то, что Бен трясет меня за плечо. Я откинул верх мешка и встал.

— Все в порядке?

— Пока ничего не произошло, — ответил он. — Уже не так далеко до восхода.

— Так ты продежурил больше, чем собирался! — сказал я.

— Все равно я не смог бы уснуть, — отмахнулся он. — Слишком возбужден. Впрочем, попытаюсь, может, теперь удастся. Если не возражаешь, я использую твой спальный мешок. Нет смысла разворачивать мой.

Он скинул ботинки и влез в мешок, натянув на себя верх. Я отошел к огню, который ярко пылал. Бен успел подбросить несколько поленьев, прежде чем разбудить меня.

Писки и шорохи стали утихать, и вокруг постепенно воцарилось безмолвие. Было еще темно, но в воздухе уже ощущалось приближение рассвета. Где-то за рощей послышался треск. Я предположил, что это птица, вернее, птицы, ибо звук исходил не от одного существа.

Я подхватил ружье и пошел к краю рощи. Все вокруг тонуло во мгле. Бледный лунный серп светил едва-едва. Не было видно никакого движения внизу в речной долине, и все же что-то там передвигалось. Я не мог понять, что же это может быть. То, что двигалось, иногда переставало это делать, затем начинало снова. Я пытался себя убедить, что, если мои глаза привыкнут к темноте, я все же различу, что же там такое.

Минут через десять мне показалось, что я угадываю очертания каких-то темных масс. Я попытался напрячь зрение, чтобы разглядеть их получше. Они оставались темными неясными глыбами, но теперь отбрасывали короткие мимолетные движущиеся отблески, отражая свет луны. Все это время продолжался треск, и мне казалось, что доносится он все же именно со стороны долины и что он издается все большим количеством существ и становится все явственнее. Это был какой-то нереальный обманчивый звук, и трудно было точно определить, откуда же он все-таки исходил. Но я почти мог поклясться, что его издают те самые темные глыбы.

Я присел на корточки и вперил взгляд в ту сторону, но толком все еще не мог ничего разглядеть. Только те смутные массы, которые, казалось, иногда передвигались. Хотя если и передвигались, то все же никуда не направлялись!

Не могу сказать, сколько времени я провел, сидя так на корточках, но явно немало. Что-то держало меня там, заставляя всматриваться в это движение в долине. Небо на востоке начало светлеть, и за моей спиной в роще сонно щебетнула птица. Я невольно повернул голову к роще, и, когда я вновь посмотрел в сторону долины, мне показалось, что эти черные глыбы стали более отчетливыми. Они оказались крупнее, чем я сперва подумал, и просто кружили на месте, но не все сразу. Одна или две из них двигались, потом останавливались, затем передвигались другие и тоже — одна или две. Мне показалось, что это пасется стадо гигантских коров, и, подумав об этом, я понял, что эти глыбы именно пасутся! Это — пасущееся стадо. Стадо динозавров!

Пока я обдумывал свое открытие, заря от еще не взошедшего солнца стала разгораться все сильнее, и я внезапно разглядел, что же это было. Ящеры-трицератопсы *. Стадо трицератопсов!

Теперь, когда я уже знал, что это такое, я сумел разглядеть костяной гребень и блеск рогов, растущих прямо над глазами и остро направленных вперед.

Я поднялся медленно и очень осторожно, быть может, даже слишком осторожно, учитывая, что на таком приличном расстоянии я вряд ли им виден, и направился к нашему лагерю.

Я опустился на колени и потряс за плечо Райлу. Она пробормотала:

— Ну что там еще?

— Вставай, — сказал я. — Осторожно. Не шуми. Там стадо трицератопсов.

Райла выпросталась из мешка, все еще не вполне проснувшись.

— Трицератопсы, — протянула она. — Рога и все прочее?

* Крупные травоядные ящеры с носовым рогом, парой рогов на лбу, а также с расширенной в виде воротника задней частью черепа.

— Целое стадо. Внизу в долине. Совсем как стадо бизонов. Я не знаю, сколько их там.

Бен тоже приподнялся и сел в своем мешке, протирая глаза кулаками.

— Что там еще за дьявола принесло?

— Трицератопсов, — ответила Райла. — Эйза их обнаружил.

— Это те, у которых прямо на морде растут рога?

— Именно, — подтвердил я.

— Большие зверюги, — заметил Бен. — Скелет одного из них имеется в Музее науки в Сент-Поле. Я видел его несколько лет назад.

Он встал на ноги и поднял ружье.

— Ну так пошли! — сказал он.

— Еще слишком темно, — заметил я. — Надо бы дождаться рассвета. Давайте сперва позавтракаем.

— Ну не знаю, — возразила Райла. — Я не хотела бы их тоже проворонить. Ты сказал, стадо? Целое стадо? Нормальные трицератопсы, не такие, как те маленькие твари, что нам попадались вчера?

— Большие, — ответил я. — Не могу тебе точно сказать, насколько они велики, но вполне подходяще. Вы вдвоем сходите туда, чтобы на них взглянуть, а я пока поджарю яичницу с беконом. Когда вернетесь, еда уже будет готова.

— Ты будь осторожен, — предупредила Райла. — Не шуми. Не звени посудой.

Они ушли, а я вытащил яйца и бекон, поставил на огонь котелок с кофе и начал стряпать. Уже начало светать, когда я отнес им тарелки с едой и котелок. Трицератопсы все еще оставались в речной пойме.

— Ты когда-нибудь в своей жизни, — сказала Райла, — видел что-нибудь прекраснее этого?

На самом деле это стадо было захватывающим зрелищем. На протяжении почти двух миль вдоль течения реки долина была покрыта этими животными. Они методично объедали низкорослый травяной покров поймы. Там имелись детеныши, ненамного превышавшие размером свинью, были и экземпляры побольше, по-видимому, годовалые бычки, но большинство все же составляли крупные особи. С того места, где мы сидели, казалось, что в высоту они достигают пяти футов, а в длину вместе с хвостом — около двадцати. Массивный гребень надо лбом делал голову животного огромной.

Именно эти гребни и были источником слышавшегося мне ночью треска.

— Что мы с этим предпримем? — поинтересовался я.

— Мы продвинемся в их сторону, — ответил Бен. — Будем идти медленно, без резких движений и звуков. Если они нас заметят, остановимся. Как только отвлекутся, пройдем еще. Надо проявить большое терпение. Райла будет в середине, мы по бокам. Если они проявят признаки агрессивности, Райла отступит, а мы останемся на месте. А дальше видно будет.

Мы доели завтрак и оставили тарелки и котелок на том же месте, не унося их обратно в лагерь. И начали наше шествие, если можно его так назвать.

— Не имеет смысла, — сказал я, — торчать во весь рост на виду у них.

Бен не согласился со мной.

— Если мы пригнемся или поползем к ним, мы их напугаем. А пока они нас видят, мы, может, и не покажемся им слишком опасными.

Это наше продвижение, наверное, заслуживало бы внимания публики! Мы делали всего пару шагов и останавливались, как только животные лениво отрывались от корма и удостоивали нас взглядом. По-видимому, Бен все же был прав. Они не слишком были озабочены нашим присутствием.

Мы переставали двигаться еще и для того, чтобы Райла отсняла это стадо, панорамируя камерой вверх и вниз, для общих и средних планов. Мы приблизились к ним почти на пятьдесят ярдов, когда они наконец по-настоящему обратили на нас внимание. Два больших самца прекратили пастись и повернулись к нам, подняв головы и угрожающе наставив рога прямо в нашу сторону. Их кинжальные острия смотрели прямо на нас.

Мы застыли. Слева от меня стрекотала камера, но я не сводил глаз с этих самцов, держа ружье на весу. Одним движением я вскинул его к плечу. И, как это ни забавно, оно показалось теперь мне почти невесомым, хотя так досаждало раньше, когда я тащил его с собой!

Треск, издаваемый гребнями, прекратился. Все гребни животных вдруг одновременно замерли. Все они, все это стадо, подняли головы и уставились на нас. Целое стадо было в состоянии боевой готовности.

Бен тихо проговорил:

— Начинаем тихо отходить. Медленно. По шажку. Следите за тем, куда ставите ногу. Не оступитесь.

Мы начали отступление.

Один из крупных самцов рванулся вперед на несколько шагов. Я снова вскинул ружье. Но после этого внезапного рывка он остановился и яростно повел головой в нашу сторону. Мы продолжали отходить.

Другой самец тоже ринулся вперед и тоже остановился возле первого.

— Это обманные выпады. Они нас пугают, но не надо их раздражать. Отступаем дальше, — негромко произнес Бен.

Камера продолжала жужжать.

Оба самца не сводили с нас глаз. Когда мы были уже на расстоянии ста ярдов или чуть больше, они отвернулись и вновь побрели к стаду, которое уже снова спокойно паслось.

Бен облегченно вздохнул.

— Это было слишком близко, — сказал он. — Мы слегка переборщили.

Райла опустила камеру.

— Зато удалось здорово заснять, — заметила она. — Это то, что нам как раз и нужно!

— Этого тебе достаточно? — спросил я.

— Думаю, что да, — ответила Райла.

— Ну, тогда давайте возвращаться, — предложил я.

— Отступаем по-старому, — сказал Бен. — Не надо поворачиваться к ним спиной!

Мы еще довольно долго так отходили, потом повернулись и пошли к лагерю.

За нами вновь слышалось потрескивание гребней. Стадо продолжало мирно пастись. Все было снова в порядке. Докучливые посягатели отступили, и трицератопсы вновь могли заняться делом.

Я спросил Бена:

— А почему ты решил, что мы можем к ним приблизиться? Откуда ты знаешь, как могут вести себя динозавры?

— Я не знаю, — ответил он, — а просто действую наудачу. Я подумал, что они вряд ли отличаются от всех других животных, которых мы знаем в свое собственное время...

— Но ведь и в наше собственное время не подойдешь так близко к лосям или горным козлам?

— Нет, разумеется, к ним не подойдешь. Наверное, к лосям или горным козлам сейчас и приблизиться-то совсем нельзя. Теперь все животные знают, кто мы такие есть, и не подпускают нас к себе на выстрел. Вот в старые добрые времена, когда люди не встречались им так часто, к стаду можно было и подойти. Раньше в Африке охотники за бивнями приближались к слонам почти вплотную. На старом американском Западе до массовой охоты на бизонов к их стадам тоже можно было подойти поближе. Существовала лишь некая невидимая линия, которую нельзя было переступать. И большинство старых охотников могло на глазок эту линию рассчитать.

— Выходит, мы эту линию переступили?

Бен покачал головой.

— Не думаю, что это было так. Мы подошли прямо к ней, и они дали нам об этом знать. Если бы мы ее переступили, они бы обязательно напали!

Райла предупреждающе зашикала. Мы остановились.

— Треска нет, — сказала она. — Они перестали трещать.

Мы обернулись и увидели, что именно прекратило этот треск!

Двигаясь по низу холма в какой-нибудь полумиле от нас, в сторону стада направлялось чудовище, при виде которого у меня перехватило дыхание. Это был не кто иной, как старина Рекс собственной персоной!

Не могло быть никаких сомнений, это был он!

Он выглядел не в точности так, как его изображали художники двадцатого столетия, но все же очень похоже, и ошибиться было невозможно!

Огромные мускулистые задние конечности, заканчивающиеся мощными когтистыми лапами, решительно переступали, буквально пожирая расстояние и приближая к стаду могучую жестокую тварь с неумейной агрессивностью. Но самой страшной была голова. Она поистине внушала ужас. Возвышаясь почти на двадцать футов над землей, она, казалось, состоит из одной только пасти, в которой в свете ранних солнечных лучей сверкали шестидюймовые клыки. Под нижней челюстью свисал неучтенный ни одним из художников нарост, который украшал эту тварь жутким по красоте радужным ошейником. В свете солнца этот ошейник переливался оттенками голубизны, желтизны, ало-крас-

ного, малинового и зеленого. Эти оттенки переходили один в другой, напоминая сияние виденных мной витражей в старинных храмах. Но я с неожиданной досадой подумал, что не могу припомнить, в каких именно церквях я видел такие витражи?

Камера Райлы вновь зажужжала, и я шагнул вперед, оказавшись между ней и этим чудовищным зверем. Уголок глаза я увидел, что Бен тоже шагнул вперед.

— Тиранозавр! — шепнула Райла самой себе. Это прозвучало как молитва. — Слава тебе, Господи, это же тиранозавр!

Внизу, в долине, трицератопсы совсем прекратили свою трапезу. Крупные самцы выстроились перед стадом, почти плечом к плечу, готовясь встретить приближающегося хищника. Они образовали как бы ограду из ярких костяных гребней и наставленных рогов.

Тиранозавр свернул под углом и двинулся в нашем направлении. Он был теперь гораздо ближе, чем на расстоянии полумили, которая нас разделяла, когда мы его впервые заметили. Он выпрямился и помедлил, как бы колеблясь. Ему, по-моему, должно было быть ясно, что это стадо так легко атаковать не удастся. Хотя крупные самцы были намного меньше его ростом, но их рога вполне могли пропороть ему брюхо. Он, конечно, и сам бы мог своими жуткими челюстями искромсать одного или двух из них, но, пока бы он добрался до остальных, они бы выпотрошили его самого!

Он стоял на своих мощных ногах, ударяя массивным хвостом по земле и сметая в местах ударов весь растительный покров. Он поворачивал огромную голову из стороны в сторону, будто размышляя, под каким углом ему безопаснее ринуться в атаку?

И тут он, по-видимому, обнаружил нас, ибо круто повернулся на одной ноге, с силой топнув по земле другой. Он двинулся к нам и с каждым шагом оказывался на двенадцать футов ближе!..

Я прижал ружье к плечу и удивился, что его стволы нисколько не трясутся. Не было и намека на дрожь! Бывает, наверное, что, совершая работу, вы делаете ее лучше, чем сами предполагали. Я глядел туда, где небольшие ручки прикреплялись к туловищу. Слегка припустив ружье и целясь в место, в котором, по моему разумению, должно было находиться сердце, я спустил курок. Ружье с силой ударило мне в плечо, но я даже

не услышал выстрела, а мой палец, соскользнув с одного курка, переместился на другой. Во втором выстреле нужды уже не оказалось. Не добежав до меня, тиранозавр отпрянул и опрокинулся. Краем глаза я увидел Бена и легкое облачко дыма из дула его ружья. Мы, должно быть, выстрелили почти одновременно, и двух таких больших пуль оказалось более, чем смог выдержать гигант-динозавр!

— Посмотрите! — завизжала Райла, и я вместе с ее криком услышал грохот, доносящийся слева.

Я повернулся в ту сторону и увидел второго тиранозавра, несущегося прямо на нас. Он был уже слишком близко, чтобы мне успеть спокойно подумать. Он надвигался на нас очень быстро. Ружье Бена громынуло, тварь на мгновение покачнулась, но тут же продолжила свой грозный бег вверх по склону холма. Кто-то рядом сказал, что теперь дело за мной. Ружье Бена было пусто, а у меня в одном стволе еще оставался патрон. Голова тиранозавра приближалась, челюсти его начали широко раздвигаться, и шансов сделать приличный выстрел в его туловище не оставалось. Я сам не знаю, как мне удалось это сделать. Времени на обдумывание не было совсем. И то, что я сделал, уверен, было простым рефлексом, естественной защитной реакцией. Я нацелил ружье прямо в середину этой разинутой пасти и спустил курок. Почти надо мной взорвалась голова динозавра, и его туловище завалилось набок. Я отчетливо слышал гул от его удара о землю и ощутил колебание почвы под моими ногами. Это хлопнулись на землю восемь тонн плоти не более чем в тридцати футах от меня.

Бен, отскочивший в сторону, чтобы не попасть под эту массу, поднялся во весь рост, загоняя патроны в оба своих дула. За мной невозмутимо стрекотала камера.

— Великолепно, — произнес Бен. — Теперь мы кое-что о них знаем. Проклятые твари охотятся вдвоем!

Второй динозавр был мертв, его голова почти оторвалась от тела. Он еще содрогался и грозно поводил одной из когтистых задних лап. Зато первый динозавр пытался подняться на ноги, хотя после каждой попытки снова падал. Бен спустился по склону, направляясь к нему, и послал еще одну пулю ему в грудь. Она легко вошла в эту гору плоти.

Райла тоже медленно спустилась вниз, снимая мертвых тварей под разными углами, потом выключила камеру и наконец опустила ее. Я открыл свое ружье, зарядил его снова и взял под мышку.

Бен поднялся по склону ко мне.

— Приходится признать, что я слегка промахнулся. Та вторая гадина едва не придавила меня. Ты хлопнул ее прямо в голову. И разнес эту глупую башку напроочь!

— Это было единственное, что мне оставалось делать, — ответил я, вовсе не собираясь хвалиться.

Но я не стал объяснять, что это сработал примитивный инстинкт самосохранения, который был сильнее меня самого. Я совсем не планировал стрелять в голову динозавра и сделал это абсолютно инстинктивно. И не мог бы этого объяснить даже самому себе!

— А у другого, однако же, голова цела! — отметил Бен задумчиво. — Мы бы могли ее отрубить и уволочь!.. Всего лишь в качестве доказательства, а?..

— У нас доказательства уже есть, — возразил я. — У Райлы они имеются в избытке!

— Я понимаю, — не унимался Бен, — но мне просто совестно. Если бы ты помог мне унести эту голову, мы бы на ней здорово заработали!

— Но она же весит не меньше нескольких сот фунтов, — напомнил я.

— Но вдвоем-то...

— Нет, — отказался я. — Нам до наших колышков идти не меньше двух миль. И нам лучше поторопиться унести отсюда ноги!

— Не понимаю, почему?

Я жестом указал на двух мертвых динозавров.

— Пятнадцать тонн мяса, — сказал я. — Все пожиратели падали сейчас устремятся сюда, каждый хищник, который чует зловоние за много миль отсюда. И к ночи оба Рекса будут обглоданы до чистеньких скелетов. Мне хотелось бы убраться отсюда еще до начала этого пира.

— Но это дало бы прекрасный материал для фильма!

Я спросил Райлу:

— Тебе хватит того, что ты отсняла? Ты удовлетворена?

Она кивнула.

— Я и мечтать не могла о том, чтобы снять такое. Убийство этих двух гадин. Если это не убедит «Сафари

Инкорпорейтед», то уж и не знаю, что еще их сможет убедить!

— Ну и прекрасно, — сказал я тоном, подтверждающим, что все действительно прекрасно. — Мы отправляемся домой!

— Ты просто цыпленок, — буркнул Бен.

— Да, я цыпленок! Мы получили все, за чем сюда явились. И мы должны уйти, пока можем это сделать!

— Я тоже думаю, — примирительно сказала Райла, — что мы должны уходить. Я совсем сбила себе ногти на ногах.

Глава 17

Мы вернулись из мелового периода ранним утром в понедельник. А теперь была уже пятница. За эти четыре дня было сделано множество дел. Началось строительство ограды вокруг моих сорока акров: были установлены высокие железные столбы на бетонных основаниях, между ними натянута железная сетка, приваренная к каждому из них. По внутреннему периметру ограды протянулась траншея для укладки электрического кабеля, по которому должен был подводиться ток к прожекторам. Уже был готов фундамент для административного здания и доставлены бревна и доски для его постройки. Мотель Бена тоже начал строиться. Накануне Райла уехала в Нью-Йорк с нашим фильмом. Кортни Маккаллахан, тот юрист из Вашингтона, тоже прилетел в Нью-Йорк, чтобы вместе с «Сафари Инкорпорейтед» участвовать в просмотре. Пленка была проявлена в лаборатории «Сафари», чтобы не привлекать внимания посторонних лиц или фирм.

Я, задрав хвост, носился по делам, причем Бен очень помогал во всем, что делалось. Он наладил массу необходимых контактов, упрашивал и требовал, где было надо, раздобыл бригады рабочих для строек. Большинство рабочих было набрано из сезонных поденщиков, трудившихся обычно на фермах, но Бен нашел и несколько опытных мастеров, под руководством которых дело продвигалось достаточно успешно...

— Вся штука в том, — не раз говорил он мне, — чтобы не медлить и закончить ограду и административное здание как можно скорее, пока люди не начали лезть с расспросами. А как только мы закончим, пусть спрашивают. Мы им покажем нос из-за ограды!

— Но, Бен, — возражал я, — у тебя же полно своих собственных дел! У тебя у самого строительство мотеля и дела твоего банка. Ты же не имеешь прямой заинтересованности в этой стройке!

— Но вы ведь заняли у меня приличную сумму, значит, у банка есть прямой интерес в вашем деле, — отвечал он. — Вы дали мне импульс для начала постройки мотеля и для многих других попутных дел. Я скупил каждый свободный клочок земли вокруг этого участка. Например, ту ферму, что к востоку от вас. Я ее прихватил буквально на днях. Старый Джек Колб думал, что прилично наколот меня, получив за нее больше, чем она, по его разумению, стоит. Я в его глазах выглядел простачком, купившим ее не торгуясь. А чего он уразуметь не мог, так это того, что цена возрастет вдесятеро, если здесь наладится ваш бизнес. Да вы еще взяли меня с собой в ту вылазку к динозаврам. В жизни этого не забуду! Я был бы должен сам заплатить вам за это. А кроме всего, полагаю, что за участие в этой стройке вы выдадите мне какой-нибудь процент из ваших дивидендов?

— Пусть сперва этот бизнес начнется, — говорил я, — а то как бы нам не оказаться погребенными под всеми нынешними хлопотами!..

— Черт возьми, — возражал он, — не вижу, почему такое может приключиться? Это дело — самое грандиозное из всех, которые когда-нибудь предпринимались в мире. Каждый человек, весь белый свет сойдут с ума от ваших замыслов. И у вас с Райлой будет дел больше, чем вы сможете удержать в руках. Но ты не беспокойся, а лучше смотри в оба. Говорю тебе, парень, мы вместе управимся со всем!

...Я сидел на кухне, беседа с Хайрамом. Мы потягивали пиво. Первый раз с начала работ мне удалось выкроить минутку и вот так посидеть. Я сидел, пил свое пиво и чувствовал себя бездельником, мучительно раздумывая над всем, что еще предстояло сделать.

— Кошкин Лик, — сообщил Хайрам, — очень взволнован всем, что здесь происходит. Он все спрашивает

про ограду, а я пытаюсь ему объяснить. Я говорю ему, что когда ее закончат, он сможет сделать много дырок времени. Это его радует. Ему не терпится начать.

— Но он же может делать их, когда захочет? Ведь его-то ничто не может остановить, правда?

— Мне кажется, мистер Стил, он не хочет делать эти дырки просто ради забавы. Их же могут использовать во вред. Сделал несколько штук для Баузера, но они его не очень удовлетворили.

— Да нет, я и не думаю, что он стал бы их делать теперь ради забавы. Впрочем, Баузер неплохо порезвился в этих «дырах»! Из одной он даже приволок домой кость динозавра!

Я направился к холодильнику, чтобы взять еще пива.

— Выпьешь еще? — спросил я Хайрама.

— Нет, благодарю вас, мистер Стил. По правде говоря, я не очень-то люблю эту штуку. Я выпил с вами просто за компанию.

— Я просил тебя узнать у Кошачьего Лика насчет того, как велики могут быть эти «дыры времени»? Люди из «Сафари», возможно, захотят переправить по ним грузовики.

— Он сказал, что с этим проблем не будет. Сказал, что дырки будут так велики, как надо. Можно будет переправить что угодно.

— А он закрыл ту, которую мы использовали? Не хотелось бы, чтобы сюда шастали какие-нибудь динозавры!

— Он закрыл ее, — ответил Хайрам, — сразу после вашего возвращения. И с тех пор она закрыта.

— Ну и прекрасно, — заключил я, вновь принимаясь за пиво.

Было так здорово здесь сидеть, ничего не делая!

По ступенькам крыльца кто-то поднимался. В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул я.

Это был Герб Ливингстон.

— Хватай стул, — предложил я. — Сейчас принесу тебе пива.

Хайрам поднялся.

— Я и Баузер пойдем поглядим, что делается вокруг.

— Ладно, — ответил я, — но не выходите за территорию. Ты мне можешь понадобиться.

Баузер тоже поднялся со своей подстилки и пошел за Хайрамом.

Герб сорвал заклепку с пивной банки и бросил ее в мусорный бачок.

— Эйза, — проговорил он, — ты сторонись меня!

— Не тебя одного, — ответил я. — Я избегаю встречаться с кем бы то ни было.

— Но ведь что-то происходит, — настойчиво произнес Герб, — и я хочу знать, что именно. «Вестник Виллоу Бенда», возможно, и не величайшая в мире газета, но мы здесь имеем только ее, и уже пятнадцать лет я рассказываю людям о всех событиях, происходящих в нашем городке!

— Так вот, Герб, — ответил я. — Запомни, я не собираюсь тебе ничего сообщать. Даже если ты будешь кричать на меня и бить кулаком по столу, все равно ничего тебе не скажу!

— Но почему же? — спросил он. — Мы дружили с детства. Мы знаем друг друга так много лет! Ты, и я, и Бен, и Ларри, и все остальные. Бен-то знает, что здесь происходит! Ты ведь рассказал что-то Бену?

— Ну и спроси об этом Бена!

— Но он тоже не желает ничего говорить. Предлагает спросить у тебя. Он говорит, что весь этот бизнес затеян для кого-то, кто задумал основать здесь звероводческую ферму. Но я понимаю, что все это вовсе не так. Значит, дело в другом. А это другое заключается в том, что ты обнаружил в той старой яме разбившийся космолет! Разбившийся тысячу лет назад. Ну и что же из этого будет следовать?

— Ты пытаешься что-то выудить из меня, — отмахнулся я, — но вряд ли сумеешь узнать что-нибудь путное. У меня, конечно, есть кое-что на уме, это так, но любая публикация может вызвать сейчас совсем нежелательный вой. Когда придет время, я сам тебе все расскажу.

— Когда тебе понадобится реклама, ты это хочешь сказать?

— Возможно, и так.

— Послушай, Эйза, мне не хочется, чтобы газеты больших городов перехватили эту сенсацию. Я не желаю, чтобы они опубликовали ее раньше меня! Чтобы меня обскакали на моем же собственном поле!

— Черт возьми, да ведь тебя обскакивают всю дорогу! — взорвался я. — Во всех важных происшествиях. А чего иного ты можешь ожидать от своей газеты, выходящей раз в неделю? Новости происходят не на недельной основе, а ежедневно. Твоя сила не в освещении крупных событий. Они и не дойдут до тебя вовремя. Люди читают твой «Вестник» потому, что ты пишешь о маленьких новостях, относящихся к городку. И смотри на это именно с такой позиции. Если я потяну то, что затеял, это даст Виллоу Бенду место на карте. Это поможет каждому его жителю. И расцвет бизнеса и большие прибыли — все это будет здесь. Если только дело удастся, всем станет лучше. Так что же, ты бы хотел преждевременной публикацией лишить шансов и меня, и себя? Ведь такая поспешная публикация может сгубить все!

— Но мне же надо хоть что-нибудь написать! Я же не могу делать вид, что ничего не замечаю!

— Ну и ладно, напиши свое «что-нибудь»! Об ограде, о мотеле Бена, обо всем, что происходит на поверхности. Поразмышляй, к чему бы все это, если хочешь. Ты имеешь на это полное право. В крайнем случае, напиши, что ты говорил со мной и что я не сообщил тебе ничего существенного. Я не могу тебе в этом помешать, но я бы и не хотел препятствовать. Мне жаль, Герб, но больше ничего не могу для тебя сделать!

— Я полагаю, — сказал Герб, — что ты тоже имеешь полное право на умолчание. Но я все же попытался тебя расспросить. Я сделал эту попытку. Ты меня понимаешь, не так ли?

— Конечно, понимаю. Как насчет еще одной баночки пива?

— Нет, спасибо. Некогда. Мы сегодня ночью выпускаем номер. Я должен успеть поместить в нем свой репортаж.

После ухода Герба я еще посидел на кухне, сожалел о том, как я с ним обошелся. Но я не мог дать ему никакого материала для рассказа. Я понимал, что он чувствует, что может чувствовать в такой ситуации любой газетчик. Самое для них страшное — это то, что у них могут перехватить сенсацию. Но, прежде чем выйдет через неделю следующий номер его газеты, возможно, новость уже просочится наружу. И тем не

менее, говорил я себе, в данный момент я ничем не мог бы ему помочь...

Я встал, швырнул пустую банку из-под пива в мусорный бачок и вышел за дверь. Был уже вечер, но все бригады работали, и я удивился, насколько еще продвинулась ограда. Я поглядел вокруг, не видать ли Кошачьего Лика. Меня бы не удивило, если бы я обнаружил, что он прячется на меня с одной из яблонь. В последние дни он там частенько появлялся. Вместо того чтобы прятаться, как он это делал раньше, теперь Лик норовил быть как можно ближе к нам.

Но в данный момент не было видно ни его, ни Хайрама, ни Баузера. Я спустился к ограде и прошел вдоль нее к месту, где трудились рабочие. Я постоял, поглядел на них, потом вернулся в дом.

У входа стоял полицейский автомобиль, и в одном из моих садовых кресел сидел человек в форме шерифа. Когда я приблизился, он встал и протянул мне руку.

— Я шериф Эймос Редман, — представился он. — Вы, наверное, Эйза Стил? Бен сказал, что я найду вас здесь.

— Рад вашему приезду, — сказал я. — Но каковы его причины?

— Бен сообщил мне, что вам могут понадобиться охранники для патрулирования вокруг этой ограды. Могли бы вы мне рассказать, для чего она строится?

— Единственное, что могу вам сообщить, шериф, — ответил я, — все это совершенно законно.

Его слегка передернуло, как от неудачной шутки.

— Никогда и не подумал бы о противоположном, — возразил он, — насколько я знаю, вы когда-то были одним из мальчишек Виллоу Бенда. А когда же вы вернулись?

— Меньше года назад.

— Похоже, вы решили тут обосноваться?

— Надеюсь, что так и будет.

— Касательно охранников, — сказал он. — Я разговаривал с полицейской ассоциацией в Миннеаполисе, и они сообщили, что готовы заключить с вами соглашение. Некоторые из членов ассоциации потеряли работу из-за сокращения фондов и могли бы пригодиться вам.

— Рад это слышать. Нам нужен квалифицированный персонал.

— У вас имеются еще какие-нибудь трудности? — поинтересовался шериф.

— Трудности? О, вы, наверное, имеете в виду зевак?

— Вот именно. Тут в ходу довольно забавные толки. В частности, о разбившемся звездолете...

Он внимательно посмотрел, оценивая мою реакцию.

— Да, шериф, — признался я как бы нехотя. — Полагаю, здесь может оказаться инопланетный корабль. Не здесь именно, а в лесу и под тоннами земляных наносов.

— Черт меня подери! — воскликнул он. — Если это так, то на вас нахлынут толпы любопытных. Я теперь понимаю, зачем вам понадобилась ограда. Я велю своим ребятам послоняться здесь и понаблюдать за порядком. И если вам понадобится помощь, вы знаете, где меня найти!

— Благодарю, — сказал я. — Но я полагаю, вы понимаете, что эта информация о космолете некоторое время не должна разглашаться?

— Разумеется, — важно заверил он меня. — Это останется сугубо между нами!

Когда я входил в дом, зазвонил телефон. Это была Райла.

— Где ты был? — спросила она. — Не могла к тебе дозвониться!

— Выходил прогуляться. Я не ожидал услышать тебя так скоро. Все ли в порядке?

— Эйза, не то слово! Больше, чем в порядке! Мы просмотрели фильм сегодня вечером. Он изумителен! Особенно тот эпизод, где вы с Беном одолеваете тиранозавров. Люди сидели на краешках стульев. Это было так захватывающе! А тот треск, который издавали трицератопсы! Он был таинственным, как предсказание... Господи, даже не знаю, как его охарактеризовать. Он был из другого мира. И от него по спине пробегали мурашки. «Сафари» уже разинула пасть, но мы не пожелали с ними пока разговаривать...

— Как не пожелали разговаривать? Во имя Христа, Райла, в чем дело? Зачем же мы рисковали жизнью?

— У Кортни появилась одна сумасшедшая идея. Он не дал мне вступить в переговоры, сказал, что это потерпит. Мы завтра прилетаем.

— Мы?

— Кортни и я. Он хочет переговорить с нами обоими. Сегодня вечером он улетел в Вашингтон, но утром вернется в Нью-Йорк и захватит меня.

— Захватит тебя?

— Да, у него собственный самолет. Я ведь, кажется, забыла тебе об этом сказать.

— Да, ты забыла. Это так.

— Мы приземлимся в Ланкастере. Это небольшой самолетик, и тамошнего поля вполне для него хватит. Я тебе сообщу точное время попозже.

— Я вас заберу оттуда.

— Возможно, это будет после полудня. Я тебе еще позвоню.

Глава 18

Кортни Маккаллахан был гораздо моложе и крупнее, чем я предполагал. Странно, каким мы рисуем воображаемый портрет человека еще до знакомства с ним. По-моему, этот портрет диктуется звучанием имени. Мне лично носитель имени Маккаллахан представлялся в виде маленького гнома, учтивого, круглолицего, с белоснежными волосами и неторопливой грацией движений.

А на деле он оказался довольно массивным мужчиной, не то чтобы очень уж молодым, но моложе, чем мне представлялось. Его волосы вились и начинали приобретать серо-стальной оттенок, а лицо казалось высеченным из крепкого куска дерева, причем с применением не слишком острого топора. Руки его были толщиной почти с мое бедро. Я почувствовал к нему какую-то безотчетную приязнь.

— Как дела с оградой? — спросил он после первых приветствий.

— Идут вовсю, — сказал я. — Мы закончим ее к следующему уик-энду. Во всяком случае, не позднее субботы или воскресенья.

— Двигаетесь ускоренным маршем, да?

— Темпы стройки не моя заслуга, — ответил я. — Это дело рук Бена.

— А что, этот Бен надежный малый?

— Он был моим другом большую часть моей жизни.

— Если вы позволите мне сказать свое мнение, — сказал Кортни, — то я считаю, что вы с Беном вели себя блистательно в том поединке с тиранозаврами. Так мужественно не дрогнуть перед этими тварями! Боюсь, я бы не смог им противостоять!

— У нас были громадные ружья, — ответил я, — к тому же бежать было просто некуда!

Мы пошли к машине, Райла шла за мной. Она обеими руками схватила мою кисть и сжала ее.

— Я тоже, — ответил я на ее невысказанные слова.

— Я забыла сказать тебе о пленке, — произнесла она. — А ты забыл меня спросить. Она надежно упрятана. В сейфе Нью-Йоркского банка.

— Как только дело потребует внимания публики, — заявил Кортни, — мы объявим аукцион на эту пленку. И продадим права на ее прокат как можно дороже!

— Я не уверен, — откликнулся я, — что нам захочется ею торговать...

— Мы будем торговать чем угодно, — сказала Райла, — если цену дадут подходящую.

Я выехал с территории паркинга при аэродроме. На ней было совсем мало машин. На летном же поле, кроме авиетки Кортни, находился всего один самолет. А в ветхом ангаре стояло еще несколько частных машин.

Проехав милю или две от летного поля, мы оказались вблизи от небольшого торгового центра: супермаркет, скобяная лавка, хозяйственные товары, магазин мужской одежды, несколько других лавчонок...

— Давайте въедем туда и припаркуемся, — предложил Кортни, — только подальше от других машин.

— Конечно, если вам это угодно, — ответил я. — Но зачем?

— Пожалуйста, окажите мне эту любезность, — попросил он.

Я въехал на территорию центра и нашел место для парковки на самом краю автомобильной стоянки. По соседству с нами машин не было. Я включил мотор и пересел на заднее сидение.

— Для конспирации, — объяснил Кортни. — Меня бросает в дрожь при мысли о возможном подслушивании.

— Ну что ж, давайте! — сказал я.

Я взглянул на Райлу и понял, что она удивлена не меньше моего.

Кортни устроился поудобнее и приступил к изложению дела.

— Я провел бессонную ночь, обдумывая ваше положение, — сказал он. — Оно во многих аспектах показалось мне весьма уязвимым. О, насколько я могу судить, с правовой точки зрения в вашем проекте все в порядке! Он, разумеется, уникален и вполне законен. А беспокоит меня вот что: вас может догола раздеть Государственная налоговая инспекция. Если все пойдет как надо, в чем я уверен, вы сделаете кучу денег. А если кто-то делает эту кучу денег, то он, с моей точки зрения, должен попытаться оставить себе столько, сколько сможет, конечно, не нарушая при этом законы...

— Кортни, — вмешалась Райла, — но я не совсем понимаю...

— А вы соображаете, сколько может у вас отобрать налоговая инспекция? — спросил Маккаллахан. — С каждого миллиона долларов?

— Лично я имею об этом лишь приблизительное представление, — всего лишь приблизительное.

— Вся беда в том, — пояснил он, — что у нас нет тех лазеек, которыми пользуются крупные корпорации. Они изыскивают возможности укрывать часть доходов или создавать параллельные счета, находя способы их защиты от обложения налогами. Конечно, мы бы могли зарегистрировать вас как корпорацию, но это потребовало бы массу времени да и привело бы к ряду новых трудностей. Однако имеется один выход, который представляется мне блестящим, и я бы хотел знать, как он понравится вам. Если вы обоснуете ваш бизнес вне пределов Соединенных Штатов, у вас этих проблем не возникнет. Налоги на доходы не могут касаться иностранного бизнеса.

— Но мы же должны оставаться в Виллоу Бенде, — запротестовала Райла. — Ведь наш бизнес осуществим только там!

— Не торопитесь, — ответил Кортни. — Давайте немного помозгуем. А что если вам использовать ваши возможности перемещений во времени и обосновать свою резиденцию в прошлом? За тысячу лет до наших дней или даже за миллион? Выбрав для этого наиболее подходящее прошлое? Я полагаю, что в любом случае

должно быть выбрано время, предшествующее возникновению США, но еще лучше, если это будет время, когда в Европе и не помышляли о существовании Америки... Правда, если в наше время можно было бы отыскать уединенный остров, на который не претендует ни одна сильная страна... А впрочем, не представляю, где такой остров может быть, да есть ли вообще такое место на Земле? Но если бы оно и нашлось, это было бы совсем не близко от Виллоу Бенда. Совсем другое дело — удаление во времени! Вы бы могли в этом случае оказаться на расстоянии пешего хода от Виллоу Бенда.

— Не знаю, — пробормотал я. — Ведь мы бы все равно поселились на земле, которая со временем станет частью этого государства!

— Да, я понимаю вас, — ответил Кортни. — И налоговая служба тоже может попытаться привести этот аргумент. Они могут затеять тяжбу, но если это произойдет, мы сумеем доказать, что национальный суверенитет любой страны не распространяется на прошлые эпохи.

— Но ведь ферма в Виллоу Бенде — это реальное место, где мы можем осуществлять свой бизнес? — спросила Райла.

— Отнюдь нет, если вы поселитесь в другом месте! И все должны быть абсолютно убеждены, что у вас лично в Виллоу Бенде нет ни бизнеса, ни офиса. Вы могли бы уговорить Хайрама и это существо, «Кошачий Лик», переселиться вместе с вами в другое время?

— Не знаю, — ответил я.

— Но ведь Виллоу Бенд здесь останется, не так ли? — спросила Райла.

— Всего лишь как ваше американское агентство, — возразил Кортни. — У вас должен быть человек, исполняющий обязанности вашего агента. В этом качестве мне представляется наиболее подходящим ваш друг Бен. Временная дорога, или туннель, или канал, как бы вы его ни называли, должен быть всего лишь входом в вашу резиденцию, где вы и будете осуществлять свой бизнес и расположите все выходы в дальнейшие временные измерения.

— Но налоговая служба попытается наложить лапу и на это! — заметила Райла.

— Конечно, они могут попытаться. Но, оценивая ситуацию трезво, не думаю, чтобы они это затеяли. Особенно, если Бен откупит эту ферму у вас за приличную цену еще до того, как вы начнете свой «временной» бизнес. Вот в чем загвоздка всего дела! Даже имея основания для неуплаты налогов, вы не можете осуществлять никакой иной бизнес в США. Вот почему я вчера отказался вести переговоры с фирмой «Сафари». Если они захотят вести эти переговоры, пусть явятся в вашу новую резиденцию!

— Но ведь я с самого начала договаривалась с «Сафари», — неуверенно произнесла Райла. — Да мы еще и фильм им показали!

— Да, здесь имеются немного щекотливые моменты, — согласился Кортни, — но я думаю, их можно отрегулировать. И я полагаю, что следует еще успокоить власти и доказать им, что никакой бизнес здесь не осуществляется. А что касается вчерашнего отказа от переговоров, то я берусь объяснить фирме, что мы всего лишь отказались оформить это немедленно.

— Но нам все равно придется заключить с ними контракты? — спросила Райла.

— Они могут быть составлены в Нью-Йорке или любом другом месте, где базируется второй участник сделки, но это будет контракт между американской фирмой и неамериканской компанией. Это общепринятая процедура. Но вы должны, вы просто обязаны иметь неамериканский адрес. Так где же вы могли бы расположить свою резиденцию?

— В одном из самых поздних межледниковых периодов, — сказал я. — Возможно, в Сангамоне *. Климат хороший, природа близка к родной...

— Какие опасности? Фауна?

— Мастодонты, — ответил я. — Саблезубы. Разные медведи. Пещерные волки. Но приспособиться можно. Это, скорее всего, звучит страшнее, чем выглядит на самом деле.

— Мы бы могли назвать наше новое обиталище Мастодонией, — предложила Райла.

* Третий межледниковый период в Северной Америке.

— Превосходно, — согласился Кортни. — Это название несет в себе понятие и иного времени, и иного места!

— Но мы, что же, должны оставаться там все время? — забеспокоилась Райла. — Не думаю, что такая перспектива приводит меня в восторг!

— Не все время, — ответил Кортни, — но достаточно много для того, чтобы честно назвать это место домом. Вы сможете часто навещать Виллоу Бенд и путешествовать, где вам вздумается. Но бизнес ваш целиком должен осуществляться в Мастодонии. Я даже тешу себя идеей о том, чтобы вы там провозгласили себя государством и пригласили Соединенные Штаты и другие страны для ознакомления и организации представительств. Но этих представительств должно быть не более двух или трех. А впрочем, я не уверен, что это так уж осуществимо. Но если бы это, в конце концов, удалось, скажите, есть ли шанс уговорить некоторых ваших соседей по Виллоу Бенду переехать туда?

— Возможно, — сказал я. — Впрочем, уверенности нет.

— Но ведь это очень заманчиво! Свободная земля в полное владение. Никаких налогов. Простор для деятельности. Прекрасные охота и рыбалка...

— Но я же еще ничего не знаю, — повторил я.

— Ну ладно, это мы обсудим потом.

— А как насчет денег и банков? — поинтересовалась Райла. — Куда мы станем девать все те деньги, которые к нам, по вашим словам, поплывут? Естественно, не в американские же банки мы их поместим, где налоговая инспекция может на них покуситься?

— Это легко осуществить, — ответил Кортни. — Откроете счет в Швейцарии. Например, в Цюрихе. Ваши клиенты смогут переводить деньги на ваш швейцарский счет. Они, конечно, могут часть оплачивать наличными, чтобы вы сумели выдавать Бену его проценты и иметь фонд для других срочных платежей. Но если вы надумаете это делать, вам следует открыть счет немедленно, так, чтобы дело выглядело чистым. Если вы откроете счет раньше, чем начнут поступать перечисления по сделкам о перемещениях во времени, то вы сможете отшвырнуть подальше каждого, кто попытается обвинить вас в сокрытии доходов. Первоначальный взнос в банк должен быть достаточно ощутимым, чтобы

никто не мог заявить, что это всего лишь символический депозит.

— Я только что продала свою долю в экспортно-импортном бизнесе моему компаньону в Нью-Йорке, — сказала Райла. — Его первый платеж, который составит сто тысяч, поступит через день-два. Но мы не можем ждать. Я выдам чек на банк Бена, и он одолжит нам эти сто тысяч. Мы уже прилично задолжали, но, я полагаю, он пойдет и на это.

— Вот и прекрасно, — одобрил Кортни. — Сто тысяч — это то, что надо прежде, чем вы отбудете в Мастодонию, и при этом в оставленном вами адресе будет указано «Мастодония»! Итак, как я понял, вы одобрили мое предложение?

— Оно кажется мне немного слишком хитроумным, — отметил я.

— Конечно, затея вполне хитроумна. Но в целом она вполне легальна! Возможно, что кому-нибудь захочется это оспорить, но у нас будут достаточно веские аргументы.

— Половина всего мирового бизнеса построена на хитроумии, — сказала Райла.

— Даже если нас вызовут в суд и мы проиграем по нескольким пунктам, — добавил Кортни, — все равно будет не хуже, чем то, что мы имеем сейчас, а скорее всего, намного лучше. У нас должен быть достаточный выбор вариантов бизнеса, если это понадобится. Я никогда не начинаю дела, не имея «хитроумных» идей. И в суд являюсь только для того, чтобы выиграть. Впрочем, насчет суда это всего лишь гипотеза. У человека, имеющего резиденцию вне Америки, совсем другое положение. Он не подвержен никакой государственной регуляции, никакому давлению, не обязан заполнять отчетные формы, на него нельзя завести досье!

— Все говорит в пользу того, что предложение правильно, — сказала Райла. — Честно говоря, я и сама беспокоилась по поводу налоговых обязательств.

— Ну, ты-то встречалась с подобными вещами. — вставил я, — а я — нет...

— Итак, вы почти немедленно отправитесь в Мастодонию, — заключил Кортни, — и обоснуете там резиденцию. Я полагаю, что поначалу это мог бы быть дом на колесах...

— Я позабочусь об этом, — обещала Райла, — пока Эйза съездит в Цюрих.

Она повернулась ко мне:

— Насколько я помню, ты говоришь по-французски?

— Немножко, — ответил я. — Достаточно, чтобы меня поняли. Но ты сама должна была бы...

— Я не говорю по-французски, — отрезала Райла. — Только по-испански и немного по-немецки, но совсем немного. И вот почему в Цюрих следует поехать тебе. Я же останусь здесь и прослежу за всем, что должно осуществляться тут, на месте.

— Похоже, что вы владеете ситуацией, — отметил Кортни. — Поэтому я предоставляю дальнейшие действия вам. Звоните мне по самому малому поводу. Не ждите больших осложнений, обращайтесь сразу, как только возникнет вопрос. И вот что, Райла, необходимо, чтобы Эйза получил нотариально заверенную доверенность от вас, прежде чем он отбудет. И еще — не делайте Бена вашим агентом раньше, чем обоснуете вашу резиденцию в Мастодонии.

— Один вопрос, — сказал я. — Если мы достаточно разозлим власти, не решат ли они объявить нас «персона нон грата», то есть нежелательными личностями, и запретить нам передвижение взад-вперед между Мастодонией и Виллоу Бендом? Или даже закрыть временной туннель в Мастодонию?

Кортни помедлил.

— Полагаю, они могут попытаться предпринять что-нибудь в таком духе, но тогда мы им объявим сущую войну, вплоть до передачи вопроса в ООН. Впрочем, вряд ли до такого дойдет, да они и сами вряд ли захотят с этим связываться.

— Я думаю, что так оно и будет, — согласился я. — Решение принято! Странно, что мы проворачиваем такие дела в столь короткие сроки...

— Сам план определяет сроки действий, — отметила Райла. — Нельзя же возразить на столь разумные и веские соображения!

— Ну-с, в таком случае, — произнес Кортни, — вы можете отвезти меня обратно на летное поле.

— Вы что, даже не заедете на ферму? — удивилась Райла. — Я думала, вам хотелось познакомиться с Бендом?

— В другой раз, — сказал он. — Я изложил вам все, что хотел, и так, чтобы никто другой не смог этого услышать. Теперь начнутся горячие денечки, и времени терять нельзя!

Он радостно потер руки.

— Это начинает становиться чертовски занятным! — воскликнул он. — Занятнее, чем все, что я делал в своей жизни до сих пор!

Глава 19

На обратном пути из Цюриха самолет сделал посадку в Лондоне. Я купил там газету и увидел в ней кричащий заголовок: «ЗАГАДОЧНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ ПУТЕШЕСТВУЮТ ВО ВРЕМЕНИ!»

Я взял несколько других газет. Рассудительная «Таймс» толковала об этом спокойно, но все остальные вопили об этом буквально взахлеб.

Большинство фактов было перепутано, но суть, в общем, не искажалась. Райла и я выглядели некоей таинственной парой. Местопребывание Райлы установлено не было, но, по слухам, она проживала в каком-то месте, именуемом Мастодонией. Никто точно не знал, где эта Мастодония располагается, но некоторые догадки весьма близко подходили к истине. Муссировалась версия о том, что я нахожусь за пределами США, но никто не мог указать, где именно. Впрочем, газетчиков это не останавливало: они выдвигали, на мой взгляд, довольно фантастические догадки. Был проинтервьюирован Бен, который подтвердил, что он наш американский агент, но ничего больше не сообщил. Герберт Ливингстон, представитель Бена по общественным связям, тоже весьма лаконично сообщил, что любые заявления сейчас были бы преждевременными и что сам он пока ничего больше сказать не может. Я изумился, каким это образом, черт побери, Герб вдруг стал нашим «представителем по общественным связям», или, попро-

сту говоря, рекламным агентом? И вся эта история базировалась на данных неких «авторитетных источников», хотя ни единым словом не упоминалось, каких именно. Между тем «Сафари Инкорпорейтед», каким-то образом со всем этим связанная, по словам газетчиков, не отрицала, что существует фильм об охоте на динозавров, состоявшейся в эпоху, удаленную от нашей на семьдесят миллионов лет назад. Цитировалось заявление некоей кинокомпании о том, что она крайне заинтересована этой лентой. Фирма «Сафари» своего интереса и не думала скрывать. Ни в одной публикации имя Кортни Маккаллахана не было упомянуто, что делало для меня вполне ясным то, откуда пошла «утечка» информации.

Четыре известных физика, один из которых — нобелевский лауреат, также были проинтервьюированы. Каждый из них с разной степенью апломба заявил, что перемещаться во времени никак нельзя.

Но каждая из публикаций опиралась на предположение, что в деле замешана машина времени, ибо о ее отсутствии знало всего пять, вернее, шесть человек! По-видимому, в это количество осведомленных теперь входил и Герб Ливингстон.

В газетах буквально агонизировали так называемые «научные популяризаторы», на все лады варьировавшие предполагаемую форму и принципы действия такой машины. И лишь в одной из статей этого рода автор снизошел до упоминания имени Герберта Уэллса!

Первый же взгляд на буквально орущий заголовок в первой из купленных мной газет заставил меня крайне напрячься, но довольно скоро, пробежав глазами остальные статьи, я почему-то успокоился. Пока о наших возможностях перемещений во времени знало не очень много народу, это представлялось мне тайной немного мальчишеской и отчасти глуповатой. Но ситуация резко изменилась, когда об этой тайне затрубил весь мир. Я поймал себя на том, что озираюсь вокруг, чтобы проверить, не опознан ли я? Но такое предположение было довольно наивным, поскольку пока в лондонских газетах не появилось ни моей фотографии, ни снимков Райлы. Но это же не могло продолжаться и впредь: в бульварных газетенках наверняка очень скоро будут опубликованы наши фотографии. Поэтому, хотя в этих предварительных публикациях не говорилось о том, кто

мы такие, газетчики, несомненно, докопаются до всего, и тогда уж снимков не избежать!

Я понял, что ужасно хочу снова оказаться в Виллоу Бенде, где я буду в относительной безопасности от вторжения внешнего мира в мою жизнь. И предстоящие часы полета до дома вдруг ввергли меня в панику, повинувшись которой я совершил нелепый поступок — купил в магазинчике аэропорта темные очки. Я никогда их раньше не носил, даже во время раскопок, и поэтому надеть их сейчас казалось мне глупостью. И все же я это сделал, так как они давали мне, хоть и символическое, но ощущение защищенности.

Первым моим порывом было выбросить все купленные газеты, чтобы ни малейшим намеком не выдать моего интереса ко всей этой истории. Но, подумав о том, как Райла и Бен сумели отбиться от любопытных, я свернул все эти газеты трубкой и взял их под мышку.

Мой сосед по полету, надутый американец средних лет, на мой взгляд, смахивающий на банкира (хотя, возможно, никаким банкиром он и не был!), тоже обзавелся газетой, торчавшей из кармана его куртки. Он не проявил ни малейшего желания к общению со мной, за что я был ему от души признателен. Впрочем, после того как стюард принес нам ужин, он немного оттаял и снизошел до меня, как бы вдруг обнаружив мое присутствие.

— Читали эту галиматью о том, что кто-то перемещается во времени? — спросил он.

— Да, что-то такое заметил, — отозвался я.

— Но вы же знаете сами, что это невозможно? Удивляюсь, как могут газеты опуститься до этого? Ведь журналисты, знаете ли, не такие дураки! Они-то должны знать, что к чему?

— Погоня за сенсацией, — предположил я. — Надо же поместить броский материал, чтобы обеспечить спрос на газеты...

Он не ответил, и я подумал, что беседа исчерпана, но через несколько минут он произнес, обращаясь не столько ко мне, сколько ко всему свету:

— Опасное дело, знаете ли! Шныряние по времени может привести к массе неприятностей. Даже изменить историю. Мы не можем этого допустить! Вполне довольно и того, что есть, безо всякой этакой кутерьмы!

За всю остальную дорогу он не сказал больше ни слова. Поистине мне попался наилучший из всех возможных попутчиков!

Я все время ощущал какую-то тревогу и никак не мог с этим совладать: думал о том, готова ли ограда, работают ли прожектора на ней, набран ли штат охранников. Кортни Маккаллахан, если он и в самом деле запустил всех этих репортеров, конечно, должен был быть полностью уверен, что в Виллоу Бенде все готово...

Время шло, и я наконец заснул и не просыпался до тех пор, пока мы не приземлились в аэропорту Кеннеди.

Я, вопреки логике, допускал, что в «Кеннеди» меня могут ожидать репортеры. Но кто же мог знать, что я лечу этим рейсом? Едва добравшись до киоска с газетами, я схватил «Нью-Йорк таймс» и увидел на первой полосе мои с Райлой фотографии. Они были давние, но нас все же можно было узнать.

Я обсудил сам с собой, стоит ли звонить Райле или Бену, либо в Вашингтон Маккаллахану, и решил, что не стоит. Раз тут нет никаких журналистов, стало быть, их может не оказаться и в Миннеаполисе. Райла и Бен знают, каким я рейсом могу прибыть туда, и будут ждать меня в аэропорту.

Но их там не оказалось. Вместо них меня встречал Элрод Андерсон, управляющий супермаркетом в Виллоу Бенде. Я чуть было не прошел мимо него, поскольку почти не был с ним знаком, но он схватил меня за локоть и сообщил, кто он такой, после чего я его признал.

— Бен не может отлучиться, Райла тоже, — сообщил он. — Там, в Виллоу Бенде, видимо-невидимо репортеров, и, если бы Бен или Райла выехали, газетчики бы от них не отстали. Бен позвонил мне и попросил вас встретить. Он сказал, что только так вы сможете вернуться от них. Я привез вам старую одежду, чтобы вы переоделись, и даже накладные усы.

— Не уверен, что нацеплю эти усы, — пробормотал я.

— И я подумал, может, не захотите, — сказал Элрод, — но все же захватил их. Они вполне приличные, выглядят, как натуральные. Там собралась толпа зевак, и все время прибывают новые. Не понимаю, что они ожидают там увидеть? Некоторые уже выражают разочарование, поскольку и впрямь смотреть не на что.

Кое-кто приехал с домиками-фургонами, будто собираясь тут надолго засесть. Бен уже сдает под кемпинг ту ферму, которую недавно купил. Она к востоку от восточной, совсем рядышком. Он еще устроил там же большой паркинг для других машин. Бен нанял рабочих, чтобы оборудовать все это. А сторожит эту стоянку старый Хромой Джонс. Он не имел работы почти тридцать лет, да ведь он и мастер увертываться от нее! Должно быть, сейчас он кое-что сгребает с выручки в свой карман. Но вряд ли сумеет с этим улизнуть. Бен его поймает как пить дать! Бен же один из самых крутых хозяев, каких я только видел на своем веку!

— Надеюсь, ограда уже готова? — спросил я.

— Ха! — ответил Элрод. — Еще пару дней назад. И здание тоже готово. А над входом висит большой плакат: «Бен Пэйдж, агент Ассоциации Времени». А что же это все-таки значит? Я думаю, во времени-то расхаживаете вы сами, а не кто другой. Так что же выходит, и Бен приложил к этому руку тоже?

— Бен — наш агент, — ответил я. — В Штатах, а может, и во всей Северной Америке.

— Но ведь и вы там присутствуете? Во всяком случае, хоть сколько-то еще пробудете? И эта ваша женщина, Райла, тоже там. Почему же не вы этим руководите?

— Дело в том, что мы там больше не живем, — объяснил я.

— Как так не живете? А где же вы живете?

— В Мастодонии.

— О, Господи! — воскликнул Элрод. — Я же читал об этом! А где же эта самая Мастодония?

— Она в прошлом. Удалена на сто пятьдесят тысяч лет назад. Там живут мастодонты. Отсюда и название.

— А места там приличные?

— Должно быть, — ответил я. — Я их еще не видел.

— Вы же там живете! Как же вы не видели?

— Это место выбирали Райла и Хайрам. Они отбыли туда, когда я улетел в Европу.

— А Хайрам тут при чем? — изумился Элрод. — Он же пустой малый и никогда не был способен ни на что путное.

— Он сделал для всего этого дела исключительно много, — ответил я.

Утреннее солнце уже всю обогрело автомобильную стоянку аэропорта. Была прекрасная погода, в небе не виделось ни облачка.

Элрод сел за руль и откинулся на сидение.

— Бен велел доставить вас к паркингу возле ограды. Сказал, чтобы вы смешались с толпой туристов и подошли к воротам. Шериф отрядил несколько своих людей для охраны и установил что-то вроде пароля. Но вы просто скажите охраннику свое имя, и он вас пропустит. У меня тут пара изношенных брюк, холщовая куртка и старая фетровая шляпа. Вам лучше переодеться в них прежде, чем мы туда доедем. Если сделать это здесь не мешкая, то никто и не признает вас. Подумают, что вы какой-нибудь чужак и пришли поглазеть, как и другие. По-моему, лучше и усы приклеить!

В пяти милях от города мы свернули на проселочную дорогу и остановились на время, пока я переодевался. Но усы приклеивать я не стал. Не смог себя заставить.

Глава 20

Райла и Бен ждали меня, а Герб Ливингстон маячил на заднем плане. В первой комнате нового офиса, пахнувшего свежими опилками, за столами восседало с полдюжины человек, по-видимому, пока не особенно занятых делом.

Райла устремилась мне навстречу, и я сжал ее в объятиях. Я никогда не радовался так встрече с кем бы то ни было. Там, снаружи, увиденное меня устрасило — вдоль всей дороги были припаркованы машины, множество их оккупировало и стоянку Бена, везде торчали палатки с гамбургерами и сувенирами, суетились торговцы воздушными шарами. И люди, люди повсюду, группками и поодиночке, не совсем уверенные в себе, но странно возбужденные. Все вместе напоминало то ли деревенскую ярмарку, то ли карнавал...

— Я волновалась за тебя, — сказала Райла, — и очень ждала твоего возвращения. А где же твоя собственная одежда?

— В машине Элрода, — ответил я. — Эти лохмотья дал мне он.

Бен энергично потряс мне руку.

— Здесь кое-что изменилось после твоего отбытия, а? — отметил он.

Герб приблизился, чтобы тоже пожать мне руку.

— Ну и как идут дела с «общественными связями»? — не удержавшись, съязвил я. — Прочитал об этом в лондонских газетах.

— Да ну, какого черта, — вмешался Бен. — Мы же все равно должны иметь кого-то, кто бы отбивался от «новость-жокеев», роящихся вокруг! Герб как раз тот человек. Он с ними прекрасно управляется.

— Они воют о пресс-конференции, — кротко сообщил Герб, — но у меня пока что кишка тонка, чтобы с ними встретиться! Мы не хотели ничего предпринимать, пока ты не вернешься. Я только слегка подбрасывал им кое-что. Ничего по существу, просто какие-то мелочи. А что мне им сказать о твоём возвращении?

— Скажи им, — сказал Бен, — что он вернулся и сразу же отбыл в Мастодонию. Это то, что мы должны все время подчеркивать. Его и Райлы здесь нет, они живут в Мастодонии.

— Вот подожди, скоро увидишь нашу Мастодонию! — сказала Райла. — Она так прекрасна! Так дика и прекрасна! Мы позавчера переместили туда передвижной дом и уже все в нем наладили. У нас есть еще два четырехколесных тягача-вездехода.

— А Хайрам где? — спросил я.

— Хайрам с Баузером пребывают в Мастодонии.

— А Кошачий Лик?

— Он тоже туда отправился. Там под горой растут дикie яблони, и он избрал их своей резиденцией. Хайрам говорит, Лику там нравится. Он удивляется, почему тот так долго торчал здесь и никогда не путешествовал сам во времени?

— А пошли-ка в мой кабинет, — предложил Бен. — Там у меня есть удобные кресла и бутылочка, которую необходимо откупорить! Мы же должны обмыть твоё прибытие!

Мы расселись по креслам, которые были вполне удобны, и Бен разлил спиртное по стаканам.

— Ты удачно съездил? — спросил Герб.

— Думаю, что да, — отозвался я. — Мой французский норовил мне не подчиниться, но я его укротил. В Цюрихе никаких проблем не возникло. Я не особенно опытен в этих делах, но, полагаю, все сошло хорошо.

— Это же швейцарцы! — заметил Бен. — Они всегда готовы принять ваши денежки!

— А я вот о чем хотел спросить, — сказал я, — кто все это налил в уши газетчикам? Этот информационный взрыв произошел намного раньше, чем должен был, на мой взгляд...

— Это сделал Кортни, — ответила Райла. — Разумеется, не самолично, а через тех, кого он считает спецами по утечке информации. В основном он сделал это из-за «Сафари». Они давили на Кортни, так как их сильно перевозбудила перспектива охоты на динозавров. Они хотели знать, на что могут рассчитывать, прежде чем выйти на переговоры с нами. Спортсмены, естественно, ухватятся за возможность охоты на динозавров, но фирма хотела бы все же иметь определенные гарантии. Им нужно заполучить несколько перспективных и надежных клиентов еще до начала переговоров с нами насчет продажи им лицензий.

— Но ведь еще слишком рано говорить о лицензиях!

— Мы пару дней не общались с Кортни, но они уже собираются с ним об этом говорить.

— Тут ошиваются один или два «разведчика», — сообщил Бен, — сегодня утром какой-то тип интересовался, не можем ли мы отправить его на территорию государства инков до прихода туда конкистадоров. Он якобы интересуется древней культурой инков, но, скорее всего, его просто манят их сокровища. Я посоветовал считать их навеки утерянными. Еще явился с предложением некий горный инженер. Хочет попасть в Черные горы Северной Дакоты в период до начала Золотой лихорадки. Он абсолютно уверен в приемлемости своих намерений и собирается снять пенки с золотых месторождений. Признался, что денег у него нет, но обещал нам долю в прибылях. Он мне даже понравился, и я его взял на заметку, пообещав переговорить с тобой. Потом пожаловали еще члены комитета от нескольких церковных общин. Эти намереваются обсудить возможности отправки людей в эпоху Иисуса. Я так и не смог узнать, каковы их истинные намерения. Они предпочитают умолчание. Может, расколются потом, когда с ними побеседуешь ты?

Я покачал головой.

— Уволь. Не желаю ничего знать об этом. Все это достаточно щекотливые вопросы, и я предпочитаю ни с чем таким не связываться. Когда кто-то пожелает влезть в любую историческую ситуацию, то вы должны будете предпринять столько мер безопасности, что либо прогорите со своим бизнесом, либо окончательно запутаетесь!

— Но ты должен знать, — сказал Герб, — что такие вопросы неизбежно будут возникать. Каждый, кто сможет себе позволить оплатить это, захочет попристутствовать при Распяттии.

— Но дело в том, — откликнулась Райла, — что почти никто не сможет выплатить сумму, которую мы за это установим! Такая цена отобьет всякую охоту к туризму в эти эпохи. Этим «туристам» придется преодолевать слишком большие трудности...

— Я полагаю, — заметил Бен, — что мы должны заключать сделки по мере поступления приемлемых заявок. Будем выпалывать «сорняки» типа вылазок к инкам, но отнесемся с полным пониманием к любым нормальным предложениям.

Мы долго еще говорили о разных разностях, наслаждаясь покоем и воздавая должное напиткам. Мотель Бена был построен и готовился к принятию клиентов. Он по размерам превысил то, что было заложено в проекте, и уже планировалось построить еще один корпус. Паркинг уже приносил доход. Многие жители городка выразили желание сдавать комнаты приезжающим. Нас занимал вопрос о том, достаточен ли штат полицейских, охраняющих ограду и ворота. Пока что этим были заняты люди шерифа, но надо было поскорее заменить их постоянным штатом. Герб передал функции редактора газеты своему помощнику и планировал ежедневно издавать информационные буклеты объемом в четыре или шесть страниц для удовлетворения любопытства ожидаемого потока посетителей, первые волны которого были уже налицо. Такой наплыв публики кое-кого в городе и раздражал, ибо, как они полагали, он таил в себе угрозу установившимся традициям. Но уже тут и там различные общественные организации, главным образом женские, начали планировать регулярные ужины с жареными цыплятами, утренники с земляничным мороженым и другие такие же меро-прияття, призванные укрепить местный бюджет.

Мы покончили с выпивкой, и Райла сказала мне:

— А теперь — в Мастодонию! Умираю от желания показать ее тебе!

Глава 21

В Мастодонии была весна, все вокруг дышало красотой. Передвижной дом стоял на вершине невысокого холма на расстоянии не более полумили от того места, куда нас вывел временной туннель из Виллоу Бенда. Прямо под домом у подножия холма виднелась роща диких яблонь, охваченных ярко-розовым пламенем цветения. В длинной ложбине, уходящей от холма, росли отдельными группами и другие цветущие деревья. Лужайки между ними были покрыты морем цветов, и все пространство вокруг оглашалось разноголосым пением множества птиц.

Рядом с домом были припаркованы два вездехода. Над дверью был развернут козырек, а неподалеку врыт в землю большой садовый стол с ярко расцвеченным тентом — зонтом, укрепленным на шесте, воткнутом в середину стола.

Поистине наш новый дом имел весьма праздничный вид!

— Мы купили большой дом, — сказала Райла, — шесть спальных мест, прекрасная гостиная и кухня со всей необходимой утварью.

— Тебе здесь нравится? — спросил я.

— Нравится? Эйза, да разве ты сам не видишь? Это же убежище, о каком можно только мечтать: «хижина у озера, охотничий домик на горе...» Да здесь же намного лучше! Ты ведь здесь обретаешь подлинную

свободу. Никого вокруг, ты понимаешь? Абсолютно ни-ко-го! Чтобы добраться до Северной Америки, людям из Азии придется ждать еще тысячу веков. Конечно, на Земле где-то уже есть люди, но еще не на этом континенте. Здесь ты в таком одиночестве, какое только мыслимо!

— Ты уже обследовала окрестности?

— Нет, мне не хотелось без тебя. Да одной было бы и страшновато. Вот я и ждала тебя. Ну а как тебе здесь нравится? И нравится ли?

— Ну конечно, очень нравится! — ответил я.

И это было абсолютной правдой. Мне понравилась Мастодония. Что же касается идеи одиночества и личной независимости, то, по-моему, эти вещи следовало бы проверить на деле. И привычка к ним должна была еще возрасти в нас.

Невдалеке кто-то крикнул, и потребовалось несколько секунд, чтобы я мог сообразить, кто же здесь может кричать? И я увидел их, их двоих, Хайрама и Баузера, огибающих склон холма над рощей цветущих яблонь. Они бежали к нам. Хайрам неся неуклюжим петляющим галопом, а Баузер восторженно подскакивал, сопровождая каждый прыжок отчаянно-приветственным лаем.

Позабыв о всякой чопорности — да ее в этом мире и быть не могло! — мы побежали им навстречу. Баузер, мчавшийся первым, бросился лизать мне лицо в невероятном собачьем ликовании. Хайрам, запыхавшись, поправился с нами.

— О, мистер Стил, — сказал он, переводя дух, — мы все время караулили у входа, а тут решили немножко прогуляться и прозевали ваш приход! Мы спустились вниз, чтобы посмотреть на одного из слонов.

— Слонов? Ты имеешь в виду мастодонтов?

— Я думаю, так будет вернее, — ответил Хайрам. — Наверное, эти создания зовутся так. Я пробовал запомнить это слово, но не смог. Но все-таки мы видели настоящего красивого масто... похожего на слона. Он подпустил нас совсем близко. Я думаю, мы ему понравились.

— Смотри у меня, Хайрам, — сказал я строго. — Ты не должен подходить близко к мастодонту! Он может выглядеть достаточно мирным, но если вы подойдете слишком близко, неизвестно, что он выкинет. Это

относится и к большим кошкам, особенно тем, у которых длинные острые зубы. Понял?

— Но этот слон... мастодон... так хорош, мистер Стил! Он движется так медленно и кажется таким печальным! Мы называли его Стиффи*, потому что он так медленно ходит. Он еле плетется...

— Во имя Христа, — сказал я, — запомни, что старый, отбившийся от стада самец только и ищет, над кем бы покуражиться. У него вполне может оказаться премерзкий норов!

— Это правда, Хайрам, — подтвердила Райла. — Вы держитесь поосторожнее с таким животным. И с любым другим животным, которое вам здесь повстречается. Не пытайтесь завязать с ними дружбу.

— Даже с сурками, мисс Райла? — поинтересовался он.

— Ну я полагаю, с сурками-то можно. Это безопасно, — сказал я.

Мы четвером направились к нашему передвижному дому.

— У меня есть комната, совсем моя, — сообщил Хайрам. — Мисс Райла сказала, это моя комната и ничья больше. Она сказала, Баузер может там спать со мной.

— Войдем и посмотрим, — сказала Райла. — Мы вместе все осмотрим, и потом вы можете выйти во двор.

— Во двор?

— Туда, где стол на лужайке. Я называю это двором. Когда ты все осмотришь внутри, выходи и погляди, как там снаружи. А я приготовлю ленч. Достаточно ли будет сандвичей?

— Это прекрасно!

— Мы поедим на воздухе, — сказала Райла. — Мне все время хочется любоваться этой страной. Я никак не могу на нее наглядеться.

Я прошелся по нашему новому дому. Мне впервые доводилось видеть жилище подобного типа, но я знал, что многие люди жили в таких и были очень даже довольны.

Особенно мне понравилась гостиная — просторная, удобно обставленная, с широкими окнами, толстым ковром на полу, с подставкой для ружей у двери и книжными полками, заставленными книгами, которые Райла

* Тугой, негибкий.

перевезла сюда из моей маленькой библиотеки. Все здесь было гораздо респектабельнее, чем в моем доме на ферме. Я должен был это признать.

Выйдя из дома, я спустился вниз по холму, сопровождаемый шаркающим рядом Хайрамом и скачущим впереди Баузером.

Холм был не особенно велик, но достаточен для того, чтобы обеспечить хороший обзор окружающей местности. Внизу справа несся поток, та самая речка, что текла здесь в меловом периоде и делала то же самое в двадцатом веке, пересекая Виллоу Бенд. В течение миллионов лет местность изменилась лишь слегка. Мне показалось, что этот холм немного выше, чем он был в меловом периоде и, возможно, выше, чем он будет в двадцатом веке. Но я не мог бы это утверждать с полной уверенностью.

Долина реки ясно просматривалась, ее местами пересекали лишь заросли цветущего кустарника и низкорослых деревьев, но другие холмы почти сплошь заросли лесами. Я искал глазами, нет ли каких-нибудь пасущихся стад, но ничего не заметил. Никаких признаков живых существ, кроме двух крупных птиц, возможно, орлов, парящих в небе...

— Он там, — возбужденно произнес Хайрам. — Там он, Стиффи! Вы видите его, мистер Стил?

Я посмотрел в направлении вытянутого пальца Хайрама и увидел мастодонта прямо над холмом, в долине. Он стоял на опушке рощицы из небольших деревьев, обдирая их листву хоботом и отправляя ее в рот. Даже на таком расстоянии было видно, какой он облезлый. Он, казалось, был совсем один. По крайней мере, в поле зрения не виднелось никаких других мастодонтов.

Райла позвала нас, и мы вернулись к вершине холма. На «дворовом» столе были расставлены блюда с грудками сэндвичей и печенья. Еще радовали глаз маринованные огурчики, банка с маслинами и большой кофейник. Баузеру предназначалась изрядная порция мяса, нарезанного кусочками, чтобы ему было легче их прожевывать.

— Я закрыла зонт, — сказала Райла, — чтобы солнышко нам светило. Оно здесь так прекрасно!

Я взглянул на свои часы. Они показывали пять часов пополудни, хотя здесь, судя по солнцу, был всего лишь полдень. Райла рассмеялась.

— Ты забудь о часах, — сказала она. — Здесь никаких часов не требуется. Я свои оставила на ночном столике в первый же день. Но они, наверное, еще идут.

Я кивнул. Эта мысль мне понравилась. Мне это вполне подходило. Ведь на земле не так уж много мест, где бы человек мог избавиться от тирании времени!

Мы ели под лучами солнца, не торопясь и наблюдая, как лениво уходит полдень и удлиняются тени от западных холмов, наползая на реку и речную долину.

Я мотнул головой в сторону реки.

— Там ведь должна быть недурная рыбалка?

— Завтра, — сказала Райла. — Завтра отправимся рыбачить. Возьмем одну из машин и поедем обследовать окрестности. Тут многое можно увидеть!

Ближе к вечеру мы слышали далекий трубный зов. Это могли быть и мастодонты. В полночь меня разбудил новый звук.

Напряженно вытянувшись в постели, я ждал, пока он снова повторится, этот злобный глухой вопль со стороны северного холма. Кошка, вне сомнений, возможно, саблезубый тигр, а может, и кто другой из этой же кошачьей породы...

Я сказал себе, что начинаю заикливаться на мысли о саблезубе, что заморожен им, буквально жажду его появления. Но лучше бы мне изгнать эту навязчивую мысль из головы, ибо в этом мире Сангамона могут попадаться самые разные представители отряда кошачьих!

Этот крик сам по себе был достаточно грозен, но меня он почему-то вовсе не напугал. Я чувствовал себя в безопасности. Рядом спала Райла, абсолютно не потревоженная воплями, доносящимися с севера.

Утром, после завтрака, мы запаслись ленчем, захватили два семимиллиметровых ружья и несколько удочек, уложили все это в один из вездеходов и отправились на разведку — я и Райла на переднем сиденье, Хайрам с Баузером на заднем.

Через семь миль мы заметили издали и объехали стадо мастодонтов. Их было около дюжины. Они поднимали головы, чтобы посмотреть на нас, захлопали ушами, попытались принюхаться, подняв хоботы, но совершенно не сдвинулись с места.

В полдень мы остановили машину у реки, и я забросил удочки. Не более чем через пять минут я вынул три крупные форели, которых мы тут же запекли на костре,

разожженном из плавника. Пока мы уплетали рыбу, на голый крутой утес, вдающийся в реку с противоположного берега, выскочило шесть волков. Они внимательно всматривались в нас. Мне показалось, что они значительно крупнее обычных волков, и я подумал, не пещерные ли это? Проехав дальше, мы вспугнули оленя, который проскакал мимо нас. Потом мы увидели на каменистой гряде крупного рыжевато-красного кота. Это был, скорее всего, кутуар, но никак уж не саблезуб!

Домой мы вернулись перед самым закатом, здорово уставшие, но полные восхищения. Это были самые лучшие каникулы в моей жизни!

В течение следующих двух дней мы совершали и другие поездки, выбирая разные направления. Мы увидели немало мастодонтов, одно немногочисленное стадо бизонов, значительно превышающих размерами своих потомков с исторических равнин Запада. У этих были громадные, разнесенные в стороны рога. Мы нашли болото, с которого при виде нас тучей взмывали вверх утки и гуси. А чуточку поодаль от болота мы сделали свое величайшее открытие, ибо там обосновалась колония бобров, не уступавших размерами медведям. Они трудились над постройкой плотины, которая и послужила причиной образования болота, ставшего прибежищем тех уток и гусей. Мы издали наблюдали за бобрами, замерев в совершенном восторге.

— Один бобер, один меховой жакет, — заметила Райла.

Я потерял всякое представление о времени. Я забыл обо всем, полностью отдавшись щедрой фантастике изумительных открытий, блаженному безделью и созерцанию бесконечных, избавленных от измерения часами дней.

Но идиллии пришел конец на третий день, когда мы вернулись из очередной поездки. Нас поджидал Бен, сидевший за столом во дворе. Перед ним стояли стаканы и бутылка, тоже ожидавшие нас.

— Выпивка подана, — сообщил он. — Начинается бизнес. Кортни завтра вылетает на встречу с «Сафари». Они готовы к переговорам. Кортни говорит, они полны нетерпения. И вовсе не притворяются, а на самом деле полны нетерпения!

Глава 22

Я проснулся на следующее утро со смутным чувством беспокойства, причины которого мне были непонятны. Оснований для него вроде бы не было. Я выбрался из постели, пытаясь не разбудить Райлу. Но мои старания оказались напрасными, и, когда я хотел выскользнуть из спальни, она спросила:

— Что случилось, Эйза?

— Да, наверное, все в порядке, — ответил я. — Пойду-ка посмотрю.

— Но только не в пижаме! — категорично заявила она. — Вернись и оденься. Сегодня должны объявиться люди из «Сафари», причем, может быть, совсем рано. Их время ведь на пять часов опережает наше!

И я был вынужден одеться с очень неприятным ощущением, что теряю время. Потом я вышел наружу, стараясь не подать вида, что страшно спешу.

Но стоило мне открыть входную дверь и бросить взгляд во двор, как я отпрянул назад и схватил одно из семимиллиметровых ружей, стоявших в подставке у двери.

Прямо под холмом, не более чем в пятистах футах от меня, стоял тот самый мастодонт, которого Хайрам называл Стиффи. Это, несомненно, был он, и вид у него был еще более облезлый, чем когда я смотрел на него издали.

Он казался каким-то удрученным, с безвольно повисшим между двумя большими бивнями хоботом. Не-

смотря на то что росту в нем было не менее девяти футов, ничего величественного он собой не являл. Прямо перед ним, в каких-нибудь пятидесяти футах, стоял Хайрам. Рядом с ним всю вилял хвостом Баузер, выражая наилучшие в мире намерения.

Хайрам что-то внушал этой громадине, а мастодонт в ответ похлопывал одним ухом, не таким большим, как у висоухих африканских слонов, но все же немалым.

Я оцепенел, сжимая ружье обеими руками. Мне страшно было окликнуть Хайрама или Баузера, поэтому не оставалось ничего другого, как держать ружье наготове. Где-то на задворках памяти всплыло, что в далеком будущем, в девятнадцатом веке, старый Карамоджо Белл убьет сотни африканских слонов из-за бивней, стреляя из ружья, не превышающего калибром то, что я держу в руках. Но, даже зная это, я все же надеялся, что мне не придется стрелять. К тому же большинство выстрелов Карамоджо было нацелено в мозг, а тут я абсолютно не имел понятия, куда надо целиться, чтобы попасть в мозг?

Стиффи постоял еще, а потом сделал движение. Я подумал, что он собирается пойти на Хайрама, и поднял ружье. Но он не пошел никуда, не сделал ни шага. Он просто поднял одну ногу, потом другую и стал мерно переступать на месте. Он это делал так, словно что-то причиняло ему страдание и он пытался переместить свой вес с одной точки опоры на другую. Эти движения, медленные и довольно осторожные, заставляли его тушу слегка колыхаться, и это было самое нелепое зрелище из всех, какие я видел: этот дурацкий «слон», стоящий перед Хайрамом и мягко покачивающийся взад и вперед.

Я быстро шагнул вперед, но, подумав, не решился сделать еще один шаг. Пока все обстояло мирно, хотя кто мог знать, не разозлит ли его какая-нибудь малость? У меня же было ружье, и при необходимости я мог бы послать в старого Стиффи три или четыре заряда. И все же я продолжал надеяться, что этого не понадобится.

Хайрам потихоньку, шаг за шагом, продвигался вперед, но Баузер уже с места не сдвинулся. Господи, я бы мог поклясться, что у Баузера больше здравого смысла, чем у Хайрама!

Но ведь я мог это предотвратить. Я мог прогнать эту тварь раньше, чем вышел Хайрам! Я же столько раз

велел ему оставить этого мастодонта в покое, а он вышмыгнул наружу, пока я валялся в постели да еще потратил столько времени на переодевание! Я опоздал его перехватить! И, коря себя, я все же прекрасно знал, что Хайрам иначе и не мог себя вести. Он же разговаривал дома с сурками и синичками, у него был знакомый медведь-гризли и с ним он «беседовал» тоже. Пусти его в меловой период — он попытается завязать дружбу с динозаврами!

А теперь Хайрам был уже совсем близко от животного и уже тянул к нему руку. Тот прекратил свое раскачивание. Баузер оставался на месте и хвостом уже совсем не вилял. По-видимому, он был обеспокоен не меньше моего. Я перевел дух и продолжал наблюдать, раздумывая, не следует ли все же окликнуть Хайрама. Впрочем, было слишком поздно звать его назад. Если бы мастодонт сделал малейший выпад, это было бы концом Хайрама.

Мастодонт подогнул хобот и слегка подался вперед, опираясь на носки ступней. Хайрам замер неподвижно. Стиффи фыркнул, вытянул хобот и провел его кончиком сверху вниз, вдоль тела Хайрама, как бы желая обследовать, чем от него пахнет. Движение это было очень мягким и деликатным. И тогда Хайрам погладил этот любознательный хобот, проведя рукой вдоль него, туда и обратно, слегка его почесывая. А этот большой глупый зверь издал звук, похожий на блаженный стон. Ему это понравилось! Тогда Хайрам сделал еще один шаг вперед, потом еще один и оказался прямо под головой Стиффи, которую тот наклонил. Хайрам поднял обе руки и стал почесывать до смешного маленькую нижнюю губу своего могучего нового друга. Мастодонт заурчал от наслаждения.

Этот чертов зверь был таким же ненормальным, как сам Хайрам, да, пожалуй, Хайраму было до него далеко!

Я облегченно вздохнул, надеясь, что это не преждевременно. Непохоже было все же, что дела пойдут хуже. Стиффи все еще торчал там, а Хайрам все еще почесывал его. Баузер, не скрывая некоторого отвращения, повернулся, подошел и уселся около меня.

— Хайрам, — произнес я так тихо, как только мог, — Хайрам, послушай меня!

— Вы не должны волноваться, мистер Стил, — громко откликнулся он. — Стиффи — мой друг!

С тех пор как я вернулся в Виллоу Бенд и возобновил знакомство с Хайрамом, я только и слышал это от него. Любая тварь была ему другом. У Хайрама врагов не было!

— Ты все же поостерегись немного, — сказал я. — Он ведь дикое животное и при этом ужасно велик!

— Но он же говорит со мной, — возразил Хайрам. — Мы разговариваем друг с другом. Я знаю, что он мой друг!

— Ну тогда попроси, чтобы он ушел отсюда. Пусть он держится на расстоянии, подальше от этого холма. А иначе, ты же должен понимать, он может нечаянно наткнуться на наш дом и опрокинуть его. Объясни ему, что, если он это сделает, я выпущу в него четыре заряда из двух стволов.

— Я уведу его в долину, — сказал Хайрам, — и объясню, что он должен там оставаться. Я пообещаю приходить туда, навещать его.

— Ты это сделай, — согласился я, — а потом возвращайся как можно скорее. Ты мне должен кое в чем помочь.

Он протянул руку и приложил ее, подталкивая, к плечу Стиффи, а тот повернулся и пошел вперед, приносясь и фыркая, тяжело переставляя свои огромные ступни. Он спускался по склону холма, и Хайрам шел рядом.

— Эйза, — позвала из двери Райла, — что там происходит?

— Стиффи задумал к нам прийти, — ответил я, — но Хайрам увел его назад, на его собственное место...

— Но ведь Стиффи — это же мастодонт?!

— Вот именно, — подтвердил я. — Но он еще и приятель Хайрама.

— Тебе лучше войти в дом и побриться, — предложила Райла. — И, бога ради, расчеши волосы! К нам идут люди.

Я поглядел вниз. Пять фигур передвигались гуськом, в линию. Предводительствовал ими Бен. Он был в бутсах, брюках хаки и охотничьей куртке. Да еще при ружье. Остальные были в обычных деловых костюмах и все несли в руках кейсы или портфели.

Я увидел среди них Кортни, остальные трое, должно быть, представляли фирму «Сафари». Они ужасно развеселили меня, эти степенные деловые типы, шествую-

щие с символами своего бизнеса там, где все дышало нетронутой первозданностью.

— Эйза! — строго сказала Райла.

— Слишком поздно, — откликнулся я. — Они же сейчас будут здесь. Считай, что тут у нас новый фронтир*. Пусть примут меня таким, какой я есть.

Я провел ладонью по подбородку, и меня оцарапала щетина. Я сильно зарос, и вид у меня, скорее всего, был не слишком опрятный!

Бен подошел первым и пожелал доброго утра. Остальные выжидающе оставались стоять, все так же в линейку, как они шли по туннелю. Кортни выступил вперед и произнес:

— Райла, вы знаете этих джентльменов?

— Да, конечно, — отозвалась она. — Но никто из них не встречался с моим компаньоном, Эйзой Стил. Вы, надеюсь, извините его вид? У нас тут были небольшие неурядицы с мастодонтом и...

Джентльмен с военной выправкой, стоявший в конце цепочки, воскликнул:

— Простите меня, мадам, но, выходит, я не ошибся? Мне показалось, что вниз по склону шли вместе мастодонт и человек. Мужчина держался за хобот мастодонта, как если бы он вел его за поводок!

— Это был всего лишь Хайрам, — ответила Райла. — У него свои особые отношения с животными. Он уверяет, что может с ними говорить.

— Выходит, Хайрам и здесь уже взялся за свое, — отметил Бен. — Не так уж долго пришлось дожидаться!

— Он ведь здесь уже несколько дней, — сказал я. — Этого вполне достаточно.

— Никто не видел ничего подобного! — продолжал волноваться старый вояка-джентльмен. — Глазам своим не поверишь! Это же совершенно невероятно!

— Эйза, — произнесла Райла, — наш неверующий друг — это майор Хеннесси. Майор, это мой компаньон Эйза Стил.

— Очень рад, — сказал Хеннесси. — Должен заметить, у вас здесь настоящая база!

— Нам она нравится, — ответил я. — Позднее, если у вас найдется время, мы покажем вам окрестности.

* Форт на границе передвижения первых поселенцев в США.

— Невероятно! — не унимался майор. — Абсолютно невероятно!

— Мистер Стюарт, — продолжала представлять мне гостей Райла. — Мистер Стюарт — председатель совета «Сафари Инкорпорейтед» и мистер Бойл... Если не ошибаюсь, мистер Бойл, вы — генеральный управляющий?

— По вопросам организации экскурсий, — подсказал Бойл. — Я занимаюсь разработкой проблем сафари на динозавров. Это оказалось совсем не просто!

«И окажется гораздо сложнее, чем ты предполагаешь», — ответил я ему мысленно. Этот субъект почему-то вызвал у меня неприязнь с первого взгляда.

— Теперь, когда мы все познакомились, — произнес Стюарт, — почему бы не перейти сразу к делу? Мне бы хотелось остаться здесь, на воздухе. Это так вдохновляет!

Хеннеси ударил себя в грудь.

— Вы только понюхайте этот воздух! Он абсолютно чист! Никаких вредных выбросов. Я не дышал таким воздухом много лет!

— Прошу вас, присаживайтесь, — сказала Райла. — Я принесу кофе.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — произнес Бойл. — Мы уже имели ленч. Мистер Пэйдж к тому же перед самым нашим выходом к вам напоил нас кофе.

— Но мне самой хочется позавтракать, — немного резко отпарировала Райла. — И я думаю, Эйзе тоже!

— Ну что ж, пожалуй, — сказал майор. — Мы будем рады составить вам компанию. Спасибо большое!

Они расселись вокруг стола и пристроили свои чемоданчики на земле рядом с собой. Лишь один Стюарт поставил свой кейс на стол и начал вынимать из него документы.

— Ты должен внимательнее следить за Хайрамом, — сказал мне Бен. — Возможно, с мастодонтом все обойдется, но ведь здесь есть еще и другие звери?

— Я пытался ему втолковать, — ответил я. — И буду говорить еще и еще, но...

Райла принесла поднос с чашками, а я зашел в дом за кофе. На разделочном столике лежал нарезанный кофейный кекс, и я его тоже прихватил.

Когда я подошел к дворовому столу, все уже сидели вокруг и были готовы к переговорам. Места за столом почти не оставалось, и я пристроил свой стул сбоку.

Майор обратился ко мне:

— Так вот она, Мастодония! Изумительна, должен отметить! А не могли бы вы сказать, как вам удалось выискать такое восхитительное место?

— В основном умозрительно, — ответил я. — Мы предполагали, что так должно быть именно в этом времени. Правда, это предположили не столько мы, сколько геологи. Это эпоха Сангамон, она является промежуточным временем между так называемыми иллинойским и висконсийским ледниковыми периодами. Мы выбрали это время, поскольку чувствовали, что оно наиболее нам подойдет по ландшафту и климат в нем окажется идеальным. Правда, мы еще не вполне в этом уверены, поскольку совсем недавно сюда прибыли.

— Удивительно! — воскликнул майор.

— Мистер Маккалахан, — прервал его Стюарт, — вы готовы приступить?

— Конечно, — ответил Кортни. — Что бы вы хотели сказать?

— Вы понимаете, — произнес Стюарт, — чего мы от вас ждем. Нам бы хотелось получить права для наших сафари в меловом периоде.

— Только не права, — поправил его Кортни. — Мы не собираемся продавать вам права. Мы предлагаем всего лишь лицензии на ограниченное время.

— Что вы под этим подразумеваете, Кортни? Какое еще «ограниченное время»?

— Я имел в виду, скажем, лицензии на один год, — ответил Кортни. — Разумеется, с возможностью возобновления.

— Но такая система нас не устраивает! Мы же должны привлечь к этому большие средства! Нам понадобится дополнительный штат...

— На год, — отрезал Кортни. — Для начала.

— Вы даете нам всем новую пищу для размышлений...

— А что же тогда вы здесь написали?

Кортни жестом указал на разложенные перед Стюартом бумаги.

— Здесь все указано так, как мы предполагали. Мы же новички в этом бизнесе с меловым периодом! К тому же...

— Все, что мы можем вам предложить, — непрерывно заявил Кортни, — это лицензия. Если вы ее приобретете, то остальное уже ваше дело. Это не значит, что мы не будем вам помогать советами или участием в пределах наших возможностей. Но это уже на основе не контракта, а всего лишь нашей доброй воли!

— Давайте оставим эти придирки, — вмешался майор. — Мы хотим отправлять людей на сафари. И не на одно, а на много разных. Именно на много разных сафари, пока не померкла новизна всей этой затеи. Насколько я знаю спортсменов, а я-то их знаю, для каждого из них важно быть среди первых, кто отхватит динозавра. Но мы не желаем наваливать одно сафари на другое. Нам надо держать охотничью зону настолько чистой, насколько это удастся. Поэтому нам нужен не один временной канал, а несколько.

Кортни вопросительно посмотрел на меня.

— Это возможно, — подтвердил я. — Столько, сколько вам понадобится, и отстоящих друг от друга, скажем, на тысячу лет. Мы могли бы разделить их еще тщательнее или, наоборот, сделать интервалы несколько меньшими.

— Вы понимаете, конечно, — добавил Кортни, обращаясь к майору, — что каждый временной канал будет стоить вам дополнительной суммы?

— Мы были бы готовы, — произнес Стюарт, — заплатить вам порядка миллиона долларов за три временных туннеля.

Кортни покачал головой.

— Миллион за лицензию на год. И, скажем, по полмиллиона за каждый дополнительный туннель после первого.

— Но ведь мы, о Господи, и разориться так можем!

— Не думаю, чтобы это случилось, — ответил Кортни. — Не могли бы вы, к примеру, сообщить, сколько вы запросите за двухнедельное сафари с каждого клиента?

— Мы приехали сюда не для того, чтобы обсуждать это, — кисло заметил Стюарт.

— А зачем тогда вы приехали? У вас же была пара недель для принятия всех вариантов решений. При наличии такого шквала публикаций у вас уже давно готов список очередников на поездки!

— Вы позволяете себе высказывать экономические нонсенсы, — отпаривал Стюарт.

— Не говорите со мною так, — отмахнулся Кортни. — Вы же еле сводите концы с концами и прекрасно знаете, что я тоже это понимаю. К концу двадцатого столетия охота выдохнется совсем. А иначе зачем было бы делать вам тот «шаг в сторону» и придумывать всякие там «фотосафари»? И зачем вам были бы эти игры с запретами? А вот теперь у вас появился шанс вернуться в настоящий бизнес. К тому же шанс неограниченный. Столетия незапрещенной охоты. Новые неизвестные звери. Завораживающая игра... Если некоторые из ваших клиентов выразят желание пойти на титанотериев, или мамонтов, или еще на дюжину больших и страшных зверей, вам надо будет лишь сказать нам слово, и мы вас туда отправим!

— Я не вполне уверен, — произнес Стюарт, — что мисс Эллиот и мистер Стил смогут настолько усовершенствовать свою машину времени...

— Мистер Стюарт, — вмешалась Райла, — но я же пыталась вам объяснить, а вы то ли не расслышали, то ли не поверили. Никакой машины нет!

— Нет машины? Но как же тогда...

— А вот так, — мягко ответил Кортни. — Это наш производственный секрет, который не подлежит оглашению!

— Они нас доставят, Стюарт, — сказал Хеннеси. — И это не пустые слова. Они правы. Никто другой не сможет это сделать. Мисс Эллиот действительно говорила нам, что никакой машины у них нет. Она об этом говорила с самого начала. А вот почему мы не точим карандаши и не беремся за расчеты? Возможно, наши друзья хотели бы просто получать отчисления от наших прибылей. Например, двадцать процентов?

— Если вы хотите пойти по такому пути, — ответил Кортни, — тогда пятьдесят процентов от вашего дохода. Не менее. Поэтому вам имеет смысл все же оплатить лицензию. Это будет значительно выгоднее для вас.

Я сидел, слушая все это, и у меня слегка пошла кругом голова. Можно болтать о миллионах долларов и

это ничего особенного не будет означать — просто какие-то цифры. Но, когда речь идет о вашем собственном миллионе баксов, тут дело принимает несколько иной оборот!..

Я встал и пошел к вершине холма. Не уверен, что они заметили мой уход. Баузер выполз из-под дома и пошел за мной. Хайрама нигде не было видно, и я уже волновался за него. Я же велел ему сразу вернуться, а он все еще не показывался. Стиффи медленно брел по долине, направляясь к реке, наверное, чтобы попить. Но Хайрама рядом не было. Я с вершины оглядел все вокруг. Никаких признаков Хайрама.

Я услышал сзади себя неприятнейший звук. Это приближался Бен в своих бутсах. Они при ходьбе издавали такой свист, будто он скользил по траве стадиона. Он подошел, встал рядом и тоже поглядел вокруг. Вдалеке, в долине, виднелись какие-то подвижные пятна. Мастодонты. А может, бизоны...

— Бен, — спросил я его, — а миллион долларов — это много?

— Это очень большая наличность, — ответил он.

— У меня в голове это как-то не укладывается, — признался я. — А они там все еще толкуют о миллионе, или даже о еще большей сумме?

— У меня это тоже не слишком укладывается, — ответил Бен.

— Но ты же банкир, Бен!

— Да нет, я всего лишь деревенский парень, — сказал он. — И ты тоже. Поэтому мы и не можем осознать.

— Ты деревенский парень, — произнес я. — А ведь мы с тобой отмахали немалый путь с тех пор, как вместе шлялись по этим холмам!

— И всего лишь за последние несколько недель, — подтвердил Бен. — Но ты чем-то еще озабочен, Эйза. Что тебя тревожит?

— Хайрам, — ответил я. — Он же должен был вернуться сразу, как отведет Стиффи.

— Стиффи?

— Это мастодонт.

— Да появится он, — сказал Бен. — Никуда не денется. Просто, наверное, встретился с сурком.

— А ты понимаешь, — спросил я, — что весь наш бизнес пойдет прахом, если с Хайрамом что-нибудь случится?

— Конечно, понимаю, — ответил Бен, — но с ним ничего не должно приключиться. Он пока что в полном порядке. Да он сам наполовину дикое животное.

Мы еще постояли и поглядели вокруг и не обнаружили никакого Хайрама.

Наконец Бен проговорил:

— Пойду-ка посмотрю, как там идут дела...

— Ты иди туда, — сказал я, — а я схожу поищу Хайрама.

Я нашел его через час, когда он вышел из яблоневой рощи под домом.

— Где ты был, черт побери? — накинулся я на него.

— Я имел хорошую, долгую беседу с Кошкиным Ликом, мистер Стил, — ответил он. — Со всеми этими разведками, в которые мы ездили в последние дни, я совсем его забросил. Я боялся, что ему стало одиноко!

— Ну, и стало ему одиноко?

— Нет, — сказал Хайрам. — Он говорит, что нет. Но он очень хочет начать работу. Он желает провести несколько дорог времени. И удивляется, почему мы так долго тянем?

— Хайрам, — сказал я серьезно. — Мне надо с тобой поговорить. Может быть, ты не вполне это понимаешь, но во всей нашей затее ты очень важная персона. Ведь только ты один можешь разговаривать с Кошачьим Ликом.

— Баузер тоже может с ним говорить.

— Превосходно! Может, это и так, но мне же это ничего не дает. Я ведь не могу разговаривать с Баузером!

Я обрисовал ему ситуацию. Я объяснил все это как можно понятнее и тщательнее. Можно сказать, я ему прочертил все как на диаграмме. Он обещал вести себя лучше...

Глава 23

Когда мы с Хайрамом подошли к дому, Райла и Кортни сидели за столом. Остальных не было. Не было и одной из наших машин.

— Бен повез их на прогулку, — объяснила Райла. — Мы беспокоились о тебе. Куда ты девался?

— Я искал Хайрама внизу, в долине.

— Я не поехал с ними, — сказал Кортни, — так как хотел кое-что обсудить с вами.

— Налоговая инспекция? — спросил я.

— Нет, не она. Инспектора пока сидят тихо и выжидают, чем обернутся дела с «Сафари»...

— Ну и как закончились переговоры? Я надеюсь, дело сделано?

— Еще нет, но это не займет много времени. Они дрогнули, и мы схватили их за горло.

— Миллион за лицензию, — сообщила Райла, — и по четверти миллиона за каждый временной канал. Они хотят всего четыре канала. Это составляет два миллиона, Эйза, — сообщила Райла.

— И всего за год, — добавил Кортни. — Они пока еще не знают точно, но в следующем году цены могут подскочить. К тому времени «Сафари» уже полностью будет у нас на крючке!

— А сейчас это только начало, — отметила Райла.

— Но вот о чем я хотел с вами поговорить, — сказал Кортни. — Бен, кажется, уже говорил вам о церковной группе?

— Да, — ответил я. — Интересующейся временем Христа.

— Двое из них на днях посетили меня, — продолжил он. — Бен посоветовал им обратиться ко мне, а я ничего об этом и не знал, черт возьми! Я так и не понял, чего они добиваются. Интересоваться-то интересуются, но карты свои не торопятся раскрывать. Сейчас трудно сказать, имеет ли смысл тратить на них время?

— Мне это совсем не по душе, — отметил я. — Дело очень уязвимое. Во всех случаях мы должны ограждать себя от возможности любых неприятностей. Нам нужно строжайше следить за собственной репутацией. Не пускать никого ни в такую эпоху, ни в такую страну, посещение которой может вызвать побочный эффект.

— Я того же мнения, — согласилась Райла. — Эта затея особой прибылью и не пахнет, зато головной боли в ней хоть отбавляй.

— И я так же думаю, — подтвердил Кортни. — Они вернутся для продолжения переговоров, и я попытаюсь их охладить. Но есть и еще кое-что, вызывающее мое беспокойство. Сенатор Эйбл Фримор. Он не то из Небраски, не то из Канзаса, не запомнил. Он пытался договориться о встрече через моего секретаря, и тот пока что его отвадил. Но вы же не можете долго отваживать сенатора Соединенных Штатов, не так ли? И, по-видимому, в ближайшие дни мне предстоит узнать, чего ему надо от нас.

— А вы сами ничего не предполагаете? — спросила Райла.

— Ничего конкретного. Знаю, что он подвизается в области сельского хозяйства и одержим идеей помощи бедным, попраным в правах фермерам. Но это не все — у него еще три вида «сердечных ран». И какую из них он собирается с нашей помощью вылечить, понятия не имею. Боюсь, что ничего хорошего у него на уме нет...

— Что-нибудь еще? — поинтересовался я.

— Практически пока больше ничего. Еще слишком рано. Все остальные предпочитают выжидать. Конечно, многие заинтригованы, но, естественно, и скептицизма пока что полно. Ждут, хотят посмотреть, как пойдут дела. А вот когда после первого сафари появятся динозавры-трофеи, тогда начнется обвал. Но до этого максимум на что мы можем рассчитывать, это искатели при-

ключений и жулики. Вот, к примеру, тот горный инженер, который возжелал направить свои стопы в страну Черных Гор и выскрести оттуда золото. Денег у него, правда, нет, но он готов отдать нам половину своей легкой добычи, а скорее всего, половину того, что он признает добытым... Это одна из разновидностей очаровательных пиратов, и он, пожалуй, мне даже понравился! Крайне беспринципен и в этом не очень-то отличается от многих других. Кстати, как у вас там, Райла, насчет визита в Южную Африку и сбора алмазов, валяющихся прямо на земле?

— Да, я носилась с такой идеей, — засмеялась Райла, — ведь особых усилий это не потребовало бы. Но, может, там никогда алмазы и не валялись на земле? Хотя идея была так заманчива!

— Этот бизнес с «Сафари», — заметил Кортни, — на сегодняшний день наиболее перспективный и наименее хлопотный из всего, что мы бы могли предпринять. Его нетрудно контролировать, и жульнических лазеек в нем нет. Но вот что меня удивляет — ни один из ваших ученых коллег и интеллектуалов все еще не проявил интереса. Никто не захотел ознакомиться с техникой и мотивами творчества доисторических наскальных и пещерных художников либо понаблюдать, как трудились и играли неандертальцы, как проходили марафонские состязания или битва при Ватерлоо?..

— Они желают сперва получить гарантии, — сказала Райла. — Сидят с чванным видом в своих академических берлогах и твердят друг другу, что этого не может быть...

— Ах да, — вспомнил Кортни, — есть еще кое-что, чем уже пахнет. Я совсем упустил это из виду! Это — генеалоги, те, что за плату могут проследить любые семейные корни. Имеются сведения, что они намереваются расширить свои штаты, а следовательно, и увеличить стоимость услуг. И не с целью тщательнее изучить генеалогические древа по письменным источникам, а чтобы смотаться в прошлое, пообщаться с предками, а может, и разжиться их изображениями. Прапрапрадедушка Джейк, болтающийся на веревке за конокрадом, и прочее в этом же роде! Они пока что петляют где-то поодаль, но вскорости заявятся, как пить дать!

Он помолчал и продолжил:

— Могут всплыть и другие «клиенты». И вы не способны и вообразить, что им еще придет в голову. Нельзя точно спрогнозировать, какое направление мыслей могут возбудить путешествия во времени у обычной публики и что в них может оказаться полезным для реализации... Мне представляется, что мы услышим голоса нефтехимиков, угольщиков и металлургов. В прошлом ведь столько природных ресурсов!

— Я думала об этом, — сказала Райла. — И это меня беспокоит. И вот чего я не могу понять: ведь эти ресурсы и сейчас имеются и ничто не мешает нам их вытаскивать наружу. Я даже не задаю вопроса, а просто рассуждаю. И если мы выгребем их в прошлом, то что же произойдет с девятнадцатым и двадцатым веками? Будут ли все эти минералы на месте, а если нет, то как же без них сможет обходиться промышленность? А может, все эти проблемы временных парадоксов всего лишь та классическая тема, на которую все так любят разглагольствовать?

— Райла, — ответил Кортни. — Я ничего этого просто не знаю. Но полагаю, что мы еще не научились правильно думать. А все наши рассуждения на эту тему направлены всего лишь на то, чтобы приспособить все к нашим потребностям. Что же касается настоящего момента, то у меня полно других дел и я не желаю забивать себе голову ничем иным...

Глава 24

Итак, начался период ожидания. «Сафари» нам сказала, что может пройти от десяти дней до двух недель, пока прибудет первая из их партий. Мы совершили несколько поездок по нашим окрестностям и увидели немало мастодонтов и бизонов. Нашли еще одну колонию крупных бобров, повстречали несколько медведей и кошек, но ни одна из них не была саблезубым тигром. Я уже подумывал о том, не начали ли они вырождаться, а может, уже и вымерли? Впрочем, вряд ли такое было возможно.

Однажды Райле показалось, что она заметила глиптодонта, одного из гигантских доисторических броненосцев, но, когда мы подъехали к указанному ею месту, никаких следов глиптодонта не нашли. Мы искали диких лошадей, а они все никак нам не попадались. Зато было много волков и лисиц.

Мы хотели выбрать место для разбивки сада. Райла считала, что он должен быть посажен на целине. Но поблизости не оказалось ни одного подходящего участка.

Еще мы попытались провести телефонную линию между офисом Бена и нашим домом, чтобы он мог нас предупреждать о попытках проникновения кого-нибудь в Мастодонию. Кабель-то мы протянули, но связь не заработала: сигналы не сумели преодолеть преграду, разделяющую Мастодонию и двадцатый век.

Я получил от Бена нужное мне количество стальных колец с выкрашенными в красный цвет верхушками. Я

вбил их в землю вдоль тех полос, которые предполагалось использовать для постройки Кошачьим Ликом туннелей в меловой период. Деревянные колышки Хайрама были неплохи для первого раза, но стальные все же казались надежнее и долговечнее. Они не могли быть так легко поломаны, как деревянные. Я сделал четыре такие полосы для четырех временных каналов, и у меня осталось вполне достаточно стержней для разметки дальних концов туннелей.

Хайрам был весь поглощен общением со Стиффи и Кошачьим Ликом. Когда он не навещал одного из них, то, стало быть, был с другим. Баузер его обычно сопровождал. Меня несколько беспокоили эти пешие вылазки Хайрама, и я поначалу воображал всякие непредвиденные неприятности, но поскольку ничего не происходило, то я стал сам себя уговаривать, что волнуясь понапрасну. И все же я не мог быть вполне спокойным.

Однажды ранним утром я сидел во дворе за столом с банкой пива. Райла в доме была занята приготовлением салата к обеду. Кругом все дышало покоем, впрочем, как и всегда. На склоне холма показался Хайрам, поднявшийся наверх. Я с ленцой наблюдал за ним, ища глазами Баузера. Он шел чуть поодаль и вел себя так, словно вынюхал в траве что-то интересное.

И вдруг Хайрам издал вопль ужаса и наклонился вперед, как бы споткнувшись. Он упал на колени, затем подскочил и заметался, как если бы его нога попала в капкан. Баузер бросился к нему, прижав уши. Я вскочил с места и опрометью кинулся вниз, криком позвав Райлу.

Хайрам начал истошно кричать, издавая вопли один за другим, почти без перерыва. Он сидел на земле, подавшись вперед и держа вытянутую левую ногу обеими руками. Рядом с ним Баузер, накинувшийся на что-то в траве, вздернул голову и дико замотал ею. У него в зубах было что-то зажато, и он болтал этим из стороны в сторону. Одного взгляда было достаточно, чтобы я понял, что же это такое!

Я подбежал к Хайраму, схватил его за плечи и заставил лечь на спину.

— Оставь ногу в покое! — закричал я. — Лежи смирно!

Хайрам перестал бессмысленно вопить и проговорил сквозь рыдания:

— Оно ударило меня, мистер Стил, оно ударило меня!

— Не двигайся, — снова приказал я ему, — лежи смирно!

Он лежал, но вовсе не смирно. Он ужасно стонал.

Я выхватил из кармана складной нож и разрезал штанину на его левой ноге. Когда я отогнул материю, то увидел темнеющий кровоподтек и две точечные ранки, из которых сочилась алая кровь.

Я углубил ножом надрез на штанине и завернул ее повыше, как можно плотнее.

— Эйза, — с ужасом проговорила за моей спиной Райла, — Эйза, Эйза, Эйза!

— Найди палку, — велел я ей, — любую палку, чтобы затянуть ею жгут.

Я снял ремень, отрезал от него полоску вдоль петель и затянул ею ногу Хайрама повыше раны. Райла склонилась над ним с другой стороны, глядя мне в лицо. Она протянула мне палочку, кусок сухой ветки. Я просунул его в петлю жгута и повернул.

— Держи ее, — бросил я Райле. — Держи покрепче.

— Я знаю, — ответила она и добавила: — Это была гремучая змея. Баузер убил ее!

Я кивнул. Мне еще явственнее об этом поведала сама рана. Никакая другая змея на этой широте Северной Америки не могла бы оставить такой след от укуса.

Хайрам как будто немного успокоился, но все еще стонал.

— Держись, — сказал я ему, — сейчас будет больно.

Я не дал ему возможности возразить, а просто подготовил его. Я должен был это сделать.

Сделав ножом на его ноге глубокий надрез, я соединил им две точечные ранки. Хайрам взвыл и попробовал сесть. Райла свободной рукой толкнула его обратно.

Я приложился ртом к надрезу и стал отсасывать кровь, ощущая ее теплоту и солоноватость. Отсасывал и сплевывал, отсасывал и сплевывал и молил Бога, чтобы в рот мне не попали кусочки живой ткани. Об этом не следовало думать, ибо будь даже там эти кусочки, я бы все равно не перестал делать то, что делал...

— Он теряет сознание, — пробормотала Райла.

А я все отсасывал и сплевывал, отсасывал и сплевывал. Подошел Баузер и удрученно уселся рядом.

Хайрам застонал.

— Приходит в себя, — сказала Райла.

Я остановился на мгновение, потом снова продолжал отсасывать кровь, пока наконец не решил, что достаточно. Я наверняка отсосал, по меньшей мере, порядочную часть яда. Присев на корточки, я дотянулся рукой до палочки, немного ослабив жгут. Но сразу же затянул его снова.

— Сходи и разверни одну из машин в сторону Виллоу Бенда, — сказал я Райле. — Мы должны отвезти его туда, чтобы там ему оказали помощь. Я подтащу Хайрама вверх.

— А ты сможешь и тащить его, и держать жгут?

— Попробую.

Я обратился к Хайраму:

— Закинь руки мне за шею и держись как можно крепче! Повисни всей тяжестью. Я могу поддерживать тебя лишь одной рукой!

Он сомкнул руки вокруг моей шеи, и я помог ему подняться. Мы начали ковылять вверх по склону. Он оказался тяжелее, чем я мог предположить. Опередив нас, Райла помчалась к одной из машин. Она развернула ее и ждала нас, сидя за рулем. Я втащил Хайрама на заднее сиденье и сел рядом с ним.

— Баузер, ко мне, — скомандовал я.

Баузер впрыгнул внутрь. Машина уже шла вперед.

Когда мы оказались у офиса и Райла просигналила, из дверей стали выскакивать люди. Первым до нас добрался Герб.

— Укус змеи, — сказал я. — Гремучей. Срочно звони в «Скорую помощь»!

— Дай-ка я поддержу его, — произнес Бен, — а ты ступай возьми из нижнего ящика моего стола бутылку виски. Ты еще не дал ему что-нибудь выпить?

— Я не уверен, что это можно...

— Какого черта, а я уверен! Если оно не поможет, то и не повредит. Я думаю, виски всегда полезно!

Я сходил за виски и принес его в комнату, где на диване был расprostert Хайрам. Херб вернулся от телефона.

— «Скорая» уже в пути, — сказал он. — Там с ними специалист по противоядиям. Он им сразу же займется. Но доктор сказал, что виски не надо.

Я поставил бутылку на стол.

— Хайрам, как ты? — спросил я его.

— Болит, — ответил Хайрам. — Все болит. Мне ужасно больно!

— Мы сейчас отвезем тебя в госпиталь, — сказал я. — Там о тебе позаботятся. Я поеду с тобой.

Герб схватил меня за локоть и оттащил в сторону.

— Я не допущу, чтобы ты туда поехал, — сказал он.

— Я должен. Хайрам — мой друг. И он этого хочет!

— Но ведь здесь все кишит газетчиками! Они последуют за каретой «Скорой помощи». А в госпитале ты окажешься для них великолепной мишенью.

— Ну и черт с ними! Хайрам — мой друг!

— Эйза, будь благоразумен, — взмолился Герб. — Я же сделал из тебя и Райлы таинственных личностей. Затворников, избегающих всяческой рекламы. Людей исключительных. Нам необходим такой ваш имидж. И чем дольше он удержится, тем лучше для дела.

— Сейчас важен не имидж, а помощь Хайраму!

— Но чем же ты сможешь ему там помочь? Держать его за руку? Ждать, пока доктора будут орудовать над ним?

— Это тоже помощь, — сказал я. — Просто быть с ним.

К нам подошел Бен.

— С Хайрамом поеду я, — сказал он. — Герб прав.

— Там должен быть кто-то из нас. Я или Райла. Лучше я.

— Райла? — запротестовал Герб. — Но она же будет взвинчена, истерична...

— Райла истерична?!

— Да нет, — сказал Бен. — И газетчики не смогут так надавить на нее, как на Эйзу. Если она скажет, что не желает с ними разговаривать, то сделает это короче и резче, чем он. Уж она-то сумеет это сделать...

— Ты — ублюдок! — заорал я. — Оба вы ублюдки!

Но это не подействовало на них. В конце концов я остался, а Бен с Райлой поехали в карете «Скорой помощи». Мне было ужасно плохо. Я чувствовал, что утратил самоконтроль, что больше не владею собой, что страшно возбужден и напуган. И ведь я остался. Они таки одолели меня, Бен и Герб...

— Эта история даст им возможность опубликовать свежий аншлаг, — сказал Герб.

Я объяснил ему, куда он может отправиться со своим аншлагом, и обозвал его вурдалаком. Потом схватил бутылку, которую мы не использовали для Хайрама, и ушел с нею в кабинет Бена, где утрюмо к ней приложился. Но спиртное мне не помогло. Я даже не стал допивать виски.

Затем я позвонил Кортни и рассказал ему, что случилось. После того как я кончил говорить, на другом конце линии повисло молчание. Потом он спросил:

— Но ведь сделано все как надо, не так ли?

— Не знаю, — ответил я. — Я жду вестей.

— С Ликом может говорить только один Хайрам, да?

— Вот именно.

— Послушайте, Эйза, на днях «Сафари» уже прибует к вам для отправки людей в меловой период. Нельзя ли предпринять что-нибудь? Я думаю, временные каналы еще не открыты?

— Попытаюсь поговорить с Ликом сам, — ответил я. — Он может слышать меня, но я-то его не слышу. Я ведь не смогу его понять.

— Но вы ведь попыбуете поговорить, да?

— Попытаюсь, — обещал я.

— Я появлюсь у вас в ближайшие дни. Тот сенатор, о котором я вам говорил, пожелал побеседовать с вами. Не со мной, а именно с вами. Я его должен к вам доставить.

Я не стал его спрашивать о том, знает ли он, что этому сенатору надо. Мне это было как-то ни к чему.

— Если Хайрам не поправится, — сказал я, — то никого и привозить не надо. Если это произойдет, мы кончены. Вы ведь осведомлены обо всем и сами, не так ли?

— Я вас понимаю, — ответил он.

В его голосе прозвучала искренняя грусть.

Херб принес мне несколько сандвичей и кофе. От Райлы и Бена пока не было ни звука. Мы с Гербом немного поговорили, потом я вышел в заднюю дверь. Баузер ждал меня там, и мы зашагали через лужайку к моему старому дому. Мы уселись на заднем крыльце, и Баузер прижался ко мне. Он понимал, что случилась беда, и пытался чем-то успокоить меня.

Мой сарай стоял на месте, и его кривобокая дверь все еще покачивалась на своих петлях. Курятник тоже был на месте, и в нем даже продолжали жить куры. Они

с кудахтаньем расхаживали по двору, как и раньше. А в углу около курятника по-прежнему высилась клумба с кустом роз, тем самым, из которого плялся на меня Кошачий Лик, когда я вышел ночью поймать лису. А вместо того прогулялся в плейстоцен!

Все это было таким знакомым, но в то же время и чуточку чужим. Непривычность остального окружения накладывала свой отпечаток и на сарай, и на курятник, и даже на розовый куст. Вокруг участка стояла высокая ажурная ограда, и над ней с внутренней стороны странно горбились прожектора. Вдоль ограды расхаживали патрульные, а снаружи вокруг нее кучками толпились люди. Многие еще подходили и глазели внутрь на нас с Баузером. Я удивился, зачем они все прибывают. Поистине здесь не на что было смотреть!

Я погладил Баузера по голове и заговорил с ним.

— Ты помнишь, Баузер, как здесь было хорошо раньше? Как ты пытался выкопать сурка, а я уволакивал тебя домой? Как мы по вечерам выходили, чтобы запереть курятник? Как Хайрам приходил к тебе в гости почти ежедневно? А ту синичку на передней лужайке помнишь?

Я подумал, а вдруг синичка и сейчас еще там, но не пошел это проверить. Побоялся, что не найду ее.

Я поднялся по ступенькам и зашел в дом, придерживая дверь, чтобы и Баузер мог войти. Сел на стул около кухонного стола... Мне хотелось походить по дому, но я не сделал этого. Дом был абсолютно безмолвен и пуст. Кухня тоже, но я все продолжал в ней сидеть. В ней будто еще что-то оставалось от старого дома. Она была моим любимым местом, почти гостиной, и я в ней проводил так много времени...

Солнце клонилось к закату, и в дом вползли сумерки. Снаружи зажглись прожектора. Мы с Баузером вышли и снова сели на ступеньки крыльца. В дневном свете это место выглядело странным и чужим. Но с наступлением ночи, когда прожектора осветили все вокруг, оно стало похоже на видение из дурного сна...

...Райла нашла нас все еще сидящими на ступеньках.

— С Хайрамом все обойдется, — сказала она. — Но он еще довольно долго пробудет в госпитале.

Глава 25

На следующее утро я отправился к Кошачьему Лику. На привычном месте его не оказалось, и я обошел всю яблоневую рощу под нашим передвижным домом. Я прошел все тропинки, звал его тихим голосом, силился разглядеть в чаще ветвей. Его не было видно нигде. В течение нескольких часов я точно так же обследовал и другие рощи вокруг холма.

Когда я вернулся домой, Райла сказала:

— Я бы пошла с тобой, но побоялась его спугнуть. Он же тебя знает довольно давно, а я для него всего лишь посетительница.

Мы сидели за дворовым столом совершенно подавленные.

— А вдруг мы его не найдем? — ужаснулась Райла. — Может, он знает, что стряслось с Хайрамом, и прячется, не желая показываться, пока Хайрама нет?

— Не найдем, так не найдем, — махнул я рукой.

— Но ведь «Сафари»...

— Ну и подождет «Сафари»! Ведь даже если Лик и отыщется, я не знаю, как с ним общаться!

— А может, он вернулся в Виллоу Бенд, — предположила Райла, — в сад около старой фермы? Это же была его излюбленная резиденция, не так ли? Если он знает о Хайраме, так, может, хочет быть к нему поближе?..

И в саду Виллоу Бенда я его нашел сразу же. Он висел на одной из яблонь у самого дома и таращился на меня своими огромными кошачьими глазами. Он даже улыбался мне!

— Лик, — сказал я, — Хайрам получил травму, но он поправится. Он вернется через несколько дней. Лик, ты можешь мне подать знак, моргнуть, например? Можешь закрыть глаза?

Он закрыл глаза и открыл их вновь, еще раз закрыл и открыл.

— Прекрасно, — сказал я. — Я хочу поговорить с тобой. Ты можешь меня слышать, а я тебя — нет. Но попробуем поговорить по-другому. Я буду задавать вопросы. Если ты захочешь ответить «да», закрой глаза один раз, если «нет» — закрой их дважды. Ты меня понял?

Он закрыл глаза и открыл их.

— Ты понял, что Хайрам вернется через несколько дней?

Он просигналил «да».

— И ты готов вот так пообщаться со мной? Говорить со мной, закрывая глаза?

— Да, — подтвердил Лик.

— Это не слишком удобный способ, не так ли?

Лик моргнул дважды.

— Ну хорошо. Так вот, в Мастодонии... а ты знаешь, какое место мы так называли?

— Да, — ответил Лик.

— Так вот, там, в Мастодонии, нам надо, чтобы ты проложил четыре временных туннеля. Я уже установил их границы стержнями, выкрашенными в красный цвет. На первом из них в каждом ряду красным флажком отмечено начало вхождения во временной туннель. Ты понимаешь меня?

Лик просигналил, что понимает.

— Лик, ты уже видел эти стержни и флажки?

Лик ответил, что видел.

— Ну тогда, Лик, слушай внимательно. Первый временной туннель должен увести на семьдесят миллионов лет назад. Следующий должен вести во время, ближе к нам от первого на тысячу лет, то есть на семьдесят миллионов минус одна тысяча лет...

Лик не стал дожидаться моего вопроса о том, понял ли он, и сам просигналил «да».

— Третий канал, — продолжил я, — должен вести во время, ближе к нам еще на тысячу лет, а четвертый — на тысячу лет ближе, чем третий. Хорошо?

Лик подтвердил, что понял.

Мы еще раз прошлись по заданию, чтобы я был спокоен, что он все сделает как надо.

— Так ты построишь эти каналы? — спросил я.

Он моргнул один раз и исчез. Я еще стоял там, идиотски вперившись в место, где он только что был. Я предположил, что он, в соответствии с моим заданием, уже переместился в Мастононию и уже строит туннели. Во всяком случае, мне очень хотелось так думать.

Я нашел Бена в его кабинете, где он сидел, задрав ноги на стол.

— А знаешь ли, Эйза, — объяснил он мне, — это самая лучшая работа из всех в моей жизни. Мне она по душе!

— Но ведь у тебя полно дел в твоём банке?

— А-а, я скажу тебе то, что говорю не всякому: банк работает сам по себе. Конечно, я еще им руковожу, но это лишь рутинная работа. Я всего лишь беру на себя самые ответственные решения и подписываю наиболее важные бумаги.

— В таком случае, почему бы тебе не прихватить тот большой тяжелый ствол и не прогуляться в меловой период вместе со мной?

— В меловой? Да что ты, Эйза, в самом деле?

— Надеюсь, хотя не вполне уверен. Это следует проверить. Я бы предпочел это сделать в твоей компании. Я ведь еще «цыпленок», и мне одному идти не стоит.

— А те «слоновые» ружья еще на месте?

Я кивнул.

— Но мы идем не на охоту, имей в виду! Еще не время. Мы просто проверим туннели.

Райла отправилась с нами. Мы сперва хотели взять машину, но потом решили, что лучше пойти пешком. Я полностью подготовился к тому, чтобы избежать случайностей. Мы прошли первую полосу, ограниченную стержнями. Но ничего особенного с нами не случилось. Мы попали прямо в меловой период. Там шел дождь, вернее, надолго зарядивший ливень. Мы вбили в землю захваченные с собой стержни, затем прошли немного

вперед, чтобы еще раз проверить, где находимся. Стайка глупых «страусозавров» поскакала прочь при виде нас.

Остальные три канала тоже были в полном порядке. Ни в одном из них дождя не оказалось. И, насколько я мог отметить, в каждом из этих каналов местность оставалась почти неизменной. В течение тысячи лет ничего особенно не менялось, во всяком случае, на первый взгляд. Возможно, если бы мы пробыли подольше в каждом из этих времен, я бы и заметил изменения. Но мы почти не задержались там. Всего лишь воткнули наши стержни и вернулись.

Правда, в четвертом времени Бен ухитрился подстрелить небольшого анкилозавра длиной в шесть или семь футов. Должно быть, это был годовок. Большая пуля из бенова ружья почти напроць снесла голову животному.

— Имеем жаркое из динозавра, — порадовался Бен.

Чтобы оттащить тушу в Мастодонию, потребовались усилия всех нас троих. Там нам пришлось прибегнуть к помощи топора, чтобы рассечь броню анкилозавра. Когда мы сделали это по периметру его туловища, оказалось возможным отделить панцирь, хотя и это далось совсем не легко. Бен отрезал «палицу» на конце его хвоста в качестве трофея. Я выволок из-под дома жаровню и развел в ней огонь.

Пока Бен поджаривал толстые ломти мяса, я спустился по холму в яблоневую рощу и обнаружил там Кошачий Лик.

— Я пришел, чтобы поблагодарить тебя, — сказал я. — Твои туннели превосходны!

Он моргнул своими глазищами не то четыре, не то пять раз.

— А не мог бы я сделать для тебя что-нибудь? — спросил я.

Он моргнул дважды, что означало «нет».

Тот страусовый динозавр, которым мы лакомились во время нашей первой разведывательной вылазки в меловой период, был весьма недурен по вкусу, и я полагал, что шашлык из «анки» нас разочарует. Они, эти анкилозавры, ведь такие противные на вид! Но никакого разочарования не последовало. Я накинулся на мясо, как волк, только поражаясь, до чего же много могу съесть!

Потом мы отчистили панцирь от остального мяса, запрятав несколько ломтей в свой холодильник и завернув остальное Бену, чтобы он отнес это домой.

— Завтра устрою прием с деликатесами из динозавров, — сказал он. — Может быть, приглашу кое-кого из этих лихих журналистов, пусть отведают. И напишут об этом в своих репортажах. Это же прекрасный материал!

Мы оттащили панцирь с клочками оставшегося на нем мяса под гору и опалили его на огне. Если бы его оставить так, вся округа провоняла бы на несколько суток. Но через два дня, прогулявшись вниз, я обнаружил, что кто-то, скорее всего, волки или лисицы, дочиста обглодали панцирь и поистине совершили работу идеальных уборщиков мусора. От анкилозавра остались лишь разбросанные вокруг пластины панциря.

Когда Бен ушел, Райла и я, умиротворенные, еще не скоро легли спать. Мы долго сидели за столом, взирая на свои владения. Я взял винтовку и пошел с Баузером поискать гремучих змей. Но мы не нашли ни одной.

На холм с визитом явился Стиффи. Он подковылял довольно близко к нам, поднимая хобот, фыркая в нашу сторону и хлопая ушами.

Я уже знал, что надо сделать, чтобы он не попытался любовно усесться нам на колени. Пока Райла держала ружье, прикрывая меня, я пошел к нему медленно, слегка покачиваясь. Он меня обнюхал, и я, вытянув руку, пощекотал ему хобот. Он заурчал и застонал от наслаждения. Я приблизился еще и почесал ему нижнюю губу. Он это особенно оценил. Он сделал все, чтобы показать мне, как ему это нравится. Я отвел его вниз в долину и велел там оставаться и, черт побери, держаться подальше от нас! Он дружелюбно забормотал. Я боялся, что он пойдет меня провожать, но он не стал этого делать.

Мы просидели весь вечер, наблюдая, как на мир спускаются сумерки. Райла спросила:

— А ведь тебя что-то беспокоит, правда, Эйза?

— Хайрам перевернул все во мне, — ответил я.

— Но он же поправляется! Потерпи еще несколько дней, и он к нам вернется.

— Он ясно показал мне, как зыбко наше положение, — объяснил я. — Весь этот временной бизнес

основан лишь на Хайраме и Кошачьем Лике. Не дай бог, если что-то случится с одним из них. Мы тогда...

— Но ты же великолепно управился с Ликом! И наши временные туннели в полном порядке. Если что и пойдет не так, то мы все равно их уже имеем, а значит, и имеем бизнес с «Сафари» как основу всего дела. Конечно, со временем могут всплыть еще какие-нибудь трудности, но ведь уже есть возможность большой спортивной охоты...

— Райла, ты удовлетворена всем этим?

— Ну, пожалуй, не вполне, но все же мы владеем сейчас гораздо большим, чем раньше, не так ли?

— Я размышлял над всем этим... — сказал я.

— И что же ты надумал?

— Пожалуйста, постарайся меня понять, — попросил я. — Вникни в то, что я скажу. В тот день, когда ты отвезла Хайрама в госпиталь, я побывал в старом доме на ферме. С Баузером. Мы послонялись там немного и посидели на крыльце, как делали это раньше. Мы и в дом зашли, но дальше кухни я пройти не смог. Я поразмышлял за кухонным столом над тем, что вдруг произошло в моей жизни. И у меня появилось ощущение потерянности. Независимо от того, что я проделал и как далеко ушел вперед, я все равно чувствовал себя каким-то потерянным. Все так сильно изменилось вокруг...

— И тебе эти перемены не по душе?

— Дело в другом. Попробую тебе объяснить. Теперь все, что мы делаем, превращается в деньги, чего раньше со мною никогда не бывало. Мы можем путешествовать во времени, а это раньше никому не удавалось. И все же... Я думаю, мое уныние вызвано этой историей с Хайрамом и ощущением нашей уязвимости...

Она взяла мою руку своими ладонями.

— Понимаю, — сказала она, — я понимаю...

— Так ты тоже ощущаешь это?

Она покачала головой.

— Нет, Эйза. Я — нет. Вспомни, я же всего-навсего «приблудный толкатель». Но я вполне понимаю, как ты можешь все это воспринимать. И я чувствую себя немного виноватой. Я втравила тебя во все эти дела. Подтолкнула.

— Да я и сам легко «подтолкнулся», — ответил я. — Не обвиняй себя ни в чем. Ничего нет такого, в чем бы

можно было тебя упрекнуть. Просто дело в том, что я любил ту ферму. И, когда я взгляделся в нее в тот день, то ощутил потерю...

— Пошли пройдемся, — предложила она.

Мы спустились, держась за руки, по склону холма, и все вокруг нас дышало покоем Мастодонии. Где-то поодаль от холмов послышался жалобный крик козодоя, и мы остановились завороченные. Я никак не ожидал услышать здесь этот звук, я никак не мог предположить, что здесь водятся козодои! Этот крик для меня был зовом дома, он воскресил давние воспоминания и погрузил меня в те летние дни, когда с лугов несло свежее благоухание только что скошенного сена и воздух звенел колокольчиками коров, возвращающихся на пастбища после дойки...

Прислушиваясь к крику козодоя, я вдруг почувствовал волну какого-то странного успокоения, овевшую меня.

Мы вернулись в наш передвижной дом и позвали внутрь Баузера. Он прошествовал в свою с Хайрамом комнату. Было слышно, как он устраивается на покрывале, по-своему расправляя его перед сном. На кухне я вынул графин с манхэттеном и отнес его в гостиную. Мы посидели там со стаканами, расслабившись и слегка приобщаясь к цивилизованному миру.

— Ты помнишь тот день, когда я появилась на ферме? — спросила Райла. — После двадцати лет отсутствия вдруг снова возникла перед тобой?

Я кивнул. Еще бы не помнить! Я думаю, что запомнил эту встречу до каждой ее минуты.

— Пока я подъезжала к Виллоу Бенду, — сказала она, — я спрашивала себя, не пожалею ли об этом впоследствии? И с тех пор я еще не раз спрашивала себя об этом. А вот теперь, Эйза, я могу сказать, что ни разу не пожалела о своем приезде и что я теперь совсем перестала себя об этом спрашивать. И дело не в путешествиях во времени, и не в занятости всего этого, и даже не в деньгах. Дело в тебе. Я совершенно не жалею о том, что вернулась к тебе!

Я отставил свой стакан и подсел к ней на диван. Мы сидели рядом, в обнимку и еще долго оставались так, похожие на пару глупых детей, вдруг обнаруживших, что они любят друг друга.

Я был благодарен ей за услышанное и подумал, что мог бы и сам сказать ей то же самое, но у меня не находилось слов, чтобы связно изложить, что я чувствую. И все же я сказал ей то, что у меня было на сердце.

— Я люблю тебя, Райла. Наверное, я полюбил тебя в тот самый день, когда увидел впервые!

На следующий день сразу после полудня появился Кортни за рулем одолженного ему Беном автомобиля. Рядом с ним восседал сенатор Эйбел Фримор.

— Я доставил сенатора в ваши руки, — произнес Кортни. — Старина ни за что не захотел говорить со мною. Он желает иметь дело только с вами и решил самолично «посмотреть в зубы коню». Еще должен сообщить, что подали признаки жизни налоговые инспектора. Они пожелали повидать меня, но я решил, что их нельзя совместить с сенатором.

— Ни в коем случае, — подал голос гость. — Как человек со здравым смыслом, я предпочитаю от этой публики держаться как можно дальше!

Он был немного щедеушен для человека, имеющего лицо истинного фермера, красновато-обветренное под редющей белой шевелюрой. Он стоял рядом с машиной, внимательно разглядывая окружающий ландшафт.

— Так вот она, Мастодония, — констатировал он. — Кортни мне обрисовал ее. Так когда же вы начнете делить ее на участки?

— Мы вовсе не собираемся этого делать, — ответила Райла, — ибо не считаем ее своей собственностью.

— Я должен вам сообщить, — произнес Кортни, — что «Сафари» прибудет завтра. Бен передал мне, что туннели готовы. Рад, что вы с этим справились.

— И без особого напряжения, — ответил я.

— Мне бы хотелось побыть здесь у вас и засвидетельствовать отправку первой партии на сафари. Сенатор тоже выразил такое желание. У вас найдется место, чтобы оставить нас переночевать?

— У нас есть, кроме нашей спальни, еще две, — ответила Райла, — и мы будем вам рады. Но одному из вас придется разделить комнату с Баузером.

— А как, по-вашему, я имею шанс отправиться с ними? — спросил сенатор. — Только, чтобы окинуть все взглядом. Быстрый обзор местности, и я сразу же возвращаюсь...

— Это может решить только фирма «Сафари», — ответил я. — Вы должны будете обговорить это с руководителем одной из групп.

Сенатор посмотрел на Кортни.

— А вы как на это смотрите? Если они позволят, вы пойдете туда?

— Не знаю, — ответил Кортни. — Я видел фильм. Там весьма кроваважные твари. Мне следует это обдумать...

Сенатор обошел дом, внимательно изучая его окрестности, затем устремился к дворовому столу. Райла принесла кофе. Он, усаживаясь, принял из ее рук чашку.

— Благодарю вас, дорогая, — произнес он. — Я, старый парень с фермы, получаю эту чашку в награды за труды...

Мы уселись тоже, и Райла налила кофе и нам.

— Я полагаю, — заявил Фримор, — что мог бы немедленно приступить к изложению сути вопроса. Это не предложение и ничего слишком тяжеловесного я не подразумеваю. Ничего, что следовало бы улаживать с сенатом или правительством. Это всего лишь несколько вопросов, неотступно одолевающих мой мозг... — Сенатор пролил несколько капель кофе на стол и вытер их растопыренной ладонью, немного отвлекшись на эту процедуру. — Я боюсь, — сказал он, — как бы вы не посчитали меня старым глупцом, бросающимся в атаку на тени. И все же есть проблемы, которые приносят мне много бессонных ночей. Из них особенно важны две. И как бы мне представить их вам в наиболее ясном свете, чтобы вы не сочли их вздорными?

Он сделал паузу, как бы взвешивая аргументы. Но я был уверен, что никакой надобности во взвешивании у него не было. Это был всего-навсего риторический трюк. Слишком часто и в течение слишком многих лет он ораторствовал в сенате!

— Если подойти просто, — продолжал он, — у нас имеются две заброшенные проблемы: это положение сельского хозяйства в мире и наличие огромных масс обнищавшего населения, значительная часть которых проживает в нашей собственной стране. Они неудачни-

ки, их не используют, и они пребывают на самом дне социальной среды.

Мы, разумеется, способны произвести столько пищи, чтобы накормить население всей Земли. Но когда люди голодают, уже встает проблема не поставок, а распределения в чистом виде. И я боюсь, что недалек и тот день, когда даже возможность поставок продовольствия тоже начнет иссякать. Метеорологи говорят нам, и, скажу вам, весьма убедительно, что, по крайней мере, все северное полушарие, если не весь мир, вступает в цикл более холодной и засушливой погоды. Последние шестьдесят лет мы имели самые благоприятные за несколько столетий погодные условия, но уже сейчас тенденция к ухудшению явно ощущается. На огромных площадях посевов выпадает гораздо меньше осадков и становится все холоднее. Если это похолодание будет продолжаться, то времени на созревание урожая может не хватить. А это означает, что продовольствия станет меньше. И, сократись оно хотя бы на десять процентов в течение нескольких лет, сразу возникнут области, обреченные на массовый голод. За последние шестьдесят лет беспримерного улучшения погоды мир достиг больших социальных и экономических успехов. Но и население мира тоже росло. На снижение этого роста нет никаких особых надежд. Вот и выходит, что всего несколько избранных областей экономического бума вынуждены будут облегчать участь все нищающего человечества.

Вы понимаете, конечно, к чему я клоню. Ваш разум опережает мои слова. Моя концепция поначалу может вызвать негативную реакцию, но открытая вами возможность перемещений во времени позволит осваивать обширные сельскохозяйственные регионы, которые будут с лихвой компенсировать падение производства продовольствия, о котором я говорил. То падение, что связано с ухудшением метеорологических факторов Земли.

Это лишь одна из проблем. Вы помните, я сказал, что их две. Другая заключается в том, что часть нашего населения в течение всей своей жизни терпит нужду. Огромные массы таких несчастных скапливаются в гетто больших городов, да и во множестве мест в сельскохозяйственных районах. Это — не считая отдельных людей, которым попросту не везет и которых тоже

немало везде. Мне представляется, что всех этих людей можно было бы с помощью вашего открытия переместить в прошлое, где они нашли бы возможность поправить свое положение. И, насколько я могу судить, они явились бы новым поколением пионеров, осваивающих новые земли, которые стали бы их собственностью. Это земли с нетронутыми природными богатствами, и там они смогли бы жить гораздо лучше. Я с прискорбием должен признать, что далеко не все из них смогут стать пристойными пионерами. Их бедность и приниженность, их отрицательное отношение к обществу, их повышенная жалость к самим себе могут воспрепятствовать им и не дать встать на собственные ноги. И весьма возможно, что эти люди не сделаются лучше, чем сейчас...

— Хотя, по крайней мере, — вставил я, — вы сможете от них избавиться...

Сенатор бросил на меня негодующий взгляд.

— Молодой человек, — произнес он. — Это несправедливый и даже недостойный выпад с вашей стороны!

Кортни вмешался:

— На словах то, что вы сказали, выглядит значительно проще, чем окажется на деле. Потребуется очень большие вложения. Вы же не сможете просто засунуть этих людей в какое-нибудь другое время и объявить им, что оно, мол, ваше! И правительство, и общество обязаны будут взять на себя ответственность за них. Им должны будут обеспечиваться приличные стартовые условия. И я предполагаю, что многие из них вовсе не захотят никуда перемещаться, попросту откажутся от этого. Конечно, какие-то преимущества эта идея дать может. Вы уменьшите расходы на пособия бедным, хотя подозреваю, что на реализацию вашей идеи денег понадобится еще больше. Но, как бы там ни было, вы не сможете сильно сэкономить на социальных расходах просто так, отправив людей в унылое дикое пространство и объявив им, что умываете руки!

Сенатор мотнул головой.

— Кортни, вы меня рисуете каким-то людоедом! Не можете же вы предполагать, что я эти факторы попросту отменяю? Программа, если ее можно будет так называть, должна весьма тщательно прорабатываться. Первоначальные расходы, возможно, и превысят то,

что вы называете «экономией». И превысят, скорее всего, в несколько раз. Но гуманитарный аспект проблемы должен соизмеряться с экономическим... Я еще не говорил об этом ни с кем. Об этом первыми узнали вы трое. И прежде чем я уеду, мне нужно получить от вас несколько ответов. Я полагаю, что, несмотря на все хитроумие вашего изобретения, качество перемещений во времени вы обеспечиваете вполне надежно. И вы, предлагая себя как службу перемещений, делаете на этом бизнес. У меня же твердое личное убеждение, что ваше дело должно стать общественным предприятием, подверженным регулированию и управлению. Но, действуя в своей Мастодонии, вы достаточно удалены от возможности управления. Я даже не предполагаю, что понятие «Мастодония» будет признано как нечто суверенное...

— А мы убеждены, что оно будет признано, — ответил Кортни. — По моим ощущениям, его суверенитет никак нельзя будет опровергнуть!

— Вы просто блефуете, — возразил сенатор, — и все переводите на язык судебных крючкотворов. Возможно, так оно и будет, как вы говорите. Но это понятие не означает ни «здесь», ни «там». И все, чего я от вас сейчас добиваюсь, — это ответа на вопрос, насколько сочувственно вы бы отнеслись к такого рода программе и на какое сотрудничество с вами мы могли бы рассчитывать?

— Мы не можем дать вам никакого ответа, — сказал Кортни наиболее важным и сумрачным адвокатским тоном, на какой он был способен. — Мы можем принять к рассмотрению лишь конкретные предложения и тщательно их изучить. Вы отдаете себе отчет в том, что, призывая нас к поддержке ваших предложений об использовании обширных временных пространств, вы лишь провоцируете нас на продажу более выгодных лицензий на то же самое другим клиентам?

— Я отдаю себе отчет вот в чем, — отозвался Фримор, — я понимаю, что суть вопроса в том, что кто-то в обществе деградирует. И я спрашиваю вас, можете ли вы подключиться к моей программе социального спасения? Готовы ли вы принести дар обществу? Нелишнее отметить, что, если вы потребуете за это нечто вроде гонорара и обратитесь за этим к другим клиентам, моя программа будет обречена. Она не сможет ни на что

опереться. Мои предложения достаточно дорогостоящи и без выплаты денег за лицензии ассоциации Времени. Это не предусмотрено бюджетными ассигнованиями.

— Если вы апеллируете к нашей совести, — ответил Кортни, — то мы очень хотели бы соответствовать вашим ожиданиям. Но на данном этапе никаких обязательств мы на себя взять не можем.

Сенатор обратился ко мне.

— Если такая программа будет принята, то в какой исторической эпохе можно было бы ее осуществить? Прямо здесь? Непосредственно в Мастодонии?

Райла рванулась вперед, не дожидаясь моего ответа.

— Только не в Мастодонии! — выпалила она. — Здесь обосновались мы сами. И мы этого места никому не уступим!

Глава 26

Первая группа приехала сразу после полудня. Они поместились в двух тяжелых грузовиках и трех четырехколесных вездеходах. Их было двадцать пять человек. Оборудование прибыло в Миннеаполис на арендованном грузовом самолете, в котором летели и многие члены экспедиции. Трое клиентов прилетели обычным рейсом, без груза. Из Миннеаполиса группа сафари двинулась к Виллоу Бенду. Перед входными воротами их облепили репортеры и телевизионщики с камерами.

— Пресс-конференция, или как вы ее там назовете, задержала нас больше чем на час, — сказал мне Перси Эспинволл, руководитель экспедиции. — Однако я не смог им отказать и постарался быть как можно любезнее. Там, в Нью-Йорке, люди ведь ждут максимальной информации о нас!

— То, через что вы прошли сегодня, — заметил я, — ерунда по сравнению с тем, что ожидает вас по возвращении, особенно если вы принесете с собой несколько приличных голов-трофеев.

— Стил, я рад случаю пообщаться с вами, — сказал он. — Я надеялся, что мы некоторое время там пробуем вместе. Вы можете рассказать мне, каких неожиданностей нам следует остерегаться? Ведь вы один из троих, побывавших в меловом периоде!

— Мы пробыли там чуть больше суток, — ответил я. — И увидели немало представителей фауны того

времени. Но местность просто кишит необычными зверями, и далеко не все из них попали в поле зрения наших палеонтологов. Вы видели фильм, снятый Райлой?

— О да! Хорошая работа. Пожалуй, чуточку жутковатая...

— Ну тогда вы видели почти то же, что и мы. Вы запаслись крупнокалиберными ружьями?

— Шестисотками. Теми же, что были у вас.

— Учтите одно, — посоветовал я. — Не дожидайтесь, пока ваши клиенты будут готовы выстрелить. Если какая-нибудь тварь двинется на вас и вы ни в ком из охотников не будете уверены, бейте по ней сами! А каковы ваши клиенты? Что за публика?

— Публика вполне надежная, — ответил Эспинволл. — Слегка староваты, на мой взгляд, но все имеют приличный опыт охоты. Например, в Африке, до того как охотничьи зоны стали там иссякать... У этих людей есть полевой опыт, они не бахвалы и вполне дисциплинированы. Скажем, Джонатан Фридли и его жена. Он добыл в свое время самые крупные из виданных мною бивней. Фридли — председатель совета стальной компании. Потом еще Горас Бриджес. Он президент химической корпорации. Все трое — весьма респектабельные люди. Другие — не хуже.

— Ну тогда у вас не будет с ними особых проблем.

— Надеюсь. И если даже я сам кого-то из зверей подстрелю, они не будут в претензии и поймут.

— С вашей группой жаждет пойти сенатор Фримор. Он уже говорил об этом с вами?

— Да, он налетел на меня почти с бегу. Я категорически отказал. Не могу взять на себя ответственность. Я бы рад пойти ему навстречу, но подставлять свою шею под удар мне ни к чему. Ему это очень не понравилось. Он выразил легкое негодование. Но я тоже не имею права брать случайных попутчиков, подобных тем, что голосуют на дорогах... Вот если бы захотели пойти вы...

— Нет, благодарю вас, — ответил я. — Сюда должны прибыть и другие группы от вашей фирмы, и мне надо оставаться на месте. Кроме того, я ведь там уже побывал.

— Я вынужден вас оставить, — сказал он, — мне надо еще раз проверить оснастку. Рад был нашему знакомству!

Я протянул ему руку и произнес:

— Удачи вам, Эспинволл!

Я проследил за тем, как они въезжали в туннель, одна машина за другой в ряд, и как по очереди исчезали из виду, пересекая невидимую границу времен.

Райла отвезла сенатора и Кортни обратно в Виллоу Бенд. Сенатор был весьма не в духе.

Я спустился в яблоневую рощу поглядеть на Кошачий Лик и нашел его оседлавшим дерево на западном краю рощи. Я рассказал Лику, что первый из туннелей уже использован и что в ближайшие дни будут задействованы и остальные. Я спросил, доволен ли он, и Лик моргнул утвердительно. Было чуточку нелепо беседовать с ним таким вот образом. Ведь единственное, на что я был способен, были наводящие вопросы, в ответ на которые он моргал по системе «да-нет». И все же, несмотря ни на что, это была хоть какая-то беседа, и я, стоя перед ним, явственно ощущал исходящее от него дружелюбие, да и он, наверное, чувствовал мою к нему симпатию! Он смотрел на меня как бы полуулыбаясь и тем показывал мне свое расположение.

Я пытался представить себе, чем же он являлся по своей сущности, и выстроил для себя некую умозрительную схему, согласно которой он, в нашем понимании слова, не был «существом». Он не имел ни тела, ни плоти вообще, и я не мог понять, из какого же вещества он состоял?

Но я все же обнаружил в своем отношении к нему нечто новое. До сих пор я воспринимал его просто как пришельца, чужака, необъяснимого и не подлежащего пониманию. А теперь вот я вдруг понял, что отношусь к нему как к персоне, как к конкретной личности, как к другу! Конечно, все это — в тех пределах, которые определялись возможностями нашего общения.

Я размышлял о тех пятидесяти тысячах лет, которые он здесь провел, и пытался представить себе, чем же они для него были? Я силился вообразить, чем бы они были для меня самого, разумеется, если бы я, вопреки здравому смыслу, мог прожить столько. Но я понял, что эти рассуждения неправильны, ибо отождествлять себя с Кошачьим Ликом я никак не мог хотя бы потому, что мы являли собой совершенно разные формы жизни. Я припоминал то, что узнал о его повадках в последние несколько лет: о неразумных играх в «охотника и дичь»

с Эзрой и Роджером, о конструировании забавы ради туннелей времени для Баузера (представляю, сколько походов в прошлое совершил мой Баузер!), о случайных беседах Лика с Хайрамом, вернее, о попытках что-то рассказать ему, хотя тот не очень-то мог сообразить, что же ему хотят сообщить. Стало быть, такое сообщение вряд ли могло принести Лику какое-нибудь удовлетворение! Но ведь все это происходило совсем недавно, в последние лишь годы. А раньше его наверняка могли наблюдать и другие люди (вернее, он им сам являлся), и это, несомненно, их пугало. Я предполагал, что в более далеком прошлом он, должно быть, общался и с индейцами, и с их давними предками. А может, они принимали его за божество или за духа своего племени? Видел ли он мамонтов, мастодонтов и древних предков бизонов?.. Я сперва стоял, потом сел на землю под деревом. Кошачий Лик спустился вниз, и теперь мы были с ним «лицом к лицу»!

Я услышал, как наверху к дому подъехала Райла, вернувшись из Виллоу Бенда, поднялся и сказал Лику:

— Я навещу тебя завтра или послезавтра, и мы поговорим подольше.

Райла привезла известие о том, что Бен снова разговаривал с религиозной группой и что они завтра заедут в Виллоу Бенд. Бен их приведет к нам для собеседования. Он все еще никак не возьмет в толк, чего же им от нас надо.

Из госпиталя, как она узнала, сообщили, что Хайрама пока не выписывают. Бен побывал в Ланкастере, чтобы повидать его, и говорит, что вид у него неважнецкий. Хайрам справлялся сперва о Баузере, потом о нас двоих и о Кошачьем Лике. Еще интересовался, как идут дела у Стиффи. Но, задав эти вопросы, он больше ни о чем говорить не пожелал...

Бен привел к нам этот самый комитет религиозных общин на следующий день. Их было трое, но говорил с нами лишь один из них. Двое остальных просто сидели рядом, покачивая головами или кивая в знак солидарности со своим говорящим коллегой по фамилии Хотчкисс.

Этот Хотчкисс был не из тех людей, кто склонен попусту терять время. Это был крупный мужчина с лицом, словно сошедшим с фрески о Страшном Суде. Оно было вытянуто острым углом, как волчья морда. На таком лице улыбка была бы чем-то совершенно чуже-

родным, да он, на мой взгляд, вряд ли позволял себе когда-нибудь улыбнуться!

Он сразу же перешел к изложению сути дела. Обычные вежливые пассы были сведены до минимума. Нисколько не усомнившись в возможности перемещений во времени, он, по-видимому, принял их за абсолютную данность. Не спрашивал он и о принципах их осуществления, его интересовало не это. Он спросил всего-навсего, каких гарантий мы не даем при осуществлении этих перемещений...

— Нас интересует, — заявил он, — приобретение прав или лицензий, называйте это как хотите, на тот период, который охватывается житием Иисуса Христа. Это должны быть исключительные права. Для нас и никого более.

— Я говорил вам, — сказал Бен, — когда мы встретились с вами впервые, что мы готовы рассмотреть любое законное предложение, но неспособны дать вам никакого ответа, пока не вникнем в истинный смысл вашей заявки. Вы просите исключительное право на довольно большой кусок истории, и мы должны знать, не возникнут ли там по вашей вине какие-нибудь парадоксы?

— Какие еще парадоксы? — осведомился Хотчкисс.

Бен проявил крайнюю предупредительность и терпимость.

— Отрезки истории, — пояснил он, — могут быть использованы для многих целей. И поэтому нам совершенно необходимо знать, в каких целях и каких географических рамках вы собираетесь использовать названное вами время. Внедрение пришельцев из будущего в исторически известное время должно сопровождаться выполнением обязательств, полностью гарантирующих от изменения хода истории, то есть от парадоксов. Ни один из людей, живущих в то время, не должен даже заподозрить в вас пришельцев. Все «посетители» должны быть одеты как те люди, должны знать их обычаи и язык, должны быть осведомлены обо всем, что в то время происходило...

— Можете не продолжать, — прервал его Хотчкисс. — Мы не собираемся заниматься никакими исследованиями и посещениями.

— Но если вы не хотите ни исследовать, ни посетить то время...

— В этом именно и состоит суть нашего подхода, — отрезал Хотчкисс. — Мы вовсе не хотим туда проникнуть, но не желаем, чтобы это сделал и кто-нибудь другой! Вот зачем нам нужны эти исключительные права!

— Не понимаю, — вмешался я. — Это же та временная область, в которой, как мне кажется, для любого богослова столько интересного материала! Ведь едва ли кто-нибудь знает достоверно...

— Именно в этом и заключается суть, — отрубил Хотчкисс. — Вы попали в самую точку наших соображений. Ведь историческая достоверность личности Христа всегда была под вопросом. О Нем лично очень мало известно. Имеется лишь одно или два упоминания историков, да и те могут оказаться поздними вставками в тексты. Мы не знаем ни точной даты, ни места Его рождения. Принято повсеместно считать, что Он родился в Вифлееме, но даже по этому поводу имеются сомнения. То же относится к любому отрезку Его жизни. Некоторые исследователи вообще ставят под вопрос, существовал ли такой человек? Но в течение веков предания, связанные с Ним, были приняты, обрели почву, структуру, стали самим существом христианской веры. И мы желаем сохранить ее в том же виде. Любая попытка заглянуть в это прошлое может разрушить здание Учения, возводившееся в течение веков. И может привести к неподобающим последствиям. Что случится, по-вашему, если обнаружится, что Он родился не в Вифлееме? Что тогда делать с Рождеством? А что, если не найдется доказательств Поклонения Волхвов?.. — Он остановился и оглядел нас. — Вы понимаете меня? — спросил он.

— Мы можем понять вашу точку зрения, — ответил я. — Но нам хотелось бы над ней поразмышлять...

— Прежде чем вы решите — дать нам просимые права или нет?

— Да, что-то в этом роде, — подтвердил я. — То, что вы просите, может у многих вызвать ощущение захлопнутой перед их носом двери.

— никоим образом не разделяю вашего мнения, — отпарировал Хотчкисс. — Оно подразумевает лишь то, что наша вера слаба. Но истина заключается в том, что наша вера самодостаточна и настолько, что мы допускаем безупречность христианства, даже зная, как мало

известно о Господе, и что даже это малое может оказаться недостоверным. И вот что нас путает: история, известная нам сейчас, может быть разнесена на кусочки «исследователями». Ведь даже само христианство разорвано на лоскутки. Благодаря своему открытию вы держите в руках устрашающую по мощи возможность. И мы хотим вам хорошо заплатить, чтобы вы ее не использовали.

Райла вдруг спросила:

— А нельзя ли уточнить, кто это «мы»? Вы употребляете это местоимение. Так кто же под ним подразумевается?

— Мы — это комитет, — ответил Хотчкисс, — составленный в срочном порядке. В него вошли те, что раньше других осознали опасность, узнав об открытии возможности перемещений во времени. Мы получили реальную поддержку или обещание поддержки от большого числа христианских общин. Мы также развиваем контакты с теми, от кого ожидаем дополнительной поддержки...

— Вы имеете в виду поддержку финансовую?

— Да, мадам, финансовую поддержку. Это начинание требует денежных вложений. Я полагаю, они понадобятся и для оплаты лицензии.

— И в весьма ощутимом количестве, — заметила Райла.

— Если мы вообще решим продать такую лицензию, — добавил я.

— Обещайте мне лишь одно, — произнес Хотчкисс. — По крайней мере, уведомьте нас, если вы получите другие предложения по этой эпохе. А в том, что они поступят, я нисколько не сомневаюсь! Дайте нам возможность узнать о содержании таких предложений.

— Не уверен, что мы могли бы дать вам такое обещание, — ответил Бен. — Скорее, наоборот, я уверен, что мы не можем вам этого обещать. Но само ваше предложение мы рассмотрим.

Стоя у порога дома и глядя, как они с Беном отбывают в Виллоу Бенд, я вдруг ощутил какой-то страх. Их позиция, их точка зрения были почему-то неприемлемы для меня, но я не мог бы четко проанализировать или определить, почему у меня возникло чувство отвращения. Ведь я и сам полагал, что определенные области

истории должны оставаться «заповедными» и вхождение в них будет запретным. И значит, я, вопреки тому, что испытываю сейчас, должен был бы с симпатией отнестись к этим визитерам? Ведь многое из того, что погребено в прошлом, должно так и оставаться в нем погребенным!

— Эйза, о чем ты задумался? — спросила Райла.

— Не по душе мне все это, — сказал я. — Не знаю сам почему, но они мне антипатичны.

— Я ощущаю то же самое, — подтвердила Райла. — Они говорят о «хорошей оплате». Но я не думаю, чтобы эти люди были гораздо на что-нибудь путное. Назовем им миллион, и они падут бездыханными...

— Поглядим, — заключил я. — Мне вообще претит иметь с ними какие бы то ни было дела. Они произвели на меня впечатление нечистого. Хорошо бы узнать, что по этому поводу скажет Кортни.

Еще две группы сафари прибыли и отправились в меловой период. Четвертая заехала через четыре дня после них.

Стиффи неуклюже взобрался на холм с визитом к нам. Райла предложила ему пучок салата-латука и несколько морковок, завалывшихся в холодильнике. Он с удовольствием зачавкал морковью, а салат отверг. Я отвел его обратно в долину, слушая его пыхтение и бурчание всю дорогу.

Я снова пошел к Кошачьему Лику. В Мастодонии его не оказалось, он почему-то расположился почти на земле в саду старой фермы. Мы немного побеседовали, хотя это было и не очень легко. Зато «посидели» вместе, испытывая взаимную симпатию, и это, по всей видимости, его вполне устраивало. Странно, но такое «общение» стало удовлетворять и меня самого. Контакт с ним каким-то образом улучшал мое самочувствие. И у меня возникало довольно занятное чувство, что Лик пытается говорить со мной... Я не знаю, чем именно это чувство вызывалось, но впечатление, что он пытается наладить мысленную связь, становилось все сильнее...

Мне вспомнилось, как мальчишкой я частенько ходил поплавать в речушке Тоун Крик *. Это название казалось забавным, ибо никаких форелей там и в поми-

* Форелевый проток.

не не было. Возможно, в дни первых поселенцев-пионеров впервые появившиеся здесь белые люди и увидели в этой речке форелей. Она впадала в основную реку Виллоу Бенда чуть повыше городка и была совсем небольшой, почти струйкой. Но перед впадением в реку Тоун Крик образовала заводь, в которой нам наши родители, пока мы были слишком малы для плавания в реке, разрешали плескаться. Глубина заводи не превышала трех футов, и течения там почти не ощущалось. И мы, детишки, любили, забавы ради, делать вид, что тонем. Те летние ленивые дни были так прекрасны, хотя еще больше мне запомнилось в них другое: как я один пытался удержаться на плаву в более глубоких участках заводи, а потом заплывал в мелководье у самого ее края и оставался лежать там неподвижно — голова на песчаном берегу, а туловище вытянуто под водой.

Хорошо было лежать так, иногда забывая, что у тебя есть тело! Вода была достаточно глубока, чтобы оно в ней висело как бы в невесомости и чтобы его можно было совсем не ощущать. В той заводи было полно рыбею мелюзги, мальков длиной всего в два-три дюйма, и когда я там оставался достаточно долго и не двигался, они начинали тыкаться в кончики пальцев на моих ногах, словно целуя их своими крошечными ротиками. Я думаю, их привлекала шелушащаяся кожа, а может, и маленькие струпы. У нас же всегда на ногах были эти струпы, поскольку мы шлепали босиком и вечно саднили ноги, натыкаясь на какие-нибудь колючки. И, наверное, рыбешки считали эти запекшиеся корочки и отшелушивающиеся кусочки кожи весьма желанным для себя лакомством! Но как бы то ни было, лежа там, я явственно ощущал их нежные прикосновения к моим ногам и, в особенности, к кончикам пальцев. Мне хотелось смеяться, как от щекотки, и все мое нутро бывало охвачено какой-то искристой радостью от столь сокровенной близости к этим крошечным тварям!

И вот теперь в присутствии Кошачьего Лица со мной начинало происходить что-то очень похожее. Я начинал чувствовать, как какие-то мельчайшие создания тычутся в мой мозг, нежно прикасаясь к его клеточкам, в точности так, как рыбешки тыкались в кончики пальцев. В этом ощущении содержалось что-то потустороннее, но оно вовсе не было пугающим, и мне так же, как тогда

с рыбками, хотелось смеяться, но уже оттого, что Лик и я можем так близко соприкасаться!

Я твердил себе, что у меня всего лишь разыгрывается воображение, и все же теперь всегда при встрече с Ликом ощущение маленьких существ, тычущихся в мой мозг, становилось все явственнее...

Выйдя из сада, я зашел к Бену в офис. Он «висел» на телефоне, что не помешало ему при виде меня расплыться в улыбке.

— Это Кортни, — сообщил он. — Там объявилась кинокомпания с побережья с весьма серьезными намерениями. Они хотят снять видовой фильм об истории Земли, начиная с предкембрийской эры и до наших дней!

— Это всего лишь прожекты, — усомнился я. — Разве они соображают, сколько им на это понадобится времени?

— Сдается мне, что соображают, — ответил Бен. — Похоже, что эта идея их захватила целиком. Они желают сделать добротную вещь и не остановятся ни перед чем.

— И все же вряд ли они понимают, что их ждет. Например, отправляясь в ранние периоды формирования земной суши, они должны запастись изрядным количеством кислорода, ибо до самого силурийского периода в атмосфере Земли свободного кислорода почти не было. Он появился лишь около четырехсот миллионов лет назад. Я уж не говорю о многом другом, что очень трудно учесть!

— И все же я думаю, что они не пренебрегают этими вещами. У них была обстоятельная беседа с Кортни. По-видимому, они достаточно серьезно собираются подготовиться к этим съемкам.

— И Кортни полагает, что этот интерес подлинно научен? Я склонен предположить, что киношники постараются, во-первых, поменьше потратить на всю эту затею, во-вторых, сделать из своего фильма беглый обзор, используя в качестве фона какой-либо из доисторических периодов. В этом есть что-то крайне амбициозное. Ибо, если это делать всерьез, это обойдется в миллиарды. Им же понадобится научный штат, масса специалистов, способных проанализировать и объяснить, что запечатлела их пленка!

Бен сказал:

— Насчет цены ты абсолютно прав. Кортни считает, что затея потребует весьма увесистой бюджетной дотации.

Но как бы там ни было, новость была очень даже приятная, и я искренне ей обрадовался, ибо пока что у нас в активе было всего лишь одно стоящее дело — все тот же бизнес с фирмой «Сафари»!

— Что нового у Кортни с «Комитетом Иисуса»? — спросил я.

— Я спрашивал его. Он пока не очень занимает этим свою голову. И сомневается, что они вообще окажутся платежеспособными. Там замах на широкую поддержку церкви, но вряд ли на деле это осуществимо!

— Они попросту фанатики, — заметил я. — А фанатики никогда особого достатка не имели. Мне кажется, мы должны от них отписаться.

Спустя четыре дня после этого разговора вернулась третья группа сафари. Они появились на несколько дней раньше запланированного срока. У них оказалась очень недурная добыча: с полдюжины крупных трицератопсов, три головы тиранозавров, немало других трофеев. Они бы пробыли до конца обусловленного времени, но один из клиентов-охотников заболел, и группе пришлось вернуться.

— Его одолела медвежья болезнь, лихорадка страха, — объяснил мне их руководитель. — Он уже никак не мог себя сдерживать. А стрелок он совсем неплохой, но страх оказался сильнее его. Господи, да на меня это тоже находило. Стоит увидеть, как это чудовище с пастью, полной зубов, надвигается на тебя, как твои кишки сразу начинают течь! Теперь-то, когда мы вернулись целыми, он воспрянул духом. Теперь он снова великий охотник, бесстрашный, отважный, с железными нервами. Таким он предстанет перед репортерами, как только выйдет из ворот.

Он ухмыльнулся.

— Так стоит ли его опровергать? Пусть играет свою роль сколько влезет. Это же совсем неплохо для бизнеса!

Райла и я проводили группу к туннелю в Виллоу Бенд под холмом и дождались, пока они исчезли в его «жерле».

— Эти трофеи поработают сами за себя, — заметила Райла. — Стоит им только появиться на экранах телевизоров и в газетах, ни у кого не останется и тени

сомнения, что путешествия во времени — это реальность! Нам уже не понадобится ничего доказывать.

На следующее утро, еще до того как мы встали, к нам постучался Герб. Я надел халат и домашние туфли.

— Чего там еще, черт возьми? — буркнул я.

Херб помахал номером миннеаполисской «Трибьюн» перед моим носом. Я выхватил газету из его руки. Там, на первой полосе, был помещен снимок нашего отважного охотника, красующегося рядом с установленной на подпорке головой тиранозавра. Заголовок над шестью колонками текста трубил о возвращении группы, впервые побывавшей на таком сафари.

На расстоянии нескольких дюймов от этой публикации, в нижней части газетной полосы, виднелся другой заголовок над двумя колонками, гласивший:

«РУКОВОДИТЕЛИ ЦЕРКОВНОЙ ГРУППЫ ОБЪЯВЛЯЮТ ДИСКРИМИНАЦИЮ ПУТЕШЕСТВИЯМ ВО ВРЕМЕНИ»

Первый параграф второй статьи был таков:

«Нью-Йорк, Н.-Й. Доктор Элмер Хотчкисс, глава Независимого комитета христианских церквей, обязавшийся наложить запрет на непосредственное изучение времени Христа, сегодня заявил, что ассоциация Времени отказалась продать комитету права на блокирование указанного отрезка истории...»

Я опустил газету и сказал:

— Но, Герб, ты же знаешь, что это неправда? Мы ведь им не отказывали!

Герб просто трясся от возбуждения.

— А ты что, не понимаешь? — воскликнул он. — Это же создает видимость полемики. И, пока истечет сегодняшний день, все церковные общины и все богословы мира сплотятся в единый фронт. Эйза, мы и не мечтали о такой рекламе!

В гостиную вошла Райла.

— В чем дело? — спросила она.

Я передал ей газету.

У меня внутри все как будто оборвалось и возникло ощущение безнадежности...

Глава 27

Хайрам еще находился в госпитале, и я снова наве­сти­л Кошачий Лик в старом саду. Я говорил себе, что делаю это исключительно для того, чтобы он не чувст­вовал себя одиноко. Ведь Хайрам почти каждый день с ним разговари­вал, а поскольку его нет, кто-то же дол­жен это делать!

Но где-то на задворках моего сознания гнездилась мысль о тех «маленьких рыбках», которые поклевывали мой мозг, и я почему-то надеялся, что, как только я увижусь с Ликом, они возобновят этот «клев».

Меня немного коробило от мысли, что, возможно, Лик меня разыгрывает. В то же время я вполне допу­скал, что он и в самом деле хочет нащупать возмож­ность контакта, и мне очень не хватало уверенности в этом.

Я думал о том, что если это ощущение посещало и Хайрама, то, наверное, существует какой-нибудь стран­ный код, который может стать ключом к восприятию этого языка. Может, этот же код помогал Хайраму разговари­вать с Баузером и синичкой, если он и вправ­ду с ними мог говорить?

Увидев Кошачий Лик, я не стал долго тянуть со своим вопросом, тем более что «рыбки» оказались тут как тут и «клев» возобновился.

— Лик, — спросил я, — ты что, пытаешься гово­рить со мной?

Он моргнул один раз, и это означало «да».

— Скажи мне, ты полагаешь, что это тебе удастся?

Он моргнул три раза, быстро-быстро, удивив меня, ибо я не очень-то врубился, что он хотел этим сказать. Но я все же решил, что он хотел сказать «не знаю».

— Я надеюсь, что ты сможешь этого добиться, — сказал я. — Мне бы так хотелось говорить с тобой по-настоящему!

Он моргнул один раз, что я воспринял, как «мне тоже!».

Но пока что разговора не получалось. И хотя, на мой взгляд, «рыбки» становились все настойчивее, мы не очень-то сдвигались с места. Я силился открыть свой мозг этим «рыбкам», но это не увенчалось особым успехом. Может быть, от меня ничего и не зависит, а все должно осуществляться одним лишь Ликом? Но я чувствовал, что он рассчитывает на успех, иначе зачем бы ему все это затевать? И мне чем дальше, тем больше этого хотелось самому...

Когда наша встреча подошла к концу, мы остановились почти на том же самом месте, что и в начале попыток Лику. Сдвигов не было.

— Я приду завтра, — сказал я Лику. — Попробуем еще!

Я не стал рассказывать Райле обо всем этом, боясь, что она отнесется к этому скептически, а то и с насмешкой. Слишком уж примитивными казались мне самому собственные рассуждения. И все же я верил в эти попытки. И уж если самому Лику вздумалось их начать, то я, черт возьми, обязан дать ему этот шанс!

Я обещал Лику прийти завтра, но не сумел этого сделать. Утром вернулась еще одна группа сафари, номер два. Они раздобыли только одного тиранозавра, нескольких трицератопсов, но зато трех гадрозавров* и одного полакантуса, динозавра-броненосца со смешной маленькой конусообразной головой и с крупными, похожими на рога шипами, идущими по всей длине его туловища. Полакантус, подумалось мне, — это что-то необычное для мелового периода. Его же в то время не должно было быть! Он, считалось, вымер в самом начале «мела» и вообще не водился в Северной Америке.

* Утконосые ящеры.

ке! И вот он, оказывается, тут во всем своем гротескном уродстве!

Группа не взяла с собой его туловища, а только очищенный от плоти и разъятый на части панцирь, который и в таком виде казался огромным.

— Будьте уверены, — сказал я добывшему его охотнику, — что этот экземпляр вызовет пристальное внимание палеонтологов. Они из-за него все передерутся!

Он радостно осклабился, сверкнув зубами. Это был довольно тщедушный на вид человек, и я подумал, как он мог поднять огромное ружье, да еще и выстрелить из него? Я не без усилия вспомнил, что мне о нем говорили. Он был потомком довольно аристократического английского рода и одним из тех немногих, кто сумел устоять перед лицом новой британской экономики.

— А что в этом звере особенного? — спросил он меня о своем трофее. — Их было там очень мало. Я подстрелил самого крупного. А как вы полагаете, сэр, его удастся смонтировать? Он ведь очень громоздок.

Я поведал ему, что знал об этом виде ящеров, и он заявил, что непременно свяжется с палеонтологами.

— Хотя некоторые из этих ученых мужей, — заявил он, — слишком уж важничают!

Эта группа тоже исчезла в туннеле на Виллоу Бенд, и сразу вслед за ними показалась группа номер четыре. У этих оказалось четыре тиранозавра, два трицератопсы и масса другого зверья. Они, как оказалось, бросили там один из своих грузовиков, а двое из охотников прибыли, лежа на носилках.

Руководитель группы снял шляпу и отер лоб

— Это поработали те твари, что с тремя попутайскими клювами на башке. Вы, кажется, зовете их трицератопсами? Их что-то напугало, и они кинулись на нас. Дюжина крупных самцов. Они ударили по грузовику сбоку, и он загорелся. Нам повезло, что никто не погиб. Еле успели выволочь людей из машины. Мы стали от них отстреливаться. Не знаю уж скольких уложили. Они совсем взбесились: крушили все подряд. Может, нам и следовало вернуться и подобрать еще несколько голов, но, когда они, наконец, от нас отступились, мы все же решили больше не рисковать...

— Ничего, это всего лишь первый опыт, набросок, так сказать, — сказал я ему в утешение.

— Конечно, набросок. Но когда вы отправляетесь в неведомую страну, не зная, чего ожидать, иначе и быть не может. Теперь я знаю, что никогда не следует подходить слишком близко к стаду трицератопсов. Они так легко разъяряются, эти адские твари!

Через день после того, как уехали от нас вторая и четвертая группы, Райла сказала:

— Я беспокоюсь насчет группы номер один. Они что-то задерживаются...

— Всего лишь на день, — заметил я. — Они заключили контракт на две недели, но парой дней позднее или раньше, не имеет особого значения!

— Но ведь одна из групп уже имела неприятности!

— Они допустили ошибку, вот и все. Вспомни, как Бен удержал нас, когда мы слишком приблизились к трицератопсам. Он объяснил, что существует невидимая линия, которую не следует пересекать. Эти люди ее переступили. В следующий раз будут умнее.

Я увидел, как по холму взбирается Стиффи.

— Нам бы надо отвести его от этих визитов сюда, — сказал я.

— Да, но это надо сделать поделикатнее, — ответила Райла. — Он ведь такой миляга, такой славный старший парнишка!

Она вошла в дом и вернулась с двумя пучками моркови. Стиффи фыркнул и очень благожелательно принял подношение. Он что-то бурчал и вовсю чавкал. Потом он дал мне себя увести вниз, в долину.

— Нам надо быть поосторожнее с этими подачками, — предупредил я Райлу. — Если мы не прекратим это, он будет все время у нас появляться.

— Ты знаешь, Эйза, — сказала она, оставив без внимания мои слова, — я уже решила, где мы должны построить дом. Внизу, у той рощи диких яблонь. Мы сможем провести воду из родника, а холм защитит нас от северных ветров.

О доме я услышал впервые, но не стал заострять на этом внимание. Тем более, что это была хорошая идея. Не могли же мы все время оставаться в нашем передвижном жилище!

— Я думаю, ты уже решила, какой именно дом ты хочешь построить? — спросил я.

— Да, но не до конца. Нет пока у меня ясности ни с количеством этажей, ни с планировкой комнат. Только

общее представление. Единственное, что я твердо знаю, — это то, что у него будет фундамент и он будет построен из камня. Это немного старомодно, но мне кажется, именно такой дом должен стоять здесь. Это обойдется недешево, но мы, наверное, с этим справимся.

— Вода из родника, — проговорил я. — А как же с отоплением? После того как мы не сумели провести телефонную связь, я почти уверен, что и газ сюда не пройдет.

— Я об этом думала. Стены будут толстые и прочные, хорошо сохраняющие тепло. Значит, нужно будет дровяное отопление. Много каминов. Мы должны стать людьми, рубящими лес и заготавливающими дрова. На этих холмах древесины хватит. Но мы станем доставлять ее издалека, а вблизи ничего трогать не будем. Грешно портить леса, которыми любуешься!

Мы проговорили о доме до самого ужина. Чем больше я думал о нем, тем больше меня захватывала эта идея. Я был рад, что такое пришло в голову Райле.

— Я думаю, мне надо завтра съездить в Ланкастер и поговорить с подрядчиком, — сказала она. — Бен подыщет нам подходящего.

— Но ведь репортеры, торчащие у ворот, сожрут тебя! — напомнил я ей. — И Герб все еще ждет, чтобы ты оставалась таинственной женщиной!

— Послушай, Эйза, когда надо, я с ними великолепно управляюсь! Я же отвела их в ту ночь, когда мы отвезли Хайрама в госпиталь. В крайнем случае я могу спрятаться на заднем сиденье машины, прикрывшись покрывалом или чем-нибудь еще. Бен меня отвезет. А почему бы и тебе не поехать со мной? Мы могли бы заехать в госпиталь, навестить Хайрама.

— Нет, — ответил я, — кто-то из нас должен оставаться дома. Ведь я обещал Лику повидаться с ним и не сдержал обещания. Завтра это непременно надо будет сделать.

— А какая необходимость видется с ним так часто? — спросила она.

— Он ощущает одиночество, — слукавил я.

На следующее утро Кошачий Лик оказался в яблоневой роще, а не в саду старого дома.

Я присел на корточки и сказал ему полушутя:

— Ну, давай попробуем еще!

Он будто поймал меня на слове. И сразу же рыбешки начали тыкаться в мой мозг, касаться его губами, отсасывать что-то от него, но теперь их было куда больше и размерами они вроде бы были еще меньше, чем раньше. Малюсенькие, нежные как волоски, они ввинчивались и углублялись в мой мозг все больше и больше. Я чувствовал, как они проникали в каждую его расщелину...

Меня охватила непривычная дрема, я пытался ей сопротивляться, но все более погружался в какую-то мягкую серую субстанцию, она обволакивала меня, подобно тому, как тонкие нити паутины окутывают неосторожную мошку, угодившую в ее тенета...

Я делал слабые попытки разорвать эту сеть, подняться на подкашивающиеся ноги, но вдруг меня охватило странное безразличие и я потерял представление о том, где же я нахожусь.

Я смутно помнил, что это Мастодония, что Кошачий Лик здесь со мною, что Райла уехала в Ланкастер повидаться с подрядчиком и обсудить проект строительства каменного дома. Брезжила даже мысль о том, что мы должны нанять людей для заготовки дров на зиму... Но все это было на далеком заднем плане и совершенно отдельно от того, что происходило в данный момент. И я еще знал, что сейчас все эти мысли не должны меня заботить вовсе...

И тогда я увидел *это*. Город. Ибо это, наверное, был город. Мне показалось, что я наблюдаю его с высокой горы, сидя под царственным деревом. Было тепло и ясно, а небо светилось гораздо более нежным оттенком голубого, чем тот, к которому я привык.

Перед моим взором раскинулся город, и, оглядевшись вокруг, я увидел, что он простирается во все стороны и уходит далеко за горизонт. Гора высилась одиноко в самой середине города. Она была прекрасна, со склонами, покрытыми темно-зеленой травой и дивными цветами, обдуваемыми мягким ветерком. А надо всем этим парила вершина с царственным деревом, под которым сидел я...

У меня не возникло вопроса о том, как я там оказался. И я даже не удивился, почему я там. Мне показалось абсолютно естественным то, что я здесь сижу, и представлялось, что я должен бы узнать это место, но, клянусь жизнью, я его не узнавал! Хотя с первого взгляда стало понятно, что это какой-то город, однове-

менно я осознавал, что это и нечто совершенно другое, названия которому я пока не знал. И вместе с тем у меня почему-то было убеждение, что я просто позабыл это название, и оно само придет ко мне потом!

Этот «город» не был похож ни на один из виденных мной раньше. Здесь были и парки, и площади, и широкие нарядные магистрали, и все это было странно знакомо и вместе с тем сказочно и необычно. Здания как бы не имели массы и, можно сказать, твердой формы, как если бы были созданы из паутины, кружева, тумана, пены... — чего-то бесплотного. Но, когда я в них всмотрелся повнимательнее, оказалось, что они вовсе не так уж нематериальны, как на первый взгляд. За обманчиво-ажурными фасадами просвечивали вполне материальные структуры, хотя определить, что это, было также невозможно. В этом содержалось нечто, вызвавшее у меня беспокойство.

Я вдруг понял, что это не столько город, сколько *образ города*. Здания не выстраивались в массивные прямоугольные кварталы, определяющие направления улиц, как это принято в городах. И тут наконец я сообразил: передо мной не земной город! И почему-то эта мысль меня поразила, хотя я с самого начала должен был понять, что это город Кошачьего Лика!

— Это штаб, — сообщил мне Лик, — галактический штаб. Я решил, что ты должен его увидеть, чтобы постичь остальное.

— Спасибо, что ты мне его показал, — сказал я. — Он поможет мне понять остальное...

И вот еще что: для меня не оказалось неожиданно-стью то, что Лик со мною разговаривает! Я находился в таком состоянии, когда меня уже ничто не могло бы удивить...

К этому моменту маленькие губастые рыбешки больше не тыкались в мой мозг. Я осознал, что они уже завершили свою работу, унеся прочь все, что должно было быть удалено, все лишние чешуйки кожи, все запекшиеся струпья, все лишнее... Они удалили все это и удалились сами.

— Это то место, где ты родился? — спросил я.

— Нет, — ответил Лик. — Не то место, где я *на-чался*. Я начался на другой планете, очень далекой. Я ее тебе тоже покажу когда-нибудь, если у тебя найдется на это время.

— Но ты был там, где этот штаб? — спросил я.

— Я туда попал как доброволец, и сюда меня послали как добровольца, — объяснил он.

— Послали? Как это «послали»? Кто тебя послал? И если тебя кто-то послал, то какой ты доброволец?

Я пытался сообразить, произносим ли мы с Ликом слова вслух, но мне казалось, что звуков при нашем разговоре не слышно никаких. Впрочем, это ничего не меняло, раз уж мы так хорошо понимали друг друга. Это было так же, как если бы мы произносили слова вслух.

— У тебя есть понятие о Боге? — спросил Лик. — За время существования человеческой расы люди почитали множество богов.

— Я понимаю концепцию Бога, — ответил я, — но не уверен, что сам почитаю какое-нибудь божество. Не в пример большинству людей, утверждающих, что они верят в Бога.

— Я тебя понимаю и сам думаю так же, — сказал Лик, — но если бы ты встретился с теми, кто меня послал (а они отправили и многие другие создания тоже), ты бы решил, что это боги или сверхсущества. Они не являются «богами», хотя многие их и считают таковыми. Просто это какие-то иные формы жизни (может быть, и биологические тоже, я не могу знать точно), которые совершили когда-то первый шаг к разуму и в течение миллионов веков проявили мудрость или оказались настолько удачливы, что избежали всевозможных катастроф и разрушений. Таких разрушений, которые способны были бы вызвать деградацию или распад разума. Конечно, их начальная природа в каких-то случаях могла иметь биологическую основу. Наверное, так могло быть... Но не уверен, что они и теперее сохранили: после долгих миллионов лет существования они, несомненно, должны были бы переродиться.

— Так ты видел их? Встречался с ними?

— С ними никто не встречался. Никто не знаком с ними. Я о них когда-то недостойно думал, что они пренебрегают нами и желают держать нас в страхе. Со мною на моей планете никто ни о чем таком никогда не говорил. Но однажды я увидел нечто. Оно не было отчетливым, и я даже подумал, что мне это почудилось. Для того чтобы завербовать добровольца, они дают ему возможность иногда видеть эти смутные образы, эти

промельки. И это бывает видно всегда как сквозь дымку... или похоже на тень. Я не могу точно определить.

— И тебя это не потрясло?

— В свое время, может быть, и потрясло. Но это было так давно, что я уже не могу точно припомнить. Если перевести на ваше измерение, то около миллиона лет назад. Я потом думал об этом и решил, что если в то время это и потрясло, то совершенно напрасно. Их целью было вовсе не это...

— А это их город? Так называемый «град божий»?

— Если тебе угодно так его называть, можешь это делать. Они его спланировали, но построили город не сами. И это вовсе никакой не город. Это целая планета, покрытая зданиями и установками. Но, если тебе больше нравится, можешь называть ее «городом».

— А что означает понятие «галактический штаб»?

— Да, я употребил это слово. Но какая разница, как это называть — штабом или иначе? Могут быть и другие такие же средоточия, или «штабы», о которых мы не знаем. Вполне вероятно, что существуют и другие аналогичные галактические группы и другие «боги», которых мы не знаем и которые выполняют подобные функции. И у их городов могут быть иные названия, далекие от понятия «центрального штаба». И, может быть, система их организации значительно лучше и совершеннее...

— Итак, ты только предполагаешь, но не знаешь точно? Может, у них это тоже носит характер штабов?

— Вселенная велика, и точно не может знать никто...

— А эти существа, эти «боги», они что, захватили все планеты своей галактики и эксплуатируют их?

— «Эксплуатируют»? Я улавливаю смысл слова, но не вполне четко. Ты хочешь сказать, «они владеют»? Используют в своих интересах?

— Да, так.

— Нет, не так, — возразил Лик. — Они «эксплуатируют» только информационно. Только знание о планетах, вот что им требуется!

— Ты хочешь сказать, они просто собирают информацию?

— Да, именно так. Твоя понятливость меня удивляет. Они посылают корабли со многими исследовательскими группами в самые разные места. Потом приходит другой корабль и забирает их — каждую в свой черед. Я был

в одной из таких групп, одной из последних. Мы должны были высадиться вчетвером.

— Но этот корабль разбился?

— Да. Я не понимаю, как и почему это случилось. Каждый из нас был специалистом, знающим только свое дело. И ничего больше. Создания, управлявшие кораблем, также были узкими специалистами. Они должны были все знать о корабле, все предвидеть. Аварии не должно было быть.

— Ты ответил Хайраму, а вернее, Райле, что не знаешь, где находится твоя планета. Так вот почему ты не знаешь — это же не твоя специальность! Не так ли? Об этом знал только пилот. Или пилоты.

— Моя специальность касается только Времени. Я должен был помочь другим изучить и описать прошлое исследуемых планет.

— Ты имеешь в виду, что ваши наблюдения над планетами не только охватывают настоящее время, но распространяются и на прошлое? Вы изучали эволюцию каждой из планет?

— Должно быть, так. Настоящее — только часть целого. Хотя и оно тоже очень важно...

— Когда разбился корабль, все погибли, кроме тебя?

— Мне повезло, — ответил Лик.

— Но ведь, попав сюда, ты не стал изучать прошлое, а оставался всегда в Виллоу Бенде или в том месте, которое потом стало называться так?

— Я совершил всего несколько вылазок. Наблюдения, сделанные мной самим, в одиночку, не особенно ценны. Мое дело строить дороги для других. И, кроме того, я знал, что за мной должен был бы прийти другой корабль. Они же не знали о крушении и гибели экипажа и обязаны были искать нас! И я сказал себе, что мне следует оставаться на месте, чтобы встретить этот корабль. Я никак не мог отсюда удалиться. Если бы я ушел в прошлое, некому было бы отозвать меня оттуда, когда прибыл бы корабль. Ведь они, увидев следы крушения, решили бы, что погибли все, и не стали бы задерживаться! Чтобы меня подобрали или «спасли», как вы это называете, я должен оставаться поблизости от места аварии. Только так меня смогут найти.

— Но ты открывал дороги времени для Баузера, а теперь делаешь это и для нас?

— Если я сам не могу ими пользоваться, то почему бы не позволить это делать другим? Почему бы не дать моим друзьям такую возможность?

— Ты считаешь нас своими друзьями?

— Сперва Баузера, а после и всех вас!

— А теперь ты решил, что корабль за тобой уже больше не придет?

— Долго... — сказал Лик. — Слишком долго. К тому же не исключено, что они следят за мной. Таких, как я, ведь не так уж много. Мы изменчивы. И они, быть может, не собираются забирать меня просто так, в моем нынешнем виде...

— И все-таки ты еще надеешься на приход корабля?

— Очень слабая надежда...

— Так вот почему ты проводишь часть времени в саду у старой фермы? Если они появятся, то смогут забрать тебя оттуда...

— Да, поэтому...

— А ты счастлив здесь, у нас?

— Что значит «счастлив»?.. Впрочем, я полагаю, что счастлив.

Что такое быть счастливым? Он спросил это так, как если бы не понимал, что означает понятие счастья. Но он все же великолепно знал такое состояние! Когда-то он был счастлив по-настоящему, вдохновлен, потрясен. Это, наверное, случилось в тот день, когда его призвали, и он попал в тот огромный галактический штаб, присоединившись к группе избранных, ставших легендой в конфедерации звездных систем этой части Вселенной.

Не сомневаясь и не спрашивая, я прошел с ним через тот фантастический город, совершенно не такой, как города на старых «провинциальных» планетах. Я смотрел на него, пораженный, но вместе с тем как бы осознающий, что я и раньше там был. И я отправился с Ликом на другие планеты, лишь успевая бегло запечатлеть их облик и узнать, каковы они были в прошлые века... Я узнавал об их былой славе, о несчастьях, их постигавших, и это повергало меня в печаль и болью отзывалось в моем сердце. Я сожалел о них так, как пес тоскует по старой потерянной кости. И еще я пытался жадно вникать в недоступные моему разуму особенности их культуры и науки.

А потом, совершенно неожиданно, все это исчезло, и я снова очутился в рощице диких яблонь, «лицом к

лицу» с Кошачьим Ликом. Мое сознание все еще бурлило от впечатлений. Я вовсе потерял представление о времени...

— А Хайрам? — спросил я. — Хайрам тоже там побывал?

— Нет, — ответил Лик. — Он бы ничего не понял.

Это было, конечно, справедливо. Хайрам понять бы не смог. Он ведь даже жаловался мне. Я припоминаю, он говорил, что «Кошкин Лик» рассказывает ему то, что не имеет смысла!

— Никто другой, — вдруг сказал Лик, — никто другой, кроме тебя!

— Ну, ты меня смущаешь, — ответил я. — Ведь и мне многое непонятно.

— Ты понимаешь гораздо больше, чем сам думаешь, — ответил он.

— Я вернусь, — сказал я на прощанье, — и мы поговорим снова!

Я поднялся на холм, и пока шел к передвижному дому, никто не попался мне на глаза. Еще подумал, а не вернулась ли задержавшаяся группа сафари, пока я разговаривал с Ликом?

Когда я пошел к яблоневой роще, я рассчитывал, что услышу, если они появятся. Но теперь я сомневался, что мог бы что-нибудь слышать, пока общался с Ликом...

Я подошел к туннелю номер один и не заметил возле него никаких признаков прибытия. А это означало, что они опаздывают уже на два дня. Если они не появятся завтра, решил я, то нам с Беном, наверное, следует отправиться туда, чтобы выяснить причину их задержки. Я не то чтобы уж очень волновался, нет, ведь Перси Эспинволл показался мне самым компетентным из руководителей групп. И все же мне было немного не по себе.

Подойдя к дому, я сел на ступеньки крыльца. Из-под дома выполз Баузер и тоже поднялся на ступеньки. Он сел, тесно прижимаясь ко мне. Это так напомнило мне прежние времена, когда еще не приехала Райла и не завертелся весь этот «временной бизнес».

Я был основательно ошарашен тем, что мне показал Лик, но теперь начал понемногу это осмысливать. Поначалу все, что происходило перед моими глазами, казалось само собой разумеющимся. В тот момент я вроде бы и не удивлялся ничему. Потом все это меня оглушило, а теперь у меня по спине поползли мурашки

озноба, и я ощутил страх и яростное сопротивление своего нутра новому знанию. Старая человеческая игра в спасительное отрицание: «этого не может быть, так как не может быть никогда!»

Но, несмотря на автоматический порыв к отрицанию, я полностью отдавал себе отчет в том, что виденное — абсолютная реальность. И, пока я сидел на этих ступеньках, это осознание начинало овладевать мною. И у меня уже не оставалось времени ни на сопротивление этому, ни на приятие, ибо по склону холма стала подниматься машина, за рулем которой сидела Райла, а рядом с нею красовался Хайрам собственной персоной.

Хайрам спрыгнул на землю, как только машина притормозила, и ринулся прямо к Баузеру. Он не стал терять времени на то, чтобы приветствовать меня, и я даже не вполне уверен, что он меня заметил!

Баузер мгновенно соскочил со ступенек, увидев Хайрама, а тот опустился на колени и обхватил руками собаку. Баузер, повизгивая и взлаивая от счастья, старательно умывал лицо Хайрама своим деятельным языком.

Райла же бросилась ко мне и тоже обняла. Мы четверо, должно быть, являли собой комичную картину — Хайрам, сжимающий в объятиях Баузера, и Райла, обнимающая меня!

— А правда здорово, что Хайрам уже дома? — спросила она. — В госпитале сказали, что он может выписаться, но должен беречься и стараться восстанавливать свои силы. Он очень обессилел за время болезни. Ему нельзя много работать и...

— Ну, с этим все будет в порядке, — засмеялся я. — Хайрам никогда и не грешил склонностью к тому, что можно было бы назвать «работой»!

— Он еще должен ежедневно делать кое-какие упражнения, — добавила она. — И ходьба тоже входит в этот комплекс. Кроме того, ему прописали высокопротеиновую диету и некоторые лекарства. Он их, правда, не жалуется, говорит, что они невкусные. Но обещал их регулярно принимать, если его отпустят домой. — Она всплеснула руками, вспомнив: — Ах, Эйза, ты же должен знать, какой дом мы с тобой собираемся строить! Я не привезла еще проспект, но набросаю его тебе приблизительно. Он весь будет из камня и стекла. И с большим количеством каминов — почти в каждой комнате. Окна — во всю стену, из

термоизолирующего стекла. Мы сможем через них видеть весь окружающий нас мир. Как если бы мы сидели снаружи. Там будет и закрытый дворик-патио, и наружный очаг с дымоходом, и бассейн, где ты сможешь плавать, если захочешь. Мне-то этого всегда хотелось! Мы заполним его водой из источника, она, правда, очень холодная, но подрядчик сказал, что через день-два солнце ее прогреет и тогда...

Я увидел, что Хайрам с Баузером уже вышагивают вниз по склону. Они, занятые друг другом, либо не слышали моего оклика, либо пренебрегли им, и мне пришлось побежать следом. Я схватил Хайрама за плечо и повернул его к себе.

— Ты куда это собрался? — спросил я. — Тебе же велено не переутомляться!

— Но, мистер Стил, — ответил он, стараясь придать своим словам максимальную убедительность, — я всего лишь хочу посмотреть, как поживает Стиффи. И я хочу, чтобы он знал о моем возвращении.

— Не сегодня, — твердо возразил я. — Может быть, завтра. Мы съездим к нему на машине.

Я отконвоировал их обоих обратно, не обращая внимания на энергичные протесты Хайрама.

— Ну, рассказывай, как ты тут провел день, — сказала Райла. — Чем ты занимался?

— Беседовал с Ликом, — ответил я.

Она рассмеялась, как бы услышав шутку.

— И какую вы избрали тему для беседы?

— Тем было довольно много, — ответил я.

Тут она снова вернулась к вопросу о доме, и я уже не мог вставить слова. Она говорила без умолку до самого сна. Я, пожалуй, никогда раньше не видел ее такой радостной и возбужденной.

Хотел было рассказать ей о моем общении с Ликом наутро, но и из этого ничего не вышло. Меня разбудил Бен, стучавший в дверь и громко зовущий меня выйти.

— Ну что там еще? — проворчал я. — Что за неотложное дело, черт возьми?

— Да там публика в «Сафари» совсем с ума посходила. Они очень психуют и требуют, чтобы мы сами отправились и посмотрели, что стряслось с Эспинволлом и его экспедицией.

Глава 28

Но Бена тревожила не только запоздавшая группа. Он сказал мне об этом, когда мы уже были готовы к вылазке.

— Этот треклятый Хотчкисс буквально открыл банку с червями. Все отцы церкви и церковные общины повывлазили наружу! Один журналист отметил, что такого не было со времен Реформации. Ватикан готовится через неделю или две выступить с заявлением. Я хотел принести тебе утреннюю газету, но закрутился с делами и забыл ее прихватить. Уже муссируются запросы в конгресс с требованием наложить запрет на посещение раннехристианских времен. Конгресс пытается уйти от этого, не желая иметь дела с вопросами такого рода и ссылаясь на то, что церковь отделена от государства. В силу этого, говорят они, никаких законов по церковным делам конгресс принимать не станет. Двое конгрессменов подчеркнули, что не могут иметь над нами никакой власти, поскольку Мастодония не является частью Соединенных Штатов. Боюсь, как бы этот аргумент не стал предметом спора, если вся эта кутерьма станет разгораться. Я думаю, что все в смятении и не знают, являемся мы частью США или нет!

— Мы с тем же успехом можем заявить, что не являемся, если кто-нибудь скажет, что мы часть страны, — заметил я.

— Да знаю, — ответил Бен. — Но ведь основным доводом этих церковных кликуш является то, что Мас-

тодония непосредственно примыкает к Соединенным Штатам... Не нравится мне все это, Эйза. Совершенно не нравится...

Мне это тоже совершенно не нравилось, но в тот момент меня занимало многое другое, и я не мог полностью разделить тревогу Бена.

Райла вознамерилась идти в меловой период с нами, и нам стоило больших усилий уговорить ее остаться. Она прямо вскипела из-за этого. Она была вне себя и твердила, что имеет право пойти с нами.

— Не имеешь, — отрезал я. — Ты уже однажды рисковала собой, и с тебя вполне хватит. Тогда мы пошли все вместе, так как надо было развеять предубеждение, но сейчас совсем другое дело. Обещаю, что мы постараемся вернуться как можно скорее.

Во время этой перебранки Хайрам сумел улизнуть и, по-видимому, отправился на поиски Стиффи. Райла заикнулась было, чтобы я пошел за ним, но я ответил, что черт с ним совсем. Я еще сказал, что если сейчас пойду за ним, то накричу на него и это прибавит нам проблем...

И мы с Беном тронулись в путь в весьма неважном расположении духа. Когда мы очутились в меловом периоде, погода тоже не подарила нам радости. Было жарко, дул штормовой ветер, и весь ландшафт как будто неся куда-то. Ветер был горяч, он просто обжигал кожу. Огромные массы рваных облаков бежали по небу и, собираясь в стаи, орошали землю кипящими, жгучими, но всего лишь пятиминутными ливнями. Земля под ногами из-за дождей превратилась в сплошное месиво; однако четырехколесный вездеход Бена справлялся с этой грязью, и мы передвигались вперед без особых трудностей.

Отвратительная погода, по-видимому, заставила всю фауну присмиреть. Большинство животных наверняка попряталось в рощах. А те, которых мы спугивали, старались удрать подобру-поздорову. Так поступил даже один небольшой тиранозавр. Мы объехали стороной стадо трицератопсов, которые стояли, свесив головы и не обращая внимания на грязь, а всего лишь дожидаясь конца ненастья.

Следы, оставленные группой сафари, были видны довольно ясно. Колеса тяжелых грузовиков проложили глубокие колеи в грунте. Кое-где недавние ливни запол-

нили их или сровняли, но если след и прерывался, не составляло особого труда найти его снова.

Мы обнаружили место первого привала группы в пяти милях от речной долины. По-видимому, она здесь оставалась несколько дней. Очаг был полон золы, и вокруг лагеря виднелось много следов от поездок грузовиков куда-то и возвращений обратно. Поизучав эти следы, мы пришли к выводу, что охотники отъехали к западу от этой стоянки вверх по холму, затем переправились через реку в прерию, простиравшуюся на двести миль.

В конце этих двухсот миль равнина внезапно обрывалась ущельем, в котором текла река Рэкун Ривер *. След, петляя, привел к утесу. Когда мы объехали его остроугольный выступ, то сразу увидели стоянку. Бен рывком остановил машину, и мы, потеряв на время дар речи, остались в ней сидеть. Тенты палаток, большинство из которых было повалено на землю, трепало ветром. Один из грузовиков опрокинулся набок. Другой провалился в расщелину, которых в земле мелового периода было так много. Обгорелым носом он уперся в стенку оврага, а зад его был свернут на сторону под крутым углом.

Все вокруг, кроме палаточного брезента, было совершенно неподвижно. Не было ни дымка. Очаги давно выгорели. Здесь и там виднелись разбросанные по земле белые предметы.

— Боже милостивый! — хрипло произнес Бен.

Он медленно убрал ногу с тормоза и пустил машину вперед. Мы спустились ниже и подъехали к стоянке. Вся площадь лагеря была усеяна обломками, вокруг пепелищ валялась утварь для приготовления еды. В землю были втоптаны клочья одежды, тут и там валялись ружья. Белые предметы, увиденные нами издали, оказались костями. Человеческими костями. Дочиста обглоданными.

Бен остановил машину, и я вышел, держа ружье наготове в согнутой руке. Я долго стоял там, пытаясь справиться с неопишуемым ужасом увиденного. Мой мозг упорно отказывался принять очевидность этого удара. Я услышал, как с другой стороны машины вышел Бен. Его ботинки с хрустом раздавили что-то, и хруст этот повторялся, пока он обходил машину. Он встал

* Енотовая река.

рядом со мной и сказал неестественно высоким голосом, словно пытаюсь сдержать его звучание:

— Это случилось не меньше недели назад. Наверное, в первый же день их прибытия сюда. Погляди на эти кости. Дочиста отполированы. На это потребовалось время...

Я попытался хоть что-нибудь сказать, но не сумел. Мне надо было держать челюсти крепко сжатыми, чтобы они перестали стучать друг о друга.

— Никто не ушел, — сказал Бен. — Но как же это произошло? И почему никому не удалось спастись?

Я заставил себя ответить:

— Может, все же кто-то сумел? Скрылся за горами? Бен покачал головой.

— Да нет, если бы кто-то и смог, он бы пошел назад. Мы бы заметили его следы... Один человек, даже если он не был ранен, никаких шансов уйти не имел. Если бы в первый же день его не разорвала какая-нибудь тварь, это случилось бы обязательно на второй или третий день!

Бен прошел к центру стоянки. Через минуту я последовал за ним.

— Эйза, — произнес он в ужасе, — посмотри на это. Посмотри на этот след!

Он наклонился, разглядывая что-то на земле.

Дождь смазал очертания следа. Небольшие лужицы воды виднелись в углублениях, оставленных когтями. То был след гигантской лапы. Размытость его краев могла и увеличивать его размеры, но в ширину лапа имела не менее двух футов. В стороне от этого следа, левее, был виден еще один такой же.

— Это не Рекс, — сказал Бен. — Он крупнее Рекса. Этот больше всех, кого мы знаем. Но ты только погляди. Таких следов здесь еще много!

И теперь мы увидели, что вся площадь лагеря покрыта такими же следами.

— Трехпалые, — пробормотал Бен. — Ящеры. Двунogie, я думаю...

— И судя по всему, — добавил я, — тут побывала целая стая. Один или два ящера столько следов не оставили бы. Ты помнишь пару тиранозавров? Мы увидели, что они охотятся попарно. А раньше считалось, что только поодиночке. Но, может, они охотятся и стаями? Рыщут повсюду, как стая волков, и заглатыва-

ют все, что попадется живого. Стая может отхватить бо́льшую добычу, чем одинокий охотник или даже пара!

— А если это так, — сказал Бен, — если они охотятся стаей, то Эспинвола и другие не успели даже помолиться!

Мы пересекли площадку лагеря, с трудом заставляя себя оглядеть то, что там оставалось. Четырехколесные вездеходы, на удивление, стояли на своих местах. Только у одного из них был пробит верх. Ящики с патронами тускло блестели в неярком свете пасмурного дня. Повсюду валялись ружья. И везде виднелись вмятины от огромных трехпалых лап...

Ветер выл и стонал в ложбинах между холмами, которые сбегали к реке. Небо, покрытое быстрыми рваными облаками, бурлило как котел. Издалека доносились раскаты грома.

Из небольшого нерастоптанного куста мне улыбался череп, покрытый клочками свисающего скальпа и остатками бороды на нижней челюсти. Едва не подавившись от приступа тошноты, я повернул обратно к машине. С меня было довольно...

Меня остановил возглас Бена. Я обернулся и увидел, что он стоит на краю ущелья, окаймляющего северный край стоянки.

— Эйза, иди скорее сюда! — закричал он.

Я шатаясь подошел к нему. В ущелье лежала груда огромных костей. На некоторых из них поблескивали остатки чешуи. Грудная клетка была выворочена, когтистая лапа вытянута вверх, череп с оскаленными челюстями замер, наверное, в тот момент, когда зверь собрался искромсать кого-то.

— Посмотри на лапу, — сказал Бен. — Другая оторвана. Это передняя лапа, сильная, хорошо развитая, не такая, как передние конечности Рекса.

— Это аллозавр, — объяснил я. — Должно быть, аллозавр. Они достигали огромных размеров, но их окаменелые кости никому не удалось найти.

— Ладно, мы теперь хоть знаем, что наши охотники уложили одного из них. Может, есть еще подстреленные? Если еще посмотреть вокруг...

— Нет, — сказал Бен, — я уже посмотрелся. Давай-ка уходить отсюда!

Глава 29

Бен позвонил Кортни, а я и Райла слушали по параллельным аппаратам. Мы старались держать себя в руках.

— Корт, у нас плохие новости, — сказал Бен.

— С чем вас и поздравляю, — ответил адвокат. — Это дело с Хотчкиссом выходит из-под контроля. Он может наделать нам хлопот. Вся эта дурацкая страна взбудоражена. Каждый желает принять участие.

— Мне это тоже не нравится, — сказал Бен, — но я звоню вам по другому поводу. Вы знаете, что одна из групп сафари не вернулась вовремя?

— Да, они задержались на день или два. Особых поводов для беспокойства пока нет. Наверное, охота оказалась более удачной, чем они ожидали. Или углубились дальше, чем предполагали. А может, отказала машина?

— Мы тоже так думали, — произнес Бен, — но сегодня утром мне позвонила фирма «Сафари» из Нью-Йорка. Они уже нервничают и попросили нас проверить, в чем дело. Ну, мы с Эйзой и поехали. Эйза с Райлой сейчас на параллельных аппаратах.

В голосе Кортни зазвучала тревога.

— Я надеюсь, вы установили, что все в порядке?

— Нет, не установили, — ответил Бен. — Наоборот. Вся экспедиция уничтожена. Они все мертвы...

— Мертвы? Все мертвы?

— Мы с Эйзой не нашли ни одного живого. И ни одного тела. Тел нет, только скелеты. Это было чудовишно. Мы уехали оттуда...

— Но как? Кто их мог...

— Кортни, — сказал я, — судя по всему на них напала стая хищных ящеров.

— Я не знал, что они сбиваются в стаи...

— Я тоже не знал. Никто не знал. Но факты говорят, что это так. Следов от лап гораздо больше, чем если бы их оставили два или даже три ящера...

— Следов от лап?

— И не только следов. Мы нашли еще и скелет огромного хищного ящера. Не тиранозавра. Более чем вероятно, что аллозавра. Он гораздо крупнее Рекса.

— Вы говорите, скелеты? Не тела, а скелеты?

— Корт, это случилось достаточно давно, — сказал Бен. — Может быть, вскоре после их ухода. Над ними поработали так, как ни один уборщик бы не сумел.

— И нам теперь надо знать, — подключилась к разговору Райла, — каково наше положение с точки зрения закона. И что нам следует предпринять в первую очередь?

На дальнем конце провода настало долгое молчание, потом послышался голос Кортни:

— С точки зрения закона мы чисты. «Сафари» оговаривает все свои права и обязанности по отношению к каждой из групп, отправляющихся на охоту. Но в контракте указывается, что за происшествия на охоте фирма ответственности не несет. Если вас беспокоит, может ли быть возбужден самой фирмой процесс, то я не думаю, что это возможно. Для этого нет никаких оснований.

— А как насчет клиентов, которых они отправляют?

— То же самое. Если кто-то вздумает возбудить процесс, то это будет лишь недоработкой фирмы. Я думаю, что клиенты подписывают такие же контракты, в которых оговаривается невиновность фирмы за случайности на охоте. Я полагаю, что это общепринятая практика. И мы можем лишь беспокоиться за судьбу бизнеса «Сафари». Когда это станет известно, откажутся ли от своих контрактов потенциальные клиенты? И что это будет означать в глазах широкой публики? Не станут ли какие-нибудь кретины вопить о необходимости прекратить сафари в прошлом? Вы, надеюсь, помни-

те, что «Сафари» пока что оплатила нам лишь половину гонорара по контракту? Остальная половина должна быть покрыта в течение шести месяцев. И они попытаются придержаться платежи или вовсе откажутся платить, если только...

— Все зависит от того, как «Сафари» воспримет эту новость, — отметил Бен.

— Они довольно невозмутимые бизнесмены, — ответил Кортни. — Конечно, происшедшее трагично, но ведь и трагедии иногда случаются! Шахтеры погибают в шахтах, но ведь и шахты продолжают функционировать. А вот если фирма потеряет слишком много клиентов, то это их озаботит по-настоящему.

— Некоторые могут и отказаться, — заметил Бен, — но вряд ли многие. Я знаю эту породу! Случившееся только придаст остроту их увлечению. Какие огромные звери, какая ужасная опасность — так дайте нам поехать и поубивать их! А о громадных трофеях каждый из них только и мечтает!

— Будем надеяться, что вы правы, — сказал Кортни. — «Сафари» — пока единственное реальное дело, которое мы имеем. И оно сейчас получило ощутимый удар. Мы надеялись, что к нам в двери постучатся еще и другие крупные дела, но они пока ведь только-только разворачиваются и притом довольно медленно. Впрочем, то же можно сказать и о тех вещах, которых мы побаиваемся. Мы, например, думали, что налоговая инспекция начнет нас сразу атаковать. Они, правда, принохиваются к нам, но пока дальше этого дело не идет.

— Они, скорее всего, залегли и притаились, — предположил Бен, — ищут наши уязвимые места...

— Может быть и так, — согласился Кортни.

— Ну а как насчет киношников? — спросила Райла. — Не напугает ли их это последнее сафари?

— Сомневаюсь, — ответил Кортни. — Ведь все остальные геологические периоды не так страшны, как меловой, не так ли, Эйза?

— Юрский тоже достаточно опасен, — ответила я. — Эти два периода — самые суровые в смысле фауны. В каждом времени есть свои опасности, если не соблюдать достаточную осторожность. Ведь любая из этих областей времени является неизведанной...

— В данный момент для нас самое актуальное, — напомнил Бен, — это решить, как известить о случив-

шемся «Сафари». Я могу им позвонить сам. Но мы подумали, что нам следует посоветоваться с вами, прежде чем что-либо предпринимать.

— Ну а почему бы мне самому не позвонить им, Бен? — предложил Кортни. — Я ведь знаю их немного лучше, чем вы все. Может быть, за исключением Райлы. Так как же, Райла?

— Давайте, — сказала Райла. — Вы сделаете все как надо. И получше, чем любой из нас.

— Но они могут захотеть связаться и с вами, — предупредил адвокат. — Вы будете на месте?

— Здесь буду я, — ответил Бен.

Глава 30

Ближе к вечеру «Сафари» позвонила Бену. Они решили отрядить, как они выразились, экспедицию для посещения места трагедии и перевозки останков жертв.

Мы с Райлой вернулись в Мастодонию. Никто из нас почти ничего не сказал по дороге. Мы были подавлены.

Хайрам с Баузером ожидали нас, сидя на ступеньках. Хайрама распирало от желания поделиться с нами новостями: он встретился со Стиффи и хорошо поговорил с ним, потом навестил Кошкин Лик и тоже неплохо побеседовал. Оба обрадовались Хайраму, и он им все рассказал о своем пребывании в госпитале. Баузер нашел сурка, и тот юркнул в норку, откуда пес пытался его вытащить. Хайрам вытянул его самого из норки и сделал ему выговор. Баузеру, как утверждал Хайрам, стало стыдно за самого себя. Хайрам поджарил несколько яиц на ленч, но Баузер не очень-то признает яйца. Поэтому, твердо наказал нам Хайрам, мы должны всегда оставлять в холодильнике ростбиф для Баузера!

После обеда я и Райла посидели во дворе. Баузер с Хайрамом, притомившись за день, отправились спать.

— Эйза, мне тревожно, — сказала Райла. — Если «Сафари» не оплатит нам оставшуюся половину гонорара, мы можем сильно погореть. Мы уплатили Бену его комиссионные за дела с «Сафари» целиком, хотя он ничего особенного с фирмой и не организовывал.

— Он вполне заслужил эти деньги, — ответил я. — Быть может, в организации контракта с фирмой он и не принимал участия, но он работает на нас высунув язык!

— Да я и не жалуюсь, — объяснила Райла. — Я вовсе не хотела бы экономить на гонораре Бена! Просто все наши расходы накладываются друг на друга. Ограда влетела нам в изрядную сумму, здание офиса тоже обошлось недешево. Жалованье охранникам составляет несколько сот долларов в день. Деньги пока у нас есть, но они стремительно тают. Если «Сафари» от нас отвернется и если киношники решат повременить, мы окажемся в очень трудном положении.

— «Сафари» не захочет от нас отвернуться, — ответил я. — Они могут слегка переждать, пока эта история уляжется. Но Бен абсолютно прав: чем больше опасность ситуации, тем больше одержимых охотников возжелают ее испытать. Насчет кинокомпании я точно не скажу, но думаю, что они тоже почуяли запах больших долларов. И вряд ли пройдут мимо!

— И еще одно, — продолжила свои мысли Райла. — Ведь и Кортни не работает задешево! Одному богу известно, какой он нам заломит счет.

— Давай-ка не паниковать раньше времени, — сказал я. — Все как-нибудь утрясется!

— Ты, наверное, думаешь, что я жадина, правда, Эйза?

— Жадина? Ну, не знаю. Ты, скорее всего, деловая женщина. Ты ведь все эти годы не вылезала из бизнеса.

— Дело не в бизнесе, — возразила она. — И не в жадности. Дело в чувстве безопасности. Женщина гораздо больше, чем мужчина, нуждается в ощущении защищенности. Многие из женщин находят защиту в семье, но у меня ее никогда не было. И поэтому я стала искать другую форму безопасности и поняла, что ее обеспечат только деньги. Вот почему у меня такой «хватательный комплекс». И вот почему я так вцепилась в эту идею перемещений во времени. Я в ней увидела великие возможности.

— Но в ней и сейчас остаются великие возможности!

— Но появляются и слишком большие хлопоты... И наш бизнес построен на такой зыбкой основе. Кошачий Лик и Хайрам... Случись с кем-нибудь из них что-либо...

— Но мы же сумели управиться и без Хайрама!

— Да, пожалуй. Но ведь этот твой диалог ужасно неуклюж!

— Он больше не таков, — сказал я. — Райла, я пытался рассказать тебе уже в течение двух дней, но ни разу мне это не удавалось. Сперва мне помешало возвращение Хайрама и твой рассказ о нашем будущем доме, а потом несчастье с людьми «Сафари». А я тебе хотел сказать, что уже могу по-настоящему разговаривать с Ликом!

Она в изумлении уставилась на меня.

— Ты хочешь сказать, что можешь говорить с ним не только с помощью его морганий? Совсем как Хайрам?

— Да нет, гораздо лучше, чем Хайрам, — ответил я.

И тогда я ей все рассказал, а она внимательно слушала, не перебивала и лишь вглядывалась в меня с легким оттенком недоверия.

— Но как же все это призрачно, — заметила она, когда я закончил. — Меня бы это напугало!

— А меня нет. А может, я слишком оцепенел, чтобы испугаться.

— А как ты думаешь, зачем ему было прилагать столько усилий? Всего лишь, чтобы убедиться, что он способен поговорить с тобой?

— Он так стремился с кем-нибудь пообщаться...

— Но ведь общался же он с Хайрамом...

— Во-первых, в последнее время Хайрам отсутствовал, надеюсь, ты не забыла об этом? Его же не было столько дней! И я полагаю, Лик так и не уразумел, что же с ним такое стряслось? Во-вторых, Хайрам вовсе не та персона, общение с которой могло бы удовлетворить Лик полностью. Хайрам едва понимает самую малость из того, что может сообщить ему Лик или даже показать. И дело в том, что у этого существа природа разума весьма близка к человеческой.

— Природа разума? Человеческая?

— Именно. Он, разумеется, инопланетянин. Но ему присущи такие же человеческие черты, каких мы не могли бы и ожидать! Вполне может быть, что иные свои качества, чуждые нам, он прячет, а выставляет только те, которые можно назвать его «человеческой жилкой», но...

— В таком случае, — отметила Райла, — он весьма ловок и искусен. Я бы даже сказала — хитроумен и коварен!

— Любое существо, прожившее миллион лет, должно стать искусным и хитроумным!

— Однажды он заявил нам, что бессмертен...

— Мы об этом с ним не говорили. По сути дела, мы о нем самом говорили очень мало.

— Я вижу, он совсем тебя очаровал, — сказала Райла.

— Пожалуй. Меня исключительно занимает то, что я могу общаться с носителем инопланетного разума. Эта мысль вспыхивает у меня в мозгу как огромный газетный заголовок. Сенсационная история! И впрямь, это была бы такая сенсация! Об этом ведь рассуждают и пишут уже многие годы. Есть ли во Вселенной другие разумные существа? Что сулит человеку встреча с инопланетянами? Всевозможные разглагольствования о гипотетическом первом контакте... А что касается меня, то я воспринял это вовсе не как сенсацию. Общение было дружеским и вполне ординарным.

— Странный ты человек, Эйза, — заметила Райла. — Ты всегда был таким странным. Думаю, что именно за это я полюбила тебя. Ведь тебя совсем не занимает, что подумают о твоём открытии другие люди. Ты интересуешься им как таковым и только со своей точки зрения!

— Спасибо тебе, дорогая, — сказал я.

И, сидя за тем дворовым столом, я стал думать о Лике и удивляться ему. Он теперь, наверное, был там, в яблонево́й роще, в сгущающихся сумерках, или в старом саду около бывшего моего дома. И я вдруг обнаружил, что знаю о нем гораздо больше, чем он сам мне поведал о себе. Я, например, знаю, что его субстанция не биологична, а является странной комбинацией электронно-молекулярных форм жизни, которые умом постичь невозможно. Кто знает, может быть, какой-нибудь инженер-электронщик и мог бы это объяснить, только вряд ли и его объяснение было бы исчерпывающим. Я знал, что Лик считает время не частью пространственно-временного континуума, скрепляющего воедино всю Вселенную, а совершенно независимым фактором, описываемым рядом уравнений, которые я бы ни за что не смог постичь, запомнить или найти в них хоть какой-нибудь смысл (ибо для меня отродясь ни в каком уравнении никогда не было ни малейшего смысла!). Но если эти уравнения кому-то станут так же доступны,

как Лику, то он тоже сможет манипулировать временем и регулировать его. А еще я знал, что все сказанное им о бессмертии есть результат его веры в жизнь после жизни. Эта мысль казалась мне очень странной, ибо существу бессмертному нет никакой необходимости надеяться или уповать на такую «послежизнь»!

Но как же так получилось, задавал я себе вопрос, что я знаю о нем такие вещи? Я ведь совершенно точно помнил, что ни о чем таком он со мной не говорил. И я допустил мысль, что из-за тогдашней моей ошарашенности я мог кое о чем и позабыть...

Райла поднялась с места.

— Пошли спать, — сказала она. — Может быть, завтрашний день окажется лучше?

Но следующий день был ни плохим ни хорошим, а просто никаким, ибо ничего нового не произошло.

Перед полуднем мы с Райлой съездили в Виллоу Бенд. Хайрам куда-то испарился сразу после завтрака, уведя с собой Баузера. Мы и не пытались его разыскать и водворить домой. Не могли же я и Райла все свободное время посвящать опеке над Хайрамом. Ему в госпитале было предписано вести себя смирно, но единственным способом к достижению этого было бы стреножить его или приковать.

Бен получил известие, что люди из «Сафари» придут на следующий день. Но ничего не было сказано о том, намечаются ли другие поездки охотничьих групп и если да, то в какие сроки.

Газеты отвели массу места трагедии в меловом периоде. Судя по публикациям, «Сафари Инкорпорейтед» почти немедленно сообщила о происшедшем. Сами газеты не пытались смаковать ужас случившегося, а представители «Сафари» ограничились заявлением, что в течение многих лет люди гибли и во время сафари и в разных экспедициях. Впрочем, подчеркивалось и отличие: такого, чтобы погибла вся группа целиком, еще не бывало.

Поскольку информация об этом несчастье заняла большую часть первых газетных полос, статьи, связанные с Хотчкиссом, были вытеснены на внутренние полосы. Но они все же публиковались и занимали немало колонок. Пререкания о том, насколько правомерны вылазки в прошлое с целью изучения жизни Иисуса, все еще были полны вредоносной силы. У

репортеров и заведующих редакциями новостей давненько не было таких лакомых сюжетов, и они выжили из них максимум возможного.

Райла осталась в офисе, чтобы потолковать с Беном и Гербом, но я вскоре смылся, чтобы проверить, нет ли Лика в саду у фермы. Он как раз там и оказался.

Я не стал рассказывать ему о случившемся. Я не был уверен, что Лика это как-то заинтересует, кроме того, мне гораздо больше хотелось послушать его самого.

Мы устроились под деревом и провели там пару часов. Он не столько говорил, сколько показывал. И так же, как это случилось раньше, я почувствовал, что как бы погружаюсь в него, становлюсь частью Лика и смотрю его глазами.

Он показал мне большую часть города-штаба и некоторых специалистов, работавших в нем. Там были представители насекомоподобной расы, занимавшиеся историей планет. Они уделяли внимание не столько историческим событиям, сколько тенденциям развития и трактовали историю как целостную науку, а не как простой перечень событий и эпох.

Были там существа шарообразной формы, специализировавшиеся в социологии. Они определяли расовые характеристики и исторические предпосылки, обуславливающие сущность мыслящих созданий. Другие существа, напоминавшие белых змей, занимались как бы предсказаниями, вернее, пытались, научно экстраполируя в будущее тенденции развития цивилизаций, прогнозировать это будущее главным образом с целью отыскать в нем возможные кризисные моменты.

Лик пытался объяснить мне, как при помощи определенной системы уравнений можно найти способ манипулирования силовыми полями и строить разные временные туннели. Я задавал ему массу вопросов, но, по-видимому, они имели настолько общий характер, что только конфузили его. Но он все же пытался отвечать мне на эти вопросы, и ответы приводили меня в еще большее смущение...

Подумав, что Райла, вероятно, обеспокоена моим отсутствием, я завершил беседу и отправился в офис. Райла, Бен и Герб все еще были настолько поглощены своим разговором, что даже не заметили, как я ушел и вернулся.

Рано утром следующего дня показалась экспедиция «Сафари». Бен и я отправились с ними, и Райла на этот раз тоже.

Это было ужасно. Я не принимал участия в работе экспедиции и лишь стоял поблизости. Люди собирали обглоданные человеческие скелеты в пластиковые мешки, прилагая максимум усилий для идентификации костей одного и того же человека. Но, поскольку кости были сильно раскиданы, вполне могли быть допущены и ошибки. В немногих случаях, когда на запястьях еще сохранились опознавательные браслеты или цепочки, еще можно было определить, чьи именно это кости. Но основная масса их осталась неопознанной.

Скелет огромного аллозавра (если это был аллозавр) тоже был погружен на один из грузовиков. Палеонтологи Гарварда попросили доставить его к ним.

За два-три часа удалось собрать все кости, ружья, оснащение, палатки и прочее оборудование, и мы вернулись назад.

Стоит ли говорить о том, как я был рад вернуться к себе в Мастодонию?..

Прошло десять дней. Газеты по-прежнему обыгрывали обе темы, связанные с нами: несчастье в меловом периоде и шумиху вокруг времени Христа. Против «Сафари» были возбуждены две тяжбы. Несколько членов конгресса выступило с речами, призывающими правительство заняться упорядочением перемещений во времени. Министерство юстиции провело пресс-конференцию с целью разъяснить, что такое регулирование весьма нелегко осуществить, поскольку ассоциация Времени представляет интересы другого государства, хотя статус Мастодонии с точки зрения международного законодательства был абсолютно неясен.

Толпа газетчиков и телевизионщиков у ворот офиса Виллоу Бенда заметно поредела...

Стиффи несколько раз поднимался на холм, нанося нам визиты, и, после того как мы откупались от него морковью, он позволял себя увести. Хайрам очень огорчился, что мы не хотим оставить его поблизости. Баузер затеял потасовку с барсуком и вышел из нее основательно потрепанным. Хайрам два дня ухаживал за его лапой, пока страдания не пошли на убыль.

Поток туристов в Виллоу Бенд тоже несколько ослаб, хотя стоянка и мотель Бена все еще продолжали приносить неплохой доход.

Бен отвез Райлу в Ланкастер (она спряталась на заднем сиденье его машины, пока они не отъехали от Виллоу Бенда). Повидавшись с подрядчиком, она привезла пачку проектных чертежей-синек. Несколько вечеров мы провели за изучением проекта, разостлав синьки на кухонном столе и решая, что бы нам хотелось изменить или добавить.

— Это будет стоить уйму денег, — сказала Райла. — Почти вдвое больше, чем я думала сначала. Но я надеюсь, что даже при наихудшем развитии событий у нас денег на постройку дома хватит. Я ужасно хочу его иметь, Эйза! Я мечтаю жить в Мастодонии и иметь здесь хороший дом!

— Я тоже, — ответил я. — И что особенно приятно, мы не должны будем платить за этот дом никаких налогов!

Я несколько раз за это время общался с Ликом. Когда Хайрам обнаружил, что я могу разговаривать с «Кошкиным Ликом», он слегка повесил нос, но уже через день или два снова вполне воспрянул духом.

Бен принес несколько неплохих новостей: звонил Кортни и сообщил, что кинокомпания вновь возобновляет переговоры. «Сафари» объявила, что готовит новые группы к поездкам через неделю или десять дней.

...А потом грянул гром, и все внезапно оборвалось.

Кортни позвонил Бену, что вылетает в Ланкастер, и просил его встретить.

— Расскажу все при встрече, — коротко сказал он.

К нам с Райлой заехал с этим известием Герб, и мы в офисе Бена дождались приезда Бена с Кортни.

— Есть идея, — сказал Кортни. — Нам надо слегка выпить, чтобы подкрепиться. Дело в том, что у нас на этот раз, кажется, серьезные неприятности...

Мы уселись и приготовились его выслушать.

— Я еще не в курсе всех подробностей, — начал он, — но то, что мне стало известно, требует обсуждения с вами. Вы оказались в карантине. Госдепартамент сегодня утром издал указ, запрещающий американским гражданам въезд в Мастодонию.

— Но они же не имеют на это право! — воскликнула Райла.

— А я не знаю, имеют или нет, — ответил Кортни. — Впрочем, скорее всего они найдут предлог. Фактически запрет уже существует. Пока безо всяких оснований. Я надеюсь, что они не сумеют найти убедительную формулировку. Но фактически в их власти просто решить в отношении любой страны мира, что американцам туда ездить не следует...

— Но зачем им это понадобилось? — спросил Бен.

— Точно не знаю. Возможно, из-за дела с Иисусом, а может быть, сыграла роль и трагедия в меловом периоде. Мастодония открыла ворота в такие места, где граждане не могут быть гарантированы от опасности. Но я все же подозреваю другую подоплеку. Возникло множество споров, в которые вовлекается весь мир. Эти споры буквально рвут страну на части. В конгрессе раздаются вопли о том, что ситуация еще больше усугубится с увеличением количества поездок. Образуются неприятнейшие оппозиционные группы. Это одна из самых горячих историй, с которыми приходилось справляться Вашингтону. И ответом, конечно, является нанесение удара по Мастодонии и перемещениям во времени. Если вы не сможете попасть в Мастодонию, то не сможете переместиться и дальше! А если существует запрет на въезд в Мастодонию, то и возня с Иисусом окажется беспредметной!

— Но это означает, что и «Сафари» не сможет использовать наши временные туннели, — подытожил Бен. — И что никто их не сможет использовать. А это убьет и бизнес с кинокомпанией. И вообще мы можем вылететь из всякого бизнеса!

— На какой-то момент, несомненно, — согласился Кортни. — Правда, мы бы могли походатайствовать о временном моратории на этот запрет. Если этот мораторий будет одобрен правительством, мы сможем временно заниматься бизнесом, пока будет рассматриваться наш встречный иск. Власти потом могут сделать этот мораторий постоянно действующим, и тогда у нас будет все в порядке. Но если они этого не сделают или вообще не пойдут даже на временную отмену принятого закона, то мы действительно вылетим в трубу!

— Либо начнем действовать в каких-либо других странах, — добавила Райла.

— Что же, это было бы возможно, — откликнулся Кортни. — Но потребуются переговоры с той страной,

куда вы захотите перенести свой бизнес. И учтите, что большинство стран, зная о запрете нашего госдепартамента, вряд ли охотно примет ваши предложения. Стало быть, нам надо будет еще найти страну, которая согласилась бы. И я опасаясь, что это вряд ли будет страна с приличным режимом, а скорее всего там будет режим диктаторский... И, оказавшись в такой стране, вы натолкнетесь на кучу бюрократических препон. Что же касается истории с карантинном, то она имеет одну неожиданно положительную сторону: этим указом молчаливо признано, что Мастодония — *другая* страна, а следовательно, отведены и все нацеленные на нас дула налоговой инспекции!

— Вам надо поскорее начать хлопотать о моратории, — заметил Бен.

— Немедленно, — отозвался Кортни. — Мне кажется, я сумею привлечь к этому ходатайству и «Сафари», и кинокомпанию. Они могут заявить, что на их бизнес наложен несправедливый запрет. И у них, вероятно, найдется много других аргументов. Я подумаю и об этом.

— Это выглядит так, будто мы собрались в штормовую погоду на соколиную охоту, — сказал Бен. — А насколько вы уверены, что сумеете получить этот мораторий?

— Честно говоря, не знаю. В рядовых случаях получить такое временное решение не составляет особого труда. Но в данной ситуации мы бьем по авторитету госдепартамента. Это может оказаться нелегким делом. — Немного поколебавшись, он прибавил: — Не знаю, насколько это осуществимо, но я хочу попробовать подойти и с другой стороны. Правда, я не вполне уверен... Дело в том, что со мной разговаривало ЦРУ. Наводило на темы сотрудничества и «патриотического долга». Они пытались убедить меня, что все это неофициальные разговоры, но я никаких неофициальных заверений сделать не мог, ибо понимал, что на вашем месте я бы с ними вообще не разговаривал. Но я из этого общения вынес впечатление, что им пришла в голову мыслишка засылать своих агентов в будущее, с целью разведать, как им быть сейчас с некоторыми острыми ситуациями. Они прямо этого не говорили, но, пожалуй, от перемещений во времени им может пона-

добиться именно это... Я притворился непонимающим простачком, но вряд ли мне удалось их провести.

— Вы хотите сказать, что если мы позволим им использовать временные каналы, — спросил Бен, — то госдепартамент отзовет свой указ? Но тогда этот указ может оказаться просто средством давления на нас, спровоцированным ЦРУ!

— Я не могу быть уверенным ни в чем, — сказал Кортни, — но, по-моему, на это не очень похоже. А вот если я дам знать ЦРУ, что мы готовы на сотрудничество, то эта организация может оказать сильное давление на госдепартамент!

— Ну и прекрасно, почему бы и не попробовать? — спросил Бен. — Не наше дело, в конце концов, совать свой нос и интересоваться, кто и с какой целью использует туннели времени!

— Нет! — сказала Райла.

— Почему же? — удивился Бен.

— А потому, что стоит лишь позволить этой публике сунуть в дверь ботинок, как они окажутся внутри целиком.

— Я, пожалуй, согласен с этим, — сказал Кортни. — Мой совет: любой ценой надо от этого пока воздержаться, хотя на всякий случай эту возможность следует держать в запасе. Мы будем вынуждены пойти на это, если совсем потеряем надежду на спасение.

— О'кей, — согласился Бен, — я полагаю, в этом есть резон!

— Но вы понимаете, ведь я не знаю точно, зачем мы понадобились ЦРУ, а всего лишь строю догадки!

Кортни встал.

— Бен, не отвезете ли вы меня назад? У меня еще полно работы.

Мы с Райлой поехали домой. Когда мы с Райлой оказались в Мастодонии, то обнаружили, что нас ждет малоприятный сюрприз.

Наш передвижной дом лежал на боку. Рядом стоял Стиффи. Баузер чуть поодаль заливался яростным лаем. Хайрам хлестал Стиффи прутом, но старина-мастодонт оставался абсолютно невозмутим.

Я поспешно направил машину наверх.

— Вот результаты проклятых морковных утешений, — проворчал я. — Мы не должны были его приучать к этому!

И я увидел, когда мы подъехали, что он не только пришел за морковью, но уже и добыл ее. Он опрокинул дом со стороны кухни, и, так как холодильник при этом как-то открылся, он, вполне довольный, всю уже чавкал.

Я остановил машину, и мы оба выпрыгнули из нее. Я рванулся вперед, но Райла оттянула меня обратно.

— Ты что собираешься делать? — взволнованно спросила она. — Если ты хочешь его увести...

— Какого черта «увести»? — завопил я. — Я сейчас возьму ружье и застрелю этого сукиного сына. Мне давно надо было это сделать!

— Нет, — крикнула она. — Только не Стиффи! Он такой милый старый парнишка!

Хайрам стал кричать на животное, повторяя одно и то же слово:

— Озорник, озорник, озорник!

И, истошно вопя, он продолжал бить его прутом, а Стиффи продолжал жевать одну морковку за другой.

— А ты и не доберешься до ружья, — сказала Райла.

— Если вскарабкаюсь вверх и сумею открыть дверь, то смогу! Ружейная стойка ведь у самой двери в гостиной...

Хайрам визжал и продолжал хлестать Стиффи, а мастодонт помахивал хвостом лениво и благодушно! Он совсем неплохо проводил время в гостях!

И тут я понял, что моя злость совсем испарилась. Я начал безудержно хохотать. Это ведь было так ужасно смешно: визжащий и пытающийся отогнать мастодонта Хайрам и Стиффи, не обращающий на это ни малейшего внимания!

Райла заплакала. Она отошла от меня, опустив руки. Она стояла, напрягшись и сотрясаясь от рыданий. Слезы градом катились по ее щекам. И я не сразу понял, что у нее попросту началась истерика.

Я взял ее под руку и повел к машине.

— Эйза, — сказала она сквозь рыдания. — Это ужасно! Сегодня все идет наперекосяк!

Усадив ее в машину, я вернулся за Хайрамом, схватил его за руку, вырвал прут и отбросил в сторону.

Он уставился на меня, моргая и как бы удивляясь, что я тут.

— Но, мистер Стил, — сказал он. — Я ему говорил и так и эдак. Я сказал ему, что так нельзя, а он и слушать меня не захотел!

— Иди в машину! — велел я ему.

Он послушно поплелся к машине.

— Пошли! — крикнул я Баузеру.

Тот, не будь дураком, обрадовался поводу уйти от греха подальше, сразу перестал лаять и побежал за мной.

— В машину! — приказал я.

Он впрыгнул на заднее сидение, где уже ссутулился Хайрам.

— Что же нам делать, Эйза? — нервно спросила Райла. — Куда же мы теперь денемся?

— Вернемся на старую ферму, — сказал я, — и побудем там какое-то время.

В ту ночь, пытаясь заснуть в моих объятиях, она еще долго плакала.

— Эйза, — говорила она, — мне так полюбилась Мастодония! Я хочу, чтобы у меня там был дом!

— Он у тебя будет, — обещал я ей. — Будет. Большой и крепкий, чтобы Стиффи его не опрокинул.

— И еще, Эйза, я так хотела быть богатой...

Но этого я ей уже не смог пообещать.

Глава 31

Мы вернулись в Мастодонию с Беном и Гербом. Используя блоки и другие приспособления, мы сумели поставить дом на место. Это вместе с восстановлением и починкой того, что было повреждено, заняло у нас добрую часть дня. Но наконец наше жилище вновь обрело сносный вид. И даже, невзирая на манипуляции Стиффи, остался исправным холодильник!

На следующий день, не обращая внимания на протесты Райлы и Хайрама, мы на двух вездеходах поехали на свидание со Стиффи. Он, как всегда, пребывал в долине и очень разгневался, когда мы попытались его увести подальше. Он даже норовил нам угрожать, и пришлось пустить в ход дробовики, заряды которых слегка пощипали ему кожу, но особого вреда не причинили. Он наконец двинулся. Каждый его шаг сопровождался недовольным ворчанием и вздохами, но мы все же отвели его на расстояние около двадцати миль, после чего сами вернулись обратно.

Спустя несколько дней Стиффи снова появился на своем «застолбленном» участке, но с тех пор, несмотря ни на какие воспоминания о моркови, нас он больше не беспокоил. Я строго наказал Хайраму оставить его в покое, и Хайрам впервые уделил внимание моим словам!

В течение нескольких дней от Кортни никаких известий не поступало. Когда он наконец позвонил, я находился в офисе Бена. Тот знаком предложил мне поднять

вторую трубку. Кортни сообщил, что ходатайство об отмене указа госдепартамента, поддержанное фирмой «Сафари» и кинокомпанией, направлено куда следует. Но теперь началась волокита с рассмотрением документов, представленных обеими сторонами. Маккаллахан особенно много внимания уделил голословности того пункта указа, где говорилось, что перемещения во времени опасны для здоровья граждан. Он, Кортни, был бы вполне согласен с мнением, что путешествия в сравнительно недавнее прошлое могут быть связаны с такой опасностью. Но правительство категорично распространило свой запрет и на периоды, удаленные от нашего времени на миллионы лет, утверждая, что бактерии и вирусы тех времен якобы могут оказать губительное воздействие на организм современного человека и даже явиться причиной всеобщих эпидемий.

От ЦРУ, как сообщил наш адвокат, не было слышно больше ни звука. Он даже допустил, что сами власти «отозвали» это учреждение.

Сенатор Фримор навестил Кортни и уведомил, что в обе палаты конгресса будет направлен на рассмотрение законопроект о разрешении перемещения в доисторические эпохи (вполне, впрочем, добровольного) немущей части населения. В связи с этим Фримор желал бы знать, о каких периодах могла бы идти речь.

— Эйза находится на параллельном телефоне, — сказал адвокату Бен. — На это может ответить только он.

— О'кей, — согласился Кортни. — Так что же, Эйза?

— Миоцен*, — предложил я.

— А как насчет Мастодонии? Она, по-моему, подошла бы идеально!

— Мастодония не подходит, — ответил я. — Если вы собираетесь внедрять человеческую популяцию в какую-либо прошлую эпоху, то должна существовать абсолютная уверенность, что она достаточно далеко отстоит от начала появления человека. Иначе могут возникнуть исторические коализии.

— Но ведь Мастодония, кажется, тоже достаточно удалена?

* Ранний период «неогеновой эры», наступивший 25—23 миллиона лет назад.

— Нет, недостаточно. Она помещается в прошлом, удаленном не более чем на сто пятьдесят тысяч лет от нас. Но даже если удалиться и на триста тысяч лет, будет все еще Сангамон, а это недостаточно далеко. На Земле в это время уже где-то появились люди, самые примитивные, но уже люди. И мы не должны рисковать опасностью вмешательства в их развитие!

— А как же вы с Райлой?

— Но нас же всего двое. И мы не собираемся ничего менять в том периоде. Мы всего лишь транзитники, использующие временные туннели... К тому же в Америке в то время людей еще не было.

— Понятно. Ну и что же с миоценом? Как далеко он отодвинут во времени?

— На двадцать пять миллионов лет.

— Вы полагаете, этого будет достаточно?

— Да, потому что люди появятся только через двадцать миллионов лет, и опасности пересечений не будет. Перемещение во времени больших масс людей допустимо только на «расстоянии» порядка двадцати миллионов лет — либо вперед, либо назад от нашей эпохи.

— То есть вы хотите сказать, что за двадцать миллионов лет любой процесс развития может полностью сойти на нет?

— Он либо сойдет на нет, либо с ним еще что-нибудь произойдет, и коллизии будут ему не страшны...

— Да... — произнес Кортни, — пожалуй. — Он немного помедлил, затем снова спросил: — Эйза, а почему именно миоцен? Почему не раньше или позднее хоть ненамного?

— Потому что в миоцене уже появилась трава. Довольно похожая на ту, что растет сейчас. А трава необходима для выращивания скота. Благодаря ей существуют и стада диких животных, на которых можно охотиться. Для поселенцев это очень важно, особенно в первое время, ибо охота даст им продовольствие. Кроме того, в миоцене и климат вполне приличный. Он лучше, чем в предыдущую эпоху.

— Почему так?

— В эту эпоху кончается цикл долговременных дождей, климат становится суше, но для сельского хозяйства влаги вполне хватит. Поселенцам не придется вырубать деревья для расчистки площадей под фермы, поскольку в это время появляются луга, а сплошные

лесные заросли начинают редеть. И еще одно важно: в миоцене отсутствуют особо опасные хищники, во всяком случае мы о них ничего не знаем. Но во всех случаях ничего похожего на меловой период с его динозаврами. Титанотерии *, гигантские кабаны, первые слоны, но не те звери, для которых предназначены громадные ружья...

— О'кей, вы меня убедили. Я передам это сенатору. Но, Эйза...

— Я вас слушаю.

— Что вы думаете о самой идее? Об отправке всего этого люда в прошлое?

— Я думаю, что это вряд ли реально. Не представляю, чтобы многие захотели туда отбыть. Они же никакие не первопроходцы, и такая перспектива их вряд ли прельстит!

— Вы полагаете, что они скорее предпочтут остаться тут, перебиваясь на пособие до конца своей жизни? Как бы мало оно ни было? Они же находятся в тисках бедности, из которой им никак не вырваться!

— И все же я думаю, что они предпочтут остаться здесь, — сказал я. — Они здесь хоть знают, на что им можно рассчитывать. А там — полная неизвестность!

— Боюсь, вы правы... — произнес Кортни. — Но я-то надеялся, что если наше ходатайство не будет удовлетворено, то план Фримора может нас спасти. Если его примут, разумеется...

— Не особенно уповайте на это, — охладил его я.

Кортни еще немножко потолковал с Беном. Говорит, собственно, было больше не о чем.

А я, прислушиваясь к тому, что Бен сказал напоследок, все думал: как быстро потускнели наши радужные ожидания! Еще несколько недель назад казалось, что ничто не в состоянии омрачить их: у нас был контракт с «Сафари», начинала разворачиваться инициатива кинокомпании, и мы верили, что нас ожидает еще много других заманчивых предложений. А теперь вот до тех пор, пока Кортни не сможет найти противовеса указу госдепартамента, мы оказываемся не у дел...

Что касается лично меня, то нельзя сказать, что я был этим очень уж озабочен. Да нет, конечно же, я

* То же, что бронтотерии, крупные непарнокопытные млекопитающие, похожие на носорогов.

ничего не имел против того, чтобы стать миллионером, но деньги и успех в бизнесе все же не значили для меня слишком много. А вот для Райлы дело обстояло совсем по-другому, да и для Бена тоже было важно, хотя он на эту тему особенно не распространялся. И мое уныние, как я отчетливо понимал, было вызвано не столько тем, что терял я сам, сколько тем, что теряли эти двое.

Уйдя из офиса Бена, я завернул в сад и увидел там Лика. Мы приготовились к беседе. На этот раз он говорил тоже немного, больше показывал свою собственную планету, совершенно не похожую на ту, где располагался штаб. Это была окраинная планета с весьма скудной экономикой. Ее земли были неплодородны, природные ресурсы ограничены, больших городов вовсе не было. Население влачило унылое существование и выглядело совсем иначе, чем Лик. Эти создания имели явно биологическую природу, хотя и казались довольно бесплотными, чем-то промежуточным между живыми существами и духами.

И вдруг, к величайшему моему удивлению, Лик сообщил:

— Я был среди них уродом... или как вы это называете? Возможно, мутантом. Я совсем не был на них похож. К тому же я постоянно изменялся, они мне удивлялись, наверное, даже немного меня стыдились и, может быть, даже побаивались. Мое начало было несчастливим...

Его начало — не детство, не отрочество... Я был этим озадачен.

— Но ведь штабу ты подошел? — спросил я. — Возможно, именно поэтому они тебя и взяли к себе? Они, должно быть, выискивают именно таких, как ты, способных меняться?

— Я в этом уверен, — ответил Лик.

— Ты сказал, что бессмертен. А другие существа на твоей планете тоже бессмертны?

— Нет, они не бессмертны. И именно этим я от них отличаюсь.

— Скажи мне, Лик, а откуда ты это знаешь? И как ты можешь быть уверен в своем бессмертии?

— Знаю, вот и все, — ответил он. — Это знание идет изнутри.

И этого вполне достаточно, подумалось мне. Если знание идет *изнутри*, должно быть, он прав!

Я ушел от него еще более изумленным, чем раньше. С каждым нашим разговором во мне росла странная убежденность, что я знаю его лучше, чем кого бы то ни было на свете. И чем дальше, тем больше я обнаруживал в нем такие глубины, постичь которые разумом мне было не под силу. И меня поражало то нелогичное ощущение, что я его хорошо знаю... Я ведь встречался и разговаривал с ним по-настоящему всего несколько раз, а меня почему-то не покидало чувство, что он был моим другом всю мою жизнь. Я знал о нем такие вещи, которых он мне, теперь я был уверен, никогда прямо не говорил. И я объясняю это тем, что он заключал мое сознание в себя с целью показать мне то, что не мог выразить понятными мне словами. И, может быть, в такие минуты единения я частично сам поглощал его личность, начиная постигать мысли и цели Лика даже помимо его стремления сообщить мне их?

Теперь уже почти все журналисты, фото- и телерепортеры смылись из Виллоу Бенда. Их то не бывало видно по нескольку дней, то потом вдруг кто-то снова появлялся и околачивался поблизости, но день или два, не больше. Мы, очевидно, еще фигурировали в каких-то публикациях, но аура магического вокруг нас здорово поблекла, если не улетучилась совсем. Наша история себя исчерпала...

Туристы, конечно, тоже разъехались. Правда, несколько автомобилей на стоянке Бена еще виднелось, но это даже отдаленно не шло в сравнение с тем количеством, какое было здесь раньше! В мотеле теперь были свободные места, а иногда и очень много свободных мест. Независимо от того, что дело повернулось таким образом, Бен продолжал тратить на него большие деньги. Мы еще содержали охранников и включали по ночам прожектора, хотя это начинало слегка отдавать манией. Мы охраняли то, что в охране, вероятно, больше не нуждалось. Кроме того, это съедало кучу средств, и мы то и дело возвращались к обсуждению вопроса о том, не следует ли нам распустить нашу «гвардию» и перестать зажигать фонари? Но мы никак не могли на это решиться — я думаю, из принципа, ибо такая акция выглядела бы как признание нашего поражения. А мы все еще не были готовы к капитуляции...

В конгрессе разгорались дебаты о разрешении эмиграции в прошлое. Одни утверждали, что предложенный проект закона означает отказ от помощи нуждающимся, другие настаивали на том, что, наоборот, им должен быть предоставлен шанс начать новую жизнь в таких местах, где не существует стрессов современной цивилизации. Особенно жаростно обсуждалась экономическая сторона такой эмиграции. Многие полагали, что «предоставление шанса» обойдется не меньше, чем стоимость пособий, выплачиваемых в течение года.

Сами получатели этих пособий вдруг стали подавать признаки заинтересованности, впрочем, пока тонувшие во всеобщем гвалте. Никто не думал к ним прислушиваться. Воскресные приложения к газетам и телевидение стали бойко разъяснять и иллюстрировать ситуацию, которая может ожидать людей в миоцене. Капитолий стал осаждаться пикетами, выдвигающими весьма противоречивые требования разных групп граждан.

В Виллоу Бенде показалось несколько отрядов каких-то сектантов. Они размахивали знаменами и произносили речи, ратуя за то, чтобы аутсайдеры бросили современное общество и удалились в миоцен или любое другое «место», где они были бы избавлены от бессердечия, неравенства и несправедливости современной системы государственного правления. Они продефилировали туда и обратно перед нашими воротами и расположились на стоянке Бена. Герб пошел потолковать с ними.

Но оставались они у нас недолго, ибо некому было их интервьюировать или фотографировать, не было зевак, которые бы над ними насмехались, и полиции, которая бы их разгоняла! Поэтому они и убрались сами.

Законопроект прошел через обе палаты конгресса, но президент наложил на него вето. Он прошел еще раз, невзирая на вето. Но ведь в силе оставался еще и запрет госдепартамента!

И тогда, на следующий день, власти вынесли свое окончательное решение. Оно было направлено против нас и любых перемещений во времени. Ходатайство об отмене указа госдепартамента было отклонено, запрет на путешествия в Мастононию был введен в действие, а мы оказались «выведенными» из нашего бизнеса...

Глава 32

Днем позже вспыхнули волнения. Словно по сигналу (а может, именно «по сигналу», поскольку мы так и не узнали никогда, как это случилось на деле!) забурлили гетто — в Вашингтоне, Нью-Йорке, Балтиморе, Чикаго, Миннеаполисе, Сент-Луисе, на западном побережье, везде. Бунтующие врывались в нарядные деловые кварталы, и теперь загорались вовсе не гетто, как это было в 1968 году. Огромные зеркальные витрины магазинов и больших универмагов выбиты, сами магазины разграблены и подожжены. Полиция, а в некоторых случаях и Национальная гвардия стреляли по бунтовщикам, те отстреливались. Плакаты, на которых было выведено: «Давайте нам миocen!», или «Дайте нам уйти!», или «Мы хотим попытать удачи!» валялись на улицах, мокли под дождем, а иногда и пропитывались кровью.

Так продолжалось уже пять дней. Число убитых с обеих сторон исчислялось тысячами, а деловая жизнь в стране начала замирать. Но к исходу пятого дня страсти пошли на убыль, поскольку обе стороны — представители власти и закона и яростно протестующие массы — слегка отступили друг от друга. Медленно, замирая и спотыкаясь, нащупывая возможные точки соприкосновения, стороны приступили к переговорам.

Мы в Виллоу Бенде оказались отрезанными от событий. Почти все междугородные линии связи были выключены. Телевизионные станции хотя и действовали,

но время от времени иногда замолкали. К нам единственный раз дозвонился Кортни, но после этого от него не было ни звука. Попытки пробиться к нему по телефону не увенчались успехом. Во время того единственного разговора с ним мы узнали, что он сотрудничает с властями, но что у него еще много неизученных вопросов, связанных с этим.

Вечер за вечером, а иногда и целыми днями подряд мы собирались в офисе Бена и глазели на экраны телевизора. В любое время дня и ночи, если появлялась хоть малейшая новость о ходе событий, ее тотчас же передавали, и поэтому телевидение превратилось в сплошную программу новостей.

Ужасно тягостно было наблюдать эти волнения. В конце шестидесятых годов люди иногда рассуждали о том, выстоит ли республика, а теперь мы были почти уверены, что не выстоит! Лично я испытывал некоторое чувство вины, думаю, что у остальных оно было тоже, хотя мы никогда вслух об этом не говорили. У меня в голове молоточком стучала мысль: если бы мы не затеяли этого дела с перемещениями во времени, ничего такого бы не случилось!

Мы говорили о другом: как мы были слепы, благодушно предполагая, что закон об эмиграции явится просто пустой политической уловкой и что очень немногие из отверженных, к которым он будет обращен, захотят стать первопроходцами в неведомых землях.

И я чувствовал себя особенно неловко, ибо первым высказал мнение о бессмысленности этого закона. Ярость бунтовщиков показала, что гетто намерены дожидаться второго тура утверждения законопроекта. И трудно было прогнозировать, во что выльется этот «второй» тур и сколько еще будет развязано вспышек насилия путем умелого манипулирования застарелыми обидами и подавленной ненавистью. Манипулирования со стороны тех, кто вдохновлял и вел этих повстанцев!

Прошел слух, что армия повстанцев направилась от Твин-Сити к Виллоу Бенду, возможно, с целью захвата центра управления временными перемещениями. Шериф быстренько призвал добровольцев для преграждения пути бунтовщикам, но пока он был этим занят, оказалось, что никакого похода нет. Это был всего лишь один из тех мерзких ложных слухов, которые время от

времени проникали даже в официальные отчеты о новостях.

Почему повстанцы не подумали о том, чтобы захватить нас, я так никогда и не узнаю. Для их позиции это было бы вполне логичным шагом, независимо от того, что такой шаг совершенно не оправдал бы их ожиданий. Но если они и помышляли об этом, то наверняка в их воображении возникала машина времени, которую бы можно было физически захватить и привести в действие. Но, скорее всего, они об этом даже не подумали, ибо главари беспорядков, наверное, больше были заняты конфронтацией с властями и организацией насильственных действий, которые заставили бы власти покориться.

«Пять дней» прошли, и в разбитых затемненных городах воцарилось относительное спокойствие. Переговоры начались, но кто их вел и где они происходили, сохранялось в тайне, так же как и то, о чем на них говорилось. Газеты и телевидение проникнуть за завесу молчания оказались неспособны. Мы все время пытались дозвониться до Кортни, но междугородная связь все еще не работала.

И вдруг однажды перед нашими взорами возник Кортни собственной персоной!

— Не стал вам звонить из Ланкастера, — сказал он, — поскольку быстрее оказалось схватить такси и приехать.

Он взял стакан со спиртным, предложенный ему Беном, и плюхнулся в кресло. Вид у него был усталый и опустошенный.

— День и ночь, — проговорил Кортни, — без перерыва, в течение последних трех суток... Господи, я надеюсь, что мне никогда больше не придется пройти через такое!

— Вы что же, сидели на этих переговорах? — спросил Бен.

— Вот именно. И я думаю, мы их дожали до конца. Я никогда в жизни не видел таких несговорчивых сукиных детей с обеих сторон — что от правительства, что от повстанцев! Я противостоял и тем и другим. Но шаг за шагом я все же сумел вбить им в голову, что ассоциация Времени имеет свою солидную ставку в этой игре и что мы отстаиваем собственные интересы.

И что без нас никто не сможет переместиться во времени куда бы там ни было!

Он осушил бумажный стаканчик и отставил его. Бен снова его наполнил.

— Зато теперь, — сказал Маккаллахан, — мы это получили! Документы уже подписываются. Если это состоится и никто из тех ублюдков не передумает, мы дадим им туннель в миоцен бесплатно. Я был вынужден сделать эту уступку. Власти упирали на то, что программа эмиграции будет стоить им так много, что еще и выплата нам гонорара заставит их «финансово рухнуть». Думаю, они врут, но тут уж делать нечего. Если бы я отказался, все переговоры зашли бы в тупик, что по некоторым соображениям было бы властям на руку. Мы просто отдадим им этот туннель, вот и все! Мы им скажем: «вот он тут, берите!», а остальное — их собственная головная боль. В обмен на это госдепартамент отменил и больше не возобновит свой указ. Он обязался больше не претендовать ни на какое регулирование нашей деятельности — ни на государственное, ни на федеральное, ни на какое бы то ни было еще! И еще одно — и это «одно» чуть было не опрокинуло все переговоры! — достигнута договоренность о признании Мастодонии независимой страной!..

Я поглядел через комнату на Райлу, и она улыбнулась. Это была первая ее улыбка за прошедшие несколько дней. И я знал, о чем она сейчас подумала. О том, что теперь мы сможем снова заняться нашим будущим домом в Мастодонии!

— Я думаю, — произнес Бен, — что это оптимально. Вы хорошо поработали, Корт! У нас, наверное, было бы слишком много хлопот с тем, чтобы содрать с правительства гонорар...

Дверь отворилась, и вошел Хайрам. Мы все повернулись к нему. Он проковылял немного вперед.

— Мистер Стил, — сказал он, — Кошкин Лик хотел бы, чтобы вы к нему пришли. Он желает вас видеть. Говорит, это важно...

Я встал.

— И я с тобой, — рванулась Райла.

— Спасибо, — ответил я. — Но лучше не надо. Мне следует самому разобраться, в чем там дело. Может, и ни в чем! Это не займет слишком много времени.

Но у меня было ужасное предчувствие, что в этом вызове кроется что-то действительно важное. Никогда раньше Лик за мной не посылал!

— Вы оставайтесь здесь, — сказал я, — а я сейчас...

Я пересек задний двор, обогнул курятник и увидел Лика на одной из яблонь. Я почувствовал, что он как бы подался вперед, ко мне. И, когда он это сделал, мне снова показалось, что мы одни с ним на свете, что все остальные отринуты далеко, совсем отъединены от нас!

— Я рад, что ты пришел, — сказал он. — Я хотел с тобой увидеться перед тем, как уйти. Я хотел тебе сказать...

— Уйти! — вскричал я. — Лик, ты не можешь уйти! Только не сейчас! Зачем тебе понадобилось уходить?

— Я ничего не могу с этим поделать, — сказал Лик. — Я снова перерождаюсь. Я ведь говорил тебе, что и раньше я изменялся, там, на моей собственной планете, после моего начала...

— Но что это за изменение? — спросил я. — Что оно значит? Почему ты должен переродиться?

— Потому что иначе нельзя. Это нисходит на меня. И от меня не зависит...

— Лик, а ты сам хочешь этого?

— Думаю, что хочу. Я еще не спрашивал себя. Но все же я чувствую, что становлюсь от этого счастливым. Потому что я возвращаюсь домой.

— Домой? На ту планету, где ты родился?

— Нет. На планету штаба. Теперь она и есть мой дом. Эйза, ты знаешь, что мне кажется?

Меня била дрожь. Я вдруг ослабел. Я был разбит и ограблен.

— Нет, не знаю, — машинально ответил я ему.

— Мне кажется, что я становлюсь богом. Когда вернусь туда, то буду одним из них. Думаю, они появляются именно так. Развиваются из других форм жизни. Может быть, из моей формы, а может, и из других. Точно не знаю. Но, по-видимому, скоро буду знать. Я закончил свое ученичество. И стал взрослым...

Я провалился в пустоту, в огромную бездонную пропасть, и мою душу ранило не то, что я лишаяюсь временных туннелей, которые мог бы построить Лик. Нет, невыносимей была мысль о том, что я лишаяюсь

самого Лика, и именно она создавала вокруг меня пустоту!

— Эйза, — произнес Лик. — Я возвращаюсь домой. Я на время потерял дорогу, но теперь я ее знаю и возвращаюсь домой!

Я ничего не ответил. Я не мог ответить ничего. Я сам был затерян в пустоте и не знал дороги домой...

— Мой друг, — сказал Лик. — Пожелай мне добра. Я должен это унести с собой!

И я сказал ему эти слова, они вырвались из меня так, словно это были кусочки моей живой плоти. Я хотел ему добра и должен был это сказать, но как больно мне стало от этого!

— Лик, я желаю тебе добра! От всего сердца, Лик! Мне очень будет тебя не доставать, Лик!

Он исчез. Я не видел, как он уходил, но почувствовал, что это произошло. Это все-таки стряслось. Пронесся холодный ветер ниоткуда, и черная пустота стала сереть, потом исчезла и эта серая муть, и я увидел себя под деревьями старого сада, поблизости от клумбы в углу курятника. Себя, уставившегося на опустевшую яблоню...

На землю опустились сумерки, и с их наступлением сразу же автоматически зажглись прожектора ограды, превратив все вокруг в ярко освещенное кошмарное видение, в котором взад и вперед вышагивали охранники, одетые в униформу. Но через несколько мгновений слепящий свет сменился снова благодатными сумерками, которые мне были так нужны!

Потом фонари вновь в меня вцепились, и я повернулся к административному зданию. Я боялся, что меня будет шатать из стороны в сторону, но этого почему-то не происходило. Я шел напряженно и прямо, как заводная игрушка.

Хайрама видно не было, а Баузер, скорее всего, был занят каким-либо сурком, хотя для сурков время было уже позднее. Они после захода солнца сразу зарываются в свои норы...

Я прошагал в дверь офиса. При виде меня все прекратили разговоры и уставились на мое помертвелое лицо.

— Ну? — спросила Райла.

— Лик ушел, — сказал я.

Бен рывком вскочил на ноги.

— Как ушел? — заорал он. — Куда ушел?

— Он ушел домой, — ответил я. — К себе домой. Он прислал за мной, чтобы попрощаться. Это было все, что он хотел. Просто попрощаться.

— И ты не смог его остановить?

— Остановить его не было никакой возможности, Бен. Он вырос, понимаешь ли... Он закончил свое ученичество...

— Одну минуточку, — вмешался Кортни, пытавшийся сохранять спокойствие. — Но он же вернется, не так ли?

— Нет, не так, — произнес я. — Он переродился. Он стал чем-то иным...

Бен стукнул кулаком по столу.

— Ну что за низкий, проклятый удар! И в какой момент он нас бросил? Скажу вам, где он нас оставил — у разбитого корыта!

— Не спешите с выводами, — возразил Кортни. — Давайте не делать поспешных заключений. И давайте не опускать рук. Ведь не все же потеряно, ведь наверняка что-то осталось? И мы можем еще кое-что предпринять...

— Что вы там такое болтаете? Вы со своим адвокатским умничанием...

— Мы можем еще спасти то, что имеем, — невозмутимо ответил Кортни. — Контракт с «Сафари» и кругленькую сумму в миллион баксов в год...

— Но ведь миоцен... Как же быть с миоценом?

— Не с миоценом, Бен. С Мастодонией.

Но тут закричала Райла:

— Только не с Мастодонией! Я не пущу их в Мастодонию! Они вконец ее загадят! Мастодония принадлежит нам с Эйзой!

— С учетом отбытия Кошачьего Лика и отсутствия дополнительных временных туннелей, — резко и холодно заявил Кортни, — вы вынуждены будете пустить их в Мастодонию. Или вы лишитесь всего!

Он обратился ко мне:

— Так вы твердо знаете, что Кошачий Лик отбыл и больше не вернется?

— Уверен в этом.

— И новых временных туннелей не будет?

— Нет, — ответил я. — Не будет. Новых не будет.

— Вы настаиваете на этом?

— Абсолютно. Какого дьявола я бы стал вам врать? Вы что, думаете, что это шутка, розыгрыш? Говорю вам, это не шутка! Но скажу вам еще кое-что. Вы никого не пошлете в Мастодонию! Я уже вам это объяснял как-то. Во времена Мастодонии человек уже существовал. Он охотился на мастодонтов в Испании, мастерил кремневые орудия во Франции...

— Ты рехнулся, что ли? — завопил Бен. — Собираешься похерить и то малое, что мы имеем?

— Да, ей-богу, собираюсь! — крикнул я в ответ. — Я собираюсь это все похерить! Послать к черту вместе с кругленькими двумя миллионами! Послать к черту вместе с правительством и этими повстанцами!

— И вместе с нами? — спросил Кортни вежливо, даже слишком вежливо.

— Да! — ответил я. — Послать к черту вместе с вами. Пустив эти банды в Мастодонию, мы можем разрушить все, что имеем сейчас, все, что имеет сейчас человечество!..

— А вы знаете, он ведь прав, — мягко вмешалась Райла. — Он прав в исходных соображениях, а я права в последующих. Мастодония принадлежит нам, и никто больше ею владеть не сможет. И к тому же ясно одно: мы-то сами ее не загрязним! И есть еще кое-что...

Я не стал дослушивать, что там есть еще. Повернулся и пошел к двери. Пересек холл, едва понимая, куда несут меня ноги, вышел наружу и оказался у ворот.

— Пропустите меня, — сказал я охраннику, и он дал мне выйти.

Я ничего толком не соображал. Уйти куда-нибудь, вот все, чего мне хотелось.

Потому что я понял — как бы мы с Райлой ни возражали, мы все равно потерпели крах. Под давлением того, что сейчас нам грозило, нас заставят впустить эти орды в нашу Мастодонию!

И больше всего меня убивало то, что Бен и Кортни окажутся на стороне тех, кто станет на нас давить!

Я дошел до автостоянки и огляделся. Там, поодаль, окаймленная яркими пятнами света, высилась ограда. Я ее ни разу не видел снаружи, если не считать дня моего возвращения из Европы. Но тогда было так много отвлекающего вокруг — толпы народа, забитая до отказа стоянка, лотки с сосисками, продавец шаров, — что я почти и не увидел самой ограды.

Но теперь я разглядел ее во всей присущей ей гротескной потусторонности и попытался вспомнить, как же это место выглядело раньше? До того, как здесь началось все это строительство?

Стоя здесь, я остро ощутил свое одиночество и потерянность. Я был человеком, лишившимся дома. И не только той старой фермы, но и Мастодонии, которая тоже стала мне домом!

И я понимал, что потеря Мастодонии — это лишь дело времени. Она будет потеряна, а с ней и каменный дом, и множество его каминов... Дом, который задумала построить Райла и о котором мы с ней проговорили столько ночей!

Райла. Я подумал о Райле, о моем неповторимом «приблудном толкателе», который так хотел разбогатеть! Но теперь, только что, она сделала свой выбор, ничуть не колеблясь! Выбор между Мастодонией и кругленькой суммой в два миллиона баксов в год...

Ты обманщица, сказал я мысленно, ты просто вруша! И вся эта твоя «деловая хватка» — только поза.

Когда дело подошло к развязке, ты оттринула позу и сделала истинный выбор!

И для меня она, Райла, все еще оставалась, несмотря ни на что, несмотря на столько прошедших лет, все той же девчонкой, которую я так любил тогда, во времена раскопок в Малой Азии...

Той девушкой, чье личико было вечно запачкано из-за того, что она постоянно потирала свой облупленный на солнце, свой упрямый вздернутый носик грязной ладошкой...

...Миоцен, подумал я. А почему же мы не получили этот миоцен? Почему я не попросил Лика соорудить дорогу в миоцен много дней назад? Ведь теперь, когда она понадобилась, все уже давно было бы готово... И, если бы у нас теперь был миоцен, то даже после ухода Лика мы бы смогли спасти Мастодонию!

А Лик? Он теперь всего лишь воспоминание. Он больше не улыбнется мне из кроны дерева. Он наконец узнал, кто он есть и кем станет...

«Лик, — сказал я ему, — мой давний, мой старый друг! Я желаю тебе добра, и мне будет так не хватать тебя здесь!»

И мне внезапно почудилось, что я снова с ним! Снова становлюсь единым целым с Ликом, как бывало столько

раз прежде, когда он заключал меня в собственную личность, чтобы я увидел то, что видит он, и узнал то, что знает он.

...Узнал то, что знает он...

Узнал, даже если я не смогу это понять разумом до конца.

Знать то, о чем он мне никогда прямо не говорил, осознавать даже не вполне понятные мне вещи, те, которые он мне показывал!

Такие, как, например, уравниения времени...

И вдруг, подумав об этих уравниениях, я вновь их увидел. Я увидел эти «уравниения времени» в точности такими, какими он мне их показывал. Я смотрел на них его глазами и знал, как мне надо их свести воедино, как их надо применить!..

Миоцен, подумал я, удаленный от нас на двадцать пять миллионов лет назад... И уравниения сошлись друг с другом, и я сделал еще что-то, необходимое для построения дороги времени в этот самый миоцен...

...Я вышел из оболочки Лика, и он исчез. Я больше не находился внутри него. Я не глядел больше сквозь его глаза. Но эти уравниения... уравниения... они ведь означали, что... И я понял, что уже потерял их и больше не осознаю их смысл, их взаимные сочетания, способы их приложения к силовым полям. Я это потерял, даже если только что и владел им. Я теперь снова был глупым человеческим существом, осмелившимся возмечтать о построении дороги времени с помощью информации, которая была в меня ненадолго вложена без ясного истолкования, просто так, в виде дара от того, кто теперь в далеких звездных мирах числился богом...

Я почувствовал, что меня трясет. Пытаясь распрямить плечи, я тесно сжал ладони, чтобы хоть немного унять дрожь.

Ты, проклятый дурачок, сказал я себе, ты совсем спятил, записывал в самом классическом понимании слова. Ну-ка, возьми себя в руки и сообрази, что ты собой на самом деле представляешь!

И все же... и все же... и все же...

Пока я себя так изничтожал, я сделал несколько шагов вперед, пробуя, а не появился ли этот дурацкий временной туннель?

Но ты же сам видишь, сказал я себе. Нет никакого миоцена!

...Я прошел еще пару шагов и увидел, что я в миоцене...

Солнце находилось на полпути к закату, и тугой бриз с севера рябил буйно разросшиеся травы. Под холмом, в четверти мили от меня, пасся титанотерий, эта неуклюжая тварь со смешным тупым разветвленным рогом, торчащим над его носом. Он перестал жевать и уставился на меня, угрожающе заревев.

Я осторожно повернул назад, ступая по своим же следам, и вернулся на бенов паркинг.

Не сходя с места, я наклонился, снял туфли и поставил их одну за другой, стараясь точно пометить вход в туннель.

Потом, в одних носках, я обошел стоянку и вытянул несколько стальных стержней из разгородок, разделяющих места парковки машин. По пути я подобрал еще булыжник размером с кулак и с его помощью забил стержни в землю, вдоль дороги в миоцен.

Сделав это, я сел на землю, чтобы обуться.

И вдруг ощутил страшную усталость.

Мне так хотелось найти в себе хоть какое-то чувство торжества или ликования, но ничего такого я не ощутил. Я всего лишь испытывал благодарность и начинал обретать покой.

Теперь я знал, что все будет в порядке. В полном порядке, если мне удалось все же соорудить этот туннель в миоцен. Раз я это сделал, то, значит, сумею построить и любой другой туннель... Конечно, не я сам по себе, такой, как сейчас. Но если я снова войду внутрь Лика...

Я довольно долго провозился с надеванием туфель. Мне в них что-то ужасно мешало! Но наконец я с ними справился, встал и пошел к воротам ограды.

Мне предстояло сделать нечто очень-очень важное.

Я должен был как можно скорее сообщить Райле, что мы с ней сохранили свою Мастодоню!

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ВОЛШЕБСТВО

L⁺

•

Глава 1

Чердачный гоблин наблюдал исподтишка за монахом, а тот не сводил глаз с книжника, который, не подозревая, что за ним следят, пытался извлечь из-за корешка старинного фолианта какой-то свиток. Гоблин ненавидел монаха и, надо сказать, имел к тому достаточно оснований. Монах же не испытывал ни к кому на свете ни ненависти, ни любви; он отличался завистливостью и склонностью к фанатизму. Поскольку час был поздний, помещение библиотеки пустовало. В нем царила тишина, лишь скреблась где-то в укромном уголке мышь. На столе, за которым сидел книжник, догорала свеча.

Книжник сунул манускрипт за пазуху, поднялся, поставил фолиант обратно на полку и затушил двумя пальцами свечку. Бледный лунный свет, проникавший внутрь сквозь высокие, от пола и чуть ли не до стропил, окна, замерцал на переплетах многочисленных томов. Книжник осторожно двинулся к выходу. Монах постарался поглубже спрятаться в тень и не сделал ни малейшей попытки остановить книжника. Исполненный ненависти к монаху гоблин озадаченно почесал затылок.

Глава 2

Когда в дверь постучали, Марк Корнуолл ел хлеб с сыром. В маленькой комнате было холодно; в очаге потрескивали дрова, но тепла от них исходило всего ничего. Корнуолл встал, стряхнул с куртки крошки сыра и открыл дверь. На пороге стояло весьма странное существо — крошечное, не более трех футов ростом, худое и сморщенное. Из-под поношенных кожаных брюк виднелись босые, густо заросшие шерстью ноги. Наряд существа дополняли старенькая рубашка из алого бархата и остроконечный колпак.

— Чердачный гоблин, — представилось существо. — Могу ли я войти?

— Разумеется, — ответил Корнуолл. — Я слышал о тебе, но, признаться, всегда считал тебя выдумкой.

Гоблин переступил порог и тут же устремился к очагу. Присев перед ним на корточки, он протянул ладони к огню.

— Это почему же? — справился он. — Тебе ведь известно, что на свете существуют гоблины, эльфы и другие члены Братства. Почему же ты не верил в меня?

— Может, потому, что никогда не видел, — отозвался Корнуолл. — По-моему, ты до сих пор вообще никому не попадался на глаза. Так что, сам понимаешь...

— Я прятался, — заявил гоблин, — скрывался у себя на чердаке, благо там до меня не так-то просто добраться. Дело в том, что некоторые ваши монахи

ведут себя, ну, что ли, неразумно. Они начисто лишены чувства юмора.

— Сырку не хочешь? — предложил Корнуолл.

— Что за глупый вопрос? Конечно, хочу!

Гоблин отодвинулся от очага, огляделся и взобрался на деревянную скамью, что стояла у стола.

— Сдается мне, — заметил он, — жизнь у тебя не из легких. Обстановочка, прямо скажем, бедноватая.

— Какая есть. — Корнуолл вынул из висевших на поясе ножен кинжал, отрезал кусок сыра и ломоть хлеба и вручил угощение гоблину.

— И пропитание скудноватое, — продолжал тот.

— Увы. Однако я полагаю, ты явился не за сыром?

— Нет, — сказал гоблин. — Я видел тебя сегодня вечером. Видел, как ты украл манускрипт.

— И что? — поинтересовался Корнуолл. — Он тебе нужен?

— Ни капельки, — проговорил гоблин, вгрызаясь в сыр. — Я всего лишь хотел сообщить тебе, что видел не только я, а еще и монах по имени Освальд.

— Раз так — почему же он меня не остановил? Почему позволил уйти?

— У меня такое впечатление, что твоя совесть совершенно спокойна. Ты даже не пытаешься отрицать своей вины.

— Ты же видел меня, — произнес Корнуолл. — Видел, но вмешиваться не стал. Значит, у тебя имелись свои соображения.

— Может быть, — согласился гоблин. — Сколько лет ты здесь проучился?

— Почти шесть.

— То есть ты уже не студент, а ученый. Книжник.

— Разница небольшая.

— Возможно. Тем не менее ты вышел из того возраста, когда люди занимаются всяким озорством.

— Наверно. Но что-то я никак не пойму, куда ты клонишь...

— Я клоню к тому, что Освальд видел тебя и все же позволил тебе уйти. Может, он знал, что именно ты крадешь?

— Вряд ли. Я и сам не подозревал о существовании манускрипта, пока не наткнулся на него. Просто, когда книга очутилась у меня в руках, мне показалось, что переплет выглядит как-то странно. Из-под него словно

что-то выпирало, как будто между кожей и основой находился посторонний предмет.

— Если он был таким заметным, почему же никто не обнаружил его раньше? — спросил гоблин. — Кстати, как насчет добавки?

Корнуолл отрезал еще сыру.

— Я думаю, ничего тут сложного нет. Должно быть, мне единственному на протяжении целого столетия взбрело в голову снять с полки этот том.

— Что ж, вполне вероятно, — признал гоблин. — А о чем говорилось в той, которую ты листал?

— Рассказ древнего путника, записанный в незапамятные времена каким-то монахом, который, надо отдать ему должное, сделал из книги произведение искусства: красочные инициалы, причудливые узоры на полях. А содержание — так, набор побасенок.

— Тогда зачем она тебе понадобилась?

— Порой из груди лжи проклевывается вдруг росток истины. Я искал упоминание о том, что меня интересовало.

— И нашел?

— Да, но не в книге, а в манускрипте. Мне думается, рассказ в книге записан со слов самого путешественника. Я вовсе не уверен, что подобное нагромождение небылиц могло удостоиться чести быть скопированным хотя бы пару раз. А монах молодец — такой работой можно и нужно гордиться.

— Ты говорил про манускрипт.

— Вообще-то манускриптом его назвать трудно, ибо он состоит всего-навсего из одного листка. Все то же повествование, но с подробностями, которые монах-переписчик почему-то опустил.

— Ты полагаешь, что его в конце концов замучила совесть и он пошел с ней на сделку, сунув листок за переплет?

— Может быть, — отозвался Корнуолл. — Но мы немного отвлеклись. Так зачем ты пришел?

— Монах, — сказал гоблин. — Ты не знаешь этого Освальда, а я знаю. Из всей их братии он самый опасный. Для него нет ничего святого, он готов шпионить за кем угодно. Ты, наверно, уже сообразил, что он намеренно выпустил тебя из библиотеки и не стал поднимать шум.

— Похоже, мое поведение тебя ничуть не возмущает, — хмыкнул Корнуолл.

— Ты прав. Скорее, я на твоей стороне. Этот треклятый монах столько лет отравлял мне жизнь, все норовил поймать меня, загнать то в одну, то в другую ловушку. Я, разумеется, не давал ему спуска, оплачивал всякий раз, когда он проворачивал очередную гнусность, однако он не отступался. Так что, как ты, вероятно, уже догадался, я питаю к нему отнюдь не добрые чувства.

— Ты думаешь, он выдаст меня?

— Насколько я его знаю, — ответил гоблин, — он попытается продать свои сведения.

— Кому? Кому они нужны?

— Начнем с того, — сказал гоблин, — что похищенный тобой манускрипт был спрятан за переплетом старинной книги. То, что его позаботились спрятать — и похитить, — наводит на размышления, не правда ли?

— Пожалуй.

— Как в городе, так и в самом университете, — продолжал гоблин, — найдется немало беспринципных искателей приключений, которые наверняка заинтересуются рассказом монаха.

— По-твоему, манускрипт могут утащить?

— Разумеется. А вместе с ним в опасности и твоя жизнь.

Корнуолл вновь угостил гоблина сыром.

— Благодарю, — сказал тот. — А нельзя ли получить еще хлебushка?

— Ты оказал мне услугу, — проговорил Корнуолл, выполнив его просьбу, — и я тебе весьма признателен. Но скажи, какого исхода ты ожидаешь?

— А разве не ясно? — удивился гоблин. — Я хочу, чтобы этот противный монах сел в лужу и как следует извозился в грязи. — Он положил хлеб с сыром на стол, сунул руку за пазуху и извлек оттуда несколько листов пергамента, которые расстелил на столе. — Сдается мне, сэр книжник, ты умеешь обращаться с пером.

— Во всяком случае, писать я пишу, — ответил Корнуолл.

— Ну и хорошо. Вот старый пергамент, с которого стерли весь прежний текст. Я предлагаю тебе переписать твой листок и возвратить его на место.

— Но я не...

— Перепиши его, — перебил гоблин, — но не целиком, а с изменениями, маленькими, незаметными, которые собьют ищеек со следа.

— Это просто, — сказал Корнуолл, — но свежие чернила выдадут подделку, и потом, мне не под силу скопировать в точности почерк. Обязательно проявятся различия, которые...

— Да кто сумеет их установить? Манускрипт видел только ты, поэтому за почерк можно не беспокоиться. Пергамент достаточно древний, а что касается стертого текста, то в старину такие вещи проделывали довольно часто.

— Не знаю, не знаю, — пробормотал Корнуолл.

— Чтобы отличить оригинал от подделки, нужен глаз книжника — а с чего ты взял, что твое творчество попадет в руки кому-нибудь из них? К тому же тебя все равно здесь не будет...

— Не будет?

— Конечно. Или ты полагаешь, что можешь оставаться тут после всего, что случилось?

— Наверно, ты прав. Честно говоря, я и сам подумывал уйти.

— Надеюсь, то, что написано в манускрипте, не окажется пустой выдумкой. Но даже если...

— По-моему, не окажется, — заявил Корнуолл.

Гоблин соскользнул со скамьи и направился к двери.

— Постой, — окликнул его Корнуолл. — Ты не назвал мне своего имени. Мы еще увидимся?

— Меня зовут Оливер — по крайней мере, так я представляюсь людям. А насчет того, чтобы увидеться... Вряд ли. Хотя... Сколько тебе понадобится времени, чтобы изготовить подделку?

— Немного.

— Тогда я подожду. Мои возможности невелики, но кое в чем я смогу тебе помочь. Я знаю заклинание, которое обесцвечивает чернила и придает пергаменту, если его правильно сложить, весьма древний вид.

— Я сяду за работу прямо сейчас, — сказал Корнуолл. — Ты не стал расспрашивать меня, что же там такое написано, и большое тебе за это спасибо.

— Так ты же прочтешь мне, — заявил гоблин.

Глава 3

Лоуренс Бекетт засиделся со своими людьми допоздна. Все они усердно накачивались вином. Есть никому уже не хотелось, хотя на огромном, сплошь покрытом щербинами столе по-прежнему стояло блюдо с наполовину обглоданной бараньей ногой, а рядом лежало полбуханки хлеба. Горожане, которые заглянули в таверну, чтобы скоротать вечерок, давно разошлись по домам; хозяин отослал слуг спать, а сам остался за стойкой. Его клонило ко сну, он то и дело зевал, но вовсе не сердился на загулявших посетителей, ибо те проявляли столь редкую для «Головы вепря» щедрость. От студентов, которые порой заходили в таверну, было больше шуму, чем прибыли, а горожане, как правило, не давали себе воли; к тому же «Голова вепря» располагалась на одной из многочисленных боковых улочек, поэтому торговцы вроде Лоуренса Бекетта были в ней нечастыми, но всегда желанными гостями.

Дверь распахнулась, и в залу вошел монах. Он постоял, привыкая к царившему внутри полумраку, потом огляделся по сторонам. Хозяин за стойкой весь подобрался. Чутье подсказало ему, что появление этого посетителя сулит мало хорошего. Помимо всего прочего, святые отцы вообще не баловали таверну своим вниманием. Монах выждал мгновение-другое, похоже, справился с сомнениями, подобрал рясу, чтобы не волочилась по полу сего прибежища скверны, и направился

в тот угол, где сидел за столом Лоуренс Бекетт. Подойдя поближе, он остановился и посмотрел Бекетту прямо в глаза. Тот ответил ему вопросительным взглядом. Монах промолчал.

— Элберт, — позвал Бекетт, — налей-ка этой ночной пташке вина. Когда еще придется чокнуться с человеком, который носит рясу?

Элберт наполнил стакан и, повернувшись на стуле, протянул его монаху.

— Мастер Бекетт, — сказал монах, — мне надо поговорить с вами наедине.

— Ну конечно, — Бекетт растянул губы в улыбке, — конечно. Но наедине не получится. Мои люди со мной заодно, и то, что предназначено услышать мне, годится и для их ушей. Элберт, подай нашему гостю стул.

— Нет, — возразил монах, — только наедине.

— Ладно. Давайте, ребята, пересаживайтесь за другой стол. Если хотите, можете прихватить с собой свечу.

— Мне кажется, вы смеетесь надо мной, — заметил монах.

— Ну да, — согласился Бекетт. — А что, нельзя?

Монах сел на стул рядом с Бекеттом, осторожно поставил на стол стакан с вином и стал наблюдать, как перебираются в другой угол спутники торговца.

— И какую же тайну ты хочешь мне открыть? — справился Бекетт.

— Прежде всего, я знаю, кто вы такой на самом деле. Знаю, что вы никакой не торговец.

Бекетт молча разглядывал его.

— Я знаю, — продолжал монах, — что вы пользуетесь влиянием среди служителей церкви. В благодарность за услугу, которую я вам окажу, будьте добры, замолвите за меня перед ними словечко. Ведь вам это ничего не стоит.

— Что за услуга? — спросил Бекетт, сразу посерьезнев.

— Речь идет о манускрипте, украденном из университетской библиотеки всего лишь час назад.

— Ну и что?

— Он был спрятан в старинной и мало кому известной книге.

— Ты знал о нем? Знал, что там написано?

— Я видел, как вор доставал его из книги. А что там написано, я могу только догадываться.

— Что за книга?

— Очень древняя. Ее написал некий Тэйлор, который странствовал по Пустынному Краю.

— Я слышал про Тэйлора и про находки, которые он якобы сделал. — Бекетт нахмурился. — Надо же, его книга.

— Редкая вещь. Ее скопировали всего лишь однажды, и в нашей библиотеке как раз копия.

— Ты читал ее, сэр монах?

— До сих пор она не представляла для меня интереса, — проговорил монах, пожимая плечами. — Мне и без нее хватает что читать. К тому же рассказам путешественников не стоит особенно доверять.

— Как по-твоему, чем ценен манускрипт?

— Наверно, чем-то он ценен, коль его так хитроумно спрятали. Иначе зачем было запихивать его под переплет?

— Интересно, — пробормотал Бекетт, — очень интересно. Однако загвоздка в содержании.

— Если в нем не будет ничего важного, значит, вы ничем мне не обязаны. Но я готов поспорить, что это не так.

— Играем по-честному?

— Да, — согласился монах, — по-честному. Манускрипт украл книжник по имени Марк Корнуолл. Он живет на чердаке в меблированных комнатах на углу Королевской улицы и улицы Плотников.

— Кто он такой? — спросил Бекетт.

— Не слишком приятный человек, явился сюда откуда-то с запада. Был прилежным студентом, разве что чересчур мрачным. Друзей у него нет. Перебивается с хлеба на воду. Все его сокурсники разъехались, а он остался. Мне думается, потому что хочет больше узнать о Древних.

— Что значит «больше»?

— Он считает, что они до сих пор живы. Изучил их язык — то, что именуется у нас их языком. В библиотеке хранятся учебники, и он все их проштудировал.

— А зачем ему Древние?

— Не знаю. — Монах покачал головой. — Мы с ним незнакомы, так, разговаривали пару раз. Наверно, любопытство ученого. Или что-то еще.

— Быть может, он полагает, что Тэйлор мог писать про Древних?

— Возможно. Все возможно. Я не читал той книги.

— Итак, манускрипт у Корнуолла. Наверняка он его припрятал.

— Вряд ли. Во всяком случае, недалеко. У него нет причин опасаться за свое сокровище. Он уверен, что его никто не видел. Я позволил ему уйти, так что он и не подозревает, что его уличили в краже.

— А не кажется ли тебе, сэр монах, что этот наш ученый и ловкий приятель чем-то смахивает на еретика?

— То решать не мне, а вам, мастер Бекетт. На мой взгляд, еретики окружают нас со всех сторон, но, чтобы изловить их, нужен острый, проницательный ум.

— Ты сказал, что еретики повсюду, или мне послышалось?

— Вам слышалось.

— Хорошо, — заметил Бекетт, — а то и университет, вернее, его библиотека, может подпасть под подозрение из-за книг, которые стоят на ее полках.

— Уверяю вас, книги не опасны. Мы используем их против еретиков.

— Хорошо, — повторил Бекетт, — твоего слова мне достаточно. Что же касается остального... Ты сумеешь добыть манускрипт и передать его нам?

— Мне страшно, — пробормотал монах с дрожью в голосе. — Я извещал вас, а дальше уже не мое дело.

— А чье? Мое?

— Мне так показалось. Поэтому я к вам и пришел.

— Откуда ты узнал о том, что мы в городе?

— У стен есть уши. Мало что проходит незамеченным.

— А ты, надо полагать, ловишь каждое словечко?

— Привычка, — признался монах.

— Что ж, — сказал Бекетт, — договорились. Если пропажа найдется и окажется сколько-нибудь ценной, я позабочусь о тебе. Хорошо?

Монах кивнул.

— Чтобы сделать это, мне нужно знать, как тебя зовут.

— Брат Освальд.

— Я запомню твое имя, — произнес Бекетт. — Допивай вино, а мне пора. Ты сказал, на углу Королевской и Плотников?

Монах кивнул и потянулся за стаканом. Бекетт подошел к своим людям, переговорил с ними, потом вернулся обратно.

— Ты не пожалеешь, что доверился мне, — заявил он.

— Я надеялся на вас, — отозвался брат Освальд. Он опорожнил стакан и поставил его на стол. — Мы еще встретимся?

— Нет — если только ты не разыщешь меня снова.

Монах подобрал рясу и направился к двери. На улице было темно: луна спряталась за крыши соседних домов. Монах ступил на мостовую и осторожно двинулся вперед. Внезапно в дверном проеме за его спиной блеснуло лезвие ножа. Монах рухнул навзничь. Пальцы его цеплялись за камни мостовой, из горла хлестала кровь. Потом он затих.

Тело нашли утром, когда встало солнце.

Глава 4

Болотный Джиб поднялся еще до рассвета. Он всегда вставал рано; к тому же сегодня предстояло многое сделать. Ведь именно к сегодняшнему дню гномы обещали изготовить новый топор, который был ему ох как необходим, ибо лезвие старого затупилось настолько, что его, как ни старайся, уже невозможно было наточить. Обычно утренники в эту пору года выдавались туманными, но сегодня лишь несколько клочьев тумана висело над островком, на котором обитатели болота добывали лес. На восток и на юг болото — то бурое, то серебристое, заросшее камышом и травой, — тянулось до самого горизонта. В чистых заводях плескались утки, мимо Джиба проплыла, оставляя за собой расходящийся след на воде, ондатра; где-то в отдалении подала голос цапля. С запада и севера болото ограничивали холмы, на которых росли дубы, клены, гикори и другие деревья. Некоторых из них уже коснулись первые краски осени.

Джиб поглядел в сторону холмов. Там, в лесном краю, жил его добрый друг, Хэл из Дерева-с-дуплом. Каждое утро, если, конечно, на болото не наползал туман, Джиб выходил из дома, поворачивался лицом к холмам и, напрягая зрение, пытался разглядеть дерево Хэла, но на таком расстоянии все деревья казались одинаковыми. Жаль, но сегодня заглянуть к Хэлу не удастся: ведь после того как он заберет топор, нужно

будет навестить старого отшельника, который укрылся от мира в пещере среди холмов. Последний раз они со стариком виделись месяц с лишним тому назад. Джиб скатал шерстяное одеяло и вместе с набитой гусиным пухом подушкой сунул его в хижину, что стояла посреди плота. Если позволяла погода — то есть если не было холодно или не шел дождь, — он предпочитал спать на свежем воздухе. На носовой части плота лежала железная пластина, и на ней Джиб развел огонь: он чиркнул кресалом, и искра воспламенила пучок сена и трут.

Когда костер разгорелся, Джиб пошарил рукой в садке, что покачивался, привязанный к бревнам, на воде рядом с плотом, извлек оттуда рыбину, прикончил ее одним ударом ножа, быстро очистил и нарезал на куски, которые бросил на сковородку, стоявшую над огнем на специальной подставке.

Царившую на болоте тишину нарушало только негромкое кряканье уток; порой слышался короткий всплеск — то выпрыгивала из воды какая-нибудь рыба. «По утрам, — подумалось Джибу, — здесь всегда так тихо. Зато потом в камышах примутся браниться дрозды, зашелестят над головой крылья водоплавающих птиц, раскричатся горластые чайки...» Небо на востоке посветлело, и стали видны прежде неразличимые детали пейзажа. Вдалеке проступила из мрака рощица ив, росшая по гребню возвышенности, что отделяла болото от реки. Пара рогозов у берега подрагивала на ветру, покачивая бурыми головками.

Джиб поел прямо со сковороды. По воде побежала рябь. «Интересно, — подумал он, — каково это — жить на твердой земле, которая неподвижна в любое время года?» Сам он, сколько себя помнил, всегда жил на плоту, а тот замирал в неподвижности лишь тогда, когда болото одевалось льдом. Кстати, о холодах: пора готовиться к зиме. Надо будет накопить побольше рыбы, запастись корнями и травами, изловить несколько ондатр и сшить из шкур шубу и, конечно, нарубить дров. И тут ему никак не обойтись без нового топора.

Он сполоснул сковороду, потом уложил в лодку узелки, которые увязал накануне вечером. В них были сушеная рыба и дикий рис — дары для гномов и для отшельника. Поразмыслив, он прихватил с собой и старый топор: металл пригодится гномам в любом слу-

чае. Перебравшись в лодку, Джиб взял весло и двинулся в путь. Греб он медленно и осторожно, ибо хотел подольше насладиться утренним покоем. Солнце поднялось над холмами, и в его лучах засверкали первые краски приближающейся осени.

У самого берега Джиб заметил плот, уткнувшийся носом в прибрежные камыши. На его корме сидел, чиня сеть, старый болотник. Увидев Джиба, он приветственно махнул рукой. Джиб узнал старика Друда и удивился: что он тут делает? Ведь говорили, что Друд обосновался на берегу под ивами. Джиб причалил к плоту и зацепил-ся за него веслом.

— Давненько не виделись, — сказал он. — Когда ты перебрался сюда?

— На днях, — ответил Друд. Он бросил сеть, подошел к краю плота и присел на корточки рядом с лодкой. «А он стареет», — подумал Джиб. Друда всегда называли стариком, даже в зрелом возрасте, но теперь прозвище, похоже, соответствовало наружности: Друд поседел. — Решил вот пособирать дровишек. У нас там одни ивы. а они, ты знаешь, горят не очень.

Из хижины показалась матушка Друд.

— Значит, мне не померещилось, — проговорила она высоким, визгливым голосом. — Сдается мне, к нам пожаловал молодой Джиб. — Зрение у нее было слабое, и, рассматривая гостя, она сильно щурилась.

— Здравствуйте, матушка Друд, — сказал Джиб. — Я рад, что мои соседи — вы.

— Ну, мы вряд ли задержимся, — сообщил Друд. — Нам бы только дровишек набрать.

— Но запас-то у вас есть?

— Веточка-другая, может, и заваялась. Тяжело, помогать некому, детишки все сами по себе. А я уже не тот, что раньше.

— Да и страшно, — прибавила матушка Друд. — Говорят, тут полно волков.

— А топор на что? — спросил Друд. — Ни один волк и близко не подойдет, пока у меня в руках топор.

— Выходит, вы вдвоем, — сказал Джиб. — А где же Элис с Дейвом?

— Элис вышла замуж три или четыре месяца назад, — ответил Друд. — За паренька с южной оконечности болота. А Дейв построил свой плот. Он у нас

с руками, обошелся и без моей помощи. Плот у него получился просто отличный. Он уплыл на восток. Нет, они с Элис нас не забывают, навещают иногда, но...

— Эля хочешь? — спросила матушка Друд. — Да, а может, ты не завтракал?

— Спасибо, матушка Друд, я завтракал, но вот от кружечки эля не откажусь.

— И мне тоже, — вмешался Друд. — Негоже Джибу пить одному.

Матушка Друд заковыляла обратно в хижину.

— Такие дела, — проговорил Друд. — Дрова достаются нелегко, но я худо-бедно справляюсь. А лес тут хороший, сплошь дубы да клены, и все сухие, хоть бери да сразу в огонь. Да, сушняка навалом. Порой, правда, останавливаются на ночевку путники, но что они там сожгут — всего ничего, так что это ерунда. А на холме, чуток подальше, валяется гикори. Древесина, скажу я тебе, первый сорт. Такая не часто попадаетесь. Жаль, идти далеко...

— Сегодня я занят, — сказал Джиб, — но завтра и послезавтра я могу вам помочь.

— Не стоит, Джиб. Сам справлюсь.

— Зачем надрываться? И потом, гикори мне тоже не помешает.

— Ладно, уговорил. Спасибо тебе большущее.

— Не за что.

— Я и себе плеснула, — заявила матушка Друд, вернувшись с тремя кружками эля. — Все-таки гостей мы принимаем редко. С вашего разрешения, я присяду.

— Джиб поможет мне завтра, — сказал Друд. — Мы с ним пойдем за гикори.

— Хорошее дерево, — одобрила матушка Друд.

— Мне должны сделать новый топор, — сказал Джиб. — Старый совсем никуда не годится. Его еще подарил мне отец.

— Твой, я слышала, живут у Лощины Енота, — проговорила матушка Друд.

— Да, они там уже давно, — кивнул Джиб. — Не плохое местечко: деревья, рыбалка, без счета ондатр, заводь, в которой растет дикий рис. Я думаю, переселиться им не захочется.

— А топор тебе делают гномы? — спросил Друд.

— Они самые. Долго возятся. Я говорил с ними еще прошлым летом.

— Умельцы они на диво, — заметил Друд рассудительно. — А металл у них просто загляденье. И то сказать, жила-то вон какая богатая. Торговцы покупают у них все без разбора. Знаешь, про гномов каких только слухов не ходит, в чем только их не обвиняют, но с нашими гномами нам повезло. Не представляю, как бы мы обходились без них. Сколько раз они нас выручали.

— Чего ж соседям не ужиться, — обронила матушка Друд, — коль они не держат зла друг на друга.

— Гномы не наши родичи, матушка, — напомнил ей Друд.

— Ну и что? — сказала она. — Они живые существа и не так уж сильно отличаются от нас. Во всяком случае, гораздо меньше, чем мы — от людей. Конечно, не то что Народ Холмов, но все же...

— Главное то, — заявил Друд, — что мы все как-то уживаемся друг с другом. Взять хотя бы нас с людьми. Они вдвое выше нас, у них гладкая кожа, а у нас мех, они умеют писать, а мы нет. Они покупают вещи за деньги, а мы обмениваем одно на другое. У людей много такого, чего нет у нас, но мы не завидуем им, а они не презирают нас. В общем, пока мы уживаемся, все в порядке.

— Мне пора, — сказал Джиб, допивая эль. — До гномов дорога длинная, а мне надо навестить отшельника.

— Я слышал, ему приходится тяжело, — проговорил Друд. — Стареет, ничего не поделаешь. Сдается мне, он почти такой же старый, как холмы.

— Ты заглянешь к отшельнику? — переспросила матушка Друд.

— А то ты не слышала, — буркнул Друд.

— Подожди минутку. Я хочу кое-что ему передать. Пошлю ему дикого меда. Мне подарил его Народ Холмов.

— Он обрадуется, — сказал Джиб.

Матушка Друд исчезла в хижине.

— Я вот все думаю, — произнес Друд, — чем он живет? Сидит себе на холме над своей пещерой, никуда не ходит, ничего не делает.

— Его навещают, — отозвался Джиб. — Он раздает лекарства — от живота, от горла, от зубов. Но некоторые идут к нему не за лекарствами, а чтобы поговорить.

— Да, пожалуй, гостей у него хватает.

Матушка Друд возвратилась со свертком и вручила его Джибу.

— Ждем тебя к ужину, — сказала она. — Не беда, если припозднишься, чем-нибудь я тебя все равно накормлю.

— Спасибо, матушка Друд, — поблагодарил Джиб.

Он оттолкнулся от плота и направил лодку по протоке. Из камышей стаями вспархивали дрозды; они кружили у него над головой, неумолчно переругиваясь между собой.

От кромки воды берег круто уходил вверх. На краю болота росли огромные деревья, простиравшие ветви над трясиной. Один дуб-великан стоял так близко к воде, что его корни, с которых со временем смыло всю землю, торчали из земли словно растопыренные пальцы. Джиб привязал лодку к одному из корней, перекидал на сушу узелки и топор и выбрался сам. Закинув узелки за спину и подобрав топор, он двинулся по еле заметной тропинке, которая уходила в ложину между двумя холмами. Вскоре тропинка сделалась более утоптанной: здесь ходили торговцы, которые направлялись к пещерам гномов.

Над болотом по-прежнему носились с криками дрозды, но чем глубже Джиб забирался в лес, тем тише становилось вокруг. Шелестела на ветру листва да слышался порой глухой стук — то ударялся о землю упавший желудь. Раньше поутру на ветвях цокали белки, но сейчас они приумолкли и лишь сновали по стволам едва различимыми тенями, добывая себе пищу.

Подъем был достаточно крутым. Джиб остановился, чтобы перевести дух, и привалился к замшелому валуну. Лес ему не нравился. Он покинул болото несколько минут назад, но уже начал по нему скучать. Лес был мрачным и таинственным, в нем легко заплутаться, тогда как на болоте всегда можно определить, где ты находишься. Нет, лес ему был не по душе.

Глава 5

— Так ты пришел за топором? — спросил гном Плакси.

— Если он готов.

— Разумеется, готов, — буркнул Плакси. — Мы делали его еще вчера. Однако сядь посиди. Сюда не так-то легко забраться, даже тому, кто молод.

Ниже зева пещеры на склоне холма громоздилась куча земли и шлака. Она наполовину погребла под собой глубокий овраг. Вдоль нее бежала укатанная дорожка, что обрывалась у рудникового отвала. Куча была настолько древней, что сквозь нее проросли и достигли весьма приличной высоты деревья; некоторые из них нависали над оврагом под самыми невообразимыми углами. В глубине пещеры, которая достигала сердца холма, метались блики пламени. Оттуда доносился грохот кузнечных молотов.

Плакси провел Джиба в боковое ответвление пещеры, уходящей к руднику.

— Здесь, — сказал он, — мы сможем спокойно поговорить, и шум не будет нам помехой. К тому же мы избежим опасности угодить под колеса какой-нибудь тачки.

— Копченая рыба, — проговорил Джиб, кладя один из своих узелков на тянувшуюся вдоль стены пещеры полку, — и кое-что еще. А другой для отшельника.

— Я не видел его много лет, — сказал Плакси. — Вот, возьми стул. Я недавно обил его новой овечьей шкурой. Очень удобно.

Джиб сел на указанное место, а гном устроился напротив.

— Вообще-то, — признался Плакси, — я был у отшельника всего только раз, заглянул, так сказать, на огонек. Принес ему пару серебряных подсвечников и больше не ходил. Мне показалось, что я смутил его. Во всяком случае, ему было не по себе. Он, конечно, промолчал...

— Он добрый человек, — заметил Джиб.

— Мне не стоило этого делать. Понимаешь, прожив столько лет в краю людей, вдосталь наобщавшись с ними, начинаешь забывать о разнице между собой и человеком. Но для отшельника, да и для многих его сородичей, я — осколок иного мира, к которому они не принадлежат и к которому в большинстве своем относятся с неприязнью и даже злобой. Я полагаю, не без основания. Целые эпохи люди и существа из моего мира жестоко воевали друг с другом, не ведая жалости и, сдается мне, частенько забывая о чести. Вот потому-то отшельник, который, как ты говоришь, добрейший из людей, и не знал, как ему себя со мной держать. Разумеется, он понимал, что я — существо безобидное и ничем не угрожаю ни ему самому, ни его сородичам, и все же беспокоился. Будь я, скажем, бесом или каким-нибудь демоном, он бы сразу сообразил, что делать. Святая вода, молитвы и все такое прочее. Но я же не бес, хотя и состою, с его точки зрения, в родстве с дьяволом. Словом, все эти годы я жалел, что навес-тил его.

— Но подсвечники он взял? — спросил Джиб.

— Взял и поблагодарил меня. Он слишком хорошо воспитан, чтобы швырнуть их мне в лицо. А взамен подарил мне отрез расшитой золотом ткани. Наверно, ее оставил ему какой-нибудь гость из благородных. Откуда у отшельника деньги, чтобы купить такую роскошь? А меня долго мучила совесть: я все думал, что мне надо было отказаться от столь дорогого подарка. По правде говоря, я так до сих пор и не решил, что мне делать с этим отрезом. Я храню его в сундуке, время от времени вынимаю и люблюсь переливами красок — и все. Пожалуй, я мог бы обменять его на что-нибудь

более полезное, но у меня не поднимается рука. Ведь отшельник подарил мне его от чистого сердца, а подарки не обменивают, особенно если твой подарок — от такого человека.

— По-моему, — сказал Джиб, — ты многое навображал. Ну, я имею в виду смущение отшельника. Что касается меня, то я по отношению к тебе подобных чувств вовсе не испытываю. Впрочем, я, естественно, не человек.

— Ты гораздо ближе к людям, чем я, — возразил гном. — В том-то и может заключаться разница... Пойду за топором, — прибавил он, поднимаясь, — и принесу еще одну вещицу. — Он похлопал ладонью по узелку. — Спасибо. Однако мы помогли бы тебе и без него.

— Я давно хотел тебя спросить, — проговорил Джиб, — да все не мог набраться храбрости. Вы ведь ведете учет, так? Вам приносят подношения, а вы открываете кредит. Но те, кто приходит к вам — Народ Болот, Народ Хэлмов, да и многие из людей, — не умеют писать. А вы, получается, умеете?

— Я нет, — ответил гном. — Образованных среди нас можно пересчитать по пальцам. А вот гоблины, пожалуй, умеют, в особенности те, которые ошиваются в университете. Но торговать-то как-то надо, поэтому мы разработали собственную систему учета, которая, кстати говоря, вся построена на честности.

— Да, — подтвердил Джиб, — на честности и до-тошности.

Глакси поднялся, направился в дальний конец пещеры и принялся рыться в сундуках. Вскоре он возвратился, держа топор с рукоятью из древесины гикори.

— Мне кажется, — сказал он, — балансировка в самый раз. Если нет, мы поправим.

— По-моему, все в полном порядке, — восхищенно проговорил Джиб. — А всякую мелочь я и сам поправляю. — Он потер пальцем сверкающую поверхность лезвия. — Прекрасно. Просто прекрасно. Если заботиться о нем, он прослужит мне всю жизнь.

— Тебе нравится? — спросил довольный Глакси.

— Не то слово! — воскликнул Джиб. — Я знал, что могу на вас положиться.

— Острые у него не затупится, если ты, конечно, не станешь рубить камни. Против камней не устоит никакой топор.

— Я буду осторожен. Он слишком хорош, чтобы плохо с ним обращаться.

— А теперь, — сказал гном, — посмотри-ка сюда.

Он сел и положил себе на колено какой-то предмет, завернутый в овечью шкуру. Движения его были исполнены чуть ли не благоговения. Когда с предмета сняли шкуру, он ярко засверкал. Джиб подался вперед.

— Меч!

— Человеческий меч, — сказал Плакси. — Для нас с тобой он чересчур длинный и тяжелый. Меч бойца. Видишь, ни тебе камней, ни других украшений. Честный клинок, такой же, как твой топор. За все то время, что я провел здесь, мы почти не ковали мечей. А среди тех, которые выковали, этот — лучший.

— Он особенный, — произнес Джиб, притрагиваясь к клинку, — из тех, которым дают имена. Знаешь, в старину люди часто называли свои клинки по именам, как лошадей.

— Мы нашли гнездо богатой руды, — продолжал Плакси, — извлекли его и припрятали для особых случаев. Такую руду на пустоки не пускают. Она для специальных заказов, вроде этого клинка и твоего топора.

— Ты хочешь сказать, что мой топор...

— Они с мечом братья.

— Будем надеяться, — проговорил Джиб, — что меч попадет в достойные руки.

— Мы позаботимся, чтобы так оно и случилось, — отозвался Плакси.

— Я принес тебе старый топор, — сказал Джиб. — Он вполне надежен, но вот острие затупилось настолько, что его уже не наточить. Видишь, на нем нет и следа ржавчины. Я подумал, что он, может быть, вам пригодится. Мне за него ничего не нужно. — Он протянул топор гному.

— Хороший топор, — одобрил Плакси. — Твоего отца?

— Он отдал его мне, когда я строил свой плот, — сказал Джиб.

— Тоже наша работа. Хороший топор, но не такой хороший, как новый.

— Мой отец передает вам пожелания доброго здоровья. И мать тоже. Я сказал им, что собираюсь к вам.

— А вы неплохо живете у себя на болоте. Много лет. Если я не ошибаюсь, записей вы не ведете? Значит, ты не можешь подсчитать, сколько именно.

— Мы не умеем писать, — объяснил Джиб. — У нас бытуют только предания, что передаются от отца к сыну. Они, может, и правдивы, — но насколько?

— Твой народ жил на болоте еще до того, как мы, гномы, заселили эти холмы. У нас тоже существуют предания, но, к сожалению, не о вас, а о тех, кто первыми открыл здесь руду и построил рудник.

— Мне пора, — сказал Джиб, вскидывая на плечо узелок. — До пещеры отшельника путь неблизкий, а я хочу вернуться домой до темноты.

— Правильно, — кивнул Плакси. — В этом году что-то много развелось волков, никогда такого не было. Если припозднишься и решишь переночевать у нас, мы с радостью тебя примем.

Глава 6

Поначалу Джиб подумал, что отшельник куда-то ушел, что само по себе было бы достаточно странно. В последние годы, совсем одряхлев, отшельник покидал свою пещеру лишь затем, чтобы набрать кореньев, трав, листьев и коры, из которых приготавливал потом лекарства. Огонь в пещере не горел, и даже дымом не пахло; костер не разжигали уже давно. На грубом трехногом столике возле очага стояла тарелка с высохшим яичным желтком. Джиб вгляделся во мрак.

— Отшельник, — позвал он. Ему вдруг стало страшно, хотя он и сам не мог понять отчего. — Отшельник, ты тут?

Из угла донесся слабый звук, как будто пискнуламышь.

— Отшельник? — повторил Джиб.

Звук послышался снова. Джиб на цыпочках двинулся в угол.

— Я здесь, — пробормотал отшельник.

Его голос был тих, словно шелест листвы. Глаза Джиба привыкли к темноте, и он различил скорчившуюся в углу пещеры фигуру и бледное лицо.

— Отшельник, что случилось?

Джиб нагнулся над человеком. Отшельник лежал, закутавшись до подбородка в одеяло.

— Нагнись пониже, — попросил он. — Мне трудно говорить.

— Ты заболел? — спросил Джиб.

— Я умираю, — произнес отшельник, едва шевельнув губами. — Слава Богу, что ты пришел.

— Тебе что-нибудь нужно? Вода? Суп? Я могу приготовить суп.

— Слушай, — выдавил человек, — молчи и слушай.

— Я слушаю.

— У стены стоит шкаф...

— Вижу.

— Ключ висит у меня на шее. На шнурке.

Джиб послушно протянул руку.

— Нет, подожди.

— Что?

— В шкафу... в шкафу... — Отшельник говорил с трудом. — Книга в кожаном переплете... И топорик... каменный топорик... Отнеси их епископу...

— Какому епископу?

— Епископу Башни. Вверх по реке на север, потом на запад. Спроси... Тебе покажут дорогу...

Джиб терпеливо ждал, но отшельник молчал и даже не пытался что-либо произнести. Джиб протянул руку, нащупал на шее отшельника шнурок, приподнял его голову и снял ключ. Потом опустил голову человека на подушку.

Он подождал, но отшельник не шевелился. Тогда Джиб встал, пересек пещеру, подошел к шкафу и отпер его. Книга в кожаном переплете лежала на полке, а рядом с ней находился топорик, подобного которому Джибу еще не доводилось видеть, — каменный, заостренный на одном конце и гладкий, как будто из металла. Лишь приглядевшись, можно было заметить следы зубила. Кроме того, в шкафу хранились: бритва, ножницы, гребень и маленький фиал с голубоватой жидкостью, наполовину пустой. Джиб взял топорик с книгой и закрыл шкаф.

— Ты взял их? — проговорил отшельник, глядя на него затуманенным взором. — Хорошо.

— Я отнесу их епископу.

— Ты Джиб. Ты бывал у меня раньше.

Джиб кивнул.

— Ты подождешь?

— Подожду. Что я могу сделать? Может, воды?

— Нет. — Отшельник едва заметно покачал головой.

Джиб встал на колени возле убогого ложа. Дыхание отшельника было таким слабым, что грудь его почти не поднималась, а промежутки между вздохами тянулись мучительно долго. Но все же время от времени воздух вырывался из ноздрей человека, и тогда волоски над верхней губой легонько вздрагивали.

— Я стар, — проговорил отшельник, вынырнув из забытья. — Я пережил себя. — И снова погрузился в молчание. Дыхание его было по-прежнему слабым и неровным. Дважды Джибу казалось, что оно пресеклось окончательно, но оба раза он убеждался, что ошибся. — Джиб?

— Да?

— Оставь меня здесь. Когда я умру, оставь меня здесь.

Джиб промолчал. В пещере вновь установилась тишина, нарушаемая лишь редким, прерывистым дыханием умирающего.

— Завали вход. Сделаешь?

— Да, сделаю.

— Я не хочу, чтобы волки... — он не закончил фразу.

Джиб молча стоял на коленях у ложа. Какое-то время спустя он поднялся, подошел к выходу и выглянул наружу. Солнце миновало зенит и клонилось к западу. Пещера располагалась достаточно высоко, и из нее видна была та часть болота, которую он покинул сегодня утром. Еще бы чуть-чуть повыше, и он разглядел бы реку.

Джиб вернулся на свой пост. Он попробовал было предаться размышлениям, но обнаружил, что мысли разбегаются. Их было столько, что можно было запутаться. Голова у Джиба шла кругом. На несколько минут он совершенно забыл про отшельника, а когда посмотрел в его сторону, то увидел, что грудь человека больше не вздымается... Он подождал, думая, что снова ошибся. Однако время шло, а отшельник не подавал признаков жизни. Джиб прижался ухом к его груди: сердце не билось. Он приподнял веко: нет, теперь ошибки быть не могло.

Отшельник умер. Но Джиб продолжал сидеть около него, словно надеялся вернуть старика к жизни. Он понял вдруг, что сумятица в мыслях исчезла, что он вновь обрел способность думать. Мог ли он чем-то

помочь человеку? Джиб с ужасом вспомнил, что даже не попытался принести отшельнику воды. Да, он спрашивал, и отшельник отказался, но зачем, зачем было слушаться? Или надо было бежать за помощью? Но куда? К кому? И потом, разве мог он бросить умирающего, разве мог позволить тому умереть в одиночестве?

«Отшельник, — думал Джиб, — был стар и потому не боялся смерти. Может статься, он воспринимал ее как друга». Не далее как этим утром Друд интересовался, чем живет отшельник, и его вопрос остался без ответа. Наверно, жизнь отшельника была не так уж скудна, раз он сумел встретить смерть с таким достоинством. Что ж, у него еще много дел, а день уже клонится к вечеру. Джиб откинул одеяло, сложил отшельнику руки на груди, потом укрыл его одеялом с головой, после чего вышел наружу и принялся искать валуны, которыми можно было бы завалить вход в пещеру.

Глава 7

Хэл из Дерева-с-дуплом перебрался через изгородь и очутился на кукурузном поле. Итак, он в безопасности. Самогонщик с сыновьями на другом конце поля, а собаки отсыпаются под навесом после ночной охоты. Охота была долгой и, судя по всему, безуспешной. Хэл с Енотом полночи напролет прислушивались в своем дупле к звукам погони. Однажды собаки возбужденно затывкали, словно загнали добычу на дерево, однако она, как видно, ускользнула, потому что вскоре погоня возобновилась. Несколько раз в ночи, поблизости от их дерева с дуплом, мелькали огоньки фонарей.

Кукуруза в этом году уродилась отменная. Однако заслуги в том самогонщика и его неотесанной семейки не было никакой — или почти никакой. Почву они мотыжили всего лишь два или три раза, да и то в самом начале, так что между рядами в изобилии выросли сорняки. Тем не менее початки были один другого лучше, и Хэлу казалось, что их гораздо больше, чем обычно. Он забрался в поле на глубину в пять или шесть рядов, так как знал, что с краев кукурузу объедают еноты и белки. Вот почему самогонщик охотится на енотов, вернее, вот как он объясняет свою кровожадность: дескать, нельзя допускать, чтобы кукурузу уничтожали на корню. На самом же деле существовала иная причина: шкурки енотов пользовались спросом. Благо-

даря им, самогону и свинине семейство самогонщика как-то умудрялось сводить концы с концами.

Хэл принялся чистить початки. Двигался он быстро, ибо не желал задерживаться тут дольше, чем необходимо. Он знал, что люди далеко и заняты другим делом, но не позволял себе расслабиться. Очищенные початки один за другим летели в мешок.

На краю поля, нежась в лучах осеннего солнышка, щебетали сойки. В зарослях орешника, снуя по ветвям золотистыми блестками, цокали белки.

«Осень, — сказал себе Хэл, — нравится мне больше остальных времен года». Когда стоят теплые дни, земля под голубым небом начинает плодоносить, и словно чувствуешь ее удовлетворение тем, что продолжительный срок роста наконец завершен. Осень — передышка перед наступлением зимних холодов и выпадением снега. Что ж, в этом году он неплохо запаса на зиму. Он уже набрал орехов и кукурузы, засушил ягод, припас корней и семян. Надо будет выбрать денек и сходить на болото; может, удастся выменять немного копченой рыбы у Джиба, или у старого Друда, или у кого другого из Народа Болот. Неожиданно Хэл сообразил, что с Джибом он не виделся целую вечность. Ничего, скоро они встретятся и вдоволь наговорятся.

Хэл забросил мешок за спину. Тот оказался тяжелее, чем он ожидал: вероятно, он слегка пожадничал. Ну да ладно, свое не тянет. Добравшись до края поля, Хэл остановился и прислушался. Похоже, поблизости никого нет. Он перебросил мешок через изгородь, потом перебрался сам, подхватил мешок и заторопился в лес. Уж в лесу-то его никому не поймать. Лес — его дом. Он знал лес как свои пять пальцев, знал в нем каждый сучок. Спустившись наискось по склону холма, Хэл направился к огромному, полному внутри дубу. По дороге он машинально многое подмечал и запоминал — алые крапинки спелых ягод ариземы, увешанные плодами ветви боярышника, налитые соком виноградины, серебристый блеск сброшенной змеиной шкуры в куче палой листвы.

Где-то через полчаса он добрался до дуба-великана, диаметр которого в основании составлял добрых десять футов. На высоте около двадцати футов в его стволе

зияло душло примерно двух футов в поперечнике. К душлу вела лесенка из вбитых в дерево колышков.

Енота не было. Должно быть, где-нибудь шляется. «Вряд ли он завалился спать в такую рань», — подумалось Хэлу. Он оставил мешок под дубом, взобрался по лесенке, проник в душло и спустился в него еще по одной череде колышков.

Внутри дуб был полым сверху донизу. Толщина стенок душла составляла от силы фут. Когда-нибудь, как догадывался Хэл, могучий порыв ветра опрокинет дерево, и тогда ему придется искать себе новый дом. Но здесь, в лесной чащобе, ветру было не разгуляться, и к тому же дуб защищал каменистый гребень, который разбивал господствовавшие в этой местности воздушные потоки с запада. Полость поднималась над душлом еще футов на двадцать; сквозь щели в ее стенках пробивался солнечный свет. Пол устилала древесная труха, что нападала вниз за века жизни дуба. Близ одной из стен располагался очаг, вдоль других выстроились шкафы и сундуки. Посредине стоял стол со стульями.

— Привет, — произнес голос за спиной Хэла.

Хэл резко обернулся. На кровати сидело незнакомое существо с большими ушами, одетое в поношенные кожаные брюки и старую куртку бутылочно-зеленого цвета, из-под которой выглядывала красная рубашка. На голове у существа был высокий остроконечный колпак.

— Ты кто такой? — спросил Хэл; рука его потянулась к висевшему на поясе ножу. — Если ты хотел меня напугать, то считай, своего добился.

— Я чердачный гоблин из университета в Вайалунинге, — ответило существо. — Меня зовут Оливер.

— Ну что ж, — проговорил Хэл уже спокойнее, — приятно познакомиться. Но что ты тут делаешь?

— Я пришел к тебе, — сказал гоблин, — а тебя дома не было. Оставаться снаружи я боялся. Сам понимаешь, чердачные гоблины...

— И ты забрался внутрь. Тебе повезло, что ты не наткнулся на Енота. Он бы в два счета выставил тебя отсюда.

— Енот?

— Ну да, большой енот, мой друг, который живет вместе со мной.

— А, домашнее животное.

— Не животное, а друг.

— Значит, ты меня прогонишь?

— Да нет, зачем же? Просто ты меня напугал. Ты голодный?

— Немножко, — отозвался гоблин. — У тебя найдется сыр?

— Чего нет, того нет, — развел руками Хэл. — Могу предложить кашу из кукурузной муки или яблоки, запеченные в тесте.

— От каши я бы не отказался.

— Идет. Ею мы и поужинаем. По-моему, у нас должно было остаться молоко. Я беру его у дровосека. Далеко ходить, конечно, но ближе ни у кого коровы нет. А чтобы было сладко — кленовый сироп.

— Здорово, — проговорил гоблин, вращая глазами.

— Вот только разведу огонь. Кажется, угли еще не потухли. А путь тебе выпал неблизкий, мастер гоблин.

— Мой путь был долг и труден, — произнес гоблин. — Мои ноги стерлись, и я чуть было не пал духом. Мне пришлось провести много времени на свежем воздухе, а я к нему непривычен.

Хэл поворошил угли. В глубине очага замерцал красноватый огонек. Хэл сунул туда гнилушек и, нагнувшись, сильно дунул. Над гнилушками взметнулся было язычок пламени, исчез и появился снова. Хэл подбросил в огонь веток.

— Ну вот, — сказал он, усаживаясь на корточки перед очагом, — все в порядке. Надо бы принести кукурузу, ну да успеется. Ты мне поможешь?

— С удовольствием, — откликнулся Оливер.

Хэл подошел к буфету, взял с полки миску и деревянную ложку, которой зачерпнул из сундука за буфетом кукурузную муку.

— Ты сказал, что пришел ко мне.

— Да, мне говорили: «Иди к Хэлу из Дерева-с-дуплом. Он знает все, что творится на свете. Он знает леса и то, что в них происходит». Дровосек объяснил мне, как найти твое дерево. Быть может, это был тот самый дровосек, у которого ты берешь молоко, хотя коровы я, признаться, не видел.

— О чем же ты хотел меня спросить?

— Я ищу человека, — проговорил гоблин. — Книжника по имени Корнуолл. Мне сообщили, что он путешествует с торговцами и идет на север. Мне необходимо его отыскать.

— Почему необходимо?

— Потому что ему угрожает опасность, которой я и не предполагал.

Глава 8

Солнце село, но в лесу было еще достаточно светло. Небо на западе отливало алым, и темнота, что напознала с востока, была пока бессильна справиться со светом.

Джиб торопился. Ему предстояло пройти мимо лишним, а осенью ночь наступает быстро. Тропа вела под уклон, но бежать не получалось — Джиб был вынужден постоянно смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться о камень или торчавший из земли корень. На обратном пути он успел заглянуть к гномам, рассказал Плакси о смерти отшельника, но от предложения переночевать в пещере отказался, так как спешил домой. Он знал, что гномы распространят весть о кончине отшельника и предупредят всех, чтобы не пытались разобрать завал у входа в пещеру, ставшую отшельнику могилой.

Сумерки сгущались. Джиб достиг утоптанной тропинки и начал спускаться к болоту, и тут до его ушей донеслось далекое рычание. Он застыл как вкопанный и прислушался. «Может, — подумалось ему, — мне померещилось?» Однако рычание повторилось; это был полурок, полувовай, к которому примешивались другие звуки — клещанье зубов, треск раздираемого мяса, отвратительное чавканье.

Волки! Волки на охоте! Почти не сознавая, что делает, Джиб взмахнул топором и, крича во все горло, устремился вниз по тропинке. Размышляя позднее над

своим поведением, он пришел к выводу, что ничего другого ему не оставалось. Если бы он попытался убежать или обойти волков стороной, они наверняка учуяли бы его и напали. Однако в тот миг он ни о чем не думал, а просто кинулся на выручку, потрясая своим новым топором.

Густой подлесок внезапно кончился. Тропинка вывела болотника на поляну. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что здесь произошло. На поляне и на дороге громоздились тела — тела людей и лошадей, — а над ними, скаля зубы и рыча, стояли волки, громадные хищные звери, которые мгновенно повернулись навстречу Джибу, оторвавшись от своего гнусного пиршества. Но люди погибли не все: какой-то мужчина, стоя на коленях, сражался с волком, норовя крепче стиснуть горло косматой твари.

Охваченный яростью, Джиб прыгнул вперед и занес над волком топор. Волк попытался увернуться, но не сумел вырваться из рук человека, и топор раскроил ему череп. Судорожно дернув задними лапами, волк упал, а следом за ним повалился ничком и человек. Джиб повернулся лицом к стае. Волки попятились и зарычали. Один из них попробовал подобраться к Джибу справа. Джиб замахнулся топором, и волк проворно отскочил. Всего зверей было то ли восемь, то ли десять; сосчитать точнее не представлялось возможности. Ростом они были с Джиба, их морды приходились вровень с его головой.

Джиб понимал, что долго так продолжаться не может. Сейчас волки выжидают, так сказать, примеряются к нему, а вскоре набросятся разом, собьют с ног и раздерут в клочья. Бежать смысла нет, они без труда его догонят. Значит, выход только один. Издав душераздирающий вопль, Джиб рванулся к самому крупному зверю, которого принял за вожака стаи. Тот не успел уклониться от удара, и лезвие топора рассекло ему плечо. Увидев краем глаза, что на него летит другой волк, Джиб отпрянул; его топор описал в воздухе короткую дугу и вонзился нападавшему в морду. Волк мгновенно испустил дух.

Прочие неожиданно будто провалились сквозь землю. Они растаяли в темноте, и о том, что они тут были, напоминали теперь лишь мертвые тела. Джиб повернулся к человеку, который сражался с волком.

Мужчина лежал лицом вниз. Джиб подхватил его под мышки и потащил на тропинку, что вела к болоту. Человек был тяжел, но Джиб не отчаивался; главное — добраться до болота, пока не вернулись волки. В том, что звери вернутся, у него не было ни малейшего сомнения. Наконец он выбрался на обрывистый берег, потянул что было сил и спихнул человека вниз. Тот с шумом плюхнулся в воду. Джиб сделал еще два-три шага, потом остановился и постарался придать человеку сидячее положение. Что ж, на какое-то время они в безопасности. Вряд ли волки, которых ожидает на поляне столь роскошное угощение, последуют за ними в болото. В любом случае вода должна их отпугнуть.

Человек махнул рукой, словно пытался отогнать Джипа. Джип потряс его за плечо.

— Не падай, — проговорил он, — и не шевелись. Я приведу лодку.

Он знал, что его лодка, длиной всего в шесть футов, не выдержит такой тяжести, но если человек окажется в состоянии использовать ее как опору, то все будет в порядке. Если плот Друда по-прежнему там, где был сегодня утром, далеко плыть не придется.

Глава 9

Небо поражало своей голубизной. Ничто не мешало ему глядеть на небо; оно было единственным, что он мог видеть. Он лежал на чем-то мягком и слегка покачивался; откуда-то доносился звук, похожий на плеск воды. Его так и подмывало повернуть голову, поднять руку, попытаться определить, где он находится, но нечто вроде наития убедило не поддаваться подобным мыслям и не привлекать к себе внимания. Он напряг память и вспомнил страшную морду с оскаленной пастью. Пальцы его как будто до сих пор сжимали волчью шею. Воспоминание походило на кошмар, и он никак не мог понять, произошло ли это на самом деле или всего лишь померещилось.

Сохранять неподвижность стоило немалых усилий. Он попробовал сосредоточиться. Судя по всему, он не там, где на него, в воображении или в действительности, напал волк. Там были деревья, они нависали над дорогой, клонились к ней, а сейчас над ним нет ни веточки. Поодаль раздался хриплый крик. Он осторожно повернул голову и увидел примостившуюся на стебле рогоза птицу, краснокрылого дрозда, который отчаянно цеплялся когтями за растение, стараясь сохранить равновесие. Вот дрозд расправил крылья, распушил хвост, снова хрипло закричал и уставился на него глазами-бусинками. Послышалось шарканье ног. Он приподнял голову. К нему приближалась низкорослая, кругленькая

женщина в клетчатом платье. Если бы не заросшее шерстью лицо, она вполне могла бы сойти за хорошо сложенного карлика. Она подошла и встала рядом. Он уронил голову на подушку и вопросительно посмотрел на свою необычную няньку.

— Я принесла суп, — сказала та. — Раз ты проснулся, голубчик, я накормлю тебя супом.

— Мадам, — выдавил он, — я не знаю...

— Зови меня тетушкой Друд, — перебила женщина. — И не вздумай отказываться от супа. Тебе нужно набираться сил.

— Где я?

— На плоту посреди болота. Здесь тебе ничто не угрожает. Никто не сможет до тебя добраться. Ты с Народом Болот. Знаешь о Народу Болот?

— Я слышал про вас, — пробормотал Корнуолл. — А волки...

— Джиб спас тебя от них. Отбил своим новым топсром, который ему выковали гномы.

— Он... Я имею в виду, Джиб... Он тут?

— Нет, он поплыл за улитками для похлебки. А я пока сварила суп из утки. Ты ешь такой суп? Смотри, в нем мясо.

Матушка Друд заковыляла прочь. Корнуолл оперся на правый локоть и только теперь заметил, что левая рука перевязана. Кое-как усевшись, он прикоснулся к голове — и нащупал повязку. Картина ночных событий становилась все отчетливее. Скоро она, вероятно, станет полной. Корнуолл огляделся по сторонам. По положению солнца на небосводе он определил, что сейчас где-то середина утра. Болото простиралось до самого горизонта. Тут и там из него торчали чахлые деревца, что росли, скорее всего, на неразличимых отсюда островках. Вдалеке выпорхнула из зарослей камыша стая птиц, описала в воздухе идеальную окружность и возвратилась на прежнее место.

В протоку, что вела к плоту, вошла лодка. Ее направлял короткими взмахами весла седоватый болотник.

— Я Друд, — представился он, причалив к плоту. — А ты ничего, бодренький.

— Я вполне здоров, — сказал Корнуолл.

— Тебе здорово досталось, — продолжал Друд. — Голова разбита, а рука прокушена до кости. — Он выбрался из лодки, привязал ее к плоту, потом подошел

к Корнуоллу и присел перед ним на корточки. — Однако считай, что тебе повезло. Все остальные погибли. Мы с утречка пораньше обыскали лес: никого живого. Верно, бандиты, к тому же издалека. Раньше у нас были свои, все шныряли по холмам, но мы их извели, так что это чужие. А что вы везли с собой?

— Не знаю, — покачал головой Корнуолл. — Всякое добро на продажу. В основном, по-моему, ткани. Я не из торговцев, просто путешествовал вместе с ними.

Из-за хижины с миской в руках показалась матушка Друд.

— А вот и матушка, — проговорил Друд. — Несет тебе супчику. Ешь сколько влезет. Силы в тебе совсем не осталось.

— Держи, голубчик, — сказала матушка Друд, протягивая Корнуоллу ложку. — Одной рукой тебе не управиться, так что ты ешь, а я подержу миску.

Суп был горячий и вкусный, и, проглотив одну ложку, Корнуолл понял вдруг, что ужасно голоден. Он попытался вспомнить, когда ел в последний раз, но не смог.

— До чего ж приятно, — заявил Друд, — смотреть на того, кто уплетает за обе щеки.

Корнуолл опустошил миску.

— Может, добавки? — спросила матушка Друд. — У меня полный котелок.

— Нет, спасибо, не надо.

— А теперь ложись, — велела она. — Хватит тебе сидеть. А с Па можно поговорить и лежа.

— Мне не хочется доставлять вам лишних хлопот. Я уйду, как только увижусь с Джибом и поблагодарю его.

— Никуда ты не уйдешь, — возразил Друд. — Ты не в том состоянии, чтобы куда-то идти. И потом, с чего ты взял, что стал для нас обузой? Мы рады приветить тебя.

Корнуолл лег и повернулся на бок, лицом к старому болотнику.

— Чудесное местечко, — сказал он. — Вы давно здесь живете?

— Всю жизнь, — ответил Друд. — До меня тут жили мой отец и отец моего отца, и много-много других. Мы, болотники, не любители бродяжничать. А ты сам-то? Далеко твой дом?

— Далеко, — признался Корнуолл. — Я родом с запада.

— Дикие края, — заметил Друд.

— Да, пожалуй.

— И что, возвращался туда?

— Можно сказать и так.

— Ну и скрытный же ты, — упрекнул Друд. — Лишнего слова из тебя не вытянешь.

— Это потому, что мне особенно нечего рассказывать.

— Ладно, ладно, — буркнул Друд. — Не принимай близко к сердцу. Ну, отдыхай. Джиб вот-вот вернется. — Он встал.

— Минутку, папаша Друд, — окликнул его Корнуолл. — Спасибо за все.

— Отдыхай, парень, — повторил Друд, весело глядя на человека. — Чувствуй себя как дома.

Солнце поднималось все выше и пригревало весьма ощутимо. Корнуолл зажмурился, и тут же перед его мысленным взором промелькнули события прошлой ночи: неожиданное нападение из-за деревьев, дождь стрел, притененный блеск клинков. Все совершалось в тишине, редко кому из умирающих удавалось вскрикнуть до того, как распротиться с жизнью. Благодаря какому стечению обстоятельств он уцелел в этой бойне? Да, над ним занесли меч, он выставил вперед руки, чтобы отвести удар, потом упал... Корнуолл обнаружил, что помнит, как падал с лошади, а как повалился на землю — уже нет. «Быть может, — подумалось ему, — я угодил в кусты у дороги и меня потеряли из виду?»

Раздался глухой стук. Корнуолл открыл глаза. К плоту причалила новая лодка, на корме которой сидел молодой болотник. На дне лодки стояла полная корзина улиток.

— Ты, должно быть, Джиб, — проговорил Корнуолл, усаживаясь.

— Он самый, — отозвался Джиб. — Я рад, что тебе лучше.

— Меня зовут Марк Корнуолл. Мне сказали, ты спас меня.

— Пустяки, я просто вовремя подоспел тебе на подмогу. Ты в одиночку, голыми руками, сражался с волком. Вот это настоящая храбрость! Ты что-нибудь помнишь?

— Так, смутно.

Джиб выбрался из лодки и перетащил на плот корзину.

— Похлебки наварим, — сказал он. — Ты как насчет похлебки?

— Вполне.

— Матушка Друд приготовит ее так, что тебе больше ничего не захочется. — Джиб подошел к Корнуоллу. — Мы с Друдом с утра побывали в лесу. Нашли семь трупов. На них не осталось ни единой ценной вещи — ни ножа, ни кошелька. Срезали все подчистую, утащили весь товар, даже седла с лошадей сняли. В общем, бандиты.

— Не уверен, — возразил Корнуолл.

— То есть?

— Послушай, ты спас мне жизнь, значит, я тебе кое-чем обязан. Друд приставал ко мне с расспросами, но ему я ничего не открыл, а тебе открою.

— Друду можно доверять, — сказал Джиб. — Болотники не выдают чужих тайн. А мне можешь не рассказывать. Зачем мне это знать?

— По-моему, тебе следует знать правду. Я не торговец, я студент университета в Вайалузинге, вернее, был когда-то студентом. Я украд из университетской библиотеки один документ. Мой приятель гоблин посоветовал мне бежать, потому что на этот документ могли позариться другие. Потому-то я отыскал торговцев и заплатил им, чтобы они взяли меня с собой.

— Ты думаешь, кто-то напал на торговцев из-за того, что с ними был ты? Кто-то хотел завладеть документом? Кто-то убил всех, чтобы избавиться от одного тебя? А документ цел?

— Надеюсь, — отозвался Корнуолл. — Сними с меня, пожалуйста, правый сапог. Я одной рукой не справлюсь.

Джиб выполнил его просьбу.

— Теперь, — продолжал Корнуолл, — сунь в него руку.

— Тут что-то есть, — проговорил Джиб, вынул из сапога листок и протянул его Корнуоллу.

Тот осторожно развернул пергамент и показал Джибу.

— Я не умею читать, — сказал Джиб. — Никто из болотников не умеет.

— Здесь написано по-латыни, — объяснил Корнуолл.

— Не понимаю, — пробормотал Джиб. — Они же должны были обыскать тебя.

— Ошибаешься, — возразил Корнуолл. — Они полагают, что документ у них. Я оставил в библиотеке копию.

— Копию?

— Да, но слегка подправленную — там, где речь идет о самом важном. Если бы я изменил больше, они могли бы заподозрить. Мало ли, вдруг кому-то из них было известно содержание документа? Так что они охотились не за пергаментом, а за мной.

— Ты доверился мне, — проговорил Джиб, — но с какой стати? Тебе не следовало этого делать.

— Нет, следовало, — не согласился Корнуолл. — Без тебя я давно был бы уже мертв. Другое дело, что я подвергаю вас опасности. Помогите мне добраться до берега, и я уйду. Если кто-нибудь спросит, скажи, что никогда меня не видел. Не хочу, чтобы вы рисковали из-за меня.

— Нет, — буркнул Джиб.

— Что «нет»?

— Мы не пустим тебя на берег. Никто не знает, что ты здесь. Ты никому не попадался на глаза, а я ни с кем не разговаривал. И потом, твои враги считают ведь, что ты погиб.

— Да вроде бы.

— В общем, ты останешься у нас до тех пор, пока не поправишься. А там иди, куда хочешь, поступай, как знаешь.

— Я не могу задерживаться. Мне предстоит долгий путь.

— Мне тоже.

— Тебе тоже? Я думал, вы никогда не покидаете свое болото. Друд говорил мне...

— Обычно так и есть. Но вон в тех холмах жил старый отшельник. Перед смертью он дал мне книгу и топорик и попросил передать их тому, кого назвал епископом Башни...

— На северо-запад отсюда?

— Да, так сказал отшельник. Вверх по реке, на север, потом на запад. Ты знаешь епископа Башни?

— Слышал про него. Это на границе Пустынного Края.

— Пустынный Край? Ну и ну! Колдовской мир?

— Верно, — проговорил Корнуолл. — Туда-то я и направляюсь.

— Значит, идем вместе?

— По крайней мере, до Башни. Мне дальше.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Джиб.

— Нет, только общее направление. Я смотрел карты, но они не слишком надежны.

— У меня есть друг, Хэл из Дерева-с-дуилом. Он много странствовал по свету, и, наверно, дорога ему известна. Может, он согласится пойти с нами.

— Ты вызвался идти со мной, но подумай вот о чем: одно покушение на меня уже состоялось, а сколько их может быть еще?

— Но тебя же считают мертвым.

— Пока считают. Но вокруг полным-полно любопытных глаз и болтливых языков. Молва о путниках распространяется быстро.

— Если к нам присоединится Хэл, ты сможешь забыть про дороги. Мы пойдем лесом, а там нас мало кто увидит.

— Похоже, тебя не путает...

— Мы, болотники, существа робкие, нам страшно забираться далеко от болота. Честно говоря, я дрожу как осиновый лист. Но с тобой и Хэлом...

— Он хороший друг?

— Хэл — мой лучший друг. Мы ходим в гости, разговариваем. Мы с ним почти ровесники, но он сильнее меня и знает лес. Страх ему неведом. Он крадет с полей кукурузу, обирает сады...

— Судя по твоему описанию, он хороший малый.

— Он такой на самом деле, — заверил Джиб.

— Думаешь, он пойдет с нами?

— Надеюсь. Он не из тех, кто поворачивается спиной к приключению.

Глава 10

— Значит, ты хочешь купить меч, — проговорил гном Плакси. — Зачем он тебе понадобился? Он не для таких, как ты. Ты едва ли сможешь его поднять. Он выкован для человеческой руки, для руки бойца.

— Мы с тобой давние знакомые, — сказал Джиб. — Ты давно знаешь моих соплеменников и Народ Холмов. Могу ли я довериться тебе?

Плакси шевельнул ушами и почесал в затылке.

— Мог бы и не спрашивать. Никто не назовет нас, гномов, болтунами. Мы заняты делом, и распускать языки нам просто некогда. Мы многое слышим, но отнюдь не все передаем дальше. Болтливость может навлечь беду, а этого нам не надо. Тебе ведь известно, что мы, члены Братства — гоблины, эльфы и все остальные, — живем на земле людей только из их милости. Если мы станем излишне любопытны, начнем лезть туда, куда не просят, их терпение быстро истощится. Инквизиция и так шныряет вокруг нас, но не трогает, пока мы ухитряемся оставаться, так сказать, невидимыми. Но стоит нам вылезти на свет, наверняка найдется какой-нибудь доброжелатель, который натравит на нас церковников — и тогда держись. Кстати, то, о чем ты хочешь рассказать, ничем нам не грозит?

— Вряд ли, — отозвался Джиб. — Иначе бы я не пришел к тебе. Мы, болотники, нуждаемся в вас, и долгие годы вы торговали с нами прибыльно и без

обмана. Ты слышал, конечно, о нападении на торговцев две ночи тому назад?

— Ужасно! — воскликнул Плакси. — Вы похоронили их?

— Мы похоронили то, что от них осталось, потом разровняли землю, присыпали ее для отвода глаз хвоей, а мертвых животных оттащили в болото, то есть скрыли все следы происшедшего.

— Правильно, — одобрил Плакси. — Торговцев, разумеется, хватятся, и власти, какие бы они ни были, затеют расследование. Правда, мне думается, они будут действовать спустя рукава, потому что здесь пограничный край, а его они стараются без крайней надобности не посещать. Если бы они отыскиали доказательства, нам всем пришлось бы плохо. Кому понравится, что в его доме рыскают ищейки?

— Меня смущает только одно, — продолжал Джиб. — Мы не смогли произнести над могилами нужных слов, потому что мы их не знали. Да даже если бы и знали, — кто мы такие, чтобы произносить их? В общем, мы похоронили торговцев без отпущения грехов.

— Они умерли без отпущения грехов, — возразил Плакси, — и потом, это такая глупость!

— Может, и глупость, — ответил Джиб, — но и у нас, и у вас тоже имеются странные обычаи.

— Что возвращает нас к делу, — буркнул Плакси. — Итак, зачем тебе меч?

— Торговцы погибли не все, — сказал Джиб. — Я случайно набрел на того, кто уцелел. Меч нужен не мне, а ему.

— А его собственный что, украли?

— Да, вместе с ножом и кошельком. Убийцы забрали товары и вдобавок ограбили мертвецов. По-моему, его меч был не слишком хорош. Он достался ему от прадеда. Но теперь ему нужен настоящий клинок.

— У меня хватает других мечей.

— Ему нужен самый лучший, — проговорил Джиб, качая головой. — Он идет в Пустынный Край, чтобы разыскать Древних.

— Безумец, — пробормотал Плакси. — С чего он взял, что Древние существуют? Мы, гномы, знаем о них из старинных сказаний. Но даже если он найдет их, — что с того?

— Он хочет поговорить с ними. Он книжник и хочет...

— Никому не дано говорить с ними, — перебил Плакси. — Никто не знает их языка.

— Много лет назад, быть может, несколько тысяч, среди них жил человек, который записал их язык, по крайней мере, отдельные слова.

— Очередная сказка, — хмыкнул Плакси. — Если бы Древним попался человек, они разорвали бы его на кусочки.

— Не знаю, не знаю, — сказал Джиб. — Я повторяю тебе то, что рассказывал мне Марк.

— Марк?

— Марк Корнуолл. Он пришел с запада, а последние шесть лет провел в университете в Вайалузинге. Он украл манускрипт...

— А, так он еще и вор?

— Не столько вор, сколько открыватель. Манускрипт был спрятан и пролежал в тайнике не одно столетие. Если бы не Марк, вполне возможно, что его не нашли бы до сих пор.

— Подожди-ка, — проговорил Плакси. — Ты показывал мне книгу и топорик, которые отшельник велел отнести какому-то епископу. Выходит, ты отправляешься с этим своим Марком?

— Да, — ответил Джиб. — Вдвоем мы доберемся до епископа Башни, но дальше, в Пустынный Край, Марк пойдет один.

— И ты позволишь ему?

— Я хотел бы сопровождать его, но он мне не разрешает.

— Очень разумно с его стороны, — заявил Плакси. — Тебе известно, что такое Пустынный Край?

— Волшебная страна, — отозвался Джиб.

— Верно, последняя твердыня Братства.

— Но вы...

— Да, мы из Братства. Мы уживаемся с вами потому, что здесь — Пограничье. Тут ты можешь встретить людей, но их немного — мельники, дровосеки, угольщики, крестьяне, самогонщики. Человеческие установления, вроде правительства или церкви, нас не затрагивают. Тебе не приходилось бывать в землях к востоку или югу отсюда?

Джиб покачал головой.

— Там таких, как мы, раз-два и обчелся. Они вынуждены скрываться. А многих попросту изгнали, и они ушли в Пустынный Край. Естественно, любви к человечеству они не испытывают. В Пустынном Краю обитают те, кого изгнали, и те, кто никогда не покидал его, те, кто цепляется за старые обычаи, за прежний образ жизни.

— Однако вы ушли.

— Столетия назад гномы-разведчики отыскиали в этих холмах рудную жилу. С начала времен гномы были кузнецами и рудокопами. Поэтому мы переселились сюда. Нас мало, но мы не ропщем. Однако если так называемая человеческая цивилизация распространится и на Пограничье, мы вынуждены будем вернуться.

— Как бы то ни было, люди странствовали по Пустынному Краю, — сказал Джиб. — Марк читал записи одного такого странника.

— Он должен был иметь при себе могущественный талисман, — заметил Плакси. — У твоего друга есть талисман?

— Не похоже. Он ни о чем таком не упоминал.

— Тогда он и впрямь безумен. Ведь он направляется туда даже не за сокровищами, а всего лишь чтобы повидать Древних. Скажи мне, что он будет делать, если наткнется на Древних?

— Тот странник тоже не искал сокровища, — проговорил Джиб. — Он шел туда наудачу.

— Все они чокнутые. Ты уверен, что твоего друга не разубедить?

— По-моему, его уже ничто не остановит.

— Что ж, — вздохнул Плакси, — пожалуй, ему не обойтись без меча.

— Так ты продашь мне клинок?

— Продам? Ты представляешь, сколько он стоит?

— Но у меня же есть кредит, — напомнил Джиб, — у меня и у Друда. Наверняка найдутся и другие, которые пожелают...

— Собери хоть три таких болота, как вон то, внизу, — фыркнул Плакси, — и тебе все равно не хватит кредита, чтобы купить этот меч. Ты знаешь, что в него вложено? Знаешь, сколько на него ушло трудов и колдовства?

— Колдовства?

— Его самого. Или ты думаешь, что такое оружие можно выковать молотом на наковальне?

— Но мой топор...

— Твой топор — всего лишь добротная работа. Колдовства в нем нет.

— Извини, что побеспокоил тебя, — сказал Джиб.

— Ты меня ничуть не побеспокоил, — заявил Плакси, вновь шевельнув ушами. — Ты мой старый друг, и клинок я тебе не продам, а отдам просто так. Ты понял, что я сказал? Отдам просто так. А в придачу ты возьмешь у меня пояс и ножны, потому что, сдастся мне, у твоего разлюбезного дружка нет ни того ни другого. И еще щит, которого он, скорее всего, также не имеет и который ему, несомненно, пригодится.

— Щита у него нет, — подтвердил Джиб. — Он остался вообще безо всего. Но я не понимаю...

— Ты недооценил мою привязанность к Народу Болот. Ты недооценил мою гордость, гордость мастера, чей клинок будет противостоять ужасам Пустынного Края, ты недооценил мое восхищение твоим человеком, который, зная по книгам, что такое Пустынный Край, все же идет туда, преследуя несбыточную мечту.

— Все равно я не понимаю тебя, — сказал Джиб. — Однако спасибо, большое спасибо.

— Сейчас принесу меч.

Плакси поднялся со стула, но не успел сделать и шага, как в пещеру ворвался другой гном, в кожаном фартуке, весь перемазанный сажей.

— У нас гости! — воскликнул он.

— И что? — процедил сквозь зубы Плакси. — Это повод для переполоха? Разве гости — такая уж невидаль?

— Но среди них гоблин!

— Ну и что?

— Ближайшие гоблины обитают в Кошачьем Логове, а до него миль двадцать с хвостиком.

— Приветствую вас, — проговорил Хэл из Деревас-дуплом. — Из-за чего шум?

— Привет, Хэл, — отозвался Джиб. — Я как раз собирался заглянуть к тебе.

— Хочешь, пойдем обратно вместе, — предложил Хэл. — Как поживаешь, Плакси? Познакомьтесь, это Оливер, чердачный гоблин.

— Здравствуй, Оливер, — сказал Плакси. — Объясни мне, пожалуйста, что такое «чердачный гоблин». Я никогда о таком не слышал.

— Мой дом, — ответил Оливер, — находится на чердаке над библиотекой университета в Вайалузинге. Я пришел к вам по делу.

Енот, которого до сих пор не было видно, выбрался из-за спины Хэла, пересек пещеру, вскочил на колени Джибу, ткнул носом ему в шею и легонько укусил за ухо.

— Отстань, — сказал Джиб. — Мне щекотно и даже больно.

Енот как будто не слышал.

— Ты ему нравишься, — заметил Хэл. — Ты всегда ему нравился.

— Нам известно о нападении на торговцев, — продолжал гоблин Оливер. — Честно говоря, я сильно перепугался. Нам хотелось бы узнать подробности.

— Спросите у него. — Плакси ткнул пальцем в Джиба. — Он нашел единственного человека, который спасся.

— Спасся? В самом деле? — Оливер уставился на Джиба. — А ты не знаешь, как его зовут?

— Марк Корнуолл, — ответил Джиб.

— Слава всему, что правит нами, — пробормотал Оливер, опускаясь на пол. — Он здоров?

— Его ударили по голове и поранили руку, но он быстро поправляется. А ты — тот гоблин, про которого он рассказывал?

— Ну да. Я посоветовал ему присоединиться к торговцам, но тогда я еще не знал, с кем связался проклятый монах. Впрочем, он свое получил: ему перерезали горло.

— Что происходит? — спросил Плакси. — Какие-то монахи, убийства... Мне это не по душе.

Оливер кратко пересказал ему историю Корнуолла.

— Я чувствую себя ответственным за него, — прибавил гоблин. — К тому же я и сам оказался замешан...

— Ты упоминал о человеке, с которым связался монах, — вставил Джиб.

— В том-то все и дело, — отозвался Оливер. — Он называет себя Лоуренсом Бекеттом и рядится под бродячего торговца. Мне не известно его настоящее

имя, да оно нам и ни к чему, но я твердо знаю, что никакой он не торговец. Он агент Инквизиции, самый гнусный мерзавец во всем Пограничье.

— Инквизиция, — прошептал Плакси. — Она...

— Вот именно, — перебил Оливер. — Карающая рука церкви, призванная выкорчевывать ересь. Надо сказать, частенько ересь толкуется весьма своеобразно. Когда агенты Инквизиции забываются — а такое случается сплошь и рядом — они переступают через законы, плюют на них. Они видят еретика в каждом, кто попадаетеся им навстречу...

— По-твоему, торговцев убил этот самый Бекетт со своими людьми? — спросил Джиб.

— Я сильно сомневаюсь, что убивали они, но замысел наверняка принадлежит Бекетту. Он просто нанял исполнителей.

— В надежде убить Марка?

— Нападение затевалось с одной-единственной целью — прикончить Марка, а заодно — возможных свидетелей. Судя по твоему рассказу, они дочиста обобрали его и, должно быть, посчитали мертвым. Впрочем, они, может, и не знали, что он — причина всего.

— Но манускрипта они не нашли. Марк спрятал его в сапог.

— Они и не искали. Бекетт думает, что манускрипт у него. Он украл его из комнаты Марка.

— Подделка, — проговорил Хэл. — Копия.

— Совершенно верно, — подтвердил Оливер.

— И ты пришел сюда, чтобы предостеречь Марка?

— Я должен был предостеречь его, но опоздал. В том, что он спасся, моей заслуги нет.

— Мне кажется, — произнес Плакси, — что ключ ко всему лежит в тексте той подделки, которая находится сейчас в руках Бекетта. Ты не поведаешь нам, что там написано?

— Охотно, — отозвался Оливер, — благо мы с Марком сочиняли ее вместе и, помнится, радовались, как хорошо у нас получается. Кое-что нам пришлось оставить, поскольку монах наверняка должен был рассказать тому, кому он передавал информацию, что Корнуолл нашел манускрипт в повествовании Тэйлора о странствиях по Пустынному Краю. Впрочем, на мой взгляд, там полным-полно небылиц. Мне даже не очень

верится, что он бывал в Пустынном Краю. Так или иначе, мы сохранили текст в целости, изъяв из него лишь упоминания о Древних. Вместо них мы вставили сказание, которое Марк вычитал в каком-то старинном фолианте. Там говорится об университете, в библиотеке которого хранятся книги, написанные в незапамятные времена, и прочие, поистине бесценные сокровища. Мы наемкнули вскользь, что этот университет — в Пустынном Краю и что Тэйлор слышал...

— Ты что, спятил? — взревел Плакси. — Ты соображаешь, что натворил? Из всех бредовых идей...

— Извини, — смутился Оливер, — но я что-то не пойму.

— Остолоп! — воскликнул Плакси. — Идиот! Тебе-то уж следовало знать, что такой университет существует в действительности! — Он пристально посмотрел на Джиба, потом перевел взгляд на Хэла. — Вам двоим этого знать не положено, ибо вы не из Братства. Мы берегли тайну как святыню. — Он схватил Оливера за плечи и рывком поднял гоблина на ноги. — Ты что, правда не знал?

— Пощади меня, пощади. Откуда мне было знать? Я всего лишь обыкновенный чердачный гоблин. Кто мог мне сказать? Мы всегда считали его выдумкой.

Плакси отпустил Оливера. Енот тихонько заскулил.

— Никогда раньше, — сказал Хэл, — я не видел тебя таким рассерженным.

— А как тут не сердиться? — пробурчал Плакси. — Глупцы! Кучка глупцов, забравшихся туда, куда им и носа совать не следовало! Хуже того, теперь агент Инквизиции знает то, чего не должен был узнать ни в коем случае. Как по-вашему, что он будет делать? А вот что — отправится прямиком в Пустынный Край! Не за сокровищами, а за книгами. Ведь как только не обласкают того церковника, который найдет древние языческие книги и предаст их огню!

— Может, он не найдет их, — сказал Джиб. — Может, у него ничего не выйдет.

— Разумеется, у него ничего не выйдет, — хмыкнул Плакси. — Его затея обречена на провал. За ним погонятся все чудовища Пустынного Края, и если он и спасется, то по чистой случайности. Но меня тревожит другое: столетиями между людьми и Братством поддерживался мир, каким бы он ни был худым. Но теперь

вспыхнет пожар, все Пограничье окажется охваченным пламенем, и снова начнется война!

— Что-то я совсем зашутался, — проговорил Джиб. — Ты ничуть не возражал против того, чтобы Корнуолл шел в Пустынный Край, называл его безумцем, но не возражал. Ты даже согласился отдать ему меч...

— Видишь ли, мой друг, — пустился в объяснения Глакси, — существует громадная разница между книжником, который идет в Пустынный Край из, скажем так, научного любопытства, и церковником, который угрожает ему огнем и мечом. Книжник, про которого известно, что он книжник, может даже благополучно вернуться. Не то чтобы он будет в полной безопасности, ибо в Пустынном Краю хватает тварей, к которым лично я не испытываю ни малейшей симпатии, однако его станут терпеть, поскольку он не представляет собой угрозы. Если его убьют, то убьют тихо, и никто никогда не узнает, как это произошло. Откровенно говоря, мало кто заметит его появление, так что он вполне может возвратиться живым и здоровым. Чувствуешь разницу?

— Да вроде бы, — отозвался Джиб.

— Итак, что мы имеем? — спросил Глакси. — Тебе предстоит путешествие, к которому вынуждает тебя твоя честь: ты должен доставить книгу и топор епископу Башни. Тебя будет сопровождать твой драгоценный книжник, который затем отправится один в Пустынный Край. Правильно?

— Правильно.

— Ты не собираешься пойти вместе с ним?

— Пожалуй, нет.

— Я собираюсь, — подал голос гоблин. — Я видел начало, если повезет, увижу и конец, каким бы он ни был. Я зашел так далеко, что поворачивать обратно нет никакого смысла.

— Ты говорил мне, что боишься открытого пространства, — вмешался Хэл. — Еще называл это каким-то мудреным словом...

— Агорафобия, — сказал Оливер. — Увы, от нее никуда не денешься. Я дрожу всякий раз, когда выхожу наружу. Небо словно давит на меня. Но я должен идти. Все началось с меня, и я не могу бросить Марка на полпути.

— Ты будешь чужаком, — предупредил Плакси. — Ты принадлежишь к Братству всего лишь наполовину, поэтому будешь в не меньшей опасности, чем человек.

— Знаю, — ответил Оливер, — и все равно иду.

— А что это за разговор о епископе Башни? — спросил у Джиба Хэл. — Впервые слышу, что ты куда-то уходишь.

— Я хотел попросить тебя, чтобы ты показал нам дорогу, — сказал Джиб. — Мы собираемся идти лесом, и я боюсь заблудиться. А ты наверняка знаешь дорогу.

— Я ни разу в жизни там не бывал, — ответил Хэл, — но те холмы мне известны. Нам придется избегать проселков и тропинок, тем более что агент Инквизиции движется в ту же сторону. Очевидно, он пройдет через Пограничье. Пока о нем ничего не слышно.

— Если бы он прошел, — сказал Плакси, — мне бы донесли.

— Когда выходим? — спросил Хэл.

— Ну, не завтра, — отозвался Джиб. — Марку надо подлечиться, и к тому же я обещал помочь Друду с дровами.

— Мне это не нравится, — покачал головой Плакси. — Совершенно не нравится. Ветер предвещает беду. Но если книжник держит путь в Пустынный Край, ему нужен меч. Я обещал ему меч и не нарушу своего слова, ибо день, когда гном откажется от своей клятвы, станет для него черным днем.

Глава 11

Они шли уже пятый день. Солнце пригревало. Листва на деревьях мало-помалу меняла цвет, становилась золотистой, багряной, коричневой или розовой, и от богатства красок невольно захватывало дух. Марк Корнуолл убеждался, что за последние шесть лет кое-что утратил. Замурованный в холодных каменных стенах университета, он забыл о цвете, запахе и прелести осеннего леса и даже не подозревал до сих пор, что он это забыл.

Хэл вел их большей частью вдоль цепи холмов, но время от времени им приходилось пересекать возвышенности или обходить стороной пригорки, на которых стояли невзрачные дома — убогие крестьянские хозяйства. В общем-то, крестьян или, скажем, дровосеков можно было не опасаться, скорее можно было рассчитывать на радушный прием, однако путники решили, что чем меньше они будут попадаться на глаза, тем лучше. Компания наподобие той, что сложилась у них, обязательно привлечет внимание, а слухи расходятся по округе с удивительной быстротой. Спускаясь с гребней холмов в глубокие распадки, они словно попадали в другой мир: мир, где было темно, покойно и тихо. Деревья росли едва ли не вплотную друг к другу, крутые склоны холмов незаметно переходили в скалистые выступы, огромные валуны перегораживали русла многочисленных ручейков. Высоко над головами посви-

стывал ветер, а внизу на него не было и намека. В лесу царила такая тишина, что перепуганное цоканье белки, шнырявшей среди листвы в поисках припасов, отдавалось в ушах раскатом грома и повергало на мгновение в панику, так же как и шум, поднимаемый тетеревом, что срывался вдруг таким сумеречным призраком с какой-нибудь малоприметной ветви.

Ближе к вечеру они принимались подыскивать место для ночлега в одной из лощин. Хэл обычно приводил их туда, где имелась трещина в скалистой породе или где склон холма выдавался немного вперед, образуя уступ, под которым можно было укрыться от непогоды. Они разводили костерок, и тот отгонял ночной холод и тьму и будто оберегал их от леса, что с наступлением темноты словно преисполнялся враждебности. Хэл, опытный следопыт и охотник, добывал по дороге белок, кроликов или тетеревов, которых потом жарили на костре, а на второй день пути ему случилось подстрелить оленя. Иными словами, мяса у них было в избытке, а потому они почти не трогали припасы, которые захватили с собой, — дикий рис, копченую рыбу, кукурузу, то есть то, что не тяжело было нести.

Сидя у костра, Корнуолл всякий раз вспоминал разочарование матушки Друд, когда ей сказали, что прощальной пирушки на все болото не предвидится. Достойная матушка принялась было возражать, но ей объяснили, что такая пирушка обязательно возбудит нездоровый интерес к цели их путешествия, чего следует всячески избегать.

Пять дней светило солнце, а на шестой, где-то наверно с полудня, начался дождь. Сперва он не шел, а лишь моросил, но ветер с запада задувал все сильнее, и под вечер дождь превратился в самый настоящий ливень, капли которого вонзались в лицо точно иголки. Несмотря на все старания Хэла, отыскать укрытие пока не удавалось. Корнуолл шагал последним, за Енотом, который, насквозь промокший, уныло тащился по лесу, подметая хвостом палую листву. Впереди виднелись фигуры Джига и Оливера. Шерсть болотника отливала серебром, он не выказывал ни малейших признаков усталости, тогда как гоблин, судя по всему, с трудом держался на ногах. «А ведь ему здорово досталось, — подумал Корнуолл. — Бегство из Вайалузинга, блуждания в поисках дерева Хэла, этот шестидневный пере-

ход, — жизнь на университетском чердаке не могла подготовить его к подобным испытаниям».

Корнуолл обогнал Енота и тронул Оливера за плечо.

— Садись, — сказал он, указывая себе на загрох. — Тебе надо передохнуть.

— Добрый сэр, — запротестовал гоблин, — в том нет никакой необходимости.

— Я настаиваю.

Корнуолл присел на корточки. Гоблин вскарабкался ему на плечи и обхватил рукой за шею.

— Уф! — выдохнул он.

— Тебе выпала дальняя дорога, — сказал Корнуолл.

— То, что началось в Вайалузинге, — ответил гоблин со смешком, — закончится еще не скоро. Тебе, разумеется, известно, что я иду с тобой в Пустынный Край?

— Я ждал от тебя глупости вроде этой, — буркнул Корнуолл. — По правде говоря, я очень рад.

— Страх потихоньку отпускает, — продолжал Оливер. — Небо страшит меня уже не так сильно. Боюсь, я настолько привыкну к открытому пространству, что оно будет мне нравиться. Хорошенькая привязанность для чердачного гоблина!

— Ужасно, — поддержал его Корнуолл.

Дождь не прекращался. Хэл куда-то исчез. Мало-помалу в лес стала просачиваться темнота. «Нам что, — мысленно спросил себя Корнуолл, — придется идти всю ночь?» Ветер переменялся с западного на северо-западный, но облегчения это не принесло: он сделался холоднее и задувал теперь резкими порывами. Неожиданно из мрака вынырнул Хэл, — он появился словно призрак из тьмы под деревьями. Путники остановились.

— Я учуял запах дыма, — сообщил Хэл, — и отправился на разведку. Сами понимаете, одно дело, если горит древесный уголь или топится печь в крестьянском доме, и другое — если дымит костер, разведенный Бекеттом и его людьми. Когда пахнет дымом, проверка лишней не будет.

— Ты достаточно нас напугал, — хмыкнул Джиб. — Давай выкладывай, что увидел.

— Трактир, — ответил Хэл.

— Да, нам он не подходит, — пробормотал Джиб. — Они ни за что не пустят на ночлег болотника, холмовика, гоблина и енота.

— Зато примут Марка, — возразил Хэл. — Смотри, он весь промок и замерз, и у него болит рука.

— Меня они тоже не пустят, — покачал головой Корнуолл. — За ночлег надо платить, а у меня в кармане ни гроша. И потом, я не соглашусь разлучаться с вами.

— Там есть конюшня, — сказал Хэл. — Когда окончательно стемнеет, мы можем укрыться в ней, а если уйдем до рассвета, никто и не догадается о нашем присутствии.

— Ничего другого ты не нашел? — спросил Корнуолл. — Пещер поблизости нет?

— Нет. Придется нам удовлетвориться конюшней.

Глава 12

В конюшне стояла одна-единственная лошадь, которая тихонько заржала, будто приветствуя ночных гостей.

— Кляча трактирщика, — сказал Хэл. — Кожа да кости.

— Значит, мы здесь одни.

— Точно, — подтвердил Хэл. — Я заглянул в окошко. Трактирщик был вдрызг пьян и швырялся стульями и посудой. Видно, ему не на ком было сорвать свою злость.

— Пожалуй, — произнес Джиб, — даже к лучшему, что мы ночуем в конюшне.

— Я думаю, ты прав, — отозвался Корнуолл. — По-моему, надо подняться на чердак. Похоже, там есть сено, зарывшись в которое мы не замерзнем. — Он попробовал на прочность лестницу. — Кажется, выдержит.

Енот, не дожидаясь приглашения, устремился вверх.

— Он знает, куда бежать, — похвалил своего любимца Хэл.

— Что ж, тогда я пойду за ним, — сказал Корнуолл.

Он поднялся по лесенке, просунул голову в отверстие в потолке и огляделся. Сеновал был не слишком просторным. Енот деловито рылся в грудe сена у стены. Внезапно одна из кип сена вскочила и испустила истошный вопль. Корнуолл одним движением взлетел наверх. Доски пола прогнулись под тяжестью его тела. Восстав-

шая из сена фигура размахивала руками и продолжала вопить. Корнуолла прошиб пот; он воочию представил себе, как мчится к конюшне разъяренный трактирщик, оглашая воздух криками, которые наверняка перебудят всю округу — если в этой глуши есть кого будить. Он прыгнул на фигуру. Та попыталась увернуться, но он схватил ее, притянул к себе и зажал ей ладонью рот. Вопли смолкли, зато на пальце его сомкнулись острые зубы. Он отдернул руку, ударил, не глядя, кулаком и снова прижал ладонь к губам. Нового укуса не последовало.

— Тихо, — проговорил Корнуолл. — Я не причиню вам зла. Вы обещаете не кричать?

Кивок головой, очевидно, выражал согласие. За спиной Корнуолла раздался шорох: по лесенке поднимались остальные.

— Сейчас вы увидите моих друзей, — сказал он. — Они тоже не сделают вам ничего плохого. Пожалуйста, не кричите.

— Что стряслось, Марк? — справился Оливер.

— Здесь женщина. Должно быть, от кого-то пряталась. Так ведь, мисс?

— Да, — ответила она, — я пряталась.

На сеновале было не совсем темно: слабый свет сочился в два крохотных окошка под потолком. Женщина отступила было от Корнуолла, но потом, завидев Оливера, вновь прильнула к нему. Она дрожала.

— Не бойтесь, — сказал Корнуолл. — Оливер — весьма дружелюбный чердачный гоблин. Вы знаете, кто такие чердачные гоблины?

— Тут было еще какое-то животное, — прошептала она, качая головой.

— Енот. Не бойтесь, он не кусается.

— Мухи не обидит, — заявил Хэл. — Настолько добрый, что даже противно.

— Мы беглецы, — объяснил Корнуолл, — или почти беглецы, но все равно не опасные. Это Хэл, а вон там Джиб. Джиб — болотник, а Хэл — холмовик.

— А вы? — спросила она, делая шаг назад. — Кто вы такой?

— Зовите меня Марком. Я студент.

— Книжник, — поправил дотошный Оливер, — не студент, а ученый. Провел шесть лет в университете Вайалузинга.

— Мы искали, где бы укрыться от бури, — продолжал Корнуолл. — В трактир бы нас не пустили, к тому же мы без денег.

— Он пьян, — проговорила девушка, — напился и начал крушить мебель. Хозяйка закрылась в погребе, а я прибежала сюда. Я испугалась, я боялась его с самого первого дня.

— Вы прислуживаете в трактире?

— Да, — сказала она с горечью, — прислуживаю. Девочка на побегушках. Я не вернусь к нему, — прибавила она, садясь на пол. — Мне все равно, что со мной будет, но я не вернусь. Я не желаю тут оставаться. Хозяин вечно пьяный, а хозяйка только и знает, что грозить розгами. Зачем они мне нужны?

— Присоединяйтесь к нам, — пригласил Оливер. — Компания у нас подобралась славная, и мы с радостью вас примем.

— Но мы идем далеко, — предупредил Хэл, — и путь не из легких.

— После трактира все легко, — сказала девушка.

— Там никого? — осведомился Корнуолл.

— Вряд ли кто-то придет в такую ночь. Да и вообще, посетители нас не балуют, так, заглядывают иногда путники, заходят промочить горло дровосеки и угольщики, но у них обычно не бывает денег.

— Значит, — подытожил Джиб, — мы можем спокойно спать до утра.

Енот, который исследовал углы сеновала, вернулся к товарищам и уселся рядом, обернув хвост вокруг задних лап.

— Сторожить будем по очереди, — решил Корнуолл. — Если никто не возражает, я предпочел бы быть первым.

— Ну так вы идете с нами? — спросил у девушки Джиб.

— Не думаю, что это разумно, — сказал Корнуолл.

— Разумно или нет, — ответила она, — я уйду отсюда, как только рассветет, с вами или сама по себе. Здесь я не останусь.

— Пожалуй, — произнес Хэл, — ей лучше идти с нами. Лес — неподходящее место для прогулок, особенно для молодой девушки.

— Если вы пойдете с нами, — сказал Оливер, — нам хотелось бы узнать ваше имя.

— Меня зовут Мэри.

— Кто-нибудь хочет есть? — спросил Джиб. — Могу предложить кукурузные лепешки и грецкие орехи. Чтобы обмануть желудок, хватит.

Хэл жестом велел всем замолчать.

— Что такое?

— Мне почудился какой-то звук.

Они прислушались. Снаружи глухо стучал по крыше и по земле дождь, да завывал в кронах деревьев ветер.

— Ничего не слышу, — сказал Корнуолл.

— Подождите. Вот, опять.

Сквозь вой ветра донесся еле слышный цокот.

— Лошадь, — заявил Хэл, — подкованная лошадь. Это чиркнула о камень подкова.

Звук повторился, к нему добавилось неясное бормотание, затем послышался скрип отворяемой двери, и в конюшне зазвучали голоса:

— Гнусное местечко.

— Все лучше, чем снаружи. Уж слишком бурная выдалась ночь.

— Трактирщик вдребезги пьян.

— Мы и сами найдем себе еду и постели.

Судя по всему, в конюшню завели не одну, а нескольких лошадей. По скрипу кожи можно было догадаться, что с животных снимают седла. Лошади фыркали, одна тихонько заржала.

— Найди вилы и набери наверху сена.

Корнуолл огляделся. Спрятаться было негде. Разве что зарыться в сено. Да — и получить в бок вилами?

— Все сразу, — прошептал он. — Как только он поднимется, кидаемся на него. — Он повернулся к девушке. — Вы поняли? Бегите изо всех сил.

Она кивнула.

Послышался шорох. Корнуолл потянулся за мечом. Мимо него пролетел мохнатый комок. Краем глаза он разглядел Енота: тот прыгнул, растопырив лапы, на человека, голова которого высунулась из отверстия в полу сеновала. Раздался вопль. Корнуолл скатился по лесенке, заметил на полпути, что внизу лежат зубьями вверх вилы, и каким-то образом умудрился не напороться на них. Человек, которому велено было набрать сена, отчаянно сражался с Енотом, а тот нападал, умело пользуясь как зубами, так и когтями. Корнуолл подобрал вилы, и как раз вовремя — от двери к нему

устремились три тени, одна из которых размахивала мечом. Он перехватил вилы поудобнее, а потом швырнул их в противников, выставил перед собой клинок и ринулся в атаку. Щит висел у него на спине, перебрасывать его на руку было некогда. И слава богу, мелькнула у Корнуолла мысль, ведь иначе он не сумел бы схватить вилы и на них наверняка налетел бы кто-то из его друзей.

Один из трех нападавших испустил крик, в котором слышались удивление и боль: вилы вонзились ему прямо в грудь. Корнуолл скорее почувствовал, чем увидел, что над его головой занесен меч, пригнулся и сделал выпад. Его меч погрузился в чью-то плоть, и тут же на плечо Корнуолла обрушился удар, который едва не сбил его с ног. Он шарахнулся в сторону и наткнулся на лошадь. Та дернулась и ударила его копытом в живот. Корнуолл задыхаясь упал на четвереньки. Кто-то подхватил его под мышки и помог встать. Он с удивлением обнаружил, что по-прежнему сжимает в руке меч.

— Уходим! — крикнул кто-то ему в ухо. — Нам с ними не справиться.

Все еще сгибаясь от удара в живот, Корнуолл заставил себя подковылять к двери. Он споткнулся о неподвижное тело, чуть было не потерял равновесие, но устоял на ногах. Ветер швырнул ему в лицо капли дождя, и он понял, что выбрался на улицу. На фоне освещенных окон трактира он разглядел бегущих людей, а справа от себя заметил Хэла: опустившись на одно колено, тот выпускал стрелу за стрелой. Из темноты слышались вопли и проклятия: люди старались извлечь поразившие их стрелы.

— Пошли, — произнес голос Джиба. — Мы все тут. Хэл их задержит.

Джиб взял Корнуолла за руку, развернул его и подтолкнул. Тот побежал; дышать стало легче, и лишь тупая боль в животе напоминала об ударе копытом.

— Стойте, — проговорил Джиб какое-то время спустя. — Давайте разберемся, никто не отстал? Мэри, ты здесь?

— Да, — отозвалась насмерть перепуганная девушка.

— Оливер?

— Здесь.

— Енот? Енот, где тебя черти носят?

— За Енота можешь не волноваться. Он нас догонит.

— Хэл, это ты?

— Я. Они не станут нас преследовать. Им здорово досталось.

Корнуолл плюхнулся на землю. Брюки его мгновенно промокли. Он попытался вложить меч в ножны.

— Вы молодцы, ребята, — сказал Хэл. — Марк прикончил одного вилами, а второго — мечом. Третий повернулся как раз под топор Джиба. Мне совсем нечего было делать.

— Не скромничай, на твою долю тоже осталось, — хмыкнул Джиб.

— И не забудьте Енота, — подал голос Корнуолл. — Он избавил нас от лишнего противника.

— А теперь расскажите мне, как это случилось, — попросил Джиб. — Я не боец...

— Никто из нас не боец, — отозвался Корнуолл. — Что до меня, то я не сражался с оружием в руках ни разу в жизни, так, участвовал в пьяных драках, и не более того.

— Нам нужно идти, — сказал Хэл, — и чем дальше мы уйдем, тем в большей безопасности окажемся. Пойдем без остановок, но особенно спешить не будем, чтобы не налететь в темноте на камень или дерево. Возьмитесь за руки и не разжимайте их. Если кто-нибудь потеряется или упадет, кричите — и мы остановимся.

Глава 13

Притаившись за березой, Хэл внимательно изучал окрестности. Рассвет явил ему печальное зрелище: трактир и конюшня исчезли. На том месте, где они стояли, дотлевали уголья, от которых тонкими струйками поднимался к небу едкий дымок. Дождь прекратился, небо было ясным, но с ветвей до сих пор капало. «А денек-то будет погожий», — сказал себе Хэл. Однако утренник выдался холодным. Хэл скрестил руки на груди и зябко сунул ладони под мышки. Он напряженно прислушивался, но все было тихо. Похоже, опасность миновала. Люди, с которыми они столкнулись ночью, исчезли.

Хэл окинул взглядом местность, высматривая что-нибудь необычное, то, чего не было здесь накануне вечером. Но все как будто осталось таким, как раньше, за исключением сожженных трактира и конюшни. Хэл осторожно выбрался из-за березы, быстро вскарабкался по склону холма к огромному дубу, что рос на его вершине, и взглянул оттуда на возвышенность, которую снизу не было видно. На ней происходило нечто весьма интересное. Громадный серый волк остервенело рыл землю, а двое других сидели рядом и наблюдали за своим собратом. Волк рылся в куче сырой земли, позади него виднелось еще несколько таких же холмиков.

Хэл достал было лук и наложил на тетиву стрелу, но потом передумал. Он решил, что хватит убивать; кроме того, волки заняты обычным делом: под холмиками

находится мясо, и им не терпится его достать. Хэл пересчитал холмики. То ли пять, то ли шесть. Трое погибли в конюшне. Или их было четверо? Если трое, то троих остальных уложили его стрелы. Он состроил гримасу. Что ж, им повезло, что они застали врагов врасплох. А может, если бы они не напали первыми, никакой схватки и не было бы? Ну да ладно, что было, то было, и ничего уже не изменить. Кость была брошена в тот самый миг, когда Енот прыгнул на человека, который взбирался по лестнице. Учитывая все обстоятельства, можно сказать, что они счастливо отделались. Пострадал только Марк: его ударили плашмя клинком по плечу, а затем лошадь лягнула в живот.

Хэл сидел на корточках и следил за волками. Он знал: их присутствие означает, что поблизости никого больше нет.

Наконец он встал и вышел из-за дерева, нарочно загребая ногами палую листву. Волки повернулись в его сторону, вскочили и в мгновение ока словно растворились в лесу. Хэл спустился с холма и направился к тлеющим угольям. От них все еще исходило тепло, что было как нельзя кстати в столь холодное утро, и он задержался немного, чтобы погреться. Издалека донесся крик сойки, среди листьев проشمгнула белка — и снова все смолкло, и воцарился прежний покой.

На земле отпечатались следы, оставленные людьми и их животными. Хэл призадумался над тем, где могут быть трактирщик и его жена. Он вспомнил слова служанки, что хозяйка закрылась от пьяного мужа в погребке. Неужели она продолжала сидеть там даже тогда, когда трактир охватило пламя? Если так, значит, ее тело лежит где-то под угольями, ибо когда дом запылал как свечка, спастись у нее не было ни малейшей возможности.

Он прошел по следам на дорогу. Похоже, что ночные всадники ускакали на северо-запад. Хэл воротился к холму, бросил взгляд на свежие могилы, снова обошел пепелище, гадая, что за люди могли сотворить такое, и опасаясь в душе, что знает ответ на свой вопрос. Он постоял минуту-другую в нерешительности, а затем двинулся по склону холма в том же направлении, в котором умчался отряд воинов. Уши его настороженно ловили звуки, он пристально глядел себе под ноги. В паре миль от того места, где стоял трактир, Хэл обнару-

жил его хозяина, того самого человека, которого видел через окно накануне вечером, когда он колотил посуду и крушил мебель. Трактирщик болтался на короткой веревке на нависавшем над дорогой суку исполинского дуба. Руки его были связаны за спиной, голова неестественно вывернулась набок. Легкий ветерок раскачивал тело взад и вперед. На плече мертвеца примостилась серая с белым птичка: она пила кровь, что бежала струйкой у трактирщика изо рта. «Скоро, — подумал Хэл, — налетят и другие птицы».

Запрокинув голову, он глядел на повешенного. Ему было горько — и страшно.

Оставив мертвеца висеть на дубу, Хэл пошел дальше. Судя по следам, всадники торопились. Лошадиные копыта глубоко впились в грязь, — значит, отряд двигался галопом.

Хэл покинул дорогу и полез на холм. Заблудиться он не боялся, ибо отчетливо помнил все ориентиры, которые наметил себе по пути сюда. Вскоре, миновав бурелом и продравшись сквозь кустарник, он вышел к скалистому уступу, где путешественники устроились вчера на ночлег за несколько часов до рассвета. Чердачный гоблин Оливер и Енот еще спали, тесно прижавшись друг к другу. Трое остальных сидели у края уступа, закутавшись в одеяла. Хэл подошел к ним почти вплотную прежде, чем они заметили его.

— Ты вернулся, — проговорил Джиб. — А мы-то все спорили, куда ты подевался. Ну что, разведем костер?

Хэл отрицательно помотал головой.

— Надо спешить, — сказал он. — Пора уносить ноги.

— Но я набрал хвороста, — возразил Джиб. — Дыму от него будет совсем мало. Мы продрогли и проголодались...

— Надо спешить, — повторил Хэл. — Трактир и конюшня сгорели дотла. Хозяйки я не нашел, а хозяин болтается на дереве. Так что медлить нельзя никак.

— Я разбужу Оливера и Енота, — сказал Джиб, — и тронемся в путь.

Глава 14

Они шли без остановки, не тратя времени ни на отдых, ни на еду. Корнуолл беспокоился за девушку, но та как будто без труда поспевала за остальными; по крайней мере, она не жаловалась.

— Вы, наверно, корите себя за то, что связались с нами, — сказал он, но Мэри лишь покачала головой.

Корнуолл мысленно похвалил ее: молодец, что промолчала, бережет дыхание для утомительных подъемов по склонам холмов и не менее утомительных спусков.

Им пришлось сделать один обход, когда вдалеке показалась хижина дровосека. Наконец, уже под вечер, они остановились на берегу ручья, вернее, прямо в его высохшем русле. Когда-то здесь текла вода и выбила в камне чашу с узким отверстием, куда изливался в незапамятные времена поток. На дне чаши, в самой ее середине, еще стояла крохотная лужица. Путники расположились у стены из песчаника, над которой нависал известняковый выступ, откуда низвергался когда-то водопад, и разожгли костер. До еды, которую они, изголодавшись, проглотили в один присест, разговор как-то не клеился, зато теперь, у огня, можно было и поболтать.

— Ты уверен, — спросил Корнуолл у Хэла, — что это был Бекетт?

— Я не могу утверждать, — отозвался Хэл, — но посуди сам, кто же еще? Торговцы не подковывают своих лошадей, и потом, они гораздо охотнее пользуют-

ся мулами. А у тех, с кем мы столкнулись, были одни лошади. И кто еще, скажи на милость, способен на такие зверства?

— Они же не знали, что трактирщик и его жена ни при чем, — возразил Корнуолл.

— Разумеется, не знали, — согласился Хэл. — Они просто решили заранее, что те виноваты, и все. Хозяина они, должно быть, пытали, а затем, ничего от него не добившись, повесили. Хозяйка же, вполне вероятно, сгорела заживо, когда они подожгли дом. — Он посмотрел на Мэри, сидевшую напротив. — Извините, мисс.

— За что? — спросила девушка, проводя ладонью по волосам. — Мне жаль их, по-человечески жаль, что они умерли такой смертью, но, по совести говоря, они мне никто. Нехорошо так говорить, однако, сдается мне, они пострадали заслуженно. Хозяина я боялась; в моей жизни не было ни мгновения с тех пор, как я пришла в трактир, чтобы я его не боялась. А хозяйка была немногим лучше. Всякий раз, когда я подворачивалась ей под горячую руку, она дубасила меня поленом. Хотите, покажу вам синяки?

— Почему же ты не ушла раньше? — удивился Джиб.

— А куда? — ответила она вопросом на вопрос. — Когда вы нашли меня на сеновале, я уже решила, что сбегу, но куда, по-прежнему не представляла, и тут подвернулись вы.

— Ты говоришь, Бекетт движется на северо-запад, — произнес Корнуолл, обращаясь к Хэлу. — А что если он опередит нас и первым доберется до епископа Башни? Пускай даже он там не задержится, но может настропалить епископа против нас, и мы встретим у него холодный прием, а в худшем случае нас закуют в кандалы.

— Знаешь, Марк, — отозвался Хэл, — по-моему, опасность невелика. В нескольких милях к северу от того места, где повесили трактирщика, дорога разветвляется на две: левая ведет к Башне, а правая — в Пустынный Край. Готов поспорить, что Бекетт выбрал правую. Мне бы, пожалуй, надо было проверить, но я торопился увести вас оттуда.

— Пустынный Край? — переспросила Мэри. — Он направляется в Пустынный Край?

Хэл кивнул.

— А вы тоже идете туда? — поинтересовалась она, оглядывая своих спутников одного за другим.

— Почему ты спрашиваешь? — осведомился Оливер.

— Потому что я, может быть, родилась в Пустынном Краю.

— Что?

— Я точно не знаю, — проговорила Мэри, — не помню. Я была тогда совсем крохотной, и воспоминаний почти не сохранилось. Правда, кое-что в памяти всплывает: большой дом на вершине холма, люди, которые были, наверно, моими родителями, странные товарищи по играм... Однако был ли то в действительности Пустынный Край? Мои родители — не настоящие, а те, что взяли меня к себе и заботились обо мне, — рассказывали, что встретили меня на тропинке, которая бежала из Пустынного Края. Они жили по соседству, двое стариков, очень бедных, и у них никогда не было ребенка, которого они могли бы назвать своим собственным. Они взяли меня к себе и воспитали, а я любила их так, словно они были моими настоящими родителями. — Мэри перевела дыхание, потом продолжила: — Они упорно трудились, но оставались бедняками. Жили они в одиночестве, потому что их домик стоял чуть ли не на границе Пустынного Края, а мало кто из людей рискует селиться в такой близости от него. Но с нами ничего плохого не случалось. Мы сеяли рожь и пшеницу, сажали картошку, растили садик, ходили за дровами в лес, доили корову, но скоро она умерла от ящура, а купить другую не было возможности. Еще у нас были свиньи. Мой отец — я всегда называла его отцом, хоть он им и не был — охотился на оленей и медведей и ставил капканы на пушных зверьков. На меха он выменивал поросят, таких симпатичных маленьких свинок. Мы держали их в доме, чтобы они не достались волкам, до тех пор пока они не вырастали. Я помню: вот отец возвращается домой, а в руках у него поросята. Он приносил их издалека, ведь поблизости не было ни единого хозяйства, кроме нашего.

— И все же вы ушли, — сказал Корнуолл. — Ваша жизнь была счастливой, и все же вы ушли.

— Прошлая зима выдалась морозной и снежной. Мои старики-родители простудились и умерли. Я выживала их как могла, но у меня ничего не получилось.

Первой умерла мама, а на следующий день — отец. Я развела костер, чтобы растопить лед и отогреть землю, и вырыла могилу, одну на двоих. Она получилась мелкой, потому что земля так и не оттаяла. Я не в силах была оставаться там. Понимаете, просто не в силах!

— И вы пришли в трактир, — подытожил Корнуолл.

— Да, — сказала Мэри. — Они обрадовались моему приходу, хотя по тому, как они со мной обращались, этой радости не чувствовалось. Я была молодой и сильной и хотела работать. Но они все равно шпыняли меня.

— Когда мы достигнем Башни, вы сможете передохнуть, — заметил Корнуолл, — передохнуть и решить, как вам быть дальше. Никто не знает, что такое эта Башня?

— Ничего примечательного, — отозвался Хэл. — Старинное укрепление на границе с Пустынным Краем. Когда-то там стоял гарнизон, а сейчас живет один епископ, хотя зачем он там нужен и чем занимается, никому не известно. Быть может, у него наберется двое-трое слуг. Они да пара крестьян — вот и все обитатели Башни.

— Вы мне не ответили, — напомнила Мэри. — Вы идете в Пустынный Край?

— Не все, — сказал Корнуолл. — Я иду. Оливер, по-моему, тоже. Его не удержать, но, будь моя воля, я бы попытался.

— Я наблюдал начало, — заявил Оливер, — и ни за что не пропущу конец.

— Далеко еще? — спросил Джиб. — Сколько нам осталось идти?

— Три дня, — сказал Хэл. — Мы будем у Башни через три дня.

Глава 15

Епископ Башни был стар. «Выглядит он, — подумал Джиб, — моложе отшельника и все-таки дряхлый старец». Ряса, которую он носил, — златотканая, из тончайшего шелка — за долгие годы изрядно пообтрепалась. Впрочем, при взгляде на лицо епископа поншенные одежды как-то сразу забывались. Старца словно окутывал незримый покров доброты и могущества; то был не просто епископ, а епископ-воин. Стоило мысленно слегка подправить его заострившиеся черты, вообразить здоровый цвет кожи и румянец на щеках, и на месте старика возникал вдруг суровый ратник. Седые волосы на голове епископа были столь редкими, что казались случайно прицепившимся к ней пухом, который вот-вот сорвется и улетит, подгоняемый ветерком, проникавшим внутрь Башни сквозь многочисленные трещины в стенах. Огонь в очаге бессилён был справиться с холодом. Комната была обставлена весьма скудно — грубый стол, за которым сидел на колченогом стуле епископ, в углу непритязательное ложе, шаткий обеденный стол со скамьями вдоль него; в самодельном шкафчике стояла дюжина-другая книг, внизу громоздились свитки, некоторые из них были изгрызены мышами.

Епископ взял книгу в кожаном переплете, раскрыл ее и принялся медленно перелистывать страницы. Потом закрыл и отложил в сторону.

— Ты говоришь, мой брат во Христе отошел с миром? — спросил он у Джиба.

— Он знал, что умирает, — ответил тот, — знал и не боялся. Он был таким старым...

— Да, старым, — произнес епископ. — Я помню его с тех пор, когда сам был еще мальчишкой, а он — человеком зрелого возраста. Наверно, ему тогда исполнилось тридцать или около того. Впрочем, я могу ошибаться. Уже тогда он служил Господу. Я в его годы воевал, был капитаном здешнего гарнизона, оборонявшего Пограничье от демонов Пустынного Края. Лишь постарев и расставшись со своими солдатами, которых отозвали отсюда, я стал слугой Господа. Ты говоришь, мой друг пользовался всеобщей любовью?

— Никто не желал ему зла, — сказал Джиб. — Он дружил со всеми: с Народом Болот и Народом Холмов, с гномами...

— Но вы не его веры. Я подозреваю, вы не придерживаетесь никакой веры вообще.

— Знаете, ваша милость, если я правильно понял, что вы имеете в виду, то вы угадали.

— Как это на него похоже! — Епископ покачал головой. — Как похоже! Он никогда не спрашивал у человека о его вере. По-моему, ему было все равно. Даже если его воззрения были ошибочны, он заслуживает уважения. И то, что вы все вместе принесли мне предметы, которые он поручил передать, — лишнее тому доказательство. Только не подумайте, что я вам не рад. Мы всегда рады гостям, они бывают у нас так редко!

— Ваша светлость, — сказал Корнуолл, — по поручению отшельника к вам явился только Болотный Джиб. Хэл из Дерева-с-дуплом был нашим проводником.

— А дама? — спросил епископ.

— Она под нашим покровительством, — ответил Корнуолл с запинкой.

— Вы очень ловко избегаете говорить о себе.

— Мы с гоблином направляемся в Пустынный Край. Что касается Енота, он — приятель Хэла.

— Еноты меня не интересуют, — заметил довольно-таки раздраженно епископ, — хотя я против них ничего не имею. Любопытное создание, этакая мохнатая игрушка.

— Он не игрушка, ваша светлость, — возразил Хэл, — он друг.

Епископ сделал вид, что не расслышал, и обратился к Корнуоллу:

— Вы сказали, в Пустынный Край? Немногие люди ныне отваживаются проникать туда. Позвольте предупредить вас: там небезопасно. Что вами движет?

— Он ученый, — объяснил Оливер, — ищет истину. Он идет туда, чтобы провести исследования.

— Хорошо, — одобрил епископ. — Человеку не пристало гнаться за мирскими богатствами. Искать знания значит угождать душе, хотя, боюсь, ваше стремление к истине будет вам не слишком надежной защитой.

— Ваша светлость, — проговорил Корнуолл, — книга...

— Ах да, книга. Праведная книга и весьма, весьма полезная. Сотни лекарственных рецептов, большинство из которых, я уверен, было до сих пор известно лишь отшельнику. Но скоро о них узнает все человечество.

— Кроме нее, — продолжал Корнуолл, — отшельник послал вам еще один предмет.

— Конечно, конечно. — Епископ как будто смутился. — Я совсем забыл. Увы, старость не радость. Память с возрастом, к сожалению, лучше не становится.

Он взял завернутый в ткань топорик, развернул его — и застыл в изумлении. Потом молча повертел в руках и наконец положил перед собой на стол, поднял голову, оглядел путников и остановил свой взгляд на Джибе.

— Ты знал, что несешь? — спросил он у болотника. — Отшельник тебе рассказал?

— Он сказал, что это ручной топорик.

— А тебе известно, что такое ручной топорик?

— Нет, ваша светлость.

— А вам? — Епископ посмотрел на Корнуолла.

— Да, ваша светлость. Старинный инструмент. Кое-кто считает...

— Знаю, знаю. Таких «кое-кого» всегда хоть пруд пруди, равно как и тех, кто вечно пристаёт с вопросами. Интересно, почему отшельник его хранил, да еще столь бережно, и почему завещал передать мне? Топорик-то не из тех вещей, что подобает иметь слуге Господа. Он изготовлен Древними.

— Древними? — переспросил Корнуолл.

— Да, Древними. Вы никогда о них не слышали?

— Наоборот, их я и ищу! Поэтому и направляюсь в Пустынный Край. Вы можете мне сказать, существуют ли они на самом деле или их выдумали?

— Существуют, — ответил епископ, — и этот инструмент надо им возвратить. Когда-то кто-то, наверно, украл его...

— Я могу взять его, — предложил Корнуолл. — Я возьму его и передам по назначению.

— Нет, — возразил Джиб. — Отшельник доверился мне, а потому я верну топорик...

— Но тебе нет никакой необходимости идти туда! — воскликнул Корнуолл.

— Не было, — поправил Джиб. — Возьмешь меня с собой?

— Я Джиба не брошу, — проговорил Хэл. — Мы с ним дружим слишком давно, чтобы я отпустил его одного навстречу опасностям.

— Похоже, — заметил епископ, — вы все торопитесь умереть, за исключением дамы.

— Я тоже иду, — сказала Мэри.

— И я, — раздался голос от двери.

Услышав его, Джиб резко обернулся.

— Плакси! — воскликнул он. — А ты что здесь делаешь?

Глава 16

Обычно епископ питался скромно — тарелка кукурузной каши или, скажем, ломтик бекона. Умерщвляя плоть, он, как ему казалось, питал дух и одновременно подавал достойный пример своей немногочисленной пастве. Однако, будучи по натуре чревоугодником, он радовался гостям, ибо их прибытие позволяло ему как следует наесться; к тому же проявляемые им радушие и хлебосольство шли во благо матери Церкви.

На столе чего только не было: молочный поросенок с яблоком в пасти, оленина, ветчина, седло барашка, пара гусей, пирог с фазанятиной, сладкие пирожки, горячие хлебцы, огромное блюдо с фруктами и орехами, приправленный коньяком пудинг с изюмом и четыре сорта вина.

Отодвинувшись от стола, епископ вытер губы льняной салфеткой.

— Вы уверены, — обратился он к гостям, — что вам больше ничего не хочется? Мои повара...

— Ваша светлость, — сказал Плакси, — вы нас закармлили. Мы не привыкли к столь обильному угощению, столь обильному и столь вкусному. Лично я роскошнее пиршества не видывал.

— Дело в том, — пояснил епископ, — что к нам редко кто заглядывает. Поэтому мы стараемся принимать путников так тепло, как только можем. — Он откинулся на спинку стула и похлопал себя по животу. —

Когда-нибудь мой аппетит сведет меня в могилу. Как я ни пытаюсь, настоящий церковник из меня не получается. Я истязую плоть, дисциплинирую дух, но меня постоянно снедает голод, который не уменьшается даже с возрастом. Я говорю о голоде в широком смысле слова. Ваша затея представляется мне безумной, но меня так и подмывает бросить все и присоединиться к вам. Должно быть, причиной тому эта башня, в которой обитали в былые времена доблестные воины и творились великие дела. Сейчас на границе царит покой, а ведь не так давно солдаты Империи сражались с существами из Пустынного Края. Башня наполовину развалилась, но я помню ее гордой и неприступной: сторожевая башня, окруженная стеной, которая спускалась к реке. Теперь той стены нет и в помине, ее разобрали по камушку на дома, курятники и изгороди местные жители. Когда-то здесь, в башне и на стене, находились люди, воины, которые отражали набеги тех нечестивцев, что населяют Пустынный Край, но то было давно.

— Ваша светлость, — перебил Плакси, — вы отступаете от истины. В прошлом Братство вполне уживалось с людьми. Но потом те начали вырубать леса, не щадя ни священных деревьев, ни волшебных лощин, начали прокладывать дороги и строить города, и вот тогда возникла вражда. Как же можно говорить о нечестивцах, когда именно люди...

— Человек вправе поступать с землей так, как ему представляется нужным, — провозгласил епископ. — Он обладает божественным правом. А всякие безбожные твари...

— Не безбожные, — возразил Плакси. — У нас были свои священные рощи, которые вырубали под корень ваши топоры, феи танцевали на зеленых лужайках, которые вы потом распахали и превратили в поля. Даже столь безобидные существа, как феи...

— Ваша светлость, — прервал гнома Корнуолл, — боюсь, нам с вами не устоять. Нас, христиан, тут всего двое. Однако остальные — верные, преданные друзья. Я рад, что они вызвались идти вместе со мной, хотя, признаться, меня терзают опасения...

— Полагаю, вы правы, — отозвался епископ добродушнее, чем можно было ожидать. — Не пристало ссориться тем, кто сживал за одним столом, тем более — за таким. Нам и без того хватает что обсуж-

дать, чтобы еще приниматься за выяснение отношений. Значит, сэр книжник, вы ищете Древних из научного любопытства? Должно быть, вы о них читали?

— Это уж точно, — подтвердил Оливер. — Я наблюдал за ним ночь за ночью. Он сидел за столом, изучал старинные манускрипты, брал с полки книги, к которым не прикасались на протяжении столетий, сдувал с них пыль, перелистывал страницы при свете свечного огарка, потому что не мог позволить себе покупать новые свечи слишком часто. Зимой он дрожал от холода, ибо, да будет вам известно, все университетские помещения, и библиотека в том числе, — просто-напросто каменные «мешки», по которым привольно гуляет ветер.

— Так поведайте нам, что вы нашли, — попросил епископ.

— Немного, — ответил Корнуолл. — Предложение тут, другое предложение там, но достаточно — по крайней мере, для меня, — чтобы убедиться в том, что Древние — не совсем миф. Я отыскал книгу, скорее, книжицу, настолько она была тонкая и изобилвала досадными пропусками, которая могла при желании послужить самоучителем языка Древних. Я выучил его, хотя до сих пор не знаю, в самом ли деле это язык Древних. К сожалению, мой запас слов невелик, я не способен передавать собеседнику свои мысли во всей их полноте. Как бы то ни было, я убежден, что человек, составлявший самоучитель, искренне верил в то, что обрабатывает язык Древних.

— А откуда он его узнал? Он ничего не объясняет?

— Нет. Но мне кажется, это не фальшивка.

— Вера, — заметил епископ, — весьма разумное основание для поступка.

— По-моему, да, — отозвался Корнуолл, — однако для других, возможно, нет.

— Что касается меня, — подал голос Оливер, — вера — мое оправдание. Я не желаю до конца жизни оставаться чердачным гоблином и тратить отпущенный мне срок впустую!

— Пожалуй, — произнес Корнуолл, — я тебя понимаю. Знаешь, Оливер, в университете есть что-то такое, что словно проникает в плоть и кровь. Он словно не от мира сего, как будто порожден чьей-то фантазией, где-то даже безумен. Погоня за знаниями стано-

вится самоцелью, которая не имеет никакого отношения к действительности. Но я беспокоюсь за Джиба и Хэла. Может, ты все-таки отдашь мне топор?

— Ты беспокоишься, — сказал Джиб, — и предлагаешь взять у меня топор потому, что ты не знал отшельника. Он столько для нас сделал, а мы так и не сумели его отблагодарить. Мы глядели на утес, у подножия которого он жил в своей пещере, и нам казалось, что само его присутствие избавляет нас от грехов. Иначе я объяснить не могу, уж не обессудьте. Я сидел рядом с ним в его последний час, я закрыл его одеялом, когда он отошел, и завалил вход в пещеру камнями, чтобы не забрались волки. Мне остается лишь одно, и я исполню его просьбу, потому что он доверился не кому-нибудь, а мне.

— Насколько я могу судить, — проговорил епископ, ерзая на стуле, — переубедить вас мне не удастся: вы твердо решили сложить свои буйные головушки. Но мне не понять, почему так настаивает на том, чтобы идти с вами, это милое дитя...

— Ваша светлость, — сказала Мэри, — у меня есть свои причины. Когда я была совсем маленькой, кто-то поставил меня на тропинку, я пошла по ней, и она привела меня к двум старикам, которым я стала дочерью. Я долго думала, откуда же вела та тропинка. Ведь она шла из Пустынного Края...

— Уж не хочешь ли ты сказать, — воскликнул потрясенный епископ, — что родилась в Пустынном Краю? Прости меня, но это же какая-то нелепость!

— Порой, — продолжала Мэри, — мне кое-что вспоминается: старый дом на вершине высокого холма, товарищи по играм, которые просят меня узнать их, но я никак не могу... Я не знаю, кто они, что они такое.

— Тебе не нужно знать, — заявил епископ.

— По-моему, ваша светлость, вы ошибаетесь, — не согласилась Мэри. — Мне нужно это узнать, и я узнаю.

— Пускай идет, — вмешался Плакси. — Хватит к ней приставать, у нее надежные спутники, и, сдастся мне, ее примут любезнее, чем кого-либо из нас.

— А ты, Плакси? — спросил Хэл деланно небрежным тоном. — Собрался навестить родные места?

— Я испугался, что не буду спать по ночам, — фыркнул гном. — Я оказался замешан во всем этом чуть ли не с самого начала. Посуди сам: я выковал тот

меч, которым вооружен книжник, я выковал его не иначе как по велению судьбы. А то почему бы мы набрели на залежи руды? Не забывай, мы наткнулись на богатое гнездо в сносной, однако гораздо более бедной породе. Нет, это гнездо очутилось там неспроста, ибо все в мире происходит неспроста. И я не могу отделаться от мысли, что оно изначально предназначалось для клинка.

— Если так, — сказал Корнуолл, — то меч попал не в те руки. Я не достоин носить его, я не боец.

— Ночью в конюшне ты доказал обратное, — возразил Хэл.

— Что такое? — удивился епископ. — Какая-то конюшня? Вы с кем-то дрались?

— Да, у нас вышла небольшая стычка, — ответил Корнуолл. — Мы не стали рассказывать вам о ней, ваша светлость, поскольку, думается, все считали, что так будет лучше. Мы по-крупному повздорили с человеком по имени Лоуренс Бекетт. Вы слышали о нем?

— Как же, как же, — утрюмо усмехнулся епископ. — Да, более опасного врага, чем Бекетт, вы выбрать не могли, даже если бы очень постарались. Я никогда с ним не встречался, но слухами, как говорится, земля полнится. Он — чудовище в человеческом облике. Что ж, если вы с ним не ладили, пожалуй, вам и впрямь стоит попытать счастья в Пустынном Краю.

— Однако он тоже направляется туда, — заметил Джиб.

— Вот как? — Епископ подался вперед. — Почему же вы не сказали мне этого раньше?

— Отчасти потому, — ответил Корнуолл, — что Бекетт принадлежит к Инквизиции.

— И вы решили, что он пользуется доверием и поддержкой всех служителей Святой матери Церкви?

— Наверно, — пробормотал Корнуолл.

— Церковь многолика, — произнес епископ, — в ней находят приют самые разные люди, просветленные, как недавно опочивший отшельник, и, к сожалению, отъявленные мерзавцы. Она слишком велика, и ей уже не под силу изгонять тех, кто ее порочит; она их не замечает. Среди ее служителей достаточно таких, без кого она вполне могла бы обойтись, и Бекетт — первый из них. Он прикрывает плащом инквизитора свои собственные неблагоприятные делишки, применяет его

для целей скорее политических, нежели духовных. Вы говорите, он направляется в Пустынный Край?

— Нам так кажется, — отозвался Хэл.

— Мы долго жили в мире, — сказал епископ. — Много лет назад гарнизон, стоявший в башне, покинул ее, ибо необходимость в войсках отпала. Десятилетия ничто не нарушало покой, а теперь... Я опасаюсь худшего. Хватит одной искорки, чтобы в Пограничье вспыхнула война, и, вполне возможно, Бекетт окажется той самой искрой. Послушайте меня: сейчас, когда Бекетт бесчинствует где-то по соседству, не время идти в Пустынный Край.

— И все же мы пойдем, — заявил Джиб.

— Тогда ступайте, — сказал епископ. — Похоже, ко мне пожаловала компания помешанных, переубеждать которых — лишь расстраивать себя. Будь я помоложе, я бы присоединился к вам, чтобы среди вас был хоть кто-то здравомыслящий. Но мой возраст и сан не позволяют мне сделать это. Однако я не останусь в стороне. Не годится идти к смерти пешком. Я дам вам лошадей и все остальное, что только понадобится.

Глава 17

Плаксы и Оливер не скрывали своего возмущения. С ними обошлись крайне несправедливо, они очутились в весьма невыгодном положении, их унизили: посадили вдвоем на одну лошадь.

— Взгляните на меня, — сказал Хэл. — Я же не злюсь из-за того, что со мной Енот.

— Он твой любимчик, — проворчал Оливер.

— Нет, — возразил Хэл, — он мой друг. Мы с ним на пару владеем нашим деревом. Мы делим все, что у нас есть.

— Ты взял его к себе, когда мы перебирались через реку, — проговорил Плакси, — чтобы он не промок. Так что он едет с тобой не всю дорогу. По-моему, он вообще не в восторге от езды.

— Лошадь, — стоял на своем Хэл, — такая же моя, как и его.

— Не думаю, что она разделяет твое мнение, — заметил Джиб. — Она выглядит норовистой. Видно, ей еще не приходилось возить на себе енота.

Они пересекли реку вброд, под сенью башни, которая этот брод когда-то охраняла. С другого берега башня и стена, что ее окружала, утратили свою внушительность; они выглядели дряхлыми развалинами, эхом тех времен, когда здесь возвышался оборонительный заслон на пути из Пустынного Края. Стена поросла деревьями, а массивные камни башни едва виднелись

из-под многочисленных плетей дикого винограда. Со стены путникам махали крошечные фигурки, лиц которых на таком расстоянии было уже не различить.

— Может, передумаете? — спросил Корнуолл у Мэри. — Зачем вам рисковать? Нас впереди наверняка поджидает немало опасностей.

— И что я буду делать, если вернусь? — отозвалась девушка, тряхнув головой. — Снова наймусь в служанки? Нет уж, с меня хватит!

Корнуолл поворотил коня и направил его по тропинке, бежавшей по склону невысокого холма, что начинался от самой кромки воды. Характер местности заметно изменился. К югу от реки тянулся лес, а по краям его уходили вдаль рассеченные оврагами гряды холмов. Здесь, на северном берегу, холмы были положе, а лес — реже. Деревья росли отдельными рощицами, между которыми проглядывали лужайки. Бросив взгляд на восток, Корнуолл увидел, что некоторые из холмов начисто лишены какой бы то ни было растительности. «Жаль, — сказал он себе, — что у нас нет карты, пускай даже грубой, изобилующей ошибками, но такой, которая помогла бы хоть немного сориентироваться».

Он говорил о карте с епископом, но тот уверял, что ничего подобного просто не существует в природе. Солдаты гарнизона башни лишь охраняли брод и не предпринимали вылазок на противоположный берег. Единственными, кто отваживался на них, да и то отнюдь не часто, были обитатели Пустынного Края. Служба в башне, судя по всему, являлась делом в высшей степени утомительным, поскольку любое бездействие утомительно само по себе. Очевидно, в Пустынный Край проникали только бродяги вроде Тэйлора, написавшего книгу, которая находится теперь в университетской библиотеке. Но вопрос состоит в том, можно ли доверять рассказам его и других странников? В конце концов, повествование Тэйлора — вовсе не изложение фактов: он только слышал о Древних, но сам с ними не встречался. А ему, Корнуоллу, чтобы услышать о них, не нужно было добираться до Пустынного Края. И потом, разве топорик, который несет Джиб, не доказывает факт существования Древних убедительнее, чем все рассуждения Тэйлора? Странно, что епископ сразу определил принадлежность топорика. Пожалуй, следовало побеседовать с ним подольше, расспросить попо-

дробнее; впрочем, особенно разговаривать было некогда — время-то поджигало.

День выдался на редкость погожим для осени. Выехали они достаточно поздно: солнце успело подняться довольно высоко. На небе не было ни облачка. Маленький отряд достиг вершины холма, и глазам путников предстало восхитительное зрелище: речная долина раскрылась перед ними во всей своей красе, поражая богатством красок, словно ее изобразил некий художник, питающий слабость к самым ярким цветам.

— На гребне кто-то есть, — проговорила Мэри. — Он наблюдает за нами.

Корнуолл огляделся по сторонам.

— Ничего не вижу, — сказал он.

— Я заметила его краешком глаза, — пояснила Мэри. — Так, мимолетное движение. Вот именно, не само существо, а его движение.

— За нами будут следить, — буркнул Плакси, направляя с помощью Оливера лошадь в голову отряда. — В этом можно не сомневаться. Они ни за что не выпустят нас из виду. Что бы мы ни делали, они обо всем узнают.

— Они? — переспросил Корнуолл.

— Ну да, — отозвался Плакси, пожимая плечами. — Конкретнее выразиться не могу. Знаешь, сколько их тут? Гоблины, гномы, бэнши. Может статься, брауни и феи, — хотя вы, люди, их, так сказать, и признаете, однако они тоже входят в Братство. А вдобавок множество других, куда менее приличных и преисполненных благожелательности.

— Мы их ничем не обидим, — сказал Корнуолл. — Мы не поднимем на них руку.

— Все равно, — ответил Плакси, — мы для них непрошенные гости.

— Даже вы? — удивилась Мэри.

— Даже мы, — подтвердил Плакси, — даже мы с Оливером. Мы чужеземцы. Изменники, дезертиры. Мы или наши предки — что одно и то же — покинули отчизну, чтобы поселиться в Пограничье, где живут враги здешних обитателей.

— Посмотрим, — пробормотал Корнуолл.

Вскоре лошади вынесли их на вершину другого холма. Оттуда открывался вид не на плато, как можно было предположить, а на череду холмов, один выше другого, на череду, что застывшей волной тянулась вдаль, на-

сколько хватало взгляда. Тропа вела под уклон. У подножия поросшего буровой травой склона, между холмами, прятался густой лесок. Поблизости не было ни души, куда-то подевались даже птицы. Корнуолл, как, должно быть, и его товарищи, вдруг ощутил себя заплутавшимся в глуши на краю света; тем не менее он чувствовал на себе — или воображал, что чувствует — чей-то пристальный взор.

Медленно, словно нехотя, его конь ступил на тропу, что огибала исполинский дуб, возвышавшийся в гордом одиночестве посреди травянистой лужайки. Это было громадное и одновременно приземистое дерево с толстым стволом и широко раскинутыми ветвями, нижняя из которых нависала над землей не более чем в дюжине футов. Корнуолл увидел, что в стволе дуба торчит какой-то предмет. Он натянул поводья и пригляделся. Предмет выступал из древесины фута на два; в диаметре примерно пара дюймов, он был витой как раковина и имел цвет слоновой кости. За спиной у Корнуолла шумно вздохнул Плакси.

— Что это? — спросила Мэри.

— Рог единорога, — ответил Плакси. — Их самих осталось совсем мало. Мне не доводилось слышать, чтобы они обзавелись привычкой втыкать свои рога в деревья.

— Знак, — торжественно провозгласил Оливер.

Корнуолл подъехал поближе, ухватился за рог и потянул, но тот не желал поддаваться. Корнуолл потянул сильнее: с тем же успехом он мог бы попытаться оторвать от ствола ветку.

— Надо его вырубить, — сказал он.

— Можно, я попробую? — проговорила Мэри.

Едва она ухватилась за рог, как тот как будто сам выскочил ей в ладонь. В длину он был около трех футов и заканчивался тонким, как у иглы, острием. Никаких повреждений на нем заметно не было.

Путники благоговейно разглядывали рог.

— Я никогда не видела ничего подобного, — воскликнула Мэри. — Конечно, мне рассказывали сказки, но...

— Хороший знак, — сказал Плакси. — Удачное начало.

Глава 18

Они остановились на ночлег поздним вечером. Для лагеря выбрали место на поляне, в горловине очередного оврага. По склону холма бежал говорливый ручеек, питаемый находившимся неподалеку источником. Джиб нарубил сучьев сосны, что лежала на земле в двух шагах от лагеря. Небо на западе было бледно-желтого цвета, который, чем ниже садилось солнце, тем отчетливее, постепенно переходил в зеленый. Травы для лошадей было в избытке; от ветра лагерь защищал лес, окружавший поляну со всех сторон.

— Они повсюду, — проронил Хэл. — Теперь мы без них и шагу не ступим. Они следят за нами.

— Откуда ты знаешь? — спросила Мэри.

— Знаю, — ответил Хэл. — И Енот тоже знает. Посмотри на него. Вон он, у костра. Вроде бы спит, но на самом деле слушает, и хоть они стараются не шуметь, он все равно их слышит. И чувствует.

— Надо не обращать на них внимания, — посоветовал Плакси. — Вести себя так, будто мы не подозреваем об их присутствии. Ничего не попишешь, придется привыкать. Дальше будет хуже. Они пойдут за нами по пятам. Но пока бояться нечего. Сейчас за нами наблюдают малыши — эльфы, тролли, брауни. Самое страшное впереди.

Корнуолл поворошил уголья, собрал их в кучку и поставил на нее сковороду с кукурузными лепешками.

— А что случится потом, когда объявится «самое страшное»? — спросил он.

Плакси, что сидел напротив на корточках, пожал плечами.

— Не знаю, — ответил он. — Однако сдается мне, что ничего хорошего. Впрочем, нам может повезти, ведь у нас рог единорога, а это — могущественный талисман. Через несколько дней о нем узнает весь Пустынный Край. И потом, ты владеешь заколдованным клинком.

— Я рад, что ты вспомнил о нем, — сказал Корнуолл. — Мне давно хотелось выяснить, почему ты отдал его Джибу. Ну да, он объяснил тебе, для кого берет оружие. Но тут ты дал маху, мастер гном. Тебе следовало бы выяснить, что я собой представляю. Тогда бы ты понял, что, обойди хоть целый свет, худшего воина, чем я, не найти. Да, я ношу меч, но что с того? Мой клинок был старым и тупым, фамильной реликвией, которая мало на что годилась, и я не обнажал его много лет подряд.

— Ага, — усмехнулся Плакси, — и в конюшне сражался тоже не ты.

— Я наткнулся на лошадь, — заявил с отвращением Корнуолл, — она лягнула меня в живот, и я выбыл из игры. Если бы не Джиб с его верным топором и не лук Хэла, мы бы ни за что не спаслись.

— А мне говорили, что ты убил своего противника.

— Случайно, уверяю тебя. Он сам напоролся на острое.

— Ну что ж, — сказал Плакси, — по мне, неважно, как, главное — что получилось.

— Просто не надо меня хвалить за то, чего я не делал, — буркнул Корнуолл.

— Порой мне кажется, — заметил Плакси, — что вершители великих дел обязаны своей громкой славой времени, которое умудряется превратить обыкновенную резню в героическое деяние.

Енот встрепнулся, поднялся, обошел костер, встал перед Корнуоллом и оперся передними лапами о его колено. Усы зверька шевелились, он возбужденно поводил носом, глядя на сковородку с лепешками.

— Потерпи, — сказал ему Корнуолл, — скоро все будет готово. Можешь не бояться, про тебя не забудут.

— Интересно, — проговорил Плакси, — что он понимает? Разумная зверюга. Хэл постоянно с ним разговаривает и уверяет, что он ему отвечает.

— Меня это нисколько не удивляет, — отозвался Корнуолл.

— Они очень привязаны друг к другу, — продолжал Плакси, — ни дать ни взять, братья. За Енотом однажды гнались собаки. Он был тогда совсем крохотным. Хэл отбил его у своры и забрал к себе, и с тех пор они неразлучны. Кстати, теперь, когда он вон какой вымахал, никакая собака в здравом рассудке с ним не свяжется.

— Собаки, должно быть, хорошо его знают, — прибавила Мэри. — Хэл рассказывал, что по соседству с ними живет самогонщик, который каждую ночь охотится на енотов. Так вот, его псы предпочитают не брать след нашего приятеля. Бывает, правда, что в азарте они кидаются за ним, но быстро приходят в себя.

— Да, собакам ума не занимать, — признал Хэл. — Но все равно до старины Енота им далековато.

— Они все еще здесь, — сказал Джиб, — шныряют себе по кустам.

— Они увязались за нами, едва мы пересекли реку, — объяснил Плакси. — Мы их не видели, но они были с нами всю дорогу.

Кто-то дернул Мэри за рукав. Она повернулась. Из кустов выглядывало крошечное существо, личико которого выражало крайнюю озабоченность.

— А вот и один из них, — воскликнула девушка. — Ну, выходи. Не шевелитесь, а то вы его перепугаете.

— Я Бромли, тролль, — заявило существо. — Ты меня не помнишь?

— Да как-то не... — Мэри призадумалась. — Ты из тех, с кем я играла в детстве?

— Ты была маленькой девочкой, — сказал Бромли, — не выше любого из нас: меня, брауни Ловкие Пальцы или какого-нибудь залетного эльфа. Ты и думать не думала, что мы разные, потому что была ребенком. Мы строили запруды на ручье; нам с брауни это не слишком нравилось, но мы развлекали тебя. Когда тебе хотелось лепить «куличики», мы шли и лепили их вместе с тобой.

— Теперь я вспомнила. Ты жил под мостом, и я считала тебя поэтому очень странным.

— Да будет тебе известно, — в голосе Бромли прозвучало высокомерие, — настоящие тролли обитают исключительно под мостами. Никакое другое место для них не годится.

— Разумеется, — согласилась Мэри. — Я знаю, что так оно и есть.

— Еще мы дразнили людоеда, — продолжал Бромли, — швыряли в его берлогу камни, землю и палки, а потом убегали. Сдается мне, он и не подозревал о наших проделках. Мы были настолько робкими, что боялись собственной тени. Но феи куда путливее, они шарахаются от каждого куста.

Корнуолл раскрыл было рот, однако Мэри покачала головой.

— Зачем вы следите за нами? — спросила она. — Почему прячетесь? Мы могли бы все вместе погреться у костра и поговорить о том о сем. Мы бы даже потанцевали, а заодно бы перекусили. Кукурузных лепешек много, на всех хватит.

— Они не выйдут, — ответил Бромли, — и лепешки их не соблазнят. Они и меня не хотели пускать, но я должен был прийти. Я не забыл тебя. Ты была в Пограничье?

— Меня туда забрали.

— Я искал тебя и никак не мог понять, почему ты ушла. Если не считать «куличиков», которые нагоняли на меня тоску, у нас все было в полном порядке.

— А где сейчас Ловкие Пальцы? — осведомилась Мэри.

— Ушел, — ответил тролль. — Брауни, они все бродяги, не то что мы, тролли. Мы живем оседло. Находим мост, который нас устраивает, поселяемся под ним и...

Внезапно из темноты послышалось пенье дудки. Позже, делясь впечатлениями, путники выяснили, что внезапно, в общем-то, не было: какое-то время дудка словно сопровождала разговор Мэри с троллем, но пела негромко, будто кузнечик в траве или кустах. Однако затем звук усилился: раздалась переливчатая трель, перешедшая в раздирающий уши вой, который, похоже, не собирался обрываться. Дикая и грозная, музыка разливалась в ночи, напоминая отчасти плач, отчасти боевой клич или возгласы безумца. Мэри вскочила. Корнуолл мгновенно оказался рядом с ней; случайно он задел ногой сковородку, и лепешки попадали в огонь.

Плакси, судя по всему, старался закричать, но из горла у него вырывался только сдавленный шепот:

— Темный Дудочник, Темный Дудочник, Темный Дудочник...

По крутому склону холма с глухим стуком скатилось что-то круглое. Подпрыгивая, это «нечто» подкатилось к костру. На оцепеневших от ужаса путников вытаращились мертвые глаза, скривились в гнусной усмешке губы. Какой-то шутник подбросил в лагерь отрубленную человеческую голову.

Глава 19

К полудню они отыскиали место, с которого скатилась голова. Саму голову, после краткого отпевания, погребли под огромным валуном, возле которого поставили грубый крест, чтобы отметить могилу.

— Они нас не трогают, — возмущался Оливер. — Зачем же мы норовим их оскорбить? Твои дурацкие перекрещенные палки для них хуже проклятия.

Однако Корнуолл не желал ничего слушать.

— Крест — не оскорбление, — заявил он. — И потом, насчет «не трогают» — а голова? Она принадлежала человеку, скорее всего, христианину. Ее владелец вправе ожидать от нас молитвы и креста, и мы ему в такой малости не откажем.

— Ты думаешь, он из людей Бекетта? — спросил Джиб.

— Наверно. После трактира мы о Бекетте ничего не слышали. Мы не знаем, перешел ли он границу, однако другим людям, не из его компании, здесь взяться неоткуда. Видно, этот бедняга отстал или заблудился и наткнулся на того, кто не питает особой любви к человечеству.

— Ты упрощаешь, — заметил Плакси. — В Пустынном Краю нет никого, кто любил бы людей.

— Но кроме происшествия с головой, — возразил Корнуолл, — ничего пока не случилось.

— Подожди — увидишь, — посоветовал Плакси.

— И не забывай, — добавил Оливер, — что ты — единственный среди нас человек. На нас они могут коситься, а вот тебе...

— А Мэри? — спросил Хэл.

— Мэри жила здесь ребенком. К тому же у нее рог, который воткнул в дерево какой-то ошалевший единорог.

— Мы же не грабители и не убийцы, — сказал Джиб, — мы, если хотите, паломники. Им нечего нас бояться.

— Дело тут не в страхе, — буркнул Плакси, — а в ненависти, той самой, что копилась на протяжении столетий.

...На вторую ночь Корнуоллу удалось немного поспать. Правда, лучше бы он не засыпал. Стоило ему закрыть глаза, как начинался один и тот же сон без конца: он вновь видел голову, вернее, ее обезображенного двойника, колдовскую пародию, вырванную из действительности, но не ставшую оттого менее отвратительной. Испуганный, весь в поту, он просыпался, мало-помалу успокаивался, укладывался — и все повторялось заново. Опять ему мерещилась отрубленная голова, но уже не кошмарная, а такая, какой она была на самом деле — вот она лежит у огня, так близко, что искорки перепрыгивают на волосы, поджигают бороду, пламя охватывает лицо, волоски скукоживаются и рассыпаются один за другим; глаза выглядят так, словно в глазницы вставлены кусочки мрамора; рот перекошен гримасой, лицо как будто вывернуто набок, оскаленные зубы сверкают в свете костра, в уголке губ и на бороде высохшие струйки слюны. Лишь под утро Корнуолл заснул по-настоящему, измученный настолько, что даже кошмар с головой бессилён был помешать ему погрузиться в забытие.

Оливер разбудил его к завтраку. Он поел, стараясь, по большей части безуспешно, не глядеть на крест, что стоял, слегка покосившись, у подножия валуна. За едой разговаривали мало. Сборы были недолгими, и вскоре отряд продолжил путь.

Тропа, по которой они ехали, судя по всему, не собиралась превращаться в дорогу. Местность становилась все более дикой: глубокие лощины и овраги, по которым вилась тропа, переходили в узкие, каменистые долины, откуда раз за разом начинался изнурительный подъем на вершину холма, а далее снова шел спуск.

Разговоры казались неуместными. Если кто-нибудь и произносил какую-либо фразу, то шепотом, не зная, чего страшится — то ли звука собственного голоса, то ли того, что его может услышать некто, затаившийся в своем логове. По дороге не попадалось ни селений, ни вырубок — ни единого намека на то, что тут когда-то кто-то жил. По общему молчаливому согласию останов-ки днем не делали.

Миновал полдень, когда Хэл, обогнав остальных, подскочил к Корнуоллу, который ехал во главе отряда.

— Посмотри вон туда, — сказал он, указывая на небо над громадными деревьями, обступавшими тропу с обеих сторон.

— Ну и что? — спросил Корнуолл. — Какие-то точ-ки. Наверняка птицы.

— Я слежу за ними уже давно, — пояснил Хэл. — Это не обычные птицы. Их много, и постоянно прилета-ют все новые. Стервятники выют над мертвечиной.

— Должно быть, сдохла чья-нибудь корова.

— Откуда здесь коровы?

— Тогда олень или лось.

— Не один олень и не один лось. Там, где кружит много стервятников, смерть пожала обильную жатву.

— К чему ты клонишь? — нахмурился Корнуолл, натягивая поводья.

— Голова, — ответил Хэл. — Откуда она взялась? Взгляни, тропа вновь ведет под уклон, в лощину. Отлич-ное местечко для засады. Живым никто не уйдет.

— Но каким образом тут мог очутиться Бекетт? — недоуменно произнес Корнуолл. — Через реку у баш-ни он не переправлялся, следов его мы не видели — ни отпечатков копыт, ни кострищ. Если он угодил в засаду...

— Не знаю, — перебил Хэл. — Свое мнение я вы-сказал, а ты решай, как хочешь.

К ним подъехали Оливер с Плакси.

— Что происходит? — спросил Оливер. — Что-ни-будь не так?

— Стервятники, — ответил Хэл.

— Не вижу никаких стервятников.

— Вон те точки на небе.

— Ладно, — проговорил Корнуолл. — Так или ина-че, впереди мертвечина. Плакси, мне надо с тобой

посоветоваться. Прошлой ночью, как раз перед тем как нам подкинули голову, в темноте пела дудка...

— Темный Дудочник, — хмыкнул Плакси. — Я же тебе про него рассказывал.

— Да, но ты знаешь, как-то в суматохе позабылось. Кто он такой?

— Никому не известно. — Гном поежился. — Никто никогда его не видел. Он не показывается, только играет на своей дудке, и то редко, может пропасть на несколько лет. Он — предвестник беды, играет лишь тогда, когда должно случиться что-то нехорошее...

— Хватит говорить загадками. Что нехорошее?

— Голова — это нехорошее? — поинтересовался Хэл.

— Да, но то, что произойдет, будет гораздо хуже.

— Произойдет с кем? — спросил Корнуолл.

— Не знаю, — признался Плакси. — Никто не знает.

— Откровенно говоря, — вмешался Оливер, — эта дудка кое-что мне напомнила. Я все никак не мог сообразить, что именно, — так перепугался, что все мысли перепутались. Но сегодня, пока мы ехали, я догадался. Мне пришли на память две строчки из старинной песни, ноты которой записаны в манускрипте, что хранится в университетской библиотеке. В том манускрипте утверждается, что песня насчитывает добрую сотню столетий, быть может, она — древнейшая на Земле. Хотя откуда тому, кто писал манускрипт, было знать?..

Корнуолл фыркнул и прищиприл коня. Хэл последовал за ним. Тропа резко нырнула вниз, как будто провалилась под землю, с обеих сторон ее высились огромные зазубренные скалы. По их поверхности ручейками стекала вода, за трещины и выступы отчаянно цеплялись корнями чахлые папоротники и мхи. В расщелинах росли хилые кедровые сосны, которые держались непонятно на чем; впечатление было такое, будто они вот-вот упадут. Отрезанная скалами от солнечного света, лощина словно изрыгала из себя мрак.

Между скалистыми стенами пронесся ветерок, этакий каприз атмосферы. Он принес с собой запах, не то чтобы выворачивающий желудок наизнанку, но в достаточной степени отвратительный, сладковатый запах гниения, который лез в ноздри, проникал дальше и останавливался комом в горле.

— Я был прав, — сказал Хэл. — Там смерть.

Тропа круто вильнула в сторону. Миновав поворот, всадники очутились у края лощины, которая переходила в каменный амфитеатр — круг, обрамленный могучими утесами. На полу амфитеатра копошились громадные черные птицы. При появлении всадников они бросили терзать свою добычу и разом взмыли в небо. Те из них, кто отяжелел от обильной трапезы настолько, что не мог взлететь, запрыгали прочь, издавая хриплые крики. И тут волной накатила вонь.

— Господи Боже! — воскликнул Корнуолл, судорожно сглотнув.

Зрелище, которое открылось им с Хэлом на берегу речушки, бежавшей через амфитеатр, способно было потрясти кого угодно.

За кучей окровавленной плоти, из которой торчали кости и которая лишь отдаленно напоминала человеческое тело, виднелись другие бесформенные груды — раздутые конские туши и то, что когда-то было людьми. Из травы жутко скалились черепа, тут и там валялись очищенные от мяса костяки, иногда глаз останавливался на задранных к небу задах. Над полем смерти носились, гонимые ветром, клочья одежды; они летали туда-сюда, цепляясь порой за ветки низкорослого кустарника. Кто-то воткнул в землю копьё, и оно стояло, покачиваясь, таким подвыпившим восклицательным знаком. Отраженный от скал солнечный свет отбрасывал блики на щиты и клинки.

Среди людей и раздувшихся конских трупов попадались и иные мертвецы — существа с черной шерстью, короткими пушистыми хвостами, широкими плечами, тонкими талиями и сильными руками — именно руками, а не лапами, — пальцы которых заканчивались изогнутыми когтями. Пасти существ были раскрыты, и из них торчали устрашающего вида клыки.

Постепенно к Корнуоллу с Хэлом присоединились остальные.

— Вон, — сказал Джиб. — Вон откуда явился Бекетт.

В дальнем конце амфитеатра имелся проход, через который вела не тропа, а дорога. Она выводила, минуя теснину, подобную той, в которой находились путники, в очередной овраг и поднималась вверх по склону холма.

Корнуолл привстал в стременах и оглянулся. Его товарищи с трудом удерживали своих лошадей.

— Нам не остается ничего другого, — проговорил Джиб. — Так или иначе, мы должны будем проехать мимо них.

— Нужно помолиться, — произнес Корнуолл, — напутствовать их, позаботиться о том, чтобы их души обрели покой и...

— Молитвы не помогут, — возразил Джиб с хрипотцой в голосе. — И мира не будет еще долго.

Корнуолл кивнул и пустил коня рысью, направив его к проходу, у которого начиналась дорога. Стервятники захлопали крыльями и кое-как ухитрились взлететь. Вдоль тропы, волоча по земле хвост, прошмыгнула лисица. В траве сновали многочисленные мелкие зверьки. Наконец путники выбрались на дорогу. На ней мертвых тел не было. С деревьев, что росли поблизости, доносилось щебетанье стаи крохотных серых птичек. А позади, на поле брани, вновь собирались прожорливые черные твари.

Глава 20

Когда они достигли гребня, возвышавшегося над амфитеатром, который стал последним приютом для множества живых существ, оказалось, что их встречают. У подножия гигантского дуба, прислонившись к стволу, сидел человек; он с любопытством наблюдал за ними. За деревом стоял диковинный аппарат. Он был выкрашен в красный и белый цвета и имел два колеса, как будто сохранение равновесия его ни в малейшей степени не заботило. Колеса выглядели весьма странно: их ободья были изготовлены не из дерева и не из железа, а из какого-то черного материала; к тому же в отличие от обычных ободьев эти были идеально круглыми. В них было великое множество спиц, на которые пошла не древесина, а, судя по блеску, металл. Спицы представляли собой узкие стерженьки, и не требовалось особого ума, чтобы сообразить, что полагаться на их крепость — чистейшее безумие.

Когда путешественники подошли поближе, человек встал, стряхнул с брюк налипшие листья и шагнул навстречу. Брюки у него были белые и обтягивающие, а из-под белого же камзола выглядывала красная рубашка. Обут он был в башмаки.

— Вы сумели, — проговорил он. — Я, честно говоря, сомневался.

— Вы об этом? — спросил Корнуолл, мотнув головой в сторону амфитеатра.

— Совершенно верно, — ответил незнакомец. — Вся округа взбудоражена. Сражение произошло всего лишь два дня назад. А вы, как я погляжу, любители совать голову в петлю.

— Мы ничего не знали, — отозвался Корнуолл. — Мы ехали от башни, а те люди, там, внизу, избрали другой путь.

— Что ж, — произнес человек, — вы добрались без приключений, а это главное. Я ждал вас.

— Ждали?

— Мне донесли о вас еще вчера, сообщили, что приближается какая-то разношерстная компания. Н-да, они не ошиблись.

— Они?

— О, мои маленькие друзья: прыгуны-по-кустам, ползуны-в-траве. Все видят, все слышат, ничего или почти ничего не упускают. Мне известно о роге и о голове, что скатилась к вам в лагерь. По правде сказать, мне не терпелось самому приветствовать вас.

— Значит, вы знаете, кто мы такие?

— Только по именам. Кстати, прошу прощения. Меня зовут Александр Джонс. Я приготовил для вас ночлег.

— Мастер Джонс, — подала голос Мэри, — мне не слишком нравится ваша заботливость. Мы вполне в состоянии...

— Извините, госпожа Мэри, я вовсе не хотел вас обидеть. Я всего лишь проявляю радушие, предлагаю вам кров на ночь, тепло и горячую пищу.

— От чего лично я, — заявил Оливер, — и не подумаю отказываться. Может, у вас найдется еще стакан вина или кружка пива? От этой вони до сих пор в горле першит. Надо бы его промыть.

— Пиво найдется наверняка, — откликнулся Джонс. — Мы припасли к вашему прибытию целый бочонок. Вы не возражаете, сэр Марк?

— Нет, — сказал Корнуолл, — не возражаю. Признаться, Мэри, я не вижу никакого повода для беспокойства. Но пожалуйста, не зовите меня «сэр»: я всего-навсего книжник.

— Что ж, — проговорил Джонс, — держите лошадей. Предупреждаю сразу: мой скакун — животное шумное.

Он подошел к двухколесному аппарату, перекинул через него ногу, взгромоздился на седло и ухватился за две загيبавшиеся назад ручки над передним колесом.

— Эй, обождите, — сказал Джиб. — Мы забыли выяснить одну вещь. Как получилось, что все погибли, а вы уцелели? Ведь вы же человек?

— Да вроде, — согласился Джонс. — Что же касается того, почему я уцелел, ответ простой: местные считают меня колдуном. Разумеется, я не спешу их разубеждать.

Он ударил ногой по своему скакуну. Тот взревел и выплюнул облако дыма. Лошади в испуге повставали на дыбы. Оливер, сидевший позади Плакси, свалился на землю и быстро откатился в сторону, чтобы не попасть под копыта. Рев двухколесного чудища сменился низким, басовитым урчанием.

— Прошу прощения! — крикнул Джонс Оливеру. — Я же предостерегал вас.

— Это дракон, — пробормотал Плакси, — двухколесный дракон. По правде говоря, мне не доводилось слышать о драконах с колесами, но какое другое существо способно так реветь и изрыгать пламя и дым?

Он протянул руку и помог Оливеру взобраться в седло.

Джонс направил своего скакуна вниз по дороге.

— По-моему, — заметил Хэл, — мы должны следовать за ним. Он упоминал о горячей пище.

— Ох, не кончится это добром, — проворчал Плакси, — нутром чую, не кончится! Если хотите знать, я не из тех, кто связывается с драконами, пускай даже прирученными и приученными ходить под седлом.

Дракон прибавил в скорости, и путники, чтобы не отстать, вынуждены были пустить коней галопом. Дорога, находившаяся, надо сказать, в довольно приличном состоянии, бежала по равнине, рассекая березовые рощицы и сосновые боры. Местами над подлеском возносили свои раскидистые кроны дубы. Затем дорога пошла под уклон и вывела отряд в долину, где стояли три ярких шатра, над которыми развевались на ветру разноцветные флажки. Дракон остановился у самого большого из шатров. Джонс спешил. Неподалеку от шатров возвышался сколоченный из грубо обструганных досок стол; за ним виднелись костры, на которых, судя по всему, что-то готовилось. На козлах возлежал

огромный бочонок с пивом. У костров, громыхая кастрюлями и сковородами, сутились повара — брауни, тролли, гоблины. Завидев путников, некоторые из них бросили стряпню и кинулись принимать лошадей.

— Садитесь, — пригласил Джонс, — и давайте побеседуем. Думаю, нам есть что сказать друг другу.

Пятеро-шестеро троллей столпились около бочонка: выбив пробку, они наливали пиво в кружки и расставляли их на столе.

— Чудесно! — воскликнул Джонс. — Похоже, мы сможем пропустить до еды кружечку-другую. Сами знаете, еда — штука своенравная, к тому же мои маленькие друзья хоть и преисполнены рвения, но дисциплина у них хромает. Устраивайтесь поудобнее, и начнем наш разговор.

Оливер метнулся к столу, схватил кружку с пивом, уткнулся в нее лицом и, не отрываясь, осушил до дна.

— То ли дело, — фыркнул он, вытирая пену с усов. — Все-таки каким пойлом нас травят в Вайалузинге!

— Плакси назвал вашего скакуна «драконом», — сказал Джонсу Хэл. — Но я сомневаюсь, что он и впрямь дракон. Конечно, я никогда не видел настоящего дракона, но много о них читал. Ваш зверь ничуть не похож на драконов, описанных в книгах. У него нет ни головы, ни крыльев, ни даже хвоста — хоть он и выдыхает пламя.

— Ты прав, целиком и полностью, — отозвался Джонс. — Впрочем, Плакси не одинок в своем заблуждении: не он первый обозначался. Между тем мой скакун — вообще не живое существо. Это машина, которая называется «мопед».

— Мопед, — повторил Джиб. — Никогда о таком не слышал.

— Вполне естественно, — заметил Джонс. — Мой мопед — один-единственный на всем белом свете.

— Вы сказали «машина», — проговорил Корнуолл. — У нас тоже есть машины, но они совершенно другие. Я имею в виду боевые машины, осадные орудия, которые применяются для того, чтобы метать через городские стены камни, стрелы или горящие факелы.

— А мельничное колесо? — спросил Джиб. — Оно относится к машинам?

— Кажется, да, — ответил Хэл.

— Но мельничное колесо приводится в действие потоком воды, — вмешалась Мэри, — а боевые машины — натяжением веревок. Вы можете объяснить, как работает ваш мопед?

— Увы, — Джонс развел руками. — Объяснить я, конечно, могу, однако, боюсь, вы меня не поймете.

— Значит, вам не известно, как он работает, — подытожил Корнуолл.

— Выходит, что так.

— Тогда здесь не обошлось без магии.

— Уверяю вас, магия тут ни при чем. В моем мире магии не существует. Ее можно отыскать только у вас.

— Глупость какая-то, — пробормотала Мэри. — Как это — нет магии? Магия повсюду, потому что она — частичка жизни.

— В моем мире, — заявил Джонс, — магию уничтожили. Да, люди рассуждают о ней, но она осталась в прошлом, миновала вместе с ним.

— И ее поиски завели вас сюда?

— Вот именно. Я прибыл сюда изучать ее.

— Странно, — проговорил Корнуолл, — очень странно. Вы можете отрицать, но, сдается мне, в вас присутствует колдовская сила. Маленький народец трудится на вас безо всякого принуждения. По крайней мере, такое впечатление создается с первого взгляда. Они присматривают за кострами и едой, разносят пиво, принимают лошадей... Знаете, они сопровождали нас всю дорогу, но ни разу не вызвались помочь, только наблюдали исподтишка.

— Потерпите немного, — посоветовал Джонс. — Со мной поначалу было то же самое. Они прятались от меня, а я занимался своим делом и не обращал на них внимания. Некоторое время спустя они стали подходить ко мне. Я показал им кое-какие, с их точки зрения, фокусы, и они сочли меня чародеем, то бишь достойным разделить их компанию.

— У вас перед нами преимущество, — вздохнул Корнуолл. — Мы на роли чародеев не годимся.

— Я слышал иное, — возразил Джонс. — Мои друзья сообщили мне то, что узнали от ваших спутников, и их сведения опровергают ваши слова. Один из вас выдернул из дерева рог единорога, другой владеет заколдованным клинком, а третий имеет при себе весьма необычный камень.

— Откуда они узнали про камень? — воскликнул Джиб. — Мы ведь избегали даже говорить о нем!

— Не спрашивайте меня откуда, — ответил Джонс, — но факт остается фактом. Этот камень был когда-то собственностью Древних, а теперь его надлежит вернуть им, правильно?

— А что вам известно о Древних? — возбужденно спросился Корнуолл. — Где их можно найти?

— Мне говорили, что нужно идти к Дому Ведьмы, потом пересечь Выжженную Равнину, обогнуть замок Зверя Хаоса и выйти к Туманным Горам. Там, если вам повезет, вы можете встретить Древних. Мне опять-таки говорили, что их мало, потому что они вымирают. Они страшатся пришельцев, хотя, если вы застанете их врасплох, убежать, вполне возможно, придется не им, а вам.

— Дом Ведьмы, — повторила Мэри, — вы упомянули о Доме Ведьмы. Это старый-старый дом, который выглядит так, словно вот-вот развалится? Он стоит на вершине холма над рекой, через которую переброшен каменный мост? Старинный двухэтажный дом со множеством печных труб и балконом над крыльцом?

— Вы описали его точь-в-точь таким, какой он есть на самом деле, как будто вы его видели.

— Я в нем жила, — ответила Мэри просто, — когда была еще совсем крохой. А под мостом обитал тролль по имени Бромли. Ко мне приходил брауни Ловкие Пальцы...

— Бромли вышел к нам прошлой ночью, — прибавил Хэл.

— Да, он пришел ко мне. Остальные, как обычно, попрятались, а он — он помнил меня. Если бы не эта ужасная голова...

— Я опасался того, что может случиться, когда вы достигнете поля битвы, — сказал Джонс. — Я, признаться, трусоват, поэтому решил подождать вас здесь, хотя мне следовало бы выехать вам навстречу. Я боялся, что мое появление там может быть неверно истолковано, и потому предпочел остаться...

— Но все было спокойно, — удивился Корнуолл. — Зрелище, конечно, не из приятных, но никакой опасности мы не подвергались. Поблизости никого не было, если не считать троллей с гоблинами и прочей мелкотни.

— Друг мой, — хмыкнул Джонс, — меня радует ваша уверенность в том, что вас сопровождали только

тролли и гоблины. Может статься, она помогла вам добраться до меня без приключений. Мне вовсе не хочется вас пугать, но должен сказать вам, что там были и другие.

— Какие другие? — встрепнулся Плакси.

— Адские псы, — ответил Джонс. — Целая свора адских псов. Как и маленький народец, они шли за вами от самого брода.

— Адские псы? — переспросил Корнуолл. — Нам попались трупы существ с хвостами и клыками...

— Они самые.

— Так я и знал, — пробормотал Плакси. — О них говорится в наших преданиях, но я никогда с ними не сталкивался, и среди моих знакомых нет никого, кто мог бы этим похвастаться. Они палачи, — объяснил он Корнуоллу, — каты, безжалостные убийцы.

— Однако до сих пор они нас не трогали, — заметил Корнуолл.

— И не тронут, — сказал Джонс, — если вы будете продолжать свой путь так, как начали. Они в нерешительности. Но стоит вам ошибиться хотя бы в малости — они тут же накинутся на вас.

— А вы? — поинтересовался Корнуолл. — За вами они тоже следят?

— Наверно, — отозвался Джонс. — Сперва, должно быть, вообще не спускали глаз, да и сейчас, вероятно, присматривают. Но понимаете, я в известной степени прославился своим талантом чародея. И потом, они, по всей видимости, считают меня чокнутым.

— А что, это защита?

— Надеюсь, что да. Во всяком случае, если у них и впрямь сложилось такое мнение, я вовсе не стремлюсь разрушить его.

— Кто-то идет сюда, — произнес Плакси.

Все дружно повернулись к дороге.

— А, Сплетник, — сказал Джонс. — Сущее наказание. Он чует запах пищи на расстоянии в семь миль, а аромат пива — за добрых четырнадцать.

Сплетник тем временем подходил все ближе. Высокий и худой, он был одет в грязную, до пят, хламиду, подолом которой подметал дорожную пыль. На плече у него восседал ворон, через другое плечо была перекинута веревка, на которой болтался, завернутый в овечью шкуру, какой-то прямоугольный предмет. В левой руке

Сплетник сжимал посох, которым звучно постукивал по дороге в такт шагам. За ним, прихрамывая, семенила маленькая собачка, вся белая, за исключением черных пятен вокруг глаз, что придавали ей такой вид, будто она носит очки.

Сплетник остановился перед Корнуоллом. Тот повернулся к нему лицом. Хламида Сплетника являла собой вблизи жалкое зрелище: поношенная, оборванная, вся в дырах, сквозь которые виднелось тело. Некоторые из наиболее крупных дыр были наскоро подштопаны разноцветными нитками; впрочем, солнце и грязь в значительной мере обесцветили их, и теперь заплаты почти не отличались по окраске от сероватого полотна хламиды. Ворон линял, из хвоста его свисала пара непонятно на чем держащихся перьев; словом, выглядел он так, как будто его побила моль. Собачка уселась на землю и принялась яростно чесаться здоровой задней лапой.

Принадлежность Сплетника к роду человеческому ограничивалась, по-видимому, отдаленным внешним сходством. Уши у него были заостренные, глаза — раскосые, нос — приплюснутый; зубы сильно смахивали на клыки. Картину дополняли нечесанные и немывтые волосы и длинные пальцы рук с грязью под ногтями.

— Ты — книжник Марк Корнуолл, недавно из Вайалузинга? — спросил Сплетник.

— Совершенно верно, — ответил Корнуолл.

— Ты предводитель паломников?

— У нас нет предводителя. Мы все заодно.

— Так или иначе, — заявил Сплетник, — мне поручено наделить тебя мудростью. Выслушай же дружеское предостережение: не заходите дальше Дома Ведьмы. За него паломников не пускают.

— Бекетта не пустили даже к нему.

— Бекетт не был паломником.

— А ты уверен, что мы ими являемся?

— Мое дело, сэр книжник, не думать, а передавать волю тех, кто ее изъявляет.

— Каких-таких «тех»?

— Добрый сэр, к чему притворяться, будто ты не знаешь? Или, если ты не притворяешься, может, среди твоих спутников найдутся менее невежественные, чем ты?

— Ты подразумеваешь нас с Оливером, — буркнул Плакси. — Знаешь, дружок, будь поосторожнее в выражениях. Я гном, а Оливер — гoblin, и мы с ним очутились на родной земле, а потому вольны идти, куда захотим.

— Как сказать, — протянул Сплетник. — Вы же отступники, вы отрунули Братство.

— Ты мне не ответил, — перебил Корнуолл. — Кто такие «те»?

— Ты слышал об адских псах?

— Приходилось.

— А о Звере Хаоса? Или о Том-Кто-Размышляет-На-Горе?

— Читал в повествованиях древних путешественников.

— Тогда молись, чтобы тебе не довелось познакомиться с ними покороче, — посоветовал Сплетник.

Корнуолл оглянулся на Джонса. Тот кивнул.

— Он и мне говорил то же самое. В силу своей трусости я послушался и дошел только до Дома Ведьмы. Как насчет пива? — спросил он у Сплетника.

— Не откажусь. А если бы еще кусочек мяса... Я иду издалека и здорово проголодался, а уж пить как хочется!

Глава 21

Над макушками деревьев поднялась полная луна. Она залила поляну серебристым светом, в котором сразу же поблекли усыпавшие небосвод звезды. С едой было покончено, и потому за кострами уже никто не присматривал. Маленький народец танцевал на лужайке между дорогой и шатрами под звуки скрипки, которую Сплетник извлек вместе со смычком из футляра, завернутого в овечью шкуру. Он стоял, прижимая скрипку подбородком к плечу, пальцы его левой руки порхали по ладам, а правая водила смычком. Ворон по-прежнему восседал у него на правом плече, время от времени подпрыгивая, чтобы сохранить равновесие, и оглашая воздух хриплым недовольным карканьем. Собачка, наевшись до отвала тем, что ей перепало, спала под столом; ее лапы подергивались, словно она гналась во сне за улетающим кроликом.

— Как их много, — проговорила Мэри, разумея маленький народец. — А ведь днем было гораздо меньше.

— Будет еще больше, — хмыкнул Джонс. — Пока тут все мои и большинство ваших.

— Вы хотите сказать, что они перестают бояться?

— Их привлекает еда. Еда и пиво. Неужели вы полагаете, что они способны спокойно глядеть на тех, кто обжирается в двух шагах от них?

— Значит, среди них и Бромли! Ах негодник! Почему он не подходит ко мне?

— Он слишком занят, — отозвался Корнуолл.

Енот выбрался из круга танцоров, подбежал к Хэлу и потерялся о его ногу. Хэл усадил зверька себе на колени. Енот улегся и свернулся клубочком, кончиком хвоста касаясь носа.

— Переел, — заметил Джиб.

— Обычная история, — откликнулся Хэл.

Скрипка стонала и плакала, ее мелодия возносилась к небесам. Правая рука Сплетника будто не ведала усталости. Ворон выражал свое негодование неумолчным карканьем.

— Я не совсем понимаю вас, — сказал Корнуолл Джонсу. — Вы утверждаете, что никогда не заходили дальше Дома Ведьмы. Но почему? И вообще, зачем вы здесь?

— Странно, что вы задаете такие вопросы, — усмехнулся Джонс. — Между нами много общего, сэр книжник. Мы с вами оба — ученые.

— Но вы же ничего не изучаете!

— С чего вы взяли? Материала тут предостаточно. А когда что-то изучаешь, необходимо исчерпать один источник сведений, прежде чем переходить к следующему. Когда придет время, я, может быть, передвинусь за Дом Ведьмы.

— Итак, вы изучаете?..

— Да, делаю заметки, записываю, снимаю. У меня скопились горы заметок, груды ленты...

— Ленты? Снимаете? Вы имеете в виду рисунки?

— Нет, фотографии.

— Вы говорите загадками, — произнес Корнуолл. — Таких слов я в жизни не слышал.

— Теперь слышали, — фыркнул Джонс. — Пойдемте, я кое-что вам покажу. А остальные пускай веселятся. — Он подвел Корнуолла к шатру, остановился у входа и спросил: — Вы человек широких взглядов? Как книжнику, вам положено быть таковым.

— Я провел в университете шесть лет, — ответил Корнуолл, — и все эти годы старался сохранить непредубежденность, поскольку иначе заниматься наукой невозможно.

— Хорошо, — проговорил Джонс. — Как, по-вашему, какое сегодня число?

— К сожалению, я сбился со счета. Знаю лишь, что на дворе октябрь 1975 года от Рождества Христова.

— Превосходно, — воскликнул Джонс. — Я просто хотел убедиться. К вашему сведению, сегодня семнадцатое.

— А какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Быть может, почти никакого. Хотя, вполне возможно, теперь вам проще будет меня понять. К тому же вы первый, кто сумел мне ответить. В Пустынном Краю календари, увы, не в почете.

Он поднял полог и пригласил Корнуолла войти. Изнутри шатер почему-то казался просторнее, чем снаружи. Его обстановка поражала упорядоченностью и многообразием. В одном углу располагалась раскладушка. Рядом с ней помещался стол со стулом; посередине стола возвышался массивный подсвечник, из которого торчала довольно-таки внушительных размеров свеча. На ее макушке подрагивал, колеблемый сквозняком, язычок пламени. На краю стола громоздились кипой книги в черных кожаных переплетах. Возле них стояли раскрытые шкатулки. Стол был настолько завален различными, диковинными на вид предметами, что места, чтобы писать, на нем практически не оставалось. Корнуолл отметил про себя, что нигде не видно ни чернильницы, ни песочницы, ни гусиного пера. В противоположном углу шатра находился большой металлический шкаф. Пространство у восточной стены было занавешено плотными, не пропускающими света портьерами.

— Моя проявочная, — пояснил Джонс. — Там я проявляю фотографии.

— Я не понимаю вас, — сказал Корнуолл.

— Смотрите, — Джонс подошел к столу, вынул из одной шкатулки пачку тонких квадратиков и разложил их на столешнице. — Вот это фотографии. Не рисунки, не картины, а фотографии. Ну, взгляните же.

Корнуолл наклонился над столом, стараясь не прикасаться к так называемым фотографиям. Он увидел красочные рисунки — изображения брауни, гоблинов, троллей, танцующих на зеленой лужайке фей; увидел гнусную ухмыляющуюся тварь — должно быть, адского пса — и двухэтажный дом на вершине холма, с каменным мостом на переднем плане. Он осторожно притронулся к изображению дома, потом, желая получше рассмотреть, поднес его к глазам.

— Дом Ведьмы, — сказал Джонс.

— Но это же картины, — проговорил Корнуолл, — миниатюры. При дворе обретаются множество художников, которые пробавляются тем, что делают подобные рисунки для часословов. Причем они обводят их рамками, в которые заключают цветы, птиц, насекомых или какой-нибудь причудливый узор, что, на мой взгляд, придает им прелести. На то, чтобы нарисовать такую миниатюру, уходит много времени, но художники жертвуют им ради достижения совершенства.

— Приглядитесь повнимательнее. Вы видите хоть один мазок кисти?

— Ну и что? — упорствовал Корнуолл. — В миниатюрах тоже не заметно каких-либо мазков. На то человек и художник, чтобы создавать шедевры, которые возникают как бы сами по себе. И все же разница чувствуется.

— Еще бы ей не чувствоваться! Я пользуюсь этим аппаратом, — Джонс похлопал ладонью по странному черному предмету, лежавшему на столе, — и другими подручными средствами. Я навожу его и нажимаю на кнопку, которая открывает затвор объектива и пропускает свет на обработанную специальным составом пленку. Таким образом я получаю фотографии того, что вижу перед собой. Они гораздо точнее тех изображений, которые мы воспринимаем глазами.

— Колдовство, — пробормотал Корнуолл.

— Ну вот, опять, — огорчился Джонс. — Говорю вам, здесь не больше колдовства, чем в мопеде. Это наука. Технология. Способ, вернее, различные способы что-то делать.

— Наукой может быть философия, и ничто иное, — возразил Корнуолл. — Она стремится познать и описать вселенную. С ее помощью ваших аппаратов не изготовишь. Остается только колдовство.

— Где же непредубежденность, которой вы похвально? — усмехнулся Джонс.

Корнуолл уронил фотографии на пол и стиснул кулаки.

— Вы привели меня сюда, чтобы насмеяться надо мной, — проговорил он; в его голосе слышались раздражение и печаль. — Вы хотели унижить меня, доказать свое превосходство. Зачем? И для чего вы лжете?

— Вы ошибаетесь, — мягко произнес Джонс, — честное слово, вы ошибаетесь. Я искал вашего понимания. Появившись здесь, я попробовал объяснить с

маленьким народцем, даже со Сплетником, несмотря на его косность и неразумие. Я пытался растолковать им, что тут нет и намека на колдовство, что никакой я не чародей, но они отказывались меня слушать. И мало-помалу я пришел к убеждению, что оно и к лучшему, и бросил свои попытки. Но по какой-то причине, которая не ясна и мне самому, я должен найти того, кто хотя бы выслушает меня. Встретив вас, я решил, что раз вы книжник, то вполне мне подходите. Видите ли, мне необходимо излить кому-то душу. Признаться, я где-то даже презираю себя за то, что вынужден прикидываться невесть кем.

— Так кто же вы на самом деле? — спросил Корнуолл. — Кто, если не чародей?

— Человек, — ответил Джонс. — Обыкновенный человек, такой же, как вы, только из другого мира.

— Из какого другого? — буркнул Корнуолл. — Мир — один-единственный, других не существует. Или вы подразумеваете Царство Небесное? Если так, то скажу откровенно: что-то мне не верится, что вы явились оттуда.

— Черт побери! — воскликнул Джонс. — Чего ради я с вами вожусь? Вы ничуть не лучше остальных: упрямый, тупоголовый осел!

— Чем браниться, лучше объяснитесь, — заметил Корнуолл. — Кем вы не являетесь, мы уже знаем. Теперь поведайте, кто вы есть.

— Что ж, слушайте. Некогда существовал, точь-вточь по вашему утверждению, всего один мир. Как давно это было, я бессилиен определить. Десятки, сотни тысяч лет назад — установить невозможно. А потом произошло нечто — я не знаю, что именно; быть может, мы никогда этого не узнаем. Как бы то ни было, в тот день один человек — я не сомневаюсь, что он был один: вдвоем или втроем такого не сотворишь — совершил нечто, да, совершил, сказал или подумал, и с того самого дня миров стало два. По крайней мере, появилась возможность существования двух миров вместо одного. Поначалу различие между ними едва просматривалось, они как бы проникали один в другой, и можно было вообразить, что они по-прежнему едины, однако с течением времени разнища становилась все отчетливее, и наконец все уяснили, что миров — два. Миры различались все сильнее — иначе и быть не

могло, поскольку они противоречили друг другу, двигались, так сказать, в разных направлениях. Не спрашивайте меня, каким образом из одного мира получилось два, какие были задействованы физические или метафизические законы, — я все равно не смогу вам ответить, и вообще, вряд ли найдется тот, кто сможет утолить ваше любопытство. В моем мире правду о том, что случилось, знает какой-нибудь десяток ученых. А миллионы остальных попросту отказываются верить, отказываются признавать очевидный факт, потому что такого, по их убеждениям, не может быть или потому что они ни о чем таком не слыхали.

— Колдовство, — заявил Корнуолл. — Всему причиной колдовство.

— О Господи! — простонал Джонс. — Ну что вы заладили: «колдовство, колдовство»? Стоит вам столкнуться с чем-то новым, и пожалуйста — это словечко уже тут как тут. Вы же образованный человек, вы учились несколько лет...

— Шесть, — прервал Корнуолл. — Шесть долгих и мучительных лет.

— Вы должны понимать, что колдовство...

— Что касается колдовства, сэр, то я знаю о нем больше вашего. Я изучал его, поскольку в университете оно — обязательная дисциплина. Никуда не денешься.

— Но церковь...

— Церковь смотрит на колдовство сквозь пальцы и борется лишь с тем, которое направлено во зло.

— Похоже, — проговорил Джонс, усаживаясь на раскладушку, — мы с вами обречены на непонимание. Я рассказываю вам о достижениях технологии, а вы твердите о колдовстве. Мопед у вас оказывается драконом, фотоаппарат — дурным глазом. Хватит, Джонс, кончай валять дурака.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Ну разумеется! — воскликнул Джонс с горечью в голосе.

— Вы утверждаете, что мир разделился, что сначала он был один, а потом раскололся на две половинки, так?

— Да, так. Иного объяснения у меня нет. Вот ваш мир, мир без технологии, без машин. Я помню, вы говорили об осадных орудиях и водяных мельницах, но в моем мире они машинами не считаются. В течение последних пятисот или почти даже тысячи лет развития

вашего мира с точки зрения технологии не происходило. Вам незнакомо само это слово. Конечно, отдельные события случались — например расцвет христианства. Как оно к вам попало, я не имею ни малейшего представления. Однако суть проблемы в том, что вы обошлись без Возрождения, без Реформации, без промышленной революции...

— Ваши термины для меня лишены смысла.

— Извините, я увлекся. Постараюсь следить за собой. Ну так вот, события, о которых я упомянул, поворотные пункты истории — вас миновали. Кроме того, у вас сохранилась магия и уцелели существа, которые в моем мире встречаются только в фольклоре. А мы забыли о магии и, право слово, мой мир оттого несколько оскудел.

— Вы пытаетесь добраться до истины, — сказал Корнуолл, садясь на раскладушку рядом с Джонсом. — Что до меня, я не верю в вашу небылицу, хотя машины, которыми вы пользуетесь...

— Бог с ними, — перебил Джонс. — Давайте согласимся, что мы — люди с различными философскими воззрениями. Да, я хотел бы докопаться до истины в вопросе о разделении миров, но прибыл я сюда не за этим. И потом, где я добуду доказательства? Их наверняка не осталось.

— Может, и остались, — возразил Корнуолл. — Я сознаю, что мой рассказ может показаться вам бредом сумасшедшего...

— Вы о чем?

— Вы сказали, что мы — люди с различными воззрениями. Однако нас кое-что и объединяет. Мы ученые...

— Ну да. К чему вы клоните?

— В моем мире ученые, или книжники, составляют неофициальную гильдию, своего рода призрачное братство.

— За некоторыми исключениями, — произнес Джонс, качая головой, — у нас происходит то же самое. Ученых, как правило, уважают.

— И потому, — продолжал Корнуолл, — я могу открыть вам тайну, которая принадлежит не мне...

— Мы — дети разных культур, — сказал Джонс. — Наши точки зрения могут не совпадать. Мне будет неудобно, если вы поделитесь со мной секретом, который

не предназначен для моих ушей. Я не желаю вводить вас в грех.

— Но мы же ученые, — ответил Корнуолл. — Значит, этика у нас общая.

— Ладно, — вздохнул Джонс, — выкладывайте.

— Где-то в Пустынном Краю находится университет, о котором упоминается в легендах. Он — не выдумка и существует на самом деле. В записях говорится...

Музыка снаружи смолкла, неожиданная тишина сама была как звук. Джонс замер. Корнуолл шагнул к выходу и прислушался. Издалека донесся визг — отчаянный, безнадежный визг.

— О Боже, — прошептал Джонс, — они его не отпускают.

Корнуолл приподнял полог и выскользнул из шатра. Джонс следовал за ним по пятам. Танцоры, сбившись в кружок, стояли у стола. Взгляды всех устремлены были на дорогу. Никто не произносил ни слова; все будто затаили дыхание. От костров тянулись к небу пушистые клубы дыма. На дороге показался обнаженный человек. Он спотыкался на ходу, спотыкался и кричал; голова его была задрана к звездам, а из горла рвался бессмысленный и бесконечный вопль. Позади него и по бокам шествовали адские псы, черные исчадия зла, некоторые из них шагали на четырех лапах, другие — только на двух, подавшись вперед, неуклюжей, нечеловеческой походкой. Их короткие хвосты подрагивали от восторга и предвкушения скорой расправы, а в черных пастях сверкали белые клыки.

Из толпы у стола выбрался Оливер. Он подбежал к Корнуоллу.

— Это Бекетт! — крикнул он. — Они поймали Бекетта!

Сопровождаемый сворой псов, человек приближался. Теперь кроме его воплей можно было различить иной звук, этакий басовый аккомпанемент к душераздирающему визгу: то фыркали адские псы. Корнуолл присоединился к Джibu с Хэлом. Он раскрыл было рот, но почувствовал, что не в силах что-либо сказать. Неожиданно по его телу прошла дрожь, и он стиснул зубы, чтобы не стучали. Оливер дернул его за рукав.

— Это Бекетт, — повторил гoblin, — слышишь, Бекетт. Я столько раз его видел, что узнаю где угодно.

Добредя до лагеря, Бекетт вдруг перестал вопить и повернулся лицом к толпе зевак, споткнулся, выпрямился и протянул к ним руки.

— Убейте меня! — простонал он. — Заклинаю вас именем Богоматери, убейте меня! Если среди вас есть хоть один человек, пусть он убьет меня.

Хэл снял с плеча лук и потянулся было за стрелой, но Плакси остановил его.

— Ты что, спятил? — воскликнул гном. — Стоит только шевельнуться, и они набросятся на нас. Ты не успеешь наложить стрелу, как тебе перегрызут горло.

Корнуолл шагнул вперед, положив руку на эфес клинка. Джонс быстро встал у него на пути.

— С дороги! — прорычал Корнуолл.

Джонс ничего не ответил. Внезапно его кулак с размаху врезался Корнуоллу в подбородок, и книжник повалился на землю точно срубленное дерево. А тем временем на дороге адские псы накинулись на Бекетта. Они прыгали на него, кусали и тут же отскакивали. По лицу Бекетта ручьем струилась кровь, из-под которой, на том месте, где была раньше щека, виднелась верхняя челюсть. Еще один прыжок — и Бекетт лишился гениталий. Он инстинктивно согнулся пополам и ухватился руками за промежность. Острые клыки оторвали ему половину ягодицы, и он всплеснул руками, не переставая кричать. Вдруг он упал и принялся извиваться в пыли. Псы уселись в кружок и выжидательно уставились на него. Мало-помалу он бросил скулить, медленно поднялся на четвереньки, потом кое-как встал. Как ни странно, с ним, похоже, все было в порядке: на лице не было заметно ни следа укусов, ягодица полностью восстановилась, гениталии вернулись туда, где им положено было находиться. Один из адских псов подтолкнул его носом, как бы дружески намекая, что пора, мол, двигаться дальше. Бекетт подчинился, и окрестности снова огласил его истошный вопль.

Корнуолл сел, потряс головой и схватился за меч.

— Вы ударили меня, — проговорил он, глядя на Джонса. — Ударили кулаком, как крестьянин.

— Друг мой, — ответил Джонс, — отложите свою сабельку, не то я вмажу вам еще раз. Я спас ему жизнь, а он, извольте, в чем-то меня обвиняет.

Глава 22

Когда Корнуолл постучал, дверь открыла сама ведьма.

— Ай, — проговорила она, обращаясь к Мэри, — так ты вернулась. Я всегда знала, что так оно и будет. С того момента, когда я вывела тебя на ту тропинку, хлопнула на прощанье по попке и велела идти, я знала, что ты вернешься к нам. Да, я велела тебе идти, и ты пошла и ни разу не оглянулась, но меня трудно одурачить. Я знала, что ты вернешься, когда немного подрастешь, ибо в тебе было что-то колдовское, ты не годилась для мира людей. Нет, бабушку тебе было не одурачить...

— Мне было всего три года, — сказала Мэри, — быть может, даже меньше. И потом, вы не моя бабушка и никогда ею не были. Я вижу вас впервые в жизни.

— Ты была слишком маленькой, чтобы запомнить мое лицо. Я бы с радостью оставила тебя, но времена были суровые и беспокойные, и я решила услатить тебя подальше из волшебной страны, хотя сердце мое разрывалось от горя. Я ведь любила тебя, девочка.

— Это все ложь, — бросила Мэри Корнуоллу. — Я ее не помню. Она не моя бабушка. Она не...

— Но я же вывела тебя на тропинку в Пограничье, да, взяла тебя за ручку, и мы с тобой пошли, пошли вместе. Я хромала, потому что у меня как раз воспалился сустав, а ты бежала вприпрыжку и весело щебетала.

— Я не могла щебетать, — возразила Мэри, — потому что никогда не была щебетуньей.

Дом выглядел точь-в-точь таким, каким его описывала Мэри: старинное, ветхое строение на вершине холма, у подножия которого текла река. Через реку был переброшен каменный мост. Возле дома росло несколько березок, ниже по холму тянулась изгородь из сирени, весьма странная, поскольку ограждала неизвестно что. За изгородью лежала груда камней. Почва за рекой была заболоченной.

Товарищи ждали Корнуолла с Мэри у каменного моста.

— Ты всегда была упрямым ребенком, — гнула свое ведьма. — Вечно изводила всех разными выходками, хотя в том, пожалуй, твоей вины нет, так ведут себя все дети. Но ты замучила бедного людоеда, он не знал, куда ему от тебя деваться, и никак не мог заснуть, потому что ты забрасывала его камнями, палками и комьями земли. Наверно, ты удивисься, но он вспоминает тебя гораздо теплее, чем ты того заслуживаешь. Когда он услышал, что ты направляешься сюда, то сказал, что надеется встретиться с тобой. Разумеется, ты понимаешь, что людоеду не пристало ходить в гости к людям. Если захочешь повидаться с ним, тебе придется навесить его самой.

— Я помню людоеда, — сказала Мэри, — помню, как мы швыряли всякую ерунду в его берлогу. Сдается мне, я ни разу не видела его. Впрочем, вполне возможно, что я ошибаюсь. Я часто думала о нем и гадала порой, существует ли он на самом деле. Люди говорили, что да, но ведь я его не видела.

— Существует, существует, — уверила девушку ведьма. — Он такой милый! Ой, простите меня, я так обрадовалась твоему приходу, деточка, что позабыла о вежливости. Держу вас на пороге вместо того чтобы напоить чаем! И даже не поприветствовала молодого человека, который тебя сопровождает. Я не знаю, кто вы такой, — прибавила она, повернувшись к Корнуоллу, — но молва о вас и ваших спутниках разнеслась по всему Пустынному Краю. И о тебе тоже, красавица. Но что-то я не вижу при тебе единорожьего рога. Только не говори, что ты его потеряла!

— Нет, я его не потеряла, — ответила Мэри. — Однако его очень неудобно нести. Он мне мешал, и я оставила его у наших товарищей, которые ждут нас внизу.

— Ну и хорошо, — откликнулась ведьма. — Потом погляжу. Знаешь, когда я слышала про этот рог, мне так захотелось на него посмотреть! Ты мне его покажешь?

— Конечно, покажу, — сказала Мэри.

— Никогда не видела единорожьего рога, — хихикнула старуха, — да что там говорить, мне и единорог-то не попадался на глаза. Даже в Пустынном Краю их встречаешь не на каждом шагу. Но проходите, проходите, садитесь, сейчас попьем чайку. Вы да я, вдвоем, сдается мне, вдвоем будет лучше всего. А тем, кто вас ждет у моста, я пошлю корзинку печенья, того самого, деточка, которое тебе всегда нравилось, с тмином.

Ведьма распахнула дверь настежь и жестом пригласила их войти. В прихожей было темно и пахло сыростью. Мэри остановилась.

— Что-то изменилось — проговорила она. — Я помню дом другим, полным света и веселья.

— Твое воображение обманывает тебя, — заявила ведьма. — Ты никогда не умела обуздывать его. Ты придумывала игры, в которые потом играла с этим глупым троллем и бестолковым брауни. — Она снова хихикнула. — Ты могла подговорить их на что угодно. Они терпеть не могли лепить «куличики», но ты просила — и они лепили. Они до смерти боялись людоеда, но когда ты принималась швырять камни в его берлогу — они присоединялись к тебе. Ты называешь ведьмой меня, больную, скрюченную старуху, а на самом деле ведьма-то — ты, и гораздо больше моего.

— Ну-ка, — произнес Корнуолл, кладя ладонь на рукоять меча. — Не смей называть миледи ведьмой.

Старая карга тронула его за рукав костлявой рукой.

— Не гневайтесь, добрый сэр. Женщине всегда приятно услышать, что она — ведьма.

Корнуолл нехотя отпустил рукоять.

— Выбирай выражения, — посоветовал он ворчливо.

Ведьма оскалила в ухмылке щербатый рот и повела гостей по темному, сырому и затхлому коридору. Тот упирался в крошечную комнатку с полом, покрытым вылинявшим ковром. У одной стены находился камин, весь черный от многолетней сажи и копоти. Солнечный свет, проникавший в комнатку через большие окна, подчеркивал скудость обстановки. На узкой полке под подоконником выстроились в ряд чахлые комнатные

растения. Убогости прочей мебели разительно не соответствовал украшенный вычурной резьбой стол, стоявший посреди помещения. Он был застлан скатертью, на которой посверкивал серебряный чайный сервиз. Ведьма указала гостям на стулья, а сама села поближе к чайнику, из носика которого вовсю валил пар.

— Теперь мы можем поговорить, — сказала она, беря кружку, — о былом, о том, что переменилось, и о том, что вы здесь делаете.

— Я хотела бы узнать о своих родителях, — промолвила Мэри. — Я ничего о них не знаю: кто они, как попали сюда, что с ними случилось?

— Они были хорошими людьми, — отозвалась ведьма, — но очень, очень странными, не похожими на других. Они не смотрели свысока на обитателей Пустынного Края, не таили ни на кого зла и обладали даром понимания. Они разговаривали с каждым встречным. А вопросы, которые они задавали... Ох, уж эти мне вопросы! Я никак не могла сообразить, что привело их сюда. Они не занимались никаким делом. Когда я спросила их напрямик, они сказали, что приехали отдохнуть. Поверила я им, как же! Разве такие люди, как они, приезжают отдохнуть в такую глушь? Да и то, что же это за отдых на целый год? Представляете, целый год они ничего не делали, так, бродили себе по округе и мило беседовали с теми, кто попадался им навстречу. Я помню, деточка, как они пришли сюда, по дороге и через мост, а ты семенила между ними, и они держали тебя за руки, как будто ты не могла обойтись без них, а ведь ты не нуждалась ни в чьей помощи, да, и тогда, и потом. Какие же они были смелые и глупые: расхаживали по Пустынному Краю как у себя дома, да еще с ребенком, совсем крохой — ни дать ни взять, семейство на прогулке. Если бы кто-нибудь замыслил причинить им зло, самые их простодушие и доверчивость остановили бы злодея. Я помню, как они постучались в дверь этого дома и спросили, нельзя ли им тут поселиться. А сердце у меня доброе, всегда было доброе, и я никому не могла и не могу отказывать...

— Знаете, — перебила Мэри, — по-моему, вы лжете. Я не верю, что этот дом принадлежит вам. Я не верю, что мои родители были вашими гостями. Однако, судя по всему, правды мне от вас не добиться.

— Деточка, — воскликнула ведьма, — ты не услышала ничего, кроме правды. С какой стати мне тебе врать?

— Давайте не будем ссориться, — вмешался Корнуолл. — Скажите, что случилось с родителями Мэри?

— Они ушли на Выжженную Равнину, — ответила ведьма. — Чего их туда потянуло, я не знаю. Они меня в свои тайны не посвящали. Да, оставили мне своего ребенка и ушли на Выжженную Равнину, и с тех пор о них ни слуху ни духу.

— Значит, именно тогда вы, если это были вы, вывели Мэри на тропинку в Пограничье?

— Ну да, ну да. Я боялась за нее. Пошли скверные слухи.

— Какие?

— Не помню.

— Видите, Марк, — проговорила Мэри, — она лжет.

— Разумеется, — согласился Корнуолл, — но нам надо выяснить, сколько в ее словах правды и присутствует ли она там вообще.

— Подумать только, до чего я дожила, — пробормотала ведьма, делая вид, будто вытирает слезы. — Сидят за моим столом, пьют мой чай и обзывают меня лгуньей!

— А бумаги не сохранились? — спросила Мэри. — Документы? Или письма?

— Между прочим, — ответила ведьма, — тот же самый вопрос задавал мне другой человек, мужчина по фамилии Джонс. Я сказала ему, что ничего такого не знаю. Я же не любительница совать нос не в свое дело. Меня можно упрекнуть в чем угодно, только не в излишнем любопытстве. Я сказала ему, что на втором этаже, глядишь, что-нибудь да завалалось. С моей-то поясницей по лесенкам не налазаешься. Ну да, ну да, что стоит ведьме оседлать помело и полететь, куда вздумается! Но вы, люди, существа бестолковые, вам невдомек, что существуют правила...

— А Джонс поднимался наверх?

— Как же, как же, поднимался, а когда вернулся, пробурчал, что ничего не нашел, но глазенки у него так и бегали. То ли врал, то ли нет. Я спросила его...

Входная дверь распахнулась, послышался топот ног, и в комнатку ворвался Джиб.

— Марк, — выдохнул он, — у нас неприятности! Прибежал Бекетт!

— Бекетт! — Корнуолл вскочил. — А адские псы?

— Он удрал от них, — проговорил Джиб.

— Немыслимо! — воскликнул Корнуолл. — Как он мог от них удрать? Где он?

— У моста, — отозвался Джиб. — Он прибежал к нам в чем мать родила. Бромли одолжил ему полотенце...

Кто-то с силой хлопнул дверью. Мгновение спустя в комнате появился Плакси.

— Это ловушка! — крикнул он. — Нельзя, чтобы он оставался с нами! Псы нарочно дали ему сбежать. Выходит, что мы спрятали его, и теперь они заявятся сюда всем скопом...

— Фью! — присвистнула ведьма. — Надо же, испугался каких-то щенков. Ну-ка, где мое помело? Я им покажу, как болтаться возле моего дома!

— Мы не можем прогнать его, — сказал Корнуолл, — особенно после того, чему были свидетелями вчера. Он вправе просить у нас помощи. В конце концов, какой ни есть, он все-таки христианин. — В сопровождении остальных он направился к дверям.

Снаружи их глазам предстало удивительное зрелище. По дороге к дому брела диковинная процессия. Впереди всех, с полотенцем вокруг чресел, плелся Бекетт. За ним шагал Хэл, который держал в руках лук. Тетива лука была наброшена на шею Бекетта и захлестывала ее петлей так, что затягивалась, стоило Хэлу качнуть лук в ту или иную сторону. Следом за Хэлом шествовал Оливер, а за ним — разношерстная компания троллей, брауни, гномов и фей. Хэл ткнул пальцем себе за спину.

— Нате вам, пожалуйста, — произнес он, не сводя глаз с Бекетта.

Корнуолл взглянул в указанном направлении. На лысой вершине холма за рекой сидели рядом адские псы. На мордах их застыло отсутствующее выражение. Они просто сидели и чего-то, по всей видимости, ждали. По склону холма к мосту спускался великан, самый настоящий, и весьма неопрятный на вид. Корнуолл прикинул, что росту в нем добрых двенадцать футов. По сравнению с телом голова великана была на удивление маленькой, не больше, а может, даже меньше головы обыкновенного человека. Великанье тело, пускай круп-

ное, вовсе не производило впечатления чего-то внушительного; оно было жирным и дряблым. Великан был одет в короткий кильт и рубашку с помочами. Двигался он медленно и неуклюже, земля проседала под его ногами. Руки его безвольно свисали вдоль тела, именно свисали, а не двигались, как у людей, в такт шагам. Корнуолл сбежал по ступенькам крыльца и устремился вниз.

— Стереги Бекетта, — велел он Хэлу, — а с остальным я разберусь.

Великан остановился в двух шагах от моста, широко расставил ноги и заговорил. Его зычный голос раскатился над рекой подобно грому.

— Меня послали адские псы. Я обращаюсь ко всем, кого не должно здесь быть. Я предупреждаю вас. Возвращайтесь туда, откуда пришли, но сначала выдайте того, кто укрылся у вас.

Он замолчал, по-видимому, ожидая ответа.

Корнуолл услышал позади себя шум и резко обернулся. Бекетт каким-то образом улизнул от Хэла и теперь бежал по склону в направлении груды камней. На шее у него болтался лук. Он мчался как одержимый, за ним несли Хэл, а следом бежали, улюлюкая, все остальные. Внезапно Бекетт споткнулся и как сквозь землю провалился. Он исчез; земля как будто разверзлась и поглотила его. Ковылявшая по дороге ведьма пронзительно взвизгнула.

— Он угодил в берлогу людоеда! — крикнула она. — Ну все, ему несдобровать, да и нам тоже!

— Отвечайте! — гаркнул великан. — Мне надоело ждать!

— Мы паломники, — отозвался Корнуолл, поворачиваясь к нему, — никому не угрожаем и никого не трогаем. Мы ищем Древних.

— Древних? — великан расхохотался. — Да если вы найдете их, они живо отправят вас под топор. Вы, верно, спятили, раз ищете Древних. И потом, никому не позволено ступать на Выжженную Равнину, понятно? Вы дошли до Дома Ведьмы, и хватит с вас. Дальше вы не пройдете. Отдайте пленника и поворачивайте обратно! Тогда мы вас пощадим и проводим до Пограничья. Это я вам обещаю.

— Мы отказываемся. Мы зашли слишком далеко, чтобы поджимать хвосты и улепетывать без оглядки. И

пленника мы тоже не выдадим: вы его достаточно помучили. Теперь наша очередь разбираться с ним.

— Будь по-вашему, — рявкнул великан. — Ваша кровь будет на вашей же совести.

— А зачем ее проливать? Во имя чего? Пропустите нас, и все. Мы найдем Древних, поговорим с ними и возвратимся в свои земли.

— А пленник? Ему предстоит пробежать еще много миль, он еще не открычал свое. Ему суждено погибнуть, но не скоро. Он осквернил священную землю Пустынного Края. Когда-то, сэр книжник, это означало бы войну без пощады. Но годы сказываются, мы становимся терпимее и стоворчивее. Радуйтесь, что мы такие, и отдайте нам нашу игрушку.

— Только если вы сразу убьете его. Пускай он погибнет ужасной смертью, но сразу.

— С какой стати? Нам редко удается развлечься, так что мы вынуждены довольствоваться тем, что нам выпадает. Или ты думаешь иначе?

— Человек не игрушка.

— Учти, — пригрозил великан, — ты рискуешь оказаться на его месте.

— Это мы еще посмотрим, — откликнулся Корнуолл.

— Значит, ты отказываешься выдать его?

— Да, отказываюсь.

Великан неуклюже развернулся и полез обратно на холм. Адские псы на вершине по-прежнему пребывали в неподвижности. За спиной у Корнуолла вновь послышался шум. Книжник обернулся. Тролли, гоблины и прочие существа разбегались во все стороны; из-под груды валунов показалось нечто невообразимое в своей отвратительности.

— Я же говорила! — завопила ведьма, стуча по земле помелом. — Я же говорила. Ну, теперь держитесь!

«Нечто» оказалось жабоподобным верзилой с огромными, словно плоски, глазами. Из рта у него торчали острые клыки. Его кожу покрывала какая-то желеобразная субстанция, стекавшая каплями на землю при каждом шаге. «Великан, — подумал Корнуолл, — тот самый великан-людоед, про которого рассказывала ведьма».

Людоед выбрался из норы и принялся что-то вытаскивать оттуда. Присмотревшись, Корнуолл различил скорчившегося в отверстии Бекетта. Людоед рванул его на себя, и Бекетт вылетел из норы, как пробка из бутылки. На шее у него все еще болтался лук Хэла. Людоед отшвырнул его в сторону.

— Вы что, совсем стыд потеряли? — гаркнул он, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Или вам законы не писаны? Падают тут всякие, понимаешь, как снег на голову! Ну чего вы здесь столпились? Что, разрази вас гром, происходит?

— Сэр людоед, — проговорил Корнуолл, — мы сожалеем, что потревожили ваш покой. Пожалуйста, простите нам нашу неловкость. Мы бы никогда не осмелились намеренно беспокоить вас...

— Такого со мной не случалось, — заявил людоед. — Местные себе таких шуточек не позволяют, выходит, этот тип — чужестранец. Правда, давным-давно была тут одна малявка, что кидала в мою нору камни, сучья и тому подобную гадость. Не могу понять, как такое занятие может доставлять удовольствие. — Его взгляд остановился на Мэри. — Ба, если я не ошибаюсь, вот та самая малявка! А ты ничего, подросла.

— Прочь! — воскликнула ведьма, замахиваясь на него помелом. — И не думай тронуть ее своими грязными лапами! Она была маленькой и несмышленной, и потом, плохого она тебе не сделала. Должен ведь сожалеть — на то и ребенок, чтобы играть! Радоваться надо, что она умела справляться со скукой, которая у нас тут царит.

— Извините меня, — попросила Мэри. — Я никак не предполагала, что мы вам мешаем. Видите ли, мы притворялись, будто боимся вас, поэтому бросали в вашу нору палки и камни — насколько я припоминаю, не такие уж и большие — и убегали.

— Вы втроем, — буркнул людоед, — ты, шустрый брауни и чокнутый тролль Бромли. Впрочем, тролли все чокнутые. Вы думали, я ни о чем не догадываюсь, а я подсмеивался над вами. Ну-ка, ответь, ты можешь представить себе, что я умею над кем-то подсмеиваться?

— Не знаю, — пробормотала Мэри. — Если бы знала, я бы, пожалуй, заглянула к вам в гости.

— Теперь ты знаешь, — заметил людоед, усаживаясь на землю, — а насчет гостей — дело поправи-

мое. — Он похлопал по траве рядом с собой. — Садись сюда.

— Садись, садись. — Ведьма подтолкнула Мэри к людоеду. — Я сейчас принесу чайник. — Она заковыляла к дому.

Корнуолл огляделся. Бекетт лежал на земле и не шевелился. На нем восседали Хэл с Джибом.

— Что мы с ним сделаем? — спросил Хэл.

— Вообще-то, — отозвался Корнуолл, — следовало бы отрубить ему голову. Или вернуть его псам, но это хуже.

— Милосердия! — прохрипел Бекетт. — Как христианин христианина, я молю вас о милосердии. Вы не можете выдать своего брата во Христе орде язычников.

— Христианин из вас никудышный, — сказал Корнуолл, — я предпочел бы вашей компании общество десяти язычников. Вы приложили немало усилий, чтобы прикончить меня, поэтому жалости к вам я отнюдь не испытываю.

— Я вовсе не пытался прикончить вас! — воскликнул Бекетт, кое-как принимая сидячее положение. — С какой стати? Я вижу вас впервые в жизни! Ради Христа, сэр...

— Меня зовут Марк Корнуолл. Вы нанимали убийц, чтобы покончить со мной.

— Вы хотели убить его из-за манускрипта, который он нашел в библиотеке университета в Вайалузинге! — крикнул Оливер, высовываясь из-под локтя Корнуолла. — И меня вы бы тоже убили, если бы смогли. Вам донес на него монах по имени Освальд, которого обнаружили утром на улице с перерезанным горлом!

— Но это было так давно! — простонал Бекетт. — Я раскаялся...

— Мы вам не верим, — произнес Корнуолл. — Выбирайте: псы или меч. Мерзавец вроде вас не имеет права жить.

— Позволь мне, — попросил Джиб. — Не годится пачкать сталь твоего клинка кровью такого отребья. Один удар топора...

— Хватит болтать, — проговорила ведьма, дергая Корнуолла за рукав. — Я забираю его себе. Зачем понапрасну переводить добро? Только посмотрите, какой красавчик! Он мне нужен. Сколько холодных ночей

я провела в одиночестве, и некому было согреть мою постель!

Она наклонилась над Бекеттом и пощекотала его подбородком. Глаза Бекетта остекленели.

— Он не стоит того, чтобы о нем заботиться, — буркнул Оливер. — Помяни мое слово, он удерет при первой же возможности. К тому же псы ...

— Ха! — фыркнула ведьма. — Эти щенки не настолько глупы, чтобы связываться со мной. Пусть только попробуют! Я их так отхожу помелом, что вовек не забудут! И никуда он не денется: я наложу на него заклятье, и он не сможет убежать. Ай, миленочек, и повеселимся же мы с тобой! Погоди, вот заберешься ко мне под одеяло, я тебе покажу, как надо...

— Выбирайте, — повторил Корнуолл. — Псы, меч или это...

— Что значит «выбирайте»? — взвизгнула ведьма. — Я же сказала, что забираю его себе! — Она взмахнула руками, забубнила какую-то нелепицу, закружилась на месте, а потом приказала: — Отпусти-те его!

Хэл с Джибом подчинились. Корнуолл отступил на шаг, Бекетт перевернулся на живот, встал на четвереньки и подполз к ведьме.

— Как собака, — пробормотал пораженный Корнуолл. — Если бы не...

— Какой хорошенький! — воскликнула ведьма. — Я ему нравлюсь! — Она нагнулась и погладила Бекетта по голове. Будь у того хвост, он, вероятно, завилял бы им от восторга. — Пойдем, дружок.

Она направилась к дому. Бекетт на четвереньках пополз за ней.

Чаепитие тем временем было в самом разгаре. Ведьма, прежде чем заняться Бекеттом, принесла чайник, а добровольные помощники притащили к груде камней, под которыми находилась берлога людоеда, стол, накрыли его скатертью, расставили чашки и раздали печенье. Корнуолл осмотрелся. Неуклюжий великан и адские псы куда-то исчезли. Совершенно неожиданно все переменялось к лучшему. Осеннее солнышко заливало вершину холма своими лучами, снизу, от моста, доносилось журчание воды.

— А где лошади? — спросил Корнуолл у Хэла.

— Пасутся на лугу у реки, там полным-полно травы. С ними Плакси.

Откуда ни возьмись возник Енот. Он ковылял на трех лапах, потому что в четвертой у него было печенье. Хэл подхватил зверька и посадил себе на колени. Устроившись поудобнее, Енот принялся грызть печенье.

— Сдается мне, все кончено, — сказал Корнуолл. — Можно и отдохнуть.

— Интересно, — проговорил Джиб, — как поведут себя псы, когда узнают, что Бекетт им не достался?

— Мы разберемся с этим в свой черед, — отозвался Корнуолл.

Глава 23

Людоед сунул в рот печенье и насмешливо посмотрел на Корнуолла.

— Скажи-ка, — спросил он у Мэри, — что это за молокосос сопровождает тебя?

— Он вовсе не молокосос, — возмутилась девушка. — И вообще, поберегите свои шуточки для кого-нибудь другого. Он не всерьез, — объяснила она Корнуоллу, — у него такая манера шутить.

— Если он так шутит, — задумчиво сказал тот, — то каков же в гневе?

— Ну чего ты там встал? — осведомился людоед. — Садись вот сюда, попей с нами чайку. К сожалению, печенья уже не осталось. В жизни не видел такой голодной оравы. Они накинудись на печенье так, будто их морили голодом целую неделю.

— Странно, — заметила Мэри, — прошлой ночью нам закатали роскошный пир.

— Они обжоры, — заявил людоед, — самые настоящие обжоры. С виду хрупкие как тростиночки, а на деле — сплошные челюсти да кишки.

Корнуолл уселся рядом с людоедом. Фея протянула ему чашку, такую крохотную, что он испугался, увидев ее в своих ладонях. Налита она была до половины; похоже, в чае ощущался некоторый недостаток.

— Людоед рассказывал мне о моих родителях, — проговорила Мэри. — Он как будто хорошо их знал.

— Особенно твоего отца, — громыхнул людоед. — Мы выяснили, что у нас с ним много общего. Вечерами мы приходили сюда, на это самое место, и говорили, говорили часами подряд. Он был толковый и образованный человек, и беседовать с ним было одно удовольствие. Он утверждал, что в своей стране пользовался почетом и уважением. Ему нравился наш край и те, кто его населяет, и он ни чуточки не боялся их, что, уж поверьте мне, достаточно необычно для человека. С женой его я виделся реже, чем с ним, однако они оба были мне по душе, а что касается их милой дочурки, я любил ее так, словно она была моей собственной дочерью, хотя, если вдуматься, — откуда у меня могла взяться такая вот егюза? Я полеживал в своей берлоге, а она кидалась в меня камнями и грязью; я представлял себе, как ее охватывает беспричинный детский страх и она убегает, и мне становилось так смешно, что стены моей норы ходили от хохота ходуном.

— Знаете, — признался Корнуолл, — мне показалось, вы не из тех, кто способен хохотать до упаду.

— Все дело в том, мой добрый сэр, что вы со мной незнакомы — я имею в виду, близко. Я обладаю множеством превосходных качеств, которые, увы, невозможно рассмотреть с первого взгляда.

— Я думаю вот о чем, — сказала Мэри. — Возможно ли, чтобы мои родители попали сюда из того мира, о котором упоминал вчера мастер Джонс?

— А почему бы и нет? — пожал плечами людоед. — Они, разумеется, ничего не говорили, но когда появился этот Джонс, я заметил, что между твоими родителями и им существует известное сходство: в характерах, в том, как они смотрели на те или иные вещи, в спокойной самоуверенности, которая порой граничила с высокомерием. Правда, у них не было ни единой из тех колдовских штук, с которыми носитесь Джонс; они пришли сюда скромными паломниками, с узелками в руках. Я как раз вылез из норы погреться на солнышке и увидел вас. Вы втроем спустились с холма и перешли реку по мосту, и, знаешь, выглядели вы просто бесподобно. В тех узелках были скудные пожитки, какие могли принадлежать людям, которые никогда не бывали в Пустынном Краю. Откровенно говоря, я часто гадал, не нарочно ли они так поступили, чтобы их приняли не за тех, кем они были на самом деле.

— Значит, они вам нравились, — промолвила Мэри.

— Еще как! В тот день, когда они ушли на запад, в сторону Выжженной Равнины, мое сердце едва не разорвалось от горя. Между прочим, милая, они намеревались взять тебя с собой, но мне удалось переубедить их. А в остальном они не пожелали прислушаться к моим советам. Страх был им неведом, они считали, что, если пойдут с миром, их пропустят куда угодно. Они верили в доброту. Ей-ей, сущие дети! Сдается мне, они согласились оставить тебя только потому, что предполагали вернуться. Так сказать, они решили избавить тебя от тягот утомительного путешествия, заметь, от тягот, а не от опасностей: им казалось, что никакие опасности их подстергать не могут.

— Итак, они ушли на запад, — заключил Корнуолл. — Зачем?

— Не знаю, — ответил людоед. — Одно время я думал, что знаю, но теперь далеко не уверен. Они ничего мне не говорили. Кажется, они стремились что-то там отыскать и как будто догадывались, где это «что-то» может быть.

— Вы считаете, что они погибли? — спросила Мэри.

— Нет, вряд ли. Если бы я считал так, то не сидел бы год за годом на камнях, оглядывая окрестности. По совести говоря, я не думал, что они возвратятся, но если бы это случилось, то я ни капельки бы не удивился. Несмотря на всю их мягкость, они производили впечатление людей, выражаясь образно, непотопляемых, которых невозможно погубить, которых избегает смерть. Конечно, вам странно слышать такое, к тому же я могу ошибаться, но порой у всякого существа возникает ощущение, которое опровергает любую логику. Я видел, как они уходили, я наблюдал за ними, пока они не скрылись из глаз. А теперь мне приходится провожать вас, ибо, по-моему, вы идете по их следам. Как ни жаль, но девушка, сэр книжник, похоже, не покинет тебя.

— Право, я с радостью оставил бы ее тут, — сказал Корнуолл.

— Я не останусь, — возразила Мэри. — Мне нужно найти родителей.

— Вот так, — развел руками Корнуолл.

— Вот так, — повторил людоед. — Надеюсь, меч служит тебе не для украшения? Ты не похож на бойца. От тебя пахнет книгами и чернилами.

— Увы, — согласился Корнуолл. — Зато у нас надежные спутники. И потом, мой клинок изготовлен из волшебного металла. Только мне, пожалуй, не мешало бы поупражняться с ним.

— Я бы предложил тебе еще одного спутника, — сказал людоед. — На мой взгляд, он вам пригодится.

— Вы имеете в виду Джонса? — догадался Корнуолл.

— Да, — кивнул людоед. — Он называет себя трусом, но трусость не порок, а добродетель. Храбрость — болезнь, которая частенько приводит к смерти. Джонс не бросится очертя голову вперед, не станет ничего предпринимать, пока не уверится, что сила на его стороне. Возможно, у него найдется могущественное оружие, хотя какое — кто его знает. Он колдун, но колдовство у него особое, похитрее нашего и поглубже. Нет, он вам явно пригодится.

— Может быть, — согласился Корнуолл нерешительно. — Однако он не внушает мне доверия.

— Тому виной его колдовство, — объяснил людоед. — Ты просто чувствуешь могучую и чужеродную колдовскую силу.

— Наверно. Ладно, я попробую его соблазнить.

— Мне кажется, — сказала Мэри, — долго упрашивать его не придется. Он хочет проникнуть дальше в Пустынный Край, но боится идти один.

— А вы сами? — спросил Корнуолл у людоеда. — Не желаете присоединиться к нам?

— Нет, — отозвался тот. — Я покончил со всякими глупостями. Впрочем, даже и не припомню, чтобы я когда-нибудь их творил. Я вступил в тот возраст, когда мне всего и нужно, что поспать в берлоге да посидеть на камнях у входа.

— Но вы расскажете, что нас ждет?

— Сдается мне, что вас и без того закормили слухами. Молва не ведает удержу, но внимает ей только глупец. — Людоед пристально поглядел на Корнуолла. — А ты, похоже, не из глупцов.

Глава 24

Лагерь Джонса казался покинутым. Три ярких шатра стояли на прежнем месте, однако все живые существа, даже маленький народец, куда-то пропали. Возле стола чернели круги кострищ, валялись обглоданные кости и пивные кружки. С козел угрюмо взирали на запустение два опорожненных досуха пивных бочонка. Легкий ветерок, прошелестев в кронах деревьев, поднял облачко пыли с дороги, что вела к полю битвы между людьми Бекетта и адскими псами. Мэри вздрогнула.

— Как тут неудобно, — проговорила она, — особенно после той ночи. Куда они все подевались?

Лошади, на которых они прискакали, рыли землю копытами. Очевидно, им не терпелось вернуться на пастбище у реки. Они встряхивали гривами, и упряжь позвякивала в такт движениям их голов.

— Джонс! — позвал Корнуолл. Он хотел было крикнуть, громко, во весь голос, но что-то побудило его к осторожности, и слово прозвучало лишь немногим громче обычного. — Надо посмотреть, — решил он и направился к самому большому из шатров. Мэри следовала за ним по пятам.

В шатре никого не оказалось. Обстановка — раскладушка, стол со стулом, металлический шкаф, плотные портьеры — сохранилась в неприкосновенности, зато исчезла машинка, которую Джонс называл фотоаппаратом, а заодно с ней — шкатулка, где он хранил

цветные миниатюры, и прочие диковинные предметы, что раньше лежали на столе.

— Он ушел, — сказал Корнуолл, — ушел из нашего мира в свой. — Он уселся на раскладушку и сцепил пальцы. — Он мог поведать нам столько интересного! Той ночью, как раз перед тем как появились псы, он завел со мной странный разговор.

Он огляделся по сторонам и впервые ощутил царящую в шатре инородность, иномирность; дело тут было не в шатре и не в тех предметах, которые в нем остались, — они не слишком отличались от знакомых Корнуоллу, — а в некоем загадочном ощущении, если хотите, запахе иной плоскости бытия. В первый раз с того дня, как он отправился в путь, Корнуолл испытал страх и почувствовал себя бесконечно одиноким. Он взглянул на Мэри, стоявшую рядом с ним, и на какой-то волшебный миг ее лицо стало для него целым миром — ее лицо и глаза, в которых отражались его собственные зрачки.

— Мэри, — проговорил он хрипло, едва слыша себя, и протянул к ней руки.

Она очутилась в его объятиях, обвила его руками за шею, а он прижал ее к себе, такую мягкую и податливую, такую теплую. Тепло ее тела, аромат волос, очертания фигуры — все обещало покой и наслаждение.

— Марк, Марк, Марк, — шептала она ему на ухо, как будто его имя было для нее молитвой или заклинанием.

Он уложил ее на раскладушку и лег сам, сверху. Она приподняла голову и поцеловала его; губы прильнули к губам и не желали отрываться друг от друга. Он просунул руку ей под платье и ощутил ее наготу: спелость груди, гладкость живота, курчавость волос на лобке. Мир стучался ему в виски, словно стремился дозваться, но он не откликался. Он отринул его и заперся в своем мирке, где не было посторонних — только они с Мэри, только они двое, и больше ничто не имело значения.

— Марк, где ты? — спросил кто-то напряженным голосом.

Он нехотя расстался со своим мирком, в котором они с Мэри были наедине, уселся на раскладушке и, моргая, уставился на фигуру, глядевшую на него из-под полога шатра.

— Прошу прощения, что помешал вашим шалостям, — проговорил Хэл.

— Чтоб ты провалился! — воскликнул Корнуолл, вскакивая. — Что ты лезешь, куда тебя не просят?

Он шагнул было к Хэлу, но Мэри успела остановить его.

— Марк, все в порядке.

— Приношу свои извинения вам обоим, — сказал Хэл. — Я допустил бестактность. Но мне надо было предостеречь вас. В округе снова объявились псы.

— Что на вас нашло? — крикнул, вбегая в шатер, Джиб. — Вы что, спятили — разъезжать в одиночку?

— Все было тихо, — ответил Корнуолл. — Нам как будто ничто не угрожало.

— Опасности повсюду. Пока мы не покинем эти земли, они будут неотступно преследовать нас.

— Я хотел разыскать Джонса и пригласить его ехать с нами. Но он, похоже, ушел и вряд ли вернется.

— Не нужен нам никакой Джонс, — заявил Хэл. — Мы вчетвером да Оливер с Плакси — вполне достаточно. Уж мы-то никуда не уйдем.

Глава 25

Маленький народец разбежался кто куда, и теперь они продолжали путь вшестером. День близился к вечеру. Местность если и изменилась, то совсем чуть-чуть. Через пять миль от того холма, на вершине которого стоял Дом Ведьмы, они достигли Выжженной Равнины, что тянулась до самого горизонта: громоздились друг на дружку песчаные дюны, земля между ними была бурой и бесплодной. В углублениях, которые раньше, по всей видимости, заполняла вода, попадалась трава, высохшая настолько, что превратилась в сено. Время от времени однообразие пейзажа нарушали мертвые, скелетопоподобные деревья, как будто грозившие небу растопыренными сучьями. На троих лошадей навьючили бурдюки с водой, а на двух оставшихся ехали по очереди. Уже утром Мэри возмутилась, что ей, по общему молчаливому согласию, выделили лошадь в постоянное пользование, и настояла на том, чтобы идти пешком наравне с другими. Если сбросить со счета песчаные дюны, переход оказался не таким уж и утомительным, однако расстояние, которое они прошли, было, естественно, значительно меньше того, какое удалось бы преодолеть верхом.

Возглавляли отряд Корнуолл с Хэлом. Последний, прищурясь, посмотрел на солнце.

— Скоро нам придется остановиться, — сказал он. — Все устали, и потом, надо разбить лагерь до

темноты. Как тебе вон тот гребень, слева? Он достаточно высок, и с него будут хорошо просматриваться окрестности. Вдобавок, мы сможем развести костер. Видишь деревья?

— Костер на гребне будет замечен издали, — возразил Корнуолл.

— Ну и что? — пожал плечами Хэл. — Прятаться нам не от кого. Кому нужно, тот знает, где нас искать, хотя, вполне возможно, сейчас он за нами не следит.

— Ты про адских псов?

— И про них тоже.

— Сдается мне, ты не слишком обеспокоен.

— Ты ошибаешься. Не беспокоиться было бы глупо, равно как и не бояться. Помнишь, какой совет дал нам людоед? Никуда не ходить. Но мы должны были идти, потому что иначе какой смысл забираться в такую даль?

— Целиком с тобой согласен, — сказал Корнуолл.

— В любом случае, — продолжал Хэл, — вы с Джибом отправились бы дальше вдвоем. А коли так, то нам не пристало бросать товарищей на полпути.

— Может, ты и прав, — пробормотал Корнуолл.

Установилось молчание. Под ногами путников шуршали песок и галька. Вскоре они подошли к гребню, о котором говорил Хэл.

— Ну что? Полезем?

— Как скажешь, — откликнулся Корнуолл. — Лесовик у нас ты.

— Тут нет никаких лесов.

— Зато есть гребень. Все равно мне с тобой не тягаться, я человек городской и мало в чем разбираюсь.

Когда они взобрались на гребень, Хэл показал на глубокий овраг в боковом склоне.

— Там найдется сухая трава, — сказал он. — Лошадям будет что пощипать. А на ночь мы приведем их в лагерь.

После того как на гребень поднялись все остальные, Хэл принялся распоряжаться.

— Марк, — велел он, — напои лошадей. По полведра каждой, но не больше. Потом сведи их в овраг, пускай попасутся там до темноты. Приглядывай за ними, чтобы не ускакали. Мэри, ты будешь часовым. Смотри во все стороны и, если что увидишь, кричи. А мы займемся дровами, притащим, сколько сможем.

Когда Корнуолл возвратился с лошадьми, на гребне ярко горел огонь; часть углей сдвинули чуть в сторону, и Мэри готовила на них ужин. Плакси с Оливером исполняли обязанности часовых. Хэл поспешил навстречу Корнуоллу.

— Садись поешь, — сказал он. — Мы уже сыты.

— А где Джиб?

— Пошел на разведку.

Солнце закатилось за горизонт, но небо на западе оставалось еще бледно-розовым. Внизу ничего не было видно, словно путники попали вдруг в страну теней.

— Через часок или около того взойдет луна, — пообещал Хэл.

Корнуолл подсел к огню.

— Голодный? — спросила Мэри.

— Как черт, — ответил он. — И усталый. А ты?

— Я в порядке. — Она положила ему в тарелку еды. — Кукурузная каша с беконом. Надеюсь, ты не возражаешь? Свежего мяса, к сожалению, нет. Хэл не смог никого подстрелить. Зайцы для него слишком резвые. — Девушка устроилась на земле рядом с ним, прижалась к его плечу, подставила губы для поцелуя. — Я хотела поговорить с тобой наедине. Мы тут обсудили кое-что с Оливером, он сказал, что подойдет к тебе, но я ответила ему, что мы разберемся сами. По-моему, так будет лучше.

— И что же вы с ним обсуждали? — спросил удивленный Корнуолл.

— Ты помнишь то, что случилось в шатре?

— Я никогда этого не забуду. А ты? Ты помнишь, Мэри?

— Я тоже не могу забыть. Но нам нельзя думать об этом. Вот о чем собирался поговорить с тобой Оливер. Нам нельзя даже думать об этом.

— При чем здесь, разрази его гром, Оливер? То, что было, касается только нас с тобой, если, конечно, ты разделяешь мои чувства.

— Да, — прошептала она, кладя голову ему на плечо. — Сколько дней ты будто не обращал на меня внимания, а потом неожиданно все переменялось. Я готова была заплакать. Ты у меня первый, понимаешь, первый. Да, я прислуживала в трактире, но...

— У меня и мыслей таких не было, — пробормотал он. — Я никогда не воспринимал тебе как, прости за грубость, уличную девку.

— Оливер...

— Каким он боком тут замешан?

— Он объяснил мне, — сказала Мэри и посмотрела Корнуоллу в глаза. — Он страшно смущался, но сумел объясниться. Я должна оставаться девственницей. Он обещал поговорить с тобой, но я...

Корнуолл вскочил. Тарелка с кашей полетела на землю. Мэри успела ухватить его за пояс и заставила сесть.

— Смотри, что ты наделал! — упрекнула она.

— Этот чертов Оливер! — воскликнул он. — Я сверну ему шею, как цыпленку! По какому праву он...

— Рог, — проговорила Мэри. — Рог единорога. Разве ты не понимаешь? Волшебство рога.

— О Господи! — простонал Корнуолл.

— Я выдернула его из дерева, — продолжала девушка, — и сумела это сделать только потому, что до сих пор не знала мужчины. Рог — могучее волшебное средство, но лишь в моих руках. Оливер сказал, что мы в столь отчаянном положении, что пренебрегать рогом было бы безумием. Я заявила ему, что сама поговорю с тобой, и сдержала слово. Я догадывалась, что может произойти, если он заведет с тобой подобный разговор. А свары и драки нам ни к чему.

— Извини, — буркнул он. — Извини, что тебе пришлось говорить это мне. Я мог бы сообразить и сам. Ну, разумеется, мог бы!

— Нам с тобой некогда было думать об этом, — возразила она. — Все случилось почти мгновенно. Скажи мне, милый, — Мэри прильнула к Корнуоллу, и он обнял ее, — у других тоже так?

— Вряд ли, — ответил он. — Но я бессилён был сдержаться.

— И я, — прошептала она. — До того как ты взглянул на меня, я даже не подозревала, как сильно мне хочется стать твоей. В каждой женщине сидит шлюха. Нужен только подходящий мужчина, чтобы она выпрыгнула наружу.

— Все когда-нибудь кончается, — произнес он. — Наступит миг, когда магия единорога нам больше не понадобится. Что ж, подождем.

— А если мы оба, или один из нас, почувствуем, что уже не в состоянии терпеть, тогда наплюем на всякую магию!

Над костром запорхали искры: на уголья осыпались сгоревшие ветки. Небо на востоке просветлело — там восходила луна. В ночной темноте засверкали звезды. Позади влюбленных послышались шаги. Мэри встала.

— Положу тебе еще каши. Я наварила её от души.

Глава 26

К середине четвертого дня пути впереди показался замок Зверя Хаоса. Паломники увидели его, поднявшись по крутому склону высокого холма, что обрывался прямо от вершины в глубокую долину, по которой когда-то протекала река. Палящее солнце выжгло почву на дне долины; наклонившись над обрывом, можно было различить на отвесной стене напластования красного, розового и желтого. Замок смотрелся достаточно неприглядно. Раньше он, должно быть, выглядел весьма внушительно, однако ныне являл собой плачевное зрелище: сторожевые башенки попадали, у стен, изрезанных вдоль и поперек трещинами, валялись груды камней, тут и там росли чахлые деревца.

Путники остановились, чтобы как следует присмотреться к замку.

— Столь грозное название, — сказал Плакси, — а на самом деле куча мусора.

— Ну, ты хватил через край, — возразил Оливер. — Он по-прежнему таит в себе угрозу.

— Поблизости никого не видно, — проговорил Джиб. — Может, он заброшен? Знаете, я все больше сомневаюсь, что здесь можно встретить хоть одно живое существо. Четыре дня подряд нам попадаются только зайцы да изредка суслики.

— А не попробовать ли нам его обойти? — предложила Мэри. — Вернуться назад и...

— Если там кто-нибудь есть, — сказал Хэл, — то нас уже заметили.

— А как по-твоему, Марк? — спросила Мэри.

— Хэл прав, — ответил Корнуолл. — К тому же вон, кажется, какое-то подобие тропы. Судя по всему, кроме как по ней нам не спуститься. Да и слова Джиба могут подтвердиться. А вдруг замок в самом деле заброшен?

— Но там, откуда мы идем, нам все уши прожужжали о Звере Хаоса, — сказала девушка. — Вроде бы он до сих пор жив.

— Предания умирают медленно, — объяснил Плакси, — а живут долго. Вдобавок, до нас тут бывали немногие, так что свежие вести получить неоткуда.

Хэл двинулся вниз по тропе, ведя за собой в поводу одну из лошадей. Товарищи последовали за ним, внимательно глядя под ноги: тропа была узкой и крутой. Корнуолл, шедший сразу за Хэлом, бросил взгляд на Енота, который восседал на бурдюке с водой. Енот соорудил ему гримасу, но тут же вынужден был вцепиться когтями в шею лошади, когда животное споткнулось, потом выпрямился и гордо поехал дальше. Выглядел он слегка потрепанным и мало напоминал прежнего Енота. «Что уж тогда говорить про нас», — подумал Корнуолл. Дни и мили пути взяли свое. Переход был утомительным, и, что хуже всего, никто не знал, когда и где он завершится, ибо о географии Пустынного Края можно было только догадываться. Приходилось полагаться на словесные указания, а слова — они и есть слова. «Сперва Дом Ведьмы, — прикинул Корнуолл, — затем Выжженная Равнина, замок Зверя Хаоса и, в конце концов, Туманные Горы». Ему вспомнились разговоры о Том-Кто-Размышляет-На-Горе, и он подумал: вдруг та самая гора окажется одной из Туманных? Ну да ладно, когда они достигнут Туманных Гор, до Древних будет уже рукой подать. По крайней мере, так говорил Джонс, хотя, опять-таки, он лишь повторял то, что слышал от своих маленьких приятелей. «Сплошные слухи, — подумал Корнуолл, — ничего достоверного, ни единого проверенного факта. Просто-напросто выбираешь себе направление и идешь куда глаза глядят, надеясь, что со временем найдешь то, что ищешь».

Путники спустились в долину. Теперь им предстояло подняться на противоположный склон. Тропа была едва различимой, лошади постоянно спотыкались и оступались. Корнуолл не смотрел ни вперед, ни по сторонам: он не отрываясь глядел себе под ноги и напряженно прислушивался к шумному дыханию лошади у себя за спиной. Поэтому он очутился на вершине холма совершенно неожиданно для себя, гораздо быстрее, чем предполагал. Тропа вывела отряд наверх и оборвалась.

Корнуолл расправил плечи и осмотрелся. Они находились на равнине, причем отнюдь не столь безжизненной, какой она показалась им с первого взгляда. Теперь равнину заполнили адские псы. Они неотвратно приближались, наступали, развернувшись в цепь, а перед ними бежал великан, тот неуклюжий верзила, с которым Корнуолл перекрикивался через реку у Дома Ведьмы. Бегущий великан являл собой достаточно комичное зрелище. Он ухитрился намного обогнать кошмарных псов.

Стоявший рядом с Корнуоллом Хэл наложил на тетиву стрелу. Если он и волновался, то внешне это никак не проявлялось. «Он знает, — подумал Корнуолл, глядя на сосредоточенного Хэла, — знает не хуже моего, что нам не выстоять, не сдержать натиск этой своры, что они сомнут нас, сбросят обратно в долину и переловят поодиночке». Его ладонь легла на рукоять клинка; он рывком вытащил меч из ножен и подивился тому, что заметил, как ярко сверкает на солнце колдовское лезвие. Каким-то непонятным образом сверкание клинка придало ему мужества, он вдруг ощутил себя кем-то вроде героя. Корнуолл шагнул вперед, не отдавая себе отчета в том, почему он это делает, поднял меч, взмахнул им над головой и принялся крутить его так, что тот будто превратился в сгусток пламени; с уст книжника сорвался боевой клич, дерзкий вызов врагу — не слова, но нечто, похожее на рык или на рев, какой издает при виде соперника разгневанный бык. Он продолжал махать мечом, и тут случилось то, чего он никак не ожидал: оружие выскользнуло у него из руки, и он застыл в изумлении, чувствуя себя беззащитным глупцом.

«Господи Боже, — мелькнула у него мысль, — я погиб! И зачем только я покинул Вайалузинг? Мое место не здесь. Что подумают обо мне остальные? Надо же, не смог удержать меч!»

Он собрался прыгнуть за мечом, надеясь, что тот упал не слишком далеко. Однако меч, как выяснилось в следующий миг, вовсе не собирался падать. Вращаясь в воздухе, он двигался навстречу неуклюжему великану. Исполин попытался увернуться, но запоздал; к тому же ему не хватило ловкости. Лезвие рассекло ему горло, и он рухнул навзничь. Впечатление было такое, что он споткнулся на бегу и не сумел устоять на ногах. Из горла его хлынула кровь. Он повалился на землю, дернулся и затих. Меч возвратился к Корнуоллу. Тот протянул руку, и рукоять клинка легла ему в ладонь.

— Я же говорил тебе, — воскликнул Плакси, — что меч — колдовской! Правда, такой исход мне и не снился. Может, все дело в мечнике? Сражался ты здорово, ничего не скажешь.

Корнуолл не ответил. Слова не шли у него с языка. Он стоял и ошарашенно разглядывал клинок.

Тем временем свора адских псов повернула вспять.

— Не спешите радоваться, — предостерег Хэл. — Они могут вернуться.

— Вряд ли, — возразил Джиб. — Меч пришелся им не по нраву. Они испугались. Жаль, что мой топор не волшебный. Тогда бы они у нас поплясали!

— Там что-то происходит, — проговорила Мэри. — Видите, в замке?

Из замковых ворот струился туман. Мгновение спустя он зазмеился по равнине, направляясь к путникам.

— И что теперь? — спросил Хэл. — Или кто-то считает, что псов нам маловато?

— Скорее! — крикнул Плакси. — Забирайтесь в туман и идите к замку! Псы не посмеют преследовать нас. В нем мы будем в безопасности!

— К замку? — переспросил Корнуолл.

— Что касается меня, — ответил Плакси резко, — то я с большим удовольствием предпочту псам Зверя Хаоса.

— Я согласен с Плакси, — заявил Оливер.

— Что ж, — пробормотал Корнуолл, — тогда пошли.

Туман подобрался к ним почти вплотную.

— Быстрее, быстрее, — торопил Корнуолл. — Я прикрою вас сзади.

— И я с тобой, сэр книжник, — воскликнул Джиб.

Они вбежали в туман. Издали донесся заливистый лай обманутых псов. Под охраной тумана путники достигли ворот и проскочили во внутренний двор замка. Тяжелые створки с грохотом захлопнулись за их спинами. Туман начал рассеиваться, и взглядам паломников предстала толпа чудовищ.

Никто не пошевелился. И те и другие молча рассматривали друг друга.

Среди чудовищ не нашлось бы и двух похожих. Их наружность едва поддавалась описанию. В толпе выделялись приземистые существа с волочившимися по земле крыльями, большеротые и слюнявые люди-лягушки, чешуйчатые твари, которые выглядели так, словно болели проказой, и множество иных, не менее отвратительных созданий. Мэри прижалась к Корнуоллу. Джиба, похоже, подташнивало.

Навстречу путникам шагнул уродец с огромным животом, на котором у него располагалось лицо. Он сказал:

— Нам нужна ваша помощь. Зверь Хаоса мертв.

Глава 27

Им предложили разместиться в замке, но они отказались и расположились во дворе. Дров для костра оказалось в избытке; в котелке над огнем тушилось с полдюжины хилых цыплят.

— Иначе их не пригото́вишь, — заметила Мэри. — Они такие жесткие, что мы не смогли бы их прожевать.

Помимо цыплят, хозяева оделили их тремя буханками свежее испеченного хлеба и корзиной овощей — моркови, бобов и тыкв — и куда-то запропастились.

В углу слышалось сдавленное кудахтанье.

— Енот охотится, — проговорил Хэл. — Я пообещал ему цыпленка, но он хочет добыть себе ужин сам.

Солнце село, и над замком стали сгущаться сумерки. Пилигримы разлеглись у костра. Замок возвышался над ними грудой замшелых камней. По двору вяло бродили цыплята, рылись в кучах мусора тощие свиньи. Около половины двора занимал обнесенный забором огород. Он явно доживал последние дни. На грядках виднелось несколько кочанов капусты, чуть поодаль торчала из земли ботва репы.

— Объясни мне, пожалуйста, — попросил Корнуолл Плакси, — откуда ты узнал, что в тумане нам ничто не грозит.

— По наитию, — отозвался гном. — Меня выручило чутье, то знание, о присутствии которого и не подозреваешь, пока оно не проявится. Да, пускай будет

найтие. Тебе оно недоступно, потому что ты человек. Внутри меня что-то щелкнуло, и я понял, что нам делать.

— Может, ты скажешь, что нам делать дальше? — осведомился Хэл.

— Увы, — вздохнул Плакси. — Так или иначе, на какое-то время мы в безопасности. Признаться, я с трудом понимаю, что происходит. Они утверждают, что Зверь Хаоса мертв и им нужна наша помощь. Но на какую помощь с нашей стороны они рассчитывают? И потом, меня сильно беспокоит их наружность. Они кажутся мне подонками нашего мира, ведь их не отнесешь ни к маленькому народу, ни к обычным чудовищам; они — другие. Нам порой рассказывали о них, редко, ибо тех, кто их видел — раз-два и обчелся. К тому же эти рассказы смахивали скорее на предания. А насчет Зверя Хаоса предупреждаю сразу: мне известно о нем не больше вашего.

— Как бы то ни было, — проговорил Джиб, — они оставили нас в покое. Принесли нам еду и пропали. Может, дают нам привыкнуть к себе? Если так, то я искренне рад. Мне очень стыдно, но еще немного, и меня бы стошнило.

— Привыкай, привыкай, — посоветовал Корнуолл. — Рано или поздно они вернутся. Им что-то от нас нужно.

— Надеюсь, мы успеем поесть до их возвращения, — пробормотал Хэл.

Его надежды оправдались. Они плотно поужинали, а когда наступила ночь, Хэл подбросил в костер дров, и тот разгорелся настолько, что его пламя освещало значительную часть двора, поэтому появление уродцев не прошло незамеченным.

Их было трое — Толстопузый (с лицом на животе), Лягушка — из числа людей-лягушек, и Лис, который, судя по его виду, начал было превращаться в человека, да так и застрял на подороге.

Они подошли к костру и уселись, не дожидаясь приглашения. Лис ухмыльнулся, оскалив зубастую пасть. Двое остальных сохраняли серьезность.

— Вам удобно? — справилась Лягушка. — Вы сыты?

— Да, — ответил Корнуолл, — большое спасибо.

— Для вас приготовлены комнаты.

— Нам будет не по себе без костра и неба над головой.

— Люди к нам заходят нечасто, — сказал с ухмылкой Лис. — А двое из вас как раз люди.

— Вы что-то имеете против людей? — спросил Хэл.

— Вовсе нет, — откликнулся Лис. — Нам нужен кто-нибудь, кто бы не испугался.

— А если нам тоже станет страшно? — поинтересовался Корнуолл.

— Но не от того, чего боимся мы, — возразил Лис. — Не от Зверя Хаоса.

— Так он же мертв!

— А разве мертвецы не пугают живых? Если вы боялись их при жизни, то...

— Если вы так напуганы, почему остаетесь тут?

— Потому, — отозвалась Лягушка, — что нам надо кое-что доделать. Зверь Хаоса перед смертью взял с нас клятву. Мы знаем, что должны это сделать, но нам страшно.

— И вы хотите, чтобы мы исполнили за вас ваше обещание?

— Вам будет легче, чем нам, — вмешался Толстопузый. — Вы не знали Зверя Хаоса и не представляете, что он мог творить.

— Мертвые не способны что-либо сотворить, — заметил Джиб.

— Мы пробовали убедить себя, — сказал Лис, — но у нас ничего не вышло. Бесполезно, сколько бы мы ни старались.

— Расскажите нам о вашем Звере, — буркнул Корнуолл.

Уродцы переглянулись.

— Расскажите, — повторил Корнуолл, — иначе нам не о чем с вами разговаривать. Раз вы просите нас об услуге, значит, должны чем-то отплатить.

— Ну, мы думали...

— Вы думали, что, поскольку помогли нам днем...

— Да, да, — перебил Толстопузый, — так мы и думали.

— Я не уверен, что мы не обошлись бы без вашей помощи, — произнес Хэл. — Колдовской клинок Марка, полный колчан стрел, Джиб со своим топором...

— Они помогли нам, — сказала Мэри.

— Не дайте им одурачить вас! — воскликнул Плакси. — У них на уме что-то нехорошее.

— Что ж, — проговорил Корнуолл, — я признаю, что вы нам пособили, однако не так уж сильно.

— Вы торгуетесь с нами? — удивился Лис.

— Я бы сказал: обсуждаем условия.

— Берите мешок цыплят, — предложил Лис. — Или пару свиней.

Корнуолл промолчал.

— Мы можем подковать ваших лошадей, — прибавила Лягушка. — У нас есть кузница.

— Подождите, — подал голос Джиб, — куда вы торопитесь? Сначала надо узнать, чего они от нас хотят. Может, мы сразу откажемся.

— Ничего сложного, — сказал Толстопузый, — даже не вспотеете. Если, конечно, вы не боитесь Зверя, как мы. Стоит упомянуть его имя, как мы уже дрожим.

Троица дружно вздрогнула.

— Неплохо получается, — съязвил Плакси. — И чем же он вас напугал? Поведайте нам, что в нем такого страшного. Нам не привыкать ко всяким ужасам.

— Он не из нашего мира, — пробормотал Лис. — Он спустился с неба.

— Ну и что? — буркнул Корнуолл. — Оттуда свалилась добрая половина языческих богов. Что в этом особенного?

— В преданиях утверждается, что он и впрямь спустился с неба, — отозвался Толстопузый. — Он упал на это самое место, и жители окрестных селений разбежались в страхе кто куда, потому что его нельзя было не испугаться. В ту пору, если верить легендам, все шло хорошо: земля была щедрой и давала обильные урожаи, дождевые тучи поили почву влагой, а те, кто обитал здесь, были довольны судьбой и радовались жизни. Но вдруг на этот край обрушилось несчастье: дожди прекратились, земля оскудела и начался голод. Поговаривали, что виной всему Зверь. Созвали совет, на котором было решено, что от Зверя следует отгородиться. Год за годом вокруг него и сверху громоздили валуны, которые привозили издалека, и оставили только одно крошечное отверстие, чтобы при желании достать до него. Хотя у кого могло возникнуть такое желание, сказать невозможно. Ну вот, над Зверем построили настоящий

склеп, с крепкими опорами для стен, а отверстие наверху заложили каменной плитой.

Завершив работу, народ стал ждать дождя, но тот все не шел, а земля страдала по-прежнему, трава жухла и высыхала, и ее понемногу заносило песком. Однако никто не хотел уходить отсюда, ведь раньше земля была плодородной, значит, могла стать такой опять. Некоторые заявляли, что Зверь говорит с ними и требует от местных жителей поклонения себе. «Если мы станем почитать его, он снимет проклятие с нашей земли», — твердили они. Что ж, люди начали поклоняться Зверю, однако ничего не изменилось, и тогда слышались другие разговоры: «Давайте построим ему дом, чудесный дом; быть может, он помиует нас и снимет проклятие с нашей земли». И они воздвигли замок, тот самый, что вы видите перед собой, и в этот замок переселились те, кто научился говорить со Зверем, чтобы узнавать его волю и передавать ее остальным. Порой он требовал такого, от чего нельзя не содрогнуться...

— Но все без толку, — прервал Корнуолл.

— Как вы догадались? — изумился Лис.

— Проклятие с земли, судя по всему, не снято.

— Вы правы, — сказал Лис. — Так оно и есть.

— Но вы с тех пор, как построили замок, не покидали его, — проговорила Мэри. — Вы ведь те, кто научился говорить со Зверем, да?

— Те, кто дожил до сегодняшнего дня, — откликнулась Лягушка. — Многие умерли, хоть и прожили гораздо дольше бывших наших соплеменников. Ко всему прочему мы изменились. Иногда мне кажется, что отпущенные нам сроки удлинились именно для того, чтобы мы успели измениться. Перемены происходили столетие за столетием. Судите сами, к чему они привели.

— Что-то мне не очень верится, — пробормотал Оливер. — Трудно вообразить, что нормальные люди могли превратиться в этих уродов.

— Нас изменил Зверь, — сказал Толстопузый. — Мы чувствовали, как он изменяет нас. Не знали, зачем он это делает, но чувствовали.

— Вам надо было уйти, — проронил Корнуолл.

— Вы не понимаете, — возразил Лис. — Мы дали зарок оставаться со Зверем. Все ушли, а мы остались. Мы боялись, что если Зверя бросят на произвол судьбы, он разломает склеп, вырвется на волю и примется

бесчинствовать по всему Пустынному Краю. Такого случиться не должно. Мы защищаем Пустынный Край от ярости Зверя.

— И потом, — добавила Лягушка, — куда нам было идти? Мы изменились настолько, что нас никто бы не принял.

— Вы думайте что угодно, — заявил Плакси, — а я не верю ни единому их слову. Они рассказывают нам, как у них появились жрецы, эти гнусные пиявки, что мучают простой народ. Зверь был для них источником доходов. Теперь, когда они все ушли, источник иссяк. Но раньше было по-другому; вот почему они утверждали, что умеют разговаривать с ним. Ишь, какие благородные! Они, видите ли, защищают Пустынный Край от ярости Зверя! Если хотите знать, они всего-навсего — шайка пройдох. Да, пройдохи, особенно вон тот, с лисьей мордой!

— Может быть, — согласился Корнуолл. — Но послушаем, что еще они нам поведают.

— Больше рассказывать нечего, — ответил Толстопузый. — И мы не давали повода подозревать нас во лжи.

— Но Зверь мертв, — сказал Хэл. — Выходит, вы свободны. Я помню, он взял с вас клятву, но теперь вы не обязаны ее выполнять. Он вас уже не достанет.

— Вас, может, и не достанет, — пробормотал Лис, — а до нас дотянется. Мы пробыли рядом с ним так долго, что сделались, пожалуй, частичкой его тела, и он, в каком-то смысле, продолжает жить в нас и не отпускает даже мертвый. Не отпускает и...

— Что ж, — заметил Корнуолл, — такое вполне возможно.

— Мы знаем, что он мертв, — проговорил Толстопузый. — Его тело гниет в склепе. Он умирал в мучениях, и мы словно умерли вместе с ним. Мы ощущали дыхание смерти. Однако по ночам, когда тихо, он возвращается к нам. К другим, может, и нет, но к нам возвращается.

— Ладно, — сказал Хэл, — поверим вам на слово. В конце концов, вам пришлось изрядно потрудиться, чтобы сочинить столь неправдоподобную историю, значит, у вас должна быть какая-то цель. В чем она состоит? Вы предлагаете нам работу, которую может сделать лишь тот, кто не боится Зверя. Какую именно?

— Вам надо будет войти в склеп, — ответил Лис.

— Туда, где валяется мертвое чудище?! — воскликнула Мэри.

— Зачем? — спросил пораженный Корнуолл. — С какой стати?

— Оттуда нужно кое-что взять. Зверь велел нам взять это...

— Что?

— Мы не знаем. Мы спрашивали Зверя, но он не пожелал нам ответить. Но нам известно, где «это» лежит. Мы сняли плиту с отверстия и заглянули в склеп. Нам было страшно, очень страшно, но мы сумели справиться с собой. Мы увидели то, что нужно забрать, а потом убежали...

— Значит, вы хотите, чтобы мы вытащили из склепа тот предмет?

— Да, если вы не возражаете, — мило улыбнулся Лис.

— Что он собой представляет? — поинтересовалась Мэри.

— Мы видели только часть его, вернее, нам показалось, что мы видели только часть. Мы понятия не имеем о его назначении. Он похож на клетку, круглую клетку с металлическими прутьями, вот такую, — Лис раздвинул ладони на расстояние около фута.

— И что, она в теле Зверя?

— Да.

— Грязная работенка, — заметил Джиб.

— Мне это не нравится, — сказал Плакси. — Чертовщина какая-то. Они что-то от нас скрывают.

— Похоже на то, — отозвался Корнуолл, — однако, я думаю, мы сумеем договориться. Но цыплятами и свиньями вы не отделаетесь.

— А может, так? — невинно осведомился Лис. — Из рыцарских побуждений?

— Еще чего! — хмыкнул Оливер. — Благородство, рыцарство то бишь, приказало долго жить. Оно изначально было обречено. Так что или вы предлагаете нам что-нибудь стоящее, или мы поутру уходим.

— Вы не посмеете, — фыркнул Лис. — Вокруг замка шныряют адские псы. Они разорвут вас на куски, стоит вам выйти за ворота. Вы им никогда не нравились, а теперь, когда вы убили великана, они вас возненавидели.

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? — поинтересовался Хэл.

— Возможно, нет, — откликнулся Толстопузый, — возможно, мы выручим вас.

— Все они тут заодно! — вскинулся Плакси. — Эти штукари как пить дать заодно с псами! Они нарочно заманили нас сюда!

— Вы хотите сказать, — проговорила Лягушка, — что мы дружим с адскими псами и совместными усилиями завели вас в западню, чтобы вы не могли отказать нам в нашей просьбе? Смею вас заверить, вы глубоко ошибаетесь.

— Между прочим, — вмешался Джиб, — мы не видели ни одного пса, пока не приблизились к замку. Они как будто избегали нас, хотя мы их поджидали. Они могли напасть на нас когда угодно, но почему-то предпочли устроить нам встречу здесь.

— Псы кружат возле замка долгие годы, — объяснил Лис. — Мы враждуем с ними с незапамятных времен. Не так давно они сделались осмотрительнее. Мы научили их осторожности, они узнали, на что мы способны. Раз за разом мы пробуем на них свое колдовство, они отступают, но всегда возвращаются. Правда, надо признать, что теперь, завидев нас, они поджимают хвосты и разбегаются в разные стороны. Мы научили их уму-разуму.

— Им нужен замок? — спросил Джиб. — Я прав?

— Да, — ответил Лис. — Ведь тогда у них было бы чем гордиться: владельцы замка, принадлежавшего Зверю Хаоса! Если говорить серьезно, они мало на что годятся, эти буяны и драчуны. Их боятся, но уважать не уважают. Вот если бы они завладели замком, другое дело.

— Вы утверждаете, что научили их уму-разуму?

— Они держатся от нас подальше, однако рассчитывают однажды перехитрить...

— Если я правильно понял, — сказал Корнуолл, — вы проводите нас, когда мы покинем замок?

— Совершенно верно, — ответил Лис.

— То есть мы лезем в склеп, достаем ту вещицу, а потом вы велите кому-то из своих сопровождать нас до того места, где можно будет уже не опасаться псов?

— Врут они все, — буркнул Оливер, — и псов боятся до смерти, как и Зверя...

— Да какая вам разница? — не выдержала Мэри. — Вы же решили побывать в склепе! Или нет? Ведь вас разбирает любопытство, вы не успокоитесь, пока не выясните, что там такое!

— Итак, — произнес Корнуолл, обращаясь к Лису, — вы обещаете?

— Обещаем, — откликнулся тот.

— Смотрите, — пригрозил Хэл, — а то мы с вами посчитаемся.

Глава 28

Вонь забиралась в ноздри и оглушала сознание, от нее першило в горле и выворачивало наизнанку желудок, а из глаз текли слезы. Омерзительная, чужеродная, она, казалось, возникла не на Земле, а попала на нее прямо из преисподней. Несколько часов подряд паломники устанавливали над отверстием в потолке склепа — Корнуолл, признаться, начал воспринимать его как выгребную яму — длинные шесты в виде треножника, крепили к ним ворот и пропускали через него веревку.

Когда подготовительная работа наконец завершилась, Корнуолл перегнулся через край отверстия и бросил взгляд на гниющую массу внизу: не жидкую, не твердую, а какую-то желеобразную. Он сколько мог оттягивал момент спуска, но дальше медлить было уже нельзя. Вид разлагающейся массы и та вонь, что от нее исходила, имели нечто общее: и то и другое немедленно сказывалось на желудке. Вонь была отвратительна сама по себе, а лицемерие содержимого склепа делало ее почти непереносимой. Корнуолл судорожно задергался, однако его не вырвало: все, что было можно, он изрыгнул уже раньше.

— Давай я, Марк, — предложил Джиб. — На меня, похоже, не так действует...

— Ну да, — огрызнулся Корнуолл, — не ты ли чуть не выблевал все кишки?

— Но я легче, — не сдавался Джиб, — во мне от силы треть твоего веса, и спускать меня будет проще.

— Хватит, Джиб, — буркнул Плакси. — Мы это уже обсудили. Да, ты легче, легче и слабее Марка.

— Ну и что?

— Ту штуку просто так не вытянешь, — сказал Хэл. — Она выросла на теле Зверя и, вполне возможно, до сих пор цепляется за него корнями.

— Да его тело наполовину сгнило! — воскликнул Джиб. — Не тело, а лужа какая-то, честное слово!

— Тогда, — заметил Корнуолл, — клетка, или что она там такое, наверняка бы утонула.

— Откуда ты знаешь? — фыркнул Джиб. — Может, она плавучая.

— Ладно, все, — сказал Корнуолл. — Плакси прав, и нечего заводить один и тот же разговор по второму кругу. Что решили, то решили. Я сильнее любого из вас, и моя сила может мне пригодиться. Я ухвачусь за клетку, крикну вам, и вы потащите меня вверх. Надеюсь, вместе мы с ней справимся. Если нет, позовете остальных. Я имею в виду Мэри. А где, черт побери, Мэри?

— Она пошла разводить костер, — сообщил Плакси. — Когда мы вылезем оттуда, нам не помешает искупаться в горячей воде...

— Одной водой тут не обойдешься, — сказал Оливер.

— Толстопузый дал нам мыло, — ответил Плакси.

— Интересно, зачем им мыло? — подумал вслух Оливер. — Судя по тому, как от них несет, они им никогда не пользовались.

— Кончайте болтать! — прикрикнул Корнуолл. — Причем тут мыло? Причем тут горячая вода? Костер вполне мог бы развести кто-нибудь из вас, а Мэри нужна здесь — чтобы тянуть веревку и... — Он оборвал сам себя. Ему стало стыдно. И чего он раскричался? Все дело в проклятой вони: она терзала внутренности, раздражала, донимала рассудок, могла превратить нормального человека в настоящего маньяка. — Ну что, беремся?

— Я приведу Мэри, — сказал Оливер, — приведу ее и присмотрю за костром.

— Забудь про костер, — посоветовал Хэл. — Возвращайся вместе с ней. Нам может понадобится твоя помощь.

— Был бы у нас крюк, — вздохнул Джиб. — Мы бы зацепили им ту штуковину, и вся недолга.

— У нас нет крюка, — отозвался Хэл, — и нам не из чего его сделать. В замковой кузнице ни кусочка металла...

— Припрятали, — убежденно заявил Плакси, — точно, припрятали — и попрытались сами. Как сквозь землю провалились.

— Можно взять чутунок, — предложил Джиб.

— Обвязывайте меня веревкой, — велел Корнуолл. — Так будет верней и проще.

— Ты задохнешься, — сказал Плакси.

— Не задохнусь, если закрою рот и нос поясом.

— Проверь узел, — бросил Хэлу Плакси. — Если Марк упадет туда, он не сможет выбраться.

— Не учи ученого, — буркнул Хэл. — Вот тебе, мертвая петля. Ну как? — спросил он Корнуолла.

— Превосходно. Дай мне пояс. — Корнуолл обмотал лицо, вернее, нижнюю его часть.

— Стой спокойно, — сказал Джиб. — Я сейчас его завяжу.

В этот миг вернулся Оливер, вслед за которым поднялась по лесенке Мэри.

— Все в сборе, — проговорил Хэл. — Ну-ка, разом, только потихоньку!

Корнуолл свесил в отверстие голову — и судорожно сглотнул. Пояс на лице в известной степени защищал его от вони, однако он не сообразил зажмурить глаза. Внизу растекалась по полу склепа разложившаяся масса, такая лужа гнили, желто-зеленая с вкраплениями красного и черного. В ней как будто наличествовало течение, такое слабое, что заметить какое-либо движение было невозможно — оно чувствовалось; казалось, труп живет своей собственной жизнью. Корнуолл заскрежетал зубами, на глаза у него навернулись слезы. Он понял, что долго там не протянет. Нужно разобраться со всем как можно быстрее, чтобы поскорее очутиться на свежем воздухе. Он согнул в локте правую руку, словно проверяя, не подведет ли она его в решающий миг. Веревка на груди затянулась чуть туже.

— Порядок, Марк, — сказал Хэл.

Корнуолл прыгнул в отверстие и повис между толком склепа и мерзостной лужей на полу. Он качнулся туда-сюда, потом остановился. Сверху донесся голос Хэла:

— Осторожно! Медленнее, медленнее!

Вонь обрушилась на Корнуолла, окружила его, обволокла и поглотила. Пояса оказалось недостаточно. Вонь свободно проникала через ткань, он задыхался, его желудок сперва будто взлетел к самому горлу, а потом словно рухнул в бездну, рот наполнился неизвестно откуда взявшейся рвотой, и выплюнуть ее, из-за пояса, было невозможно. Он ослеп и потерял ориентацию, попытался закричать, но с языка не шли никакие звуки. Он замахал руками и внезапно различил внизу отвратительную массу. Ему почудилось, что та бурлит. Вот она вспухла волной и покатила на него, не достала и опала. Она выглядела какой-то маслянистой, и от нее исходила омерзительная вонь. Следующая волна ударила в стену склепа и отхлынула обратно, не как вода, а по-особенному — неторопливо, даже торжественно, будто сознавая свою мощь. На обратном пути она вздыбилась прямо под ним и окатила его с ног до головы. Он вскинул руки и принялся отчаянно тереть глаза, которые залепила гнусная слизь. Его желудок корчился в спазмах. К горлу вновь подкатила тошнота, но на этот раз в рот не попало даже желчи. Несмотря на все старания, пленка на глазах не желала стираться, и ему почудилось, что зрение слабеет, что он мало-помалу движется к небытию, в те пределы, где не встретить живых существ. Он не чувствовал, как его вытягивали вверх, но у самого отверстия, перед тем как его оттуда извлекли, пришел в себя ровно настолько, чтобы понять, что все не так плохо. Под ногами Корнуолла появилось нечто твердое, но тут колени его подломились, и он рухнул навзничь и распластался на камнях, по-прежнему слабо пытаясь изрыгнуть из себя отсутствующую рвоту. Кто-то вытер ему лицо.

— С тобой все в порядке, Марк. Мы тебя вытащили, — сказал чей-то голос. А другой, в стороне, прибавил: — Я же говорил, Зверь жив. Он не умер. Теперь понятно, чего испугались те мерзавцы. Нас обвели вокруг пальца, ясно тебе, обвели вокруг пальца!

Корнуолл кое-как ухитрился встать на колени. Кто-то вылил на него воду из ведра. Он хотел было что-то сказать, но обнаружил, что рот все еще завязан пропитанным рвотой и вонью поясом. И тут чьи-то руки сорвали пояс, и он обрел свободу. Он увидел перед собой лицо Джиба. Тот состроил гримасу.

— Ну и дрянь. Давай раздевайся и иди мыться. Вода согрелась, мыло на кадке.

Глава 29

Оливер с Енотом примостились на краешке кадки.

— Говорил тебе, не лезь, — ворчал Оливер. — Местные знали, что Зверь не умер, потому и не совались в склеп...

— Да умер он, — возразил Плакси, — умер и сгнил. Просто тут замешано колдовство. Склеп заколдован.

— Как же можно заколдовать склеп? — поразился Оливер. — Он ведь неживой, он каменный.

— Надо придумать что-нибудь другое, — проговорил Джиб. — Если взять нашу железную сковородку, отломить от нее ручку, нагреть и согнуть...

— Получится то же самое, — закончил Хэл. — Зверь не позволит нам забрать у него ту штуку.

— Никого не видно? — справился Корнуолл. — Ни Толстопузого, ни Лиса?

— Нет, — ответил Хэл. — Мы обыскали замок сверху донизу. Они все куда-то подевались.

— Если понадобится, — проворчал Корнуолл, — мы разберем его по камушку, но отыщем их. Тоже мне шутники выискались.

— Мы должны достать клетку, — сказала Мэри. — Мы же заключили сделку. На равнине кишмя кишат псы. Самим нам не выбраться.

— А с чего ты взяла, что они сдержат свое обещание? — фыркнул Плакси. — Они одурачили нас и теперь сидят где-нибудь хихикают. Им зачем-то нужна

та штукавина, и они готовы были посулить золотые горы...

— Можно развалить склеп, — предложил Джиб. — На это уйдет немного времени...

— Все, чище некуда, — заявил Корнуолл. — Я вылезаю. Эй, киньте мне мои брюки.

— Они еще не высохли, — сказала Мэри, указывая на веревку, на которой сушились вещи.

— Похожу в сырых, — отмахнулся Корнуолл. — Надо что-то предпринять. Пожалуй, Джиб прав. Развалим склеп и...

— Стоит ли вообще возиться с ним? — произнес с сомнением в голосе Хэл. — Мы наверняка справимся с псами. Гибель великана остудила их пыл. Они не станут упорствовать.

— У нас осталось всего лишь две дюжины стрел, — напомнил ему Джиб, — и пополнения запасов не предвидится. Выходит, вся тяжесть битвы ляжет на нас с Марком.

— Но такое оружие, как твой топор или его клинок, стоит дюжины обыкновенных мечей, — заметил Плакси.

Енот плюхнулся в кадку. Корнуолл ухватил его за загривок, привстал и уронил зверька на землю. Тот встряхнулся и забрызгал всех пахучей мыльной водой.

— Вот твои брюки, — сказала Мэри Корнуоллу. — Смотри не простудись.

— Спасибо, — поблагодарил Корнуолл. — Они скоро высохнут.

— Старая добрая шерсть, — проговорил Хэл. — Еще никто не простужался в мокрой шерсти.

— Давайте еще раз все обсудим, — сказал Корнуолл, вылезая из кадки и натягивая брюки. — Здешние хотят кое-что получить. Это «кое-что», похоже, обладает для них известной ценностью, следовательно, может пригодиться и нам. В любом случае мы должны, на мой взгляд, достать его и узнать, что оно собой представляет. А потом мы разыщем Толстопузого и остальных и учиним им допрос с пристрастием. Но до тех пор пока у нас в руках не окажется та штука из склепа, внятного разговора не получится. Разумеется, исход более чем сомнителен, однако...

— Существует другая возможность, — произнес Оливер. — Рог единорога. Ну, тот, что у Мэри. Колдовство против колдовства.

— Не уверен, что он нам поможет, — покачал головой Плакси. — Колдовать — не кашу варить.

— Я долго думал, — продолжал Оливер. — Конечно, даме не пристало спускаться в такую дыру...

— Вот именно, — буркнул Корнуолл. — Давайте рог мне, и я снова попытаю счастья.

— У тебя ничего не выйдет, — возразил Оливер, — как и у любого из нас, за исключением Мэри. Магия рога доступна только ей.

— Тогда будем разбирать склеп, — подытожил Корнуолл, — если, разумеется, никто не предложит чего-нибудь получше. Но Мэри я туда не пушу.

— Послушай, — сказала Мэри, — ты не имеешь права не пускать меня, не можешь указывать мне, что делать, а что — нет. Я ничем не хуже вас и требую, чтобы мне позволили делить с остальными все трудности. Я несла рог много миль, хотя он здорово мне мешал. Если от него будет какая-то польза...

— Откуда ты знаешь, что от него будет польза? — воскликнул Корнуолл. — А что если он не сработает? Что если ты свалишься туда?..

— Попробовать все равно надо, — ответила Мэри. — Раз Оливер считает, что от попытки может быть толк, значит, стоит попытаться.

— Давай сначала я, — не отступал Корнуолл.

— Марк, — вмешался Хэл, — ты ведешь себя неразумно. Пусть Мэри попытается. Мы спустим ее в склеп, а если там хоть что-нибудь шевельнется, немедленно вытащим.

— Там, внизу, просто ужасно, — пробормотал Корнуолл. — Сплошная мерзость. А уж вонь!

— Если все получится, — заметил Оливер, — она не пробудет там и минуты. Туда-сюда — и готово...

— Она не сумеет выдернуть клетку, — упорствовал Корнуолл. — Та наверняка тяжелая. Да, она или не сумеет выдернуть ее, или не удержит в руках.

— Мы сделаем крюк, — сказал Хэл, — и привяжем его к веревке. Мэри зацепит им клетку, и мы вытянем сразу и ее, и то, из-за чего разгорелся весь сыр-бор.

— Ты в самом деле хочешь спуститься? — спросил Корнуолл у Мэри.

— Нет, не хочу, — отозвалась она, — да и ты не хотел, но полез. Пожалуйста, Марк, разреши мне попробовать.

— Надеюсь, что мы не промахнемся, — буркнул Плакси, — хотя, по правде говоря, сомнительно, что наша затея выгорит.

Глава 30

Они не ограничились петлей, а приготовили для Мэри сиденье, как на качелях, к которому ее можно было привязать. Рог тоже обмотали веревкой, чтобы он висел у нее над плечом, ибо держать его было весьма неудобно. Таким образом, у нее оставались свободными обе руки, и она могла ухватиться за крюк, который прикрепили к еще одной веревке, пропущенной через второй ворот. Наконец пришло время спускаться.

— Мое платье, — проговорила Мэри. — Оно у меня единственное. Если я его запачкаю...

— Ерунда, — уверил ее Хэл, — отстираем.

— А если нет?

— Сними его, — посоветовал Плакси. — Спускайся так. Мы не возражаем.

— Ну уж нет! — воскликнул Корнуолл. — Это уж слишком!

— Плакси, — произнес сурово Хэл, — ты зашел чересчур далеко. Я знал, что скромность тебе неведома, но...

— Прости его, — сказал Джиб, обращаясь к Мэри. — Он у нас бестолковый.

— Откровенно говоря, я не прочь, — промолвила Мэри. — Другого платья у меня нет. Если бы вы...

— Нет, — отрезал Корнуолл.

— Пока ты будешь отмываться, я выстираю его, — сказал Оливер. — Вот увидишь, с ним все будет в порядке.

— Ты чувствовал мою наготу, — проговорила Мэри, глядя на Корнуолла.

— Нет, — проговорил тот сдавленным голосом.

Тогда Мэри подобрала подол платья, обвязала его веревкой вокруг бедер и уселась на сиденье, предварительно обернув лицо куском ткани, смоченным в уксусе, в поисках которого Оливер перерыл все шкафы и шкафчики в замковой кухне: возможно, острый запах уксуса хоть немного ослабит вонь. Затем ее спустили в отверстие. Масса внизу на какое-то мгновение вскипела, но тут же опала. Спуск проходил быстро. Поверхность омерзительной лужи пребывала в непрерывном движении, однако всплесков и выбросов слизи пока не было.

— Действует, — произнес сквозь зубы Джиб. — Рог действует!

— Не волнуйся! — крикнул Мэри Корнуолл. — Хватайся за крюк. Мы спустим тебя еще на фут.

Девушка подчинилась. Крюк находился прямо над клеткой.

— Пора, — сказал Хэл.

Крюк скользнул по двум металлическим прутьям — и зацепился. Джиб, который держал привязанную к крюку веревку, дернул ее и воскликнул:

— Готово!

Корнуолл кинулся вытягивать Мэри. Ему на помощь поспешили другие, и вскоре девушка очутилась на свежем воздухе. Она пошатнулась; Корнуолл поддержал ее и сорвал с лица пропитанную уксусом ткань. Мэри подарила ему признательный взгляд. В ее глазах стояли слезы. Корнуолл осторожно вытер их.

— Ужас, — выдавила Мэри. — Впрочем, ты знаешь, ты же там был. Тебе, наверно, пришлось куда хуже.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Вот только запах...

— Тебе осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Сейчас достанем ту штуковину — и все. — Корнуолл повернулся к Джибу. — Так что за рыбину мы поймали?

— Кто ее разберет, — ответил Джиб. — Лично я таких не видывал.

— Вытаскивай ее, пока ничего не случилось.

— Она уже близко, — заметил Хэл, — почти рядом. А Зверь начинает бесноваться.

— Вот она! — крикнул Оливер.

Из отверстия показался крюк, а за ним — диковинный предмет, отнюдь не клетка и не шар. На шар была похожа лишь верхняя его часть.

— Скорее! — поторопил Хэл. — Снимайте его. Зверь, похоже, хочет нас слопать!

В следующий миг слизь выплеснулась из склепа через отверстие в потолке, застыла на мгновение в воздухе — и рухнула обратно, оставив следы на близлежащих камнях.

Корнуолл разглядывал предмет, ища, за что бы его ухватить. Как ни странно, тот отдаленно напоминал человека: голова-шар, цилиндрическое, бочкообразное туловище, примерно двух футов в поперечнике и четырех длиной. От туловища отходили три металлические конструкции, которые, вполне возможно, служили ногами, тогда как рук не было вообще. Хэл взялся за одну из ног и потянул предмет на себя. Корнуолл помог ему, и общими усилиями они выдернули металлического монстра из отверстия. Вслед ему метнулась волна слизи; внушающая неодолимое отвращение масса растекалась по платформе, которая опоясывала вершину холмообразного склепа.

Они сбежали по лестенке во двор замка. Джиб с Хэлом волочили за собой по ступенькам трехногое чудовище. Внизу они поставили его на землю и отступили в сторону. Чудовище постояло, словно раздумывая, а потом сделало шаг, другой, развернулось, покрутило головой; друзьям показалось, что оно смотрит на них, хотя никаких глаз у него вроде бы не наблюдалось.

— Оно живое, — прошептала Мэри.

— Как по-твоему, — спросил Хэл у Плакси, — что это такое?

Гном покачал головой.

— Сдается мне, с ним все в порядке, — заметил Джиб. — На нас оно, во всяком случае, не сердится.

— Лучше подождать, — сказал осмотрительный Хэл.

Внутри клетки, или шара, которая являлась головой чудовища, находилось нечто, похожее на серебристое, сверкающее яйцо. Бочкообразное туловище, на котором красовалась голова, испещряли многочисленные, как будто пробитые гвоздем дырочки. Ноги располагались таким образом, что определить, где перед монстра, а где — зад, было невозможно. Судя по всему, тварь

была изготовлена из металла, однако суждение это основывалось исключительно на зрительном впечатлении.

— Отпрыск Зверя Хаоса, — предположил Корнуолл.

— Может быть, — согласился Хэл. — Отпрыск или призрак.

— Надо спросить у местных, — сказала Мэри. — Они наверняка знают.

Однако местных по-прежнему нигде не было видно.

Глава 31

Они помылись, выстирали одежду, приготовили и съели ужин. Временами со стороны склепа доносился малоприятный запах, но в остальном все было спокойно. Лошади неторопливо жевали сено: они отыскивали в углу замкового двора копешку, которая стояла там, по-видимому, с очень давних пор. Вокруг похрюкивали свиньи; словом, все, как днем, правда, за двумя исключениями: цыплята отправились ночевать в курятник, а обитатели замка все еще отсиживались в своем укрытии.

— Я начинаю беспокоиться за них, — сказал Корнуолл. — Может, с ними что-то случилось?

— Они просто прячутся от нас, — заявил Плакси. — Им вовсе не хочется выполнять свое обещание, поэтому они прячутся и дожидаются, когда мы уйдем.

— Ты думаешь, они не помогут нам справиться с псами? — спросила Мэри.

— Я не поверил ни единому их слову, — буркнул Плакси.

— А вот псы никуда не делись, — заметил Джиб. — Я поднимался на стену перед тем, как село солнце: на равнине их видимо-невидимо.

— Что будем делать? — поинтересовался Оливер. — Мы же не можем остаться тут навсегда.

— Обождем, — решил Корнуолл. — Рано или поздно что-нибудь обязательно произойдет.

С наступлением ночи на востоке взошла луна. Хэл подбросил в костер дров, и тот разгорелся с новой силой. Извлеченное из склепа существо бродило по двору, словно к чему-то принюхиваясь.

— Назовем его Жестяным Ведром, — предложил Хэл. — Интересно, что у него на уме? Какой-то он пугливый.

— Присматривается, — сказал Джиб. — Оказался в новом для себя мире и, сдается мне, не уверен, что он ему нравится.

— Да нет, не то, — возразил Хэл. — По-моему, он чем-то встревожен. Может, он знает то, что неизвестно нам?

— В таком случае, — проворчал Плакси, — он, я надеюсь, не станет делиться своим знанием с нами. У нас и без того достаточно хлопот. Мы в ловушке среди каменных развалин, хозяева которых укрылись от нас там, где нам их наверняка не найти, а вокруг полным-полно адских псов. Им известно, что когда-нибудь нам придется выйти на равнину, и уж тогда они отыграются, отплатят нам за все унижения.

— Я пошел на стену, — объявил Корнуолл, вставая. — Погляжу, как дела.

— Лестница слева от тебя, — сказал Джиб. — Будь осторожен: ступеньки все стертые и скользкие.

Лестница была крутой и длинной, но в итоге Корнуолл добрался до парапета стены, достигавшего там, где кладка еще не осыпалась, в высоту трех футов. Стоило ему положить на парапет руку, как из-под ладони вывалился и полетел вниз очередной камень. На равнине места, залитые лунным светом, перемежались глубокими тенями, различить среди которых псов было весьма и весьма затруднительно. Несколько раз Корнуоллу казалось, будто он замечает какое-то движение, однако полной уверенности у него не было.

С севера задувал холодный ветер. Корнуолл вздрогнул. «Да, — сказал он себе, — прошли те времена, когда ты дрожал только от холода». Сидя с товарищами у костра, он старался не показывать им своей озабоченности, но теперь, наедине с самим собой, мог не притворяться. Они утодили в западню, выхода из которой пока не было и в помине. Корнуолл понимал, что попытка пробиться с боем обречена на провал. Они располагали всего-навсего мечом, топором и луком с

двумя дюжинами стрел. Ну да, меч колдовской — зато меченосец никудышный. Разумеется, Хэл отлично стреляет из лука, но разве он сумеет в одиночку выстоять против целой своры? А Джиб настолько мал ростом, что с ним справится любой пес.

Поодаль взмыла с криком в небо ночная птица, взлетела и закружилась над равниной. «Что-то спугнуло ее, — подумал Корнуолл, — не иначе как неутомонные псы». Птица полетела прочь, и крики ее постепенно затихли, но на смену им пришел другой звук, такой тихий, что Корнуолл поначалу едва расслышал его. Чуть только он напряг слух, как его прошиб холодный пот: ему почудилось, что он слышит этот звук не впервые. Между тем тот изменился в тональности, каким-то образом перескочил со стрекотания на гудение. И тут Корнуолл вспомнил — вспомнил ту ночь, когда к костру выкатилась из темноты отрубленная человеческая голова. Гудение перешло в надрывный плач, словно на равнине изнывало в муках некое насмерть перепуганное создание. Плач делался то громче, то тише: дикая, ужасная музыка, которая отдавала безумием и от которой стыла в жилах кровь. «Темный Дудочник, — мысленно воскликнул Корнуолл, — к нам вновь пожаловал Темный Дудочник!»

Услышав за спиной звяканье и стук камня о камень, он резко обернулся. На его глазах из парапета вывалился еще один булыжник, а затем над стеной поднялась сфера голубоватого света. Он отшатнулся, положил было ладонь на рукоять клинка, но тут же сообразил, что бояться нечего — то ковыляла по крутой и ветхой лестнице Жестяное Ведро. Наконец металлическая тварь взобралась на стену, ее тело засверкало в лучах луны; шаровидная голова светилась собственным светом. Корнуолл заметил, что у Жестяного Ведре появились, если можно так выразиться, руки: из отверстий на туловище монстра выросли, или высунулись, несколько щупалец. Монстр медленно приближался, а человек пятился до тех пор, пока не уперся спиной в парапет. Одно из щупалец легло ему на плечо. Другое указало на равнину, затем как бы переломилось пополам, образовав на последней четверти своей длины букву «Z». Это самое «Z» было устремлено во мрак за стеной замка. Дудка замолчала, ее пенье сменилось грозной тишиной. Щупальце с «Z» на конце вновь указало на равнину.

— Ты спятил, — буркнул Корнуолл. — Туда нас не заманишь никакими посулами.

Жестяное Ведро, похоже, настаивал на своем.

— Нет, — произнес Корнуолл, качая головой. — Впрочем, может, я неправильно тебя понял? Может, ты разумеешь иное?

Третье щупальце, распрямившись со щелчком, ткнуло в сторону лестницы, что вела во двор замка.

— Ладно, ладно, — сказал Корнуолл, — пошли разберемся.

Он оторвался от парапета, подошел к лестнице и начал спускаться; Жестяное Ведро следовал за ним по пятам. Завидев их, сидевшие у костра повскакивали. Хэл двинулся навстречу Корнуоллу.

— Что случилось? — спросил он. — Какие-нибудь неприятности с нашим новым другом?

— Вряд ли, — откликнулся Корнуолл. — Он пытался мне что-то растолковать. По-моему, он хочет, чтобы мы покинули замок. А на равнине объявился Темный Дудочник.

— Темный Дудочник?

— Он самый. Помнишь ночь накануне встречи с Джонсом?

— Остальным не говори, — произнес, поежившись, Хэл. — Я имею в виду Дудочника. Ты точно слышал его? До нас не донеслось ни звука.

— Точно. Наверно, из-за того, что был наверху. Но как быть с нашим приятелем? Он требует, чтобы мы ушли.

— Но мы не можем, — возразил Хэл. — Откуда нам знать, что нас ждет на равнине? Вот если утром...

Жестяное Ведро тем временем остановился у ворот и указал на них добрым десятком высунувшихся из тела щупалец.

— Знаешь, — проговорил Хэл, — он и впрямь зовет нас уйти.

— Но почему? — удивился подошедший Джиб.

— Возможно, ему известно то, чего не знаем мы, — отозвался Хэл. — Помнится, я уже говорил нечто похожее.

— Но там же псы! — воскликнула Мэри.

— Я не думаю, что он желает нам зла, — сказал Оливер. — Мы вытащили его из склепа. Он должен быть нам признателен.

— А с чего ты взял, что ему там было плохо? — хмыкнул Плакси. — Может, мы, наоборот, рассердили его, и он хочет нам отомстить.

— Как бы то ни было, — сказал Корнуолл, — пожалуй, следует навьючить лошадей и быть готовыми к уходу, как только что-нибудь произойдет.

— А что может произойти? — спросил Плакси.

— Что угодно, — оборвал его Хэл, — или ничего вообще, но лучше подготовиться ко всяким неожиданностям.

Джиб с Оливером отправились ловить лошадей. Потом животных оседлали и навьючили на них поклажу. Недовольные тем, что им не позволили дожевать сено, лошади стучали по земле копытами и трясли гривами. Жестяное Ведро отошел от ворот и подковылял к огню.

— Посмотрите на него! — воскликнул Плакси. — Ну и жулик, устроил переполох — и в кусты! Размышляет у костра! Шуточки у него, однако! А мы-то, мы-то — бегаем, понимаешь, суетимся...

— Подожди немного, — посоветовал ему Джиб. — Видно, время уходить еще не пришло.

Все случилось совершенно внезапно. На востоке вспыхнул ослепительный свет, в небо с ревом взмыло огненное колесо. Когда оно достигло зенита, рев перешел в пронзительный визг, и с этим визгом оно развернулось и устремилось к замку. Луна затерялась в его сиянии, каменные стены замка выступили из ночного мрака во всей своей неприглядности, выставили на всеобщее обозрение дыры и трещины. Впечатление было такое, будто замок перестал быть настоящим и оказался вдруг рисунком, который выполнили жирным черным карандашом на белой бумаге. Корнуолл с Джибом кинулись к вороту, который поднимал решетку замка. Хэл бросился им на помощь. Втроем они навалились на ворот, и решетка медленно поползла вверх. Огненный круг тем временем ринулся вниз; мир, казалось, вот-вот не выдержит его свечения и душераздирающего визга. От него исходил испепеляющий жар. Он промчался над замком, едва не задев сторожевые башенки, сделал в воздухе петлю и рванулся обратно. Лошади, обезумев от испуга, с ржанием носились по двору; одна из них споткнулась и, не устояв на ногах, повалилась в костер.

— Хватит! — крикнул Корнуолл. — Надо поймать лошадей!

Но с лошадьми у них ничего не вышло. Те все скопом поскакали к воротам. Корнуолл прыгнул на одну из них в надежде ухватиться за уздечку, уже достал до упряжи, но не сумел сомкнуть пальцы, рухнул на землю и получил копытом по ребрам. Разъяренный, он немедленно вскочил, но было уже поздно: животные пересекли подъемный мост и вылетели на равнину. Корнуолл увидел, как одна из лошадей встала на дыбы, чтобы скинуть с себя поклажу, благо веревки, которыми были привязаны выюки, на скаку ослабли.

— Бежим! — воскликнул Хэл, дергая Корнуолла за рукав. — Бежим отсюда!

Все остальные намного опередили их. Первым, поджав хвост и шарахаясь из стороны в сторону, мчался Енот.

— Хорош, нечего сказать! — буркнул Хэл. — Трус несчастный!

Равнина была освещена столь ярко, словно над ней взошло солнце; однако в ослепительном сиянии огненного колеса тени ложились на землю самым невероятным образом, так что местность сильно смахивала на пейзаж из кошмарного сна.

Корнуолл сообразил вдруг, что бежит, хотя и не думал никуда бежать, бежит потому, что бегут другие, потому, что ничего иного не остается, потому, что все прочее лишено смысла. Перед ним с гулким топотом неслись Жестяное Ведро; Корнуолл с удивлением отметил, что, несмотря на серьезность положения, в котором они очутились, ему в голову приходят шальные мысли, вроде той, как умудряется металлическое чудовище бежать на трех ногах, — ведь три ноги чрезвычайно неудобное количество. Лошади, как, впрочем, и адские псы, куда-то исчезли. «Ну разумеется, — сказал он себе, — псов тут быть и не должно. Они, скорее всего, дунули прочь без оглядки в тот самый миг, когда над замком возникло огненное колесо, и будут улепetyвать добрых три дня подряд».

Внезапно его товарищи словно провалились сквозь землю. «Ловушка, — подумал он, — впереди ловушка», и попытался замедлить бег, но в следующее мгновение твердая почва ушла у него из-под ног, и он

нырнул в ничто. Он упал на спину и ударился так сильно, что у него пресеклось дыхание.

— Снимите с меня Ведро! — вопил где-то рядом Плакси.

— Марк, — позвала Мэри, — ты в порядке?

Она наклонилась над ним, он различил ее лицо, встряхнулся и кое-как сел.

— Что случилось? — спросил он.

— Мы угодили в канаву, — ответила Мэри.

— Нам лучше оставаться здесь, — проговорил Хэл, который лазил наверх посмотреть, что творится вокруг. — Укрытие у нас надежное.

— В небе с полдюжины колес, — сказала Мэри.

— Мне кажется, — заметил Хэл, — они охотятся не за нами. Им нужен замок.

— Лошади ускакали, — подал голос Джиб, — вместе со всеми нашими припасами.

— Они скинули два-три мешка, — возразил Оливер. — Мы потом их подберем.

— Слезь с меня, чучело железное! — гаркнул Плакси. — Дай мне встать!

— Пожалуй, — проговорил Хэл, — надо ему помочь.

Корнуолл огляделся по сторонам. Стенки канавы, в которой они оказались, имели в высоту около пяти футов и более или менее защищали от яркого света огненных колес. Он ползком подобрался к той стене, которая была обращена к замку, и осторожно выглянул. Колес, как и говорила Мэри, стало больше. Они вращались в небе над замком, окутывая его пеленой ослепительного сияния. Их рев сменился басовитым, утробным гудением, от которого сотрясалось все тело. На его глазах одна из сторожевых башенок рассыпалась в пыль с грохотом, перекрывшим на миг гудение колес.

— Их пять штук, — сказала Мэри. — Как по-твоему, что они такое?

Корнуолл не ответил. Откуда ему было знать? Колдовство, мелькнула у него мысль, но он сразу же отказался от нее, припомнив упрек Джонса: мол, всякий раз, когда ему встречается нечто непонятное, он готов приписать его непостижимость действию колдовства. Тем не менее ничего подобного никогда не случилось; в тех древних книгах, которые он проштудировал, ему не попало ни единого упоминания... Хотя... «По-

годи-ка, — сказал он себе. — Одно упоминание все-таки было, причем там, где его меньше всего можно было бы ожидать. Книга Иезекииля, глава первая». Корнуолл напряг память, но не сумел вспомнить, что именно было написано в той главе, хоть и сообразил, что речь там шла о чем-то гораздо более серьезном, нежели огненные колеса. «Да, — вздохнул он про себя, — надо было поменьше копаться в старинных рукописях и почаще заглядывать в Библию».

Огненные колеса образовали над замком кольцо. Они быстро вращались вокруг собственной оси, мало-помалу снижаясь и смыкаясь друг с другом, и наконец слились в одно громадное колесо, которое зависло над каменным сооружением. Басовитое гудение перешло в дикий вой, колесо принялось вращаться с умопомрачительной скоростью, сокращаясь в диаметре и неуклонно надвигаясь на замок. Башни и башенки рушились одна за другой, и сквозь вой доносился порой грохот падающих камней. Из огненного колеса вырвалась голубоватая молния, а следом прогремел гром; его раскат был столь мощным, что земля содрогнулась. Корнуолл инстинктивно обхватил голову руками, но спрятаться в канаву не догадался — настолько его зачаровало диковинное зрелище. Рядом с ним примостилась Мэри, а чуть подалее кто-то — должно быть, Плакси — верещал дурным от испуга голосом. Молнии полосовали небо, лишь немногим уступая в яркости огромному колесу, по земле словно прокатывались волны, а шум стоял такой, что чудилось — над равниной разбушевалась стихия.

Из середины колеса выплывало огромное облако. Наблюдая за ним, Корнуолл вдруг понял, что видит перед собой каменную пыль, которая поднимается сквозь кольцо точно дым по трубе. Неожиданно все закончилось. Колесо взмыло вверх и распалось на пять меньших по размерам; те взлетели еще выше, двинулись на восток и в мгновение ока пропали из виду. В мир возвратилась тишина, которую теперь нарушали разве что звуки, исходившие от кучи камней, которая совсем недавно была замком Зверя Хаоса.

Глава 32

На третий день пути, ближе к вечеру, им посчастливилось набрести на небольшую речушку. Местность заметно изменилась. На смену бесплодной почве Выжженной Равнины пришла чуть менее сухая и чуть более плодородная земля предгорий. Уже на закате первого дня они различили вдалеке смутные очертания Туманных Гор, а теперь, когда они вышли к речушке, горы возвышались, казалось, буквально в двух шагах. До них оставалось совсем немного — наверно, один дневной переход. Они высились на горизонте — могучие остроконечные пики, вершины которых будто пронзали небо.

Вода у путников закончилась к полудню второго дня, ибо среди той поклажи, которую сбросили с себя перепуганные лошади, нашелся один-единственный бурдюк с драгоценной влагой. Несколько часов паломники пытались раскопать колодец во дворе замка, но вынуждены были отступить, поскольку камни, громоздившиеся над колодцем, все время грозили осыпаться и кого-нибудь придавить.

Встав лагерем на берегу потока, они развели костер и принялись готовить еду.

— Останется только на завтрак, — сказала Мэри. — Кукурузная мука на исходе.

— Я думаю, нам удастся настрелять дичи, — отзывался Хэл. — Излишеств не обещаю, но голодать не придется.

К огню подсел Плакси.

— Ничего подозрительного, — сказал он. — Я осмотрел все вокруг. Никаких следов, даже старых. Похоже, кроме нас сюда вообще никто не заходил, да и нам тут не место. Нам давно надо было бы вернуться.

— Мы прошли полпути, если не больше, — возразил Джиб. — К тому же топор, который принадлежит Древним, по-прежнему у нас.

— Древние, Древние, — передразнил Плакси. — Если мы их отыщем, они отберут у нас твой топорик, а в награду разmozжат нам головы.

— Хватит ныть, Плакси, — проворчал Хэл. — Да, нам пока не слишком везет, мы потеряли лошадей и почти все припасы, однако выбрались из замка без единой царапины, хотя вполне можно было ожидать худшего.

— Ну да, — отозвался Плакси, — сдается мне, что когда к нам заявится Тот-Кто-Размышляет-На-Горе, чтобы дать хорошего пинка, ты скажешь: «Нам повезло, что он...»

— Замолчите вы оба! — воскликнула Мэри. — Как вы можете ссориться? Так или иначе, мы здесь, мы нашли воду до того, как начали страдать от ее отсутствия, и...

— Не знаю, как вы, — проговорил Плакси, — а я изнывал от жажды. Мне так хотелось пить, что я аж принялся плевать пылью.

К костру подошел Жестяное Ведро, подошел — и застыл в неподвижности возле огня.

— Не понимаю я его, — буркнул Джиб. — Делать ничего не делает, говорить не говорит и слышать, похоже, не слышит.

— Не забывай, что спас нас не кто иной, как он, — заметил Корнуолл. — Если бы не его предостережение, нам не удалось бы вовремя улизнуть...

— Вдобавок, — вставил Хэл, — он тащит на себе гораздо больше любого из нас. Он придерживает мешки этими своими щупальцами и...

— Если бы не он, — перебил Плакси, — мы бы не оказались замешанными в эту заваруху. Говорю вам, те колеса охотились на него. Что бы они собой ни представляли, они никогда бы не стали гоняться за нами или за теми паршивцами из замка. Мы им ни к чему. Они охотились либо за Зверем Хаоса, либо за Жестяным Ведром — понятно вам?

— Однако если бы не колеса, — сказал Джиб, — мы бы до сих пор сидели в замке. Колеса распутали адских псов, так что пускай мы слегка поволновались, все закончилось как нельзя лучше.

— Смешно, право, — проговорил Оливер. — Сидим себе, рассуждаем о колесах и уже не помним, какого страху они на нас нагнали. С нами произошло нечто непостижимое и путающее, к чему мы совершенно не были готовы, и тем не менее мы беседуем о колесах так, словно они попадают к нам едва ли не каждый день и чуть ли не за каждым углом.

— Дело в том, — ответил Хэл, — что с нами случилось чересчур много такого, что можно назвать необычным. Мы привыкли к необычности, наши чувства притупились, мы очутились в положении, когда перестаешь изумляться, начинаешь воспринимать диковинки как что-то повседневное, заурядное. Еще недавно все мы жили обыденной, размеренной жизнью, которая текла день за днем без каких-либо происшествий, и мы радовались, что она такова. Мы свыклись с мыслью, что с нами ничего не происходит и не может произойти. А тут все наоборот: наше путешествие приучило нас к неожиданностям, и мы теперь редко чему удивляемся. Мы не обращаем на необычное внимания — может, потому, что нам некогда это делать.

— Я пораскинул мозгами насчет колес, — сказал Корнуолл, — и, пожалуй, склонен согласиться с Плакси: они охотились за Зверем Хаоса или за Ведром. Скорее все-таки за Зверем; вряд ли им было известно, что он мертв. А о существовании Ведра они или те, кто их послал, вероятно, и не догадывались.

— Почему ты так уверен? — фыркнул Плакси. — Если они знали о Звере, то вполне могли подсчитать, когда должен вылупиться Ведро.

— Весьма кстати, — проговорил Корнуолл. — За разговором о колесах мы как-то подзабыли о другом вопросе: что такое Зверь Хаоса и что такое Ведро? Может, он — второй Зверь?

— Лично я понятия не имею, как выглядел этот Зверь, — сказал Джиб. — Но раз Ведро родился от него, то может впоследствии в него и превратиться.

— Не исключено, — отозвался Корнуолл. — Недавно один знаменитый ученый из Оксфорда объявил, что ему удалось, посредством какого-то диковинного метода,

превратить гусеницу в бабочку. Разумеется, ему не поверили, многие ученые сошлись на том, что он — шарлатан, в общем, посмеялись над ним вволю. Однако, на мой взгляд, он и впрямь мог добиться чего-нибудь эдакого. Сколько вокруг нас случается такого, чего мы не в силах понять! Возможно, его посылка верна, как возможно и то, что из Ведро вырастет новый Зверь Хаоса.

— Пожалуйста, — попросила Мэри, — не надо так говорить о Ведре в его присутствии. Послушать вас, так он — неодушевленное существо, предмет для обсуждения. А ведь он, наверно, способен слышать и понимать наши слова. Вы унижаете его.

— Посмотрите на Енота, — воскликнул Оливер. — Он подбирается все ближе к Ведру.

Хэл было приподнялся, но Корнуолл положил руку ему на плечо.

— Сиди, — сказал человек.

— Но Енот...

— Сиди, — повторил Корнуолл. — Они просто играют.

Ведро опустил одно из своих щупалец на землю, его кончик слегка подрагивал. Именно к этому кончику и подкрадывался Енот. Вот он собрался — и прыгнул; в последний миг, перед тем как он приземлился, кончик щупальца дернулся в сторону. Тогда Енот попробовал иной способ: он решил достать щупальце когтями — и в мгновение ока, явно вопреки своему желанию, оказался лежащим на спине. Вторым щупальцем Ведро ухватил его за хвост. Зверек извернулся, бросил сражаться с первым щупальцем и кинулся на второе.

— Ой, Ведро играет с ним! — прошептала Мэри. — Как будто с котенком. Он даже разрешает ему ловить щупальца!

— Разрази меня гром, — пробормотал Хэл.

— Значит, Ведро — живой, — заявила Мэри.

— Нет, — возразил Корнуолл. — К таким, как он, слово «живой» не подходит. Однако он откликается на приглашение поиграть, и это его хотя бы чуточку оживляет.

— Ужин готов, — сказала Мэри. — Наедайтесь, пока есть возможность. После завтрака ее не останется.

Енот с Ведром продолжали свою игру.

Глава 33

«Завтра, — подумал Корнуолл, — мы достигнем гор и попытаемся разыскать Древних. А после того как Древние найдутся — или не найдутся, — что дальше? Вряд ли кому-то захочется пускаться в обратный путь через Выжженную Равнину, не имея лошадей, тем более, что нашего возвращения наверняка дожидаются адские псы. Впрочем, наверняка или нет — еще вопрос; однако псов никак нельзя сбрасывать со счетов».

Он сидел, опершись спиной о камень, на склоне холма, что полого спускался к реке. Слева мерцал во мраке огонек костра; Корнуолл различал фигуры товарищей, гревшихся у жаркого пламени. Он надеялся, что они на какое-то время забудут о нем: почему-то, сам не зная почему, он хотел побыть один. Может, чтобы поразмышлять? Да нет, время размышлений миновало. Думать надо было гораздо раньше, перед тем как соглашаться на подобную авантюру. Если бы они тогда удосужились подумать, хоть чуть-чуть, вполне возможно, никто бы никуда не пошел. К сожалению, решения принимались в обстоятельствах, когда на раздумья времени не оставалось. Он сам бежал из университета потому, что узнал: его проделка с манускриптом раскрыта. Между тем бежать не было никакой необходимости. Он спокойно мог бы отсидеться, сколько нужно, в университете или в городе. Да, он бежал только потому, что теперь мог с чистой совестью отправиться

на поиски Древних. Что касается остальных, их заставило двинуться в путь то самое стечение обстоятельств, каким бы нелогичным оно ни представлялось. Быть может, все они бежали от той обыденности жизни, о которой рассуждали перед ужином Оливер с Хэлом.

За спиной Корнуолла слышались шаги. Он обернулся и вскочил. К нему шла Мэри.

— Я потеряла тебя, — сказала девушка. — Ты не против, если я посижу с тобой?

— Ну что ты! Я как раз сторожил место для тебя. — Он усадил ее на камень, потом опустился на землю рядом.

— Что ты здесь делал? — спросила Мэри.

— Думал, — ответил Корнуолл. — Задавал себе вопросы. Размышлял, правильно ли мы поступили, придя сюда, и как нам быть дальше. Разумеется, мы попытаемся отыскать Древних. А затем? А если мы их не найдем? Продолжим ли мы путь, шагая от приключения к приключению, только ради того, чтобы куда-то идти и открывать новое? Сдается мне, — хоть до сих пор нам и везло, — при таком раскладе мы рано или поздно все погибнем.

— С нами все будет в порядке, — возразила она. — Что вдруг на тебя нашло? Мы отыщем Древних, Джиб отдаст им свой топорик, и все закончится так, как должно закончиться.

— Мы далеко от дома, — проговорил Корнуолл. — Быть может, дороги обратно не существует, а если и существует, то отнюдь не торная. Я беспокоюсь не за себя. Мне, по большому счету, все равно. У меня не было другого дома, кроме университета, а он, как ни крути, все-таки не дом, а лишь приют для уставшего путника. Правда, Оливер со мной, пожалуй, не согласится. Он привык к чердаку над библиотекой, где просидел на стропилах чуть ли не всю жизнь... У Джиба — болото, у Хэла с Енотом — их дерево, у Плакси — рудник и мастерская. А у тебя...

— А у меня дома нет, — перебила девушка. — Мои приемные родители умерли, так что меня ничто не связывает.

— Все произошло внезапно, — сказал он, — как бы само по себе, возникло из ничего... Я интересовался Древними. Вероятно, они привлекали меня как предмет научного исследования, тем не менее мой интерес мнил-

ся мне неподдельным. Не знаю почему. Я не сумею тебе объяснить, из-за чего меня тянуло к ним. Я изучил их язык, вернее, то, что считается их языком. Насколько мне известно, никто в них по-настоящему не верил. Потом я натолкнулся на тот манускрипт с рассказом старого путешественника...

— И решил увидеть все собственными глазами, — закончила Мэри. — Ну и что же в этом плохого?

— Ничего, пока все касалось меня одного. Если бы отшельник не умер и не передал Джибу перед смертью топорик! Если бы Джиб не спас меня от волков, если бы Хэл не был лесовиком и другом Джиба, если бы Плакси не выковал колдовской клинок! Если бы ничего подобного не случилось, то все обернулось бы иначе...

— Что случилось, то случилось, — проговорила Мэри. — В конце концов, сложились все по-другому, мы бы не встретились. Ты не имеешь права винить себя, потому что ни в чем не виноват; к тому же, взваливая выдуманную вину на себя, ты обижаешь своих товарищей. Мы все пошли за тобой по доброй воле. Никто из нас не жалеет о своем поступке.

— А Плакси?

— Ты про то, что он постоянно поет? У него такой характер, такая манера себя вести. — Девушка положила голову на плечо Корнуоллу. — Брось, Марк. Мы пойдем дальше и найдем Древних, и все будет в порядке. Мы можем даже отыскать моих родителей или хотя бы что-то узнать о них.

— Пока их следы нам не попадались, — сказал Корнуолл. — Наверно, следовало расспросить тех обманщиков из замка, но мы были настолько заняты, что ни на что другое не отвлекались. Вот здесь я виноват точно. Мне надо было поговорить с ними.

— Я спрашивала у них, — прошептала Мэри. — У этого грязного типа с лисьей физиономией.

— И что?

— Родители останавливались в замке, провели в нем несколько дней. Замок окружали псы, но родителей они не тронули. Подумай, Марк: двое людей прошли с миром по Выжженной Равнине, и псы пропустили их. Они где-то впереди — вот почему я хочу продолжать путь.

— Ты не говорила, что спрашивала о них.

— Выражаясь твоими словами, «вы были заняты».

— Они шли с миром, — произнес Корнуолл. — Удивительные, должно быть, люди. Что же в них... Ты помнишь их, Мэри?

— Смутно, — ответила девушка. — Но стоит мне подумать о матери, я сразу ощущаю покой и словно вижу перед собой неземную красоту. Я помню ее лицо, вернее, не лицо, а тень лица на фоне какого-то сияния. Отец... Нет, его я забыла. Я люблю их, но не могу вспомнить, за что. Красота и покой — и все.

— Ты в Пустынном Краю, — сказал Корнуолл. — Много миль пройдено, не меньше осталось, еда почти вся вышла, платье — одно на все случаи.

— Я там, где хотела оказаться, — возразила Мэри, поднимая голову.

Он взял ее лицо в свои ладони и нежно поцеловал девушку в губы.

— Рог единорога подействовал, — сказал он. — Оливер, чтоб ему пусто было, не соврал.

— Ах вот о чем ты думаешь!

— Да. Так как насчет рога? Может, ты потеряешь его или выкинешь?

— Посмотрим, — прошептала Мэри, соскальзывая с камня в его объятия.

Глава 34

Они столкнулись с Древними уже в горах. Взобравшись на крутой гребень, разделявший две долины, они очутились лицом к лицу с теми, кого так долго искали. И те и другие застыли в изумлении на расстоянии каких-нибудь трехсот футов друг от друга. Древние, по-видимому, возвращались с охоты: двое из них несли на плечах шест, на котором висела туша животного, подозрительно напоминавшая очертаниями человеческое тело. Среди невысоких ростом Древних большинство составляли мужчины зрелых лет с проседью в бородах; безусых юнцов было всего двое или трое. Облаченные в меха, они держали в руках копья с каменными наконечниками. Их было не больше дюжины.

Какое-то время все молчали, потом Корнуолл сказал:

— Сдается мне, мы наконец-то нашли Древних. Признаться, в последние дни я стал сомневаться, что мы их найдем.

— Ты уверен? — спросил Хэл. — Откуда ты знаешь? Никому ведь не известно, каковы Древние из себя. Вот, кстати, что беспокоило меня всю дорогу: кого мы ищем?

— В старинных рукописях мне попадались упоминания об их внешнем виде, — отозвался Корнуолл. — Так, ничего конкретного, одни домыслы да слухи, но все они утверждали, что Древние — те же люди, только не похожие на нас. Если бы ты знал, сколько о них

напридумывали ерунды! Даже тот человек, который записал правила грамматики языка Древних и составил его словарь, — даже у него не нашлось что поведать о них самих. Впрочем, он, может, и поведал, но часть манускрипта с его рассказом пропала или была уничтожена по настоянию какого-нибудь излишне ревностного церковника столетия назад. Поэтому полной уверенности в их человеческом облике у меня не было. Однако топорик, который передал Джибу отшельник, наводил на мысль о людях, поскольку никому другому не под силу изготовить из камня такую чудесную вещь.

— Ладно, мы их нашли, — буркнул Плакси, — и что дальше? Прикажете Джибу бежать с топориком к ним навстречу? На твоём месте, Джиб, я бы не торопился. Мне не нравится дичь, которую они тащат.

— Я поговорю с ними, — сказал Корнуолл, — а вы оставайтесь тут. И пожалуйста, никаких резких движений. Нам нельзя путать их.

— На мой взгляд, — заметил Плакси, — они вовсе не сходят с ума от страха.

— Я тебя прикрою, — сказал Хэл. — Если почувствуешь, что они настроены враждебно, не корчи из себя героя.

Корнуолл снял пояс с ножнами и протянул его вместе с мечом Мэри.

— Можете считать себя покойниками, — занял Плакси. — К ночи они будут обгладывать наши косточки.

Корнуолл поднял руки ладонями наружу и двинулся вниз по склону холма.

— Мы пришли с миром! — крикнул он на языке Древних, надеясь, что произношение у него достаточно внятное. — Не сражаться. Не убивать.

Древние молча ожидали его приближения. Двое с шестом опустили свою ношу на землю и присоединились к остальным. Было похоже, что слова Корнуолла не произвели на них впечатления. Быть может, тому виной густые бороды? Как бы то ни было, угрожающих жестов Древние не делали; однако это еще ничего не означало: они могли напасть в любой момент, без предупреждения. Он остановился футах в шести от них и медленно опустил руки.

— Мы искали вас, — сказал он. — Мы принесли вам подарок.

Древние не отвечали. Их лица оставались безучастными, взгляды — безразличными. «Интересно, — подумал он, — они понимают меня?»

— Мы друзья, — продолжал он.

— Откуда мы знать, вы друзья? — откликнулся один из Древних. — Вы, может быть, демоны. Демоны принимать различные облики. Мы знать демоны. Мы охотники на демоны. — Он указал на привязанную к шесту тушу. Корнуолл увидел похожее на человека существо с темной, синеватого отлива, кожей, длинным хвостом, короткими рожками, торчавшими на лбу, и копытами на ногах. — Мы поймать его, — продолжал тот же Древний. — Мы поймать много. Этот быть маленький, маленький, молодой и глупый. Но мы поймать и старый. — Он облизнулся. — Хороший еда.

— Еда?

— Жарить на огне. Есть. — Древний поднес руку ко рту и сделал вид, будто пережевывает пищу. — Ты есть?

— Да, мы едим, — ответил Корнуолл, — но не демонов и не людей.

— Есть люди давным-давно, — проговорил Древний. — Сейчас нет. Только демоны. Люди все уйти. Их больше нет. Зато демоны много. От люди остались кострища. Жарить их на огне. Не жалеть о люди, потому что много демоны. Этот, — он махнул рукой в сторону туши на шесте, — быть вкусный. Каждый по кусочек, по чуть-чуть, зато вкусный. — Он оскалился в щербатой усмешке.

Корнуолл ощутил, что напряжение ослабло. Древний, с которым ему выпало разговаривать, оказался словоохотливым, что внушало некоторую надежду на благополучный исход. Как правило, с тем, кого собираются прикончить, бесед не ведут. Он исподтишка огляделся по сторонам. Лица остальных Древних нельзя было назвать ни дружескими, ни враждебными.

— Ты уверен, твои не демоны? — спросил говорливый Древний.

— Уверен, — ответил Корнуолл. — Я человек, такой же, как и ты. А те, кто со мной, — друзья.

— Демоны хитрые, — сказал Древний. — Ненавидеть нас. Мы изловить много ихних. Мстить нам. Ты говорить, у тебя подарок для нас.

— Так и есть.

— Подарок не нам, — произнес Древний, пожимая плечами. — Подарок Старику. Такой закон. — Он покачал головой. — Моя думать, вы демоны. Откуда мы знать? Ваша убивать демон?

— Да, — ответил Корнуолл, — мы с радостью убьем демона.

— Тогда идти с нами.

— С удовольствием.

— Проверить еще одна ловушка. Вы убивать демон, который там. Мы знать, вы не демоны. Демоны не убивать демоны.

— А если демона в ловушке не будет?

— Демон быть. Мы класть хороший наживка. Демон не проходить мимо и попадать в ловушка. Хороший наживка, особый. Демон быть. Мы идти. Вы убивать демон. Потом мы идти домой. Хороший еда. Есть и плясать. Отдавать Старику подарок. Сидеть говорить. Мы вы, вы мы. Отдыхать.

— Звучит неплохо, — согласился Корнуолл.

Древние улыбались ему. Они положили копья на плечи, двое носильщиков подняли шест с демоном. Демон повис в воздухе, его хвост касался земли. Корнуолл повернулся и помахал товарищам рукой.

— Порядок! — крикнул он. — Мы идем с ними.

С Корнуоллом остался только болтливый Древний, остальные двинулись вверх по склону холма в направлении на север.

— Ну что? — спросил, подходя, Хэл.

— Приглашают пойти с ними. Они ловят демонов.

— Тварей вроде той, которую они утащили с собой? — осведомился Оливер.

Корнуолл кивнул.

— Нужно проверить последнюю ловушку. Они хотят, чтобы мы убили демона, в доказательство того, что не демоны сами.

— Подумаешь, доказательство! — фыркнул Плакси. — Люди убивают людей — так? Сколько их погибло от рук своих сородичей? Почему же демонам не убивать демонов?

— Возможно, у Древних свои резоны, — заметил Оливер. — К тому же бывают воззрения и похлеще.

— Они считают нас демонами, — проговорила Мэри. — Но почему? Ведь у нас нет ни рогов, ни хвостов.

— Они утверждают, что демоны способны принимать любое обличье, — ответил Корнуолл и прибавил, обращаясь к Древнему: — Мои друзья не знают вашего языка. Они говорят, что рады нашей встрече.

— Скажи им, — велел Древний, — вечером мы пировать демон.

— Обязательно скажу, — пообещал Корнуолл.

Мэри протянула своему возлюбленному пояс с мечом, но прежде чем Корнуолл успел надеть его, Древний сказал:

— Мы теперь спешить. Другие впереди. Если мы не там, они обрадуются демон и убивать его. Тогда вы не убивать...

— Я помню, что мы должны убить его, — отозвался Корнуолл. — Пошли, — бросил он остальным. — Задерживаться нам некогда.

— А что мне делать с топором? — спросил Джиб.

— Ты отдашь его какому-то Старика. Насколько я понимаю, таков закон племени. Сегодня вечером нас ожидают пир горой и пляски.

— А что мы будем есть? — поинтересовался Плакси, не сводя глаз с демона, болтавшегося на шесте. — Если то, о чем я думаю, то предупреждаю сразу: я не проглочу ни кусочка. Уж лучше сдохнуть с голоду!

— Демон быть большой и жирный, — произнес Древний. — Мы поймать маленький и тощий, а нужен большой и жирный.

Они перевалили через гребень и сбежали вниз по крутому склону в глубокую лощину. Охотники по-прежнему опережали их, но уже не намного. Вот компания Древних скрылась за поворотом, и мгновение спустя из-за него донеслись восторженные вопли. Минув поворот, путники увидели такую картину: охотники кривлялись как безумные, потрясали копьями и громко кричали.

— Подождать! — гаркнул новый приятель Корнуолла. — Не убивать его. Ждать нас!

Охотники обернулись на его голос, сконфузились и замолчали. Наступившую тишину прорезал отчаянный крик:

— Выпустите меня отсюда, черт вас возьми! Какого дьявола вы ко мне прицепились, дикари проклятые?!

Корнуолл растолкал охотников — и обомлел.

— Это не демон, — сказал Джиб, — это наш старый друг Джонс.

— Джонс! — воскликнул Корнуолл. — Как вы тут оказались? Что с вами случилось? Как вы умудрились угодить в ловушку?

Джонс стоял посреди полянки, на которой рос громадный дуб. Полянку и дерево опоясывали широкие лучи света, исходившие от трех металлических стержней, торчавших из земли, и образующие сверкающий треугольник. Джонс приблизился к одной из световых полос, держа странный предмет из дерева и металла. За его спиной прижалась к стволу дуба обнаженная девушка; выглядела она, надо признать, не слишком испуганно.

— Слава Богу, — проговорил Джонс. — Откуда вы взялись? Выходит, вы пересекли Выжженную Равнину. Не ожидал, не ожидал. Я отправился разыскивать вас, но мой мопед, как назло, сломался. Освободите меня. — Он взмахнул рукой с зажатым в ней диковинным предметом. — Я вовсе не горю желанием прикончить их.

— Ты говорить с ним, — пробормотал Древний. — Ты говорить с демон.

— Он не демон, — возразил Корнуолл. — Он человек. Вы должны освободить его.

— Демоны! — завопил Древний, шарахаясь в сторону. — Все демоны!

— Стой, где стоишь! — приказал Корнуолл и, немного помешкав, выхватил из ножен меч.

Он искоса поглядел на остальных Древних: те опустили копья и шаг за шагом надвигались на них с Джонсом.

— Стоять! — рявкнул Джонс.

Послышался непонятный треск, в лица копейщикам полетели комья земли, поднялись облачка пыли. Конец похожего на палку предмета в руках Джонса сделался красным; на полянке запахло горелым. Копейщики остановились; чувствовалось, что они в нерешительности.

— В следующий раз, — сказал Джонс, — я буду стрелять на поражение. Тогда вы у меня попляшете.

Тот Древний, который сопровождал паломников на пути сюда, зачарованно разглядывал клинок Корнуолла. Внезапно он упал на колени.

— Бросайте копья, — велел Корнуолл. — Следите за ним, Хэл, — прибавил он после того, как копейщики подчинились. — Если хоть один шевельнется...

— Друзья, держитесь вместе, — посоветовал Хэл, — чтобы не попасть под оружие Джонса.

Упавший на колени Древний елозил по земле и громко стонал. Корнуолл подошел к нему, нагнулся и рывком поставил на ноги. Древний отпрянул, но Корнуолл притянул его к себе.

— Как тебя зовут?

Древний попытался ответить, но язык его, похоже, не слушался.

— Ну, давай, говори! Как тебя зовут?

— Блισταющий клинок, — выдавил Древний. — Блισταющий клинок. Мы помним о блισταющий клинок. Он вновь уставился на меч в руке Корнуолла.

— Ладно, — произнес Корнуолл, — пускай будет блισταющий клинок. Но скажи мне наконец, как тебя зовут. Сдается мне, нам с тобой не помешает познакомиться поближе.

— Кривой Медведь, — пробормотал Древний.

— Кривой Медведь, — повторил Корнуолл. — А я Корнуолл. Мое имя — волшебное. Ну-ка, произнеси его.

— Корнуолл, — отозвался Кривой Медведь.

— Эй, вытащите меня отсюда! — крикнул Джонс. — Что мне, торчать здесь до конца своих дней?

Жестяное Ведро подковыляло к сверкающей изгороди, высунул щупальце и взялся за один из металлических стержней. В тот же миг он весь заискрился, а световые полосы задрожали и слегка поблекли. Ведро выдернул стержень из земли и отшвырнул его в сторону. Световые полосы исчезли.

— Вот и все, — заметил Плакси. — Марк, дай своему приятелю хорошего пинка.

— Я бы с удовольствием, — ответил Корнуолл, — но это будет неразумно. Нам надо сохранить с ними дружеские отношения.

— Ничего себе друзья! — хмыкнул Плакси.

Джонс подошел к Корнуоллу и протянул ему руку, которую тот охотно пожал.

— Что происходит? — спросил Джонс, поглаживая свое диковинное оружие. — Я не понимаю ни единого словечка.

— Потому что мы говорили на языке Древних.

— Так это и есть Древние, о которых вы прожужжали мне все уши? Черт поberi, дружище, какие же они Древние? Ватага неандертальцев! Впрочем, надо отдать им должное, — охотники они великолепные. Сообразили ведь, какая нужна наживка! Вон та девица — недурна собой, правда? Впрочем, ничего особенного, — была привязана к дубу, естественно, в чем мать родила, и призывно так вопила насчет волков, которые шныряют поблизости...

— Неандер-что?

— Неандертальцы. Первобытные люди. В моем мире их не осталось. Они все вымерли тридцать тысяч или даже больше лет назад.

— Но вы утверждали, что наши миры разошлись гораздо позже. По крайней мере, так следовало из ваших слов.

— Господи, ну что вы от меня хотите? — воскликнул Джонс. — Я и сам уже запутался. Когда-то мне казалось, что я все понял, но теперь отказываюсь верить доводам собственного рассудка.

— Вы сказали, что отправились искать нас. Откуда вы знали, где нас искать, и что вообще с вами стряслось? Когда мы прискакали в ваш лагерь, там никого не было.

— Вы рассказывали мне о Древних, о том, что собираетесь отыскать их; у меня создалось впечатление, что вы настроены весьма решительно. Я знал, что вам придется пересечь Выжженную Равнину, и вознамерился опередить вас. Вы упомянули про университет, о котором, я полагаю, сообщил вам этот ваш потешный гномик...

— И вы направились на поиски университета?

— Точно. И нашел его. Он...

— Но если вы нашли его...

— Корнуолл, будьте благоразумны. Все на месте — записи, книги и прочее. Но шрифт — я не смог разоб-
рать ни строки.

— И тогда вспомнили про нас.

— Послушайте, Корнуолл, давайте не будем ссориться. Ну какая вам разница? Наши миры разошлись, мы принадлежим к различным обществам — однако кто мешает нам проявить благоразумие? Вы помогаете мне, я помогаю вам. Дела только так и делаются.

— Нам лучше идти, — вставил Хэл. — Наши приятели совсем измаялись.

— Они до сих пор не уверены, что мы не демоны, — объяснил Корнуолл. — Нам надо будет проглотить хотя бы по кусочку мяса, чтобы окончательно убедить их. Когда они удостоятся... — Он повернулся к Кривому Медведю. — Идем домой. Мы — друзья. Будем есть и плясать, будем разговаривать до самого утра. Мы братья.

— Блстающий клинок! — проскулил Древний. — Блстающий клинок!

— О Боже! — пробормотал Корнуолл. — Не иначе как он спятил. Интересно, в каком-то предании говорится о блстающем клинке? Ладно, ладно, я уберу его. — Он вложил меч в ножны. — Пошли. Забирайте свою наживку. Все проголодались.

— Хорошо, мы поймать другой дичь, — откликнулся Кривой Медведь, — не то есть почти нечего. Мы кормить вас медведь, олень, лось. Мы и вы вместе.

— Вот и здорово, — воскликнул Корнуолл, обнимая его за плечи. — Мы наедемся до отвала, будем уплетать за обе щеки и делиться друг с другом.

— Ваша не демоны, — проговорил Кривой Медведь, ощерясь в ухмылке. — Ваша боги блстающий клинок. Ночь гореть костры, все быть доволен. Боги прийти к нам.

— Вы упоминали о еде? — поинтересовался Джонс. — Взгляните-ка на тот склон. Этот сукин сын учует запах еды за миллион миль.

По склону холма спускался, постукивая палкой по камням, облаченный в лохмотья Сплетник. На плече его восседал и оглашал ругательствами окрестности все тот же ворон. Впрочем, Корнуоллу показалось, что со времени их последней встречи птице как следует досталось от моли. За Сплетником семенила, прихрамывая, его собачка, вся белая, за исключением черных пятен вокруг глаз.

Глава 35

Старик явно не отличался крепким здоровьем. Из двух глаз у него оставался один, от пустой глазницы тянулся через все лицо шрам. Старик притронулся к глазнице пальцем, потом провел им вдоль шрама. На руке у него налицествовали только большой и указательный пальцы: три других отсутствовали.

— Нос к носу, — сказал он, уставившись на Корнуолла единственным глазом. — Он и я. Старый медведь, злобный, почти как моя. Я уйти, а он лежать. Он разодрать меня, но я уйти. Мы съесть его. Притащить домой, приготовить и съесть. Мясо жесткий, жевать трудно, но вкусно. Вкуснее не едал. — Он хихикнул. — Теперь не то. — Он указал на свой рот. — Зубы выпасть. Ты знаешь, почему они выпасть?

— Нет, — ответил Корнуолл.

— Я болеть, — продолжал Старик. — Ноги не гнуться. Рука одна, глаз один. Но они, — сказал он, подразумевая остальных Древних, что сидели на корточках позади него и с обоих боков, — они не сметь трогать меня. Они знать, я хитрый и злой. Я всегда быть хитрый и злой. Если бы я не быть хитрый и злой, то не прожить так долго. Я слышать ты бог и нести блистающий клинок?

— Насчет клинка верно, — отозвался Корнуолл, — а вот насчет бога... Спроси Кривого Медведя.

— Кривой Медведь много болтать, — пренебрежительно фыркнул Старик и ткнул Медведя локтем под ребра. — Моя прав, Кривой Медведь?

— Ты тоже болтать, — буркнул тот. — Больше любовью из нас. Твой рот не закрываться.

— Он метить на мое место, — сказал Старик. — Но зря. Я задушить его одна рука, сдавить его шея, и он умереть. Хороший рука, не больной. Я схватить его хороший рука. — Он снова захихикал.

— Ты хвалиться, — возразил Кривой Медведь, — но кто-то тебе помогать. Один ты даже не встать.

— Я убивать тебя сидя, — заявил Старик.

— Что они там лопочут? — спросил Джонс.

— Старик похвастается своим могуществом, — ответил Корнуолл.

На скалистом уступе, что выдавался из-под нависшего утеса, горели три огромных костра, на которых, положенное на плетенки из свежесрубленных, зеленых веток, жарилось мясо. Вокруг костров сустились женщины, по пещере сновали и путались под ногами дети и собаки, причем последние ухитрялись одновременно избегать пинков и не сводить глаз с мяса. Енот, притаившийся между Хэлом и Мэри, высунул было голову, чтобы осмотреться. Мэри легонько щелкнула его по носу.

— Сиди смирно, — велела она. — Ишь герой выискался.

— А лихо он с ними разобрался, — усмехнулся Хэл. — Они его так ни разу и не укусили. Пусти его, пускай порезвится.

— Нет уж, — не согласилась Мэри. — Чего ради? Он поквитался с теми, кто набросился на него, и хватит.

— Не пора мне отдать ему топорик? — осведомился Джиб, мотнув головой в сторону Старика.

— Обожди, — посоветовал Джонс. — Глядишь, он сам вспомнит. Кривой Медведь наверняка рассказал ему про подарок. Однако у них существует протокол, и, похоже, очень суровый. Вождь не должен выказывать нетерпения. Он обязан сохранять достоинство.

— Вы ходить далеко, — говорил между тем Старик. — Вы прийти из неведомая земля. Вы пересечь Выжженная Равнина. Вы сбежать от адские псы. Но как вы пройти мимо замок Зверь Хаоса?

— Не мы сбегали от адских псов, а они от нас, — сказал Корнуолл. — В замке мы останавливались, от него осталась груда развалин. А Зверь Хаоса мертв.

— Вы быть боги, — убежденно заявил Старик, поднося ко рту руки и, видимо, выражая таким образом свое изумление. — А этот с вами, кто не человек и идти на три ноги не как человек...

— Он заколдованный, — отозвался Корнуолл, — как мой меч.

— А рог у самка? Он заколдованный? Он быть рог единорога, да?

— Вам известно об единорогах? Они уцелели?

— Место Знаний. Единороги быть в Место Знаний, — Старик махнул рукой куда-то во мрак пещеры. — За долина. Люди туда не ходить. Ее стеречь Те-Кто-Размышляет-На-Горе.

— Он упомянул о каком-то Месте Знаний, — сообщил Корнуолл Джонсу. — Скорее всего, имеется в виду университет. Путь к нему лежит через долину, которую охраняют Те-Кто-Размышляет-На-Горе. Заметьте, не Тот, а Те.

— Разумеется, ему лучше знать, — кивнул Джонс. — Очевидно, некий переводчик походя заменил множественное число единственным. Что касается долины, нас привели сюда именно по ней. Я проезжал тут, и знаю дорогу.

— Вы не видели Тех?

— Ни единого, — ответил Джонс. — Впрочем, я ехал на мопеде, а от него, если помните, много шума. Может, они испугались и попрятались. К тому же я ехал не в том направлении, не в университет, а из него. Кстати, я хотел вас кое о чем спросить. Этот ваш робот...

— Что такое робот?

— Металлический человек, который сопровождает вас.

— Потом, — отмахнулся Корнуолл, — о нем потом. — Он повернулся к Старiku. — А как попасть в Место Знаний? Мы можем попасть туда?

— Вы погибнуть.

— Но ведь другие как-то добрались до него! Насколько лет назад, мужчина с женщиной...

— Они не вы.

— Почему?

— Они прийти с миром. Рука в руке. Они быть без оружия. Добрые.

— Они были здесь! Ты видел их?

— Они жить с нами. Не говорить наш язык. Понимать без него. Мы знать, они добрые.

— Вы не пытались предостеречь их?

— Ни к чему. Не нужно. Они идти, куда хотят, и оставаться живые. Никто не трогать их.

— Он говорит, что твои родители останавливались у них, — сказал Корнуолл, обращаясь к Мэри. — Они шли в университет. Он уверяет, что они в безопасности, что никто не осмелится причинить им вреда.

— Раз прошли они, пройдем и мы, — проворчал Джонс.

— Нет, — возразил Корнуолл. — Родители Мэри — люди особые, непостижимые...

— Кривой Медведь, — перебил его Старик, — сказать мне, что вы что-то принести нам.

— Да, — ответил Корнуолл. — Не подарок и не от нас. Видите ли, нас попросили возвратить вам вашу вещь. — Он сделал знак Джибу. — Давай.

Джиб вручил Старiku сверток. Старик ухватил его здоровой рукой, положил на пол перед собой и развернул. Внезапно глаза его широко раскрылись. Наконец он поднял голову и вперил в Корнуолла тяжелый взгляд.

— Ты смеяться, — сказал он.

— Смеяться? — удивился Корнуолл. — С чего вы взяли?

— Слушать, — прервал его Старик. — Слушать и запоминать.

— Что случилось? — спросил Джиб. — Я его чем-то оскорбил?

— Что-то не так, — прошептал Корнуолл, — но что именно, я не знаю.

— Предания говорить, — произнес Старик, — этот топор отдать по дружбе человек издалека, что проходить мимо. Вы вернуть его. Дружба конец.

— Не понимаю, — пробормотал Корнуолл, — ничего не понимаю.

— Ты смеяться над нами! — заревел Старик. — Ты швырнул нам обратно наш подарок! Дружба конец!

Он поднялся на ноги и пинком отправил топорик в угол пещеры. Остальные Древние тоже повскакивали.

Рука Корнуолла легла на рукоять меча. За его спиной что-то шелкнуло.

— Я выкошу их как сорную траву, — заявил Джонс. — Стоняйте их в кучу.

— Погодите, — проговорил Корнуолл. — Может, нам удастся вразумить их.

— Ну-ну, — буркнул Джонс.

— Мы не бояться боги, — продолжал Старик. — Мы не терпеть боги смеяться над нами. Мы умереть, но не терпеть.

— Мы вовсе не смеялись, — ответил Корнуолл. — Но если вам так хочется умереть, то пожалуйста, мы готовы услужить.

Старик шагнул вперед, всплеснул руками, словно отгоняя невидимого врага, из груди у него высунулся какой-то предмет, по животу заструилась кровь. Медленно, как бы нехотя, он опустился на землю; Корнуолл отступил, давая ему упасть. Когда вождь упал, все увидели, что из его спины торчит древко копья. Над Стариком встал Кривой Медведь.

— Старый болтун сдохнуть, — сказал он. — Ты и я говорить.

В пещере немедленно установилась тишина. Дети перестали бегать и вопить, женщины бросили чесать языками, собаки кинулись прочь, поджимая хвосты. Мужчины, стоявшие за Кривым Медведем, хранили молчание. Они не пошевелились: суровые лица, в руках — копья. Кривой Медведь указал на павшего вождя.

— Он хотел, мы погибнуть. Мы — часть, вы — все. Но мы не хотеть, верно?

— Верно, — согласился Корнуолл.

— Я до сих пор не знать, — сказал Медведь, — ваша быть боги или демоны. Сначала думать одно, потом другое. Сначала вы узнать, мы не желать вас тут.

— Мы с радостью уйдем, — заверил его Корнуолл.

— Но сперва, — продолжал Древний, — вы выкупать свои жизни.

— Позволь возразить тебе, дружок: никто ничего выкупать не собирается. Ты сказал, что мы можем погибнуть все, и тут ты прав, но вот насчет себя ошибся. Мы постараемся, чтобы вас погибло как можно больше, а ты отправишься на тот свет первым.

— Мы не жадный, — заявил Кривой Медведь. — Мы хотеть палка с дым.

— Что там? — справился Джонс.

— Ему нужна палка с дымом. Ваше оружие.

— Обойдется. К тому же он, чего доброго, застрелит себя. С таким оружием надо уметь обращаться.

— Он говорит, что его палка опасна для тех, кто не умеет с ней обращаться, — сообщил Корнуолл Кривому Медведю. — Она убивает тех, кто с ней не дружит. В ней заключено могущественное колдовство, совладать с которым может только великий волшебник.

— Мы хотеть ее, — повторил Древний, — ее, и рог самки, и блистающий клинок.

— Нет, — отрезал Корнуолл.

— Мы говорить мудро, — предложил Древний. — Вы давать нам палка, рог и клинок. Мы давать вам жизнь. — Он показал на тело Старика. — Лучше его. Он убивать много-много.

— Не тратьте на него время, — посоветовал Джонс.

Корнуолл молча отпихнул Джонса.

— Они окружили нас, — сказал Хэл. — Зажали со всех сторон. Женщины с детьми собирают камни...

Кто-то грубо оттолкнул Корнуолла.

— Эй, что за черт? — воскликнул Джонс.

Гибкое щупальце выдернуло у Корнуолла меч.

— Не смей!

Другое щупальце ударило его в грудь и сбило с ног. Кое-как поднявшись, он увидел, что щупалец невесть сколько: казалось, в пещере копошится громадный клубок змей. Древние шарахнулись прочь. Щупальца вырывали у них копья. Одно набрало уже с дюжину и на глазах Корнуолла присовокупило к ним очередное.

— Что происходит? — изумился Джонс. — Он забрал мою винтовку!

— Ведро! — проревел Корнуолл. — Что ты творишь?

Древние — мужчины, которые были с Кривым Медведем — жались к стене пещеры, а женщины, дети и собаки носились с воплями вокруг костров. Жестяное Ведро швырнул отобранные у охотников копья вниз, в долину. Тем временем щупальца, которые не были задействованы, шарили по скалистому уступу, подбирая

дубинки и камни, что выронили перепуганные женщины и дети. Вскоре то и другое отправилось вслед за копьями.

— Он сошел с ума! — воскликнула Мэри. — За чем ему мой рог?

— Если он повредит винтовку, я разберу его по винтикам, — пригрозил Джонс.

Ведро буквально ошетинилось щупальцами. Он напоминал сейчас такого металлического паука посреди провисшей и разорванной паутины. Щупальца торчали из всех отверстий на его туловище. Часть щупалец, удлинившись, дотянулась до паломников и развернула их лицами к тому месту, откуда начиналась тропа, удивившая с уступа в долину.

— Молодец, — проговорил Джиб. — Нам пора уносить ноги.

Из долины доносились визг и вой. Кто-то из женщин и детей свалился туда, кому-то удалось спуститься по тропинке. Мужчины Древних осторожно двинулись вперед. Ведро подгонял своих спутников. Едва они очутились на тропе, он возвратил Мэри рог, отдал Джибу топор, вернул Хэлу лук и вручил Корнуоллу его меч. Винтовку же Джонса он бросил к кострищам.

— Чтоб тебе пусто было! — разбушевался Джонс. — Ах ты, металлолом ходячий! Да я тебя!..

— Пошли, — буркнул Корнуолл. — Он знает, что делает.

Ведро взмахнул щупальцем, обхватил им тушу медведя, что жарилась на огне, и увлек ее за собой. С туши капал жир, и несколько капель попали на лицо Корнуоллу.

— Теперь мы с ужином, — сказал Оливер, облизывая губы.

— И нам не придется давиться демоном, — добавил с нескрываемым облегчением Плакси.

Глава 36

— Мы в безопасности, — сказал Хэл. — Они не посмеют преследовать нас. Во-первых, мне показалось, что они не слишком хорошо ориентируются в темноте. А потом, они до смерти боятся этой долины.

— Вы уверены, что долина — та самая? — спросил Корнуолл.

— Да. — Джонс утвердительно кивнул. — Я ехал по ней из университета. Надо же, прокатил мимо стоянки Древних и не заметил ее! Ну что, расскажете вы мне про своего робота или нет? Была бы у меня под рукой кувалда, я бы ему показал. Хотя, вынужден признать, он выручил нас из весьма затруднительного положения. Я только думаю, что он мог бы нас предупредить заранее.

— Как? — хмыкнул Хэл. — Он же не умеет говорить.

— Отличное было ружье, — проворчал Джонс. — Оно стоило мне кучу денег. Как по-вашему, с какой стати он так поступил?

— Не знаю, что вам ответить, — отозвался Корнуолл. — Он с нами совсем недавно, а для того чтобы мы стали его понимать, должен пройти, на мой взгляд, не год и не два. Как бы то ни было, ваше оружие чем-то его не устроило. Я не согласен с ним, однако он ничего не делает просто так.

— Может, потому, что та штука, которую вы называете оружием, принадлежит будущему, — предположил Плакси. — Может, здесь ей было не место. Существует такое слово — как бишь его? А, анахронизм! Или я что-то напутал?

— Как мне ни жаль моего ружья, — сказал Джонс, — я вовсе не рвусь вернуться за ним. Надеюсь, до конца моих дней мне не доведется больше увидеться с Древними. К тому же эта жестянка обошлась с чужой вещью отнюдь не любезно, так что винтовка, скорее всего, ни на что уже не годится.

Пробредя несколько миль по дну долины в призрачном свете луны, они остановились у груды валунов, разбили лагерь и разожгли костер. Когда все насытились медвежатиной, завязался общий разговор.

— Черт возьми, утолит кто-нибудь мое любопытство или мне так и пребывать в неведении относительно того, что происходит? — спросил Джонс.

Опершись спиной о камень, Корнуолл стал рассказывать. Остальные, в особенности — Плакси, тоже не остались в стороне.

— Значит, огненные кольца? — пробормотал Джонс. — Интересно, интересно. Они подозрительно смахивают на «летающие тарелки», истории о которых наводняют мой мир. Вы говорите, они сеяли разрушение?

— Да, — подтвердил Корнуолл. — Они уничтожили замок.

— После смерти Зверя Хаоса.

— Мы считаем, что он мертв, — вставил Хэл. — Нам было явлено достаточно тому доказательств. Но объяснить появление огненных колес мы не в состоянии. Правда, нам кажется, что они охотились за Ведром. Вполне возможно, они рассчитывали уничтожить замок заодно с ним. Но получилось так, что мы опередили их на два-три часа.

— Должно быть, Зверь Хаоса знал об опасности, — произнес Джонс. — Поэтому он и взял со своих прислужников клятву, что они достанут Ведро из склепа.

— Ведро тоже мог знать, — прибавил Джиб. — Он настаивал на том, чтобы мы покинули замок.

— Вам не представлялось возможности его изучить? — поинтересовался Джонс. — Вы не получили никаких полезных сведений?

— Если вы подразумеваете под сведениями факты, добытые в результате продолжительных исследований, то ответ будет отрицательным, — хмуро отозвался Корнуолл. — Сдается мне, ваш мир озабочен всякими сведениями гораздо больше нашего. Мы узнали совсем немного: изготовлен он, по-видимому, из металла, глаз у него нет, но он видит, не говорит и не ест. Однако...

— Он предупредил нас в замке, — перебил Джиб. — Когда мы шли по Выжженной Равнине, он тащил на себе целый ворох всякого добра. Он сломал ловушку для демонов, а этой ночью спас нас от гибели.

— А еще он играет с Енотом, — проговорила Мэри. — Еноту он нравится. И потом, мы не должны рассуждать о нем так, будто он ничего не понимает. Он слышит наши слова, и они могут смутить его.

Ведро, впрочем, не выглядел смущенным. Он не выглядел вообще никак — стоял себе возле костра, из туловища его высовывалось одно-единственное щупальце, кончик которого, аккуратно сложенный, покоился на металлической груди.

— Забавная штука, — заметил Оливер. — Может, он передает нам своим щупальцем какое-то сообщение?

— Ерунда, — возразил Плакси. — Эка невидаль, обыкновенный ритуальный жест! Должно быть, ему доставляет удовольствие играть с самим собой.

— По-моему, — сказал Джонс, прищурив глаз, — Ведро с другой планеты, точно так же как Зверь Хаоса и огненные колеса. По-моему, мы столкнулись с чужаками из дальнего космоса. Они все явились на Землю с какой-нибудь звезды.

— Разве такое возможно? — изумился Корнуолл. — Ведь звезды — небесные огни, что усеивают, по милости Божьей, расположенную над нами твердь. Может, из колдовского мира, из места, которое скрыто от нас и куда нам запрещено ступать, но не со звезд.

— Я не собираюсь посвящать вас в открытия, сделанные астрономами в моем мире, — язвительно проговорил Джонс, — поскольку все равно лишь попусту потрачу время и силы. Вы слепец, вы не видите ничего, кроме своей магии. Стоит вам встретиться с чем-то непонятным, вы сразу же объявляете, что причиной всему — колдовство.

— Давайте сменим тему, — предложил Хэл. — Сдается мне, в этом вопросе вам не найти общего языка, да он и не столь важен.

— Мы поведали вам свою историю, — сказала Мэри. — Почему бы вам не ответить нам взаимностью? Мы разыскивали вас, думали предложить вам присоединиться к нам, чтобы вместе пересечь Выжженную Равнину, но вы нас не дождались.

— В моей спешке виноват Корнуолл, — откликнулся Джонс. — Он упомянул об университете не то чтобы с интересом, но и не безразлично. У меня создалось впечатление, что конечная цель его поисков — именно университет, хотя сам он и не говорил ничего такого. Будучи человеком завистливым, я решил опередить его.

— Но как вы узнали, где он находится? — спросил Корнуолл. — И как вы туда попали?

— Местонахождение университета, — заявил Джонс с ухмылкой, — я определил, пускай неточно, по карте.

— Но карт же не существует!

— Разве? В моем мире их в избытке. Правда, там нет ни Туманных Гор, ни Выжженной Равнины. В моем мире на картах, которые составляют нормальные люди, пишутся географические названия, в коих нет никакой необычности, наносятся все и всяческие дороги. Я сел на машину, которая позволяет мне путешествовать из вашего мира в свой и обратно, вернулся к себе, изучил карты, установил, куда мне надо попасть, отбуксировал туда машину — то есть оттащил на канате, привязанном к другой машине. Я прикинул, что география двух миров должна худо-бедно совпадать. Вы улавливаете, к чему я клоню?

— Нет, — признался Плакси, — но продолжайте.

— Затем я возвратился в ваш мир и выяснил, что моя догадка не так уж сильно расходится с истиной. Моя машина перенесла меня в место, от которого до университета было около двух миль. Я провел в университете несколько дней, пока не сообразил, что мне нужна помощь. Я нашел книги и документы, но не смог прочесть в них ни единого слова. И тут я вспомнил о вас. Я знал, что вы попытаетесь перейти через Выжженную Равнину. Мне хотелось надеяться, что Корнуолл, ученый из Вайалузинга, сумеет прочесть те книги, которые оказались недоступны для меня. Вдобавок меня не отпускало ощущение, что вам необходима подмога. Я

двинулся в путь. Остальное вам известно. Что касается университета, я в жизни не видел ничего подобного. Одно огромное здание, которое издаലെка представляется скоплением множества мелких построек. Выглядит так, словно его воздвигли эльфы; каюсь, сэр Марк, в первый миг я даже подумал о колдовстве. Он весь такой воздушный, как будто его и не касалась рука человека.

— Быть может, — заметил Плакси, — так оно и есть.

— Вокруг университета поля и сады, и я понял, что без живых существ здесь не обошлось: ведь кто-то должен был засеять поля, а потом собрать с них урожай. Что еще? Домашний скот и птица: лошади, свиньи, куры, утки, гуси, индюки, голуби. В общем, достаточно всего, чтобы прокормить изрядное количество людей. Но вот они-то мне и не попались. Порой мне чудилось, что за мной кто-то наблюдает, порой я вроде бы замечал неясные фигуры, однако никто не сказал мне ни «здравствуйте», ни «до свидания». Тамошние жители, кем бы они ни были, прятались от меня.

— Нам очень понравился ваш рассказ, — проговорил Плакси, — он такой интересный. Однако как нам быть дальше?

— Идти вперед, — отозвался Корнуолл. — Второго перехода через Выжженную Равнину мы не выдержим, тем более — безлошадными.

— И не забывай про адских псов, — прибавил Джиб.

— Ты утверждаешь, что назад дороги нет, — буркнул Плакси. — Знаешь, почему ты так говоришь? Потому что ты умираешь от желания увидеть университет. Но дело в том, что ни тебе, ни кому другому из нас не позволено его видеть. У вас свои святыни, у нас, членов Братства, — свои. Множество наших святынь осквернено и уничтожено, а университет — одна из немногих уцелевших, и уцелел он лишь потому, что о его существовании было запрещено упоминать даже вскользь.

— Не знаю, как вы, — сказала Мэри, — а я иду дальше. Этой дорогой прошли мои родители, и, если они до сих пор живы, я намерена разыскать их.

— Ваши родители, — повторил Джонс. — Мне удалось кое-что узнать о них. Я перерыл Дом Ведьмы сверху донизу в поисках каких-либо свидетельств, но безрезультатно, хотя я уверен, что, если подвесить

ведьму за пятки над огнем, она живо бы выложила все, что ей известно. Однако у меня слишком мягкая натура. В моем мире я не обнаружил никаких доказательств того, что кто-то, помимо меня самого, проникал из него в ваш. Тем не менее, судя по тому, что я слышал о ваших родителях, они должны были прийти сюда из моего мира. Возможно, они родились столетиями позже моего. К примеру, для перемещения из мира в мир я вынужден пользоваться техническим устройством, а они, по всей видимости, ни к чему такому не прибегают. За годы, которые прошли со времени моего рождения, вероятно, разработали способ путешествия в разных измерениях без помощи машин.

— В словах Плакси насчет университета как святыни присутствует значительная доля истины, — заявил Корнуолл. — Мы не должны вторгаться туда, куда нас не приглашали, однако, к сожалению, нам попросту больше некуда идти. Я думаю, все согласятся с тем, что возвращение невозможно. К адским псам и мучительным милям Выжженной Равнины добавились теперь Древние. К утру они наверняка разыщут свои копыта и наберутся храбрости. Я сильно сомневаюсь, что они станут преследовать нас, ибо их страх перед долиной кажется мне непритворным; но попытка пройти через их земли на обратном пути будет, на мой взгляд, равнозначна самоубийству. Увы, Плакси, но выбора нам не остается; мы можем только поклясться, что не обмолвимся об университете ни единым словечком и постараемся не осквернить его.

— Клятвы, клятвы, — проворчал гном. — Людские клятвы что вода; им нельзя доверять. Но раз обстоятельства против нас... Я согласен: мы не можем вернуться той же дорогой.

— Жаль, конечно, что все так получилось, — продолжал Корнуолл, — искренне жаль. Я...

— Это я виноват, — сказал Джиб. — Не надо мне было упираться, твердить, что отдам Древним их топорик только из рук в руки.

— Ничьей вины тут нет, — возразила Мэри. — Откуда нам было знать, что Древние поведут себя так и никак иначе?

— Значит, идем дальше, — подытожил Хэл. — Интересно, что мы найдем?

Где-то вдалеке завыл волк. В наступившей тишине путники ждали ответного воя, но он все не раздавался. Костер потихоньку угасал; Хэл подбросил в него хворосту. В темноте громко хрустнула ветка. Они разом оказались на ногах и поспешно отодвинулись от огня. В круг света вступило высокое существо в обносках, с вороном на плече и посохом в руке; за ним ковыляла верная белая собачка.

— Боже мой! — воскликнул Корнуолл. — Сплетник! Мы совсем забыли про него.

— Он сам того хотел, — пробормотал Плакси. — У него такая привычка — появляться и исчезать внезапно. Был — и нету. А когда ты его не видишь, то и не вспоминаешь о нем. Про него легко забыть, потому что он хочет, чтобы про него забывали. Скользкий тип!

— Черт побери, где ты был? — крикнул Сплетнику Джонс. — Куда запропастился?

— Если мой нюх меня не обманывает, — проговорил Сплетник, — тут жарят мясо, отличное мясо. Я здорово проголодался...

— Да ну? — хмыкнул Джонс. — По-моему, ты вечно голоден.

Глава 37

День близился к вечеру. Впереди уже показался выход из долины, когда на небе появилась первая точка, а за ней — еще и еще.

— Птицы, — проговорил Джиб. — До чего ж мы стали путанные, даже противно. Поверили Древним и все ждем, что вот-вот что-нибудь да случится. Но ведь до конца долины рукой подать, так, мастер Джонс?

Джонс кивнул.

— Меня беспокоит вот что, — сказал Хэл. — Древние говорили о Тех-Кто-Размышляет-На-Горе. А у птиц, когда они высиживают яйца, такой вид, словно они о чем-то размышляют.

— Вы проехали по долине, и с вами ничего не произошло, — заметил Корнуолл, обращаясь к Джонсу. — Вашей жизни ничто не угрожало.

— Я убежден, — отозвался Джонс, — что меня пропустили лишь потому, что я ехал в обратном направлении. Вполне логично предположить, что стражи поставлены здесь, чтобы преграждать любопытствующим путь к университету. А на тех, кто движется обратно, они не обращают внимания.

Точек становилось все больше. Они постепенно снижались. Долина сузилась, превратилась в тесный проход, высокие каменные стены которого отсекали солнечный свет; солнце заглядывало сюда лишь тогда, когда находилось в зените. Из трещин в стенах прохода, отчаянно

цепляясь за них корнями, торчали чахлые сосенки и другие вечнозеленые деревца и кустарники. Ветер словно оплакивал свою горькую участь: долина изобиловала поворотами, и ему, когда он попадал в нее, приходилось обуздывать свою резвость.

— Не нравится мне это, — заныл Плакси. — Мне страшно.

— Подумать только, — воскликнул Джонс, — к нам, возможно, приближается враг, а у меня всего и оружия, что деревянная дубинка! Эх, мне бы мою винтовку! Если бы чокнутый робот не выкинул ее...

Чокнутый робот никак не откликнулся на причитания Джонса; может быть, он их и не слышал. Он по-прежнему прижимал к груди одно-единственное щупальце. Тем временем точки мало-помалу увеличивались в размерах. Стало видно, что они собой представляют — огромные птицы с громадным размахом крыльев.

— Если бы у меня были мои очки, я бы определил, что за твари к нам летят, — сказал Джонс. — Но очки остались в другом мире, поскольку я убедил себя, что путешествовать надо налегке. Удивительно, как я вообще прихватил с собой хоть что-то! Откровенно говоря, я полагался на винтовку и на мопед, но лишился и того и другого.

— Я могу помочь вам, — проронил Хэл.

— Однако у тебя острый глаз, дружок.

— Он же лесовик, — пояснил Джиб. — Охотник.

— Это гарпии, — сказал Хэл.

— Гарпии! — взвизгнул Плакси. — Самые злобные существа во всей Волшебной Стране! Хуже адских псов! И никуда не спрячешься!

Корнуолл рывком обнажил клинок.

— У тебя неплохо получается, — заметил с одобрением Хэл. — Нужно лишь немного попрактиковаться.

Гарпии ринулись вниз, сложив крылья; их головы напоминали формой человеческие черепа, глаза пылали ненавистью, из полураскрытых клювов вырывался хриплый клекот. Тренькнула тетива лука, ушла в небо стрела, и одна из гарпий перекувырнулась в воздухе и рухнула на землю. Тетива тренькнула снова — и такая же судьба постигла вторую бестию.

Путники приготовились к схватке. Сплетник, прижавшийся спиной к скале, замахнулся на гарпий посо-

хом. Собачка притулилась у его ноги, ворон, сидя на плече, сыпал ругательствами направо и налево.

— Мне бы достать их хоть разочек, — пробормотал Сплетник, как будто моля кого-то о милости или, вероятнее всего, разговаривая сам с собой. — Уж я бы им показал! Ненавижу их! Гнусные твари! Зря я сюда забрел, но уходить пока рановато. Как-никак они дважды угощали меня, а моя Фидо подружилась с их Енотом.

— Ложись на землю, — велел Мэри Корнуолл, — и не шевелись.

Плакси с Оливером поспешно насыпали горку камней, восполняя таким образом, до известной степени, нехватку вооружения.

Гарпии на мгновение зависли в воздухе над головами паломников; они, видимо, собирались сражаться не клювами, а могучими когтистыми лапами. Корнуолл взмахнул клинком, и сверкающее лезвие отсекло обе лапы одной из бестий. Та покатилась по земле, нацелилась было клюнуть перед смертью Хэла, но промахнулась. Жестяное Ведро, что стоял неподалеку от Сплетника, хватал гарпий щупальцами и колотил их о стены прохода. Джонс, вертясь как угорелый, ухитрился сбить ударами дубинки двоих из нападавших на него тварей, однако от третьей увернуться не сумел: она вцепилась когтями ему в руку, ударила другой лапой в лицо и захлопала крыльями, норовя подняться в небо вместе со своей жертвой.

Услыхав сдавленный крик Джонса, Хэл резко обернулся и всадил в тело гарпии стрелу. Чудовище рухнуло вниз, придавив собой Джонса. Тот кое-как выбрался наружу и размозжил дубинкой череп поверженного врага. Левая рука его была вся в крови и безвольно повисла. Сплетник мужественно отбивался посохом; ворон подбадривал хозяина истошными воплями. Оливер с Плакси швыряли в гарпий камень за камнем. Джиб зарубил двоих топором, а Корнуолл, которому некогда было даже перевести дух, уже не помнил, сколько жизней оборвал его меч. По проходу, в стороне от битвы, ковыляло с поддюжины гарпий; по воздуху плавали перья.

Одна из гарпий устремилась на Плакси, но, угодив, должно быть, под град камней, промахнулась и по чистой случайности зацепила гнома когтями за пояс. Перепуганный Плакси завопил во все горло — ведь

бестия вовсе не собиралась приземляться, скорее наоборот. Хэл послал вдогонку чудищу стрелу, которая впиалась гарпии в шею. Тварь упала на землю; что касается Плакси, он оказался у нее где-то под крылом. Уцелевшие гарпии взмыли в небо и тяжело полетели прочь. Корнуолл опустил меч и осмотрелся. Мэри сидела возле него. Плакси, бранясь себе под нос, освобождался из когтей похитившего его чудовища. Хэл глядел вослед улетающим гарпиям.

— Они вернутся, — сказал он, — обязательно вернутся, как только перестроят ряды. А у меня осталось всего-навсего три стрелы. Положим, можно выдернуть еще несколько из мертвых тел, но на это уйдет время.

— Ты чуть было не попал в меня! — накинулся на Хэла подошедший Плакси. — Твоя стрела просвистела у меня над ухом!

— Выходит, ты радовался, что она тебя уносит? — справился Хэл.

— Надо быть осторожнее! — процедил разъяренный гном.

— Вы сильно ранены? — спросил у Джонса Корнуолл.

— Да, рана серьезная, — ответил тот. — Я боюсь, что в нее попала инфекция. Спасибо, — прибавил он, обращаясь к Хэлу.

— В следующий раз нам придется тяжело, — заметил Корнуолл. — Сейчас нам просто повезло. Они не ожидали, что мы будем сопротивляться.

Тем временем в проходе сгустились тени. Солнце освещало теперь лишь кромку скалистых стен. Походило на то, что скоро оно исчезнет окончательно.

— Пожалуй, — проговорил Сплетник, — нам могут прийти на подмогу. Надо попробовать.

Жестяное Ведро застыл в неподвижности на том самом месте, где остановился перед началом схватки. Как и прежде, множеству своих щупалец он предпочел одно, сложенный кончик которого прижимал к груди. Сплетник дотронулся до щупальца концом своего посоха и протянул Ведру ладонь.

— Пожалуйста, — попросил он, — дай его мне. Иначе нам не спастись.

Ведро пошевелился, его щупальце медленно развернулось, и все увидели, что в нем зажат топорик Древних.

— Он подобрал его, когда сбрасывал с уступа дубинки и камни, — пробормотал Джиб.

Ведро отдал топорик Сплетнику.

— Спасибо, — поблагодарил тот, стиснул топорик в руке, воздел его над головой и запел.

Напев был диким, но мелодичным. Эхо подхватило слова песни, разнесло их по проходу, и путникам стало казаться, что они слышат многоголосый хор. Тени сделались гуще прежнего, в них что-то двигалось и шуршало, словно кто-то шаркал ногами. Мэри взвизгнула. Корнуолл взялся было за меч, но отпустил рукоять.

— Господи Боже! — прошептал он.

Их насчитывалось несколько сотен — тени среди теней, размытые фигуры огромных звероподобных людей, голых, если не считать обернутых вокруг чресел шкур. Кривые ноги, наклоненные вперед торсы, широкие плечи, налитые кровью глаза. Вооружены они были копьями с грубыми каменными наконечниками.

Гарпии, что кружили высоко в небе, ринулись вниз. Наблюдая за ними, Корнуолл понял, что он и его товарищи обречены. Он обнял Мэри и привлек девушку к себе. Неожиданно раздались громкие крики, которые без труда заглушили пение Сплетника. Дикари потрясали копьями и, судя по всему, готовились отразить атаку гарпий. С каждым мигом их становилось все больше и больше.

Гарпии устремились в проход — и будто натолкнулись на невидимую стену. Они яростно хлопали крыльями, стараясь замедлить полет, сталкивались друг с другом, оглашали воздух хриплым клекотом, а дикари отвечали им восторженными воплями.

— Бежим! — воскликнул Сплетник. — Бежим, куда целы!

— За мной! — крикнул Корнуолл. — Не отставайте! Я пойду первым!

Он опустил голову и бросился в толпу дикарей, ожидая, что они оттолкнут его, но, к собственному изумлению, не встретил ни малейшего сопротивления. Он словно стал осенним ветром, а дикари превратились в груду палой листвы. Джонс обогнал его, но споткнулся, упал, ударился раненой рукой о камень и закричал от боли. Корнуолл помог ему встать, затем взвалил Джонса себе на плечо. Остальные бежали без оглядки. Посмотрев на небо, он увидел, что гарпии, как будто в смертельном испуге, рвутся ввысь, прочь из каменной ловушки.

Наконец толпа дикарей осталась позади. Корнуолл догнал Сплетника: тот ковылял по проходу так быстро, как только мог, белая собачка вприпрыжку следовала за ним на трех лапах. Рядом с ней семенил Енот. Но вот проход закончился, и паломники выбежали на равнину, на которой в двух-трех милях от них, окруженное приземистыми горами, возвышалось великолепное здание. Джонс был прав: от красоты здания захватывало дух.

— Вы можете меня опустить, — заметил Джонс. — Благодарю за участие.

Корнуолл осторожно поставил его на ноги. Джонс мотнул головой, указывая на свою руку.

— Горит как в огне, — пожаловался он, — и свербит от плеча до самого низа. Моя машина вон там, впереди. Видите, справа? По-моему, в аптечке найдется шприц... Ради бога, не надо меня ни о чем спрашивать! Это такая волшебная игла. Вы мне поможете. Я покажу вам, что делать.

Навстречу путникам по луку, что лежал между ними и чудесным зданием, двигались какие-то существа. Расстояние не позволяло различить, какие именно; заметно было только, что одно из существ намного выше других.

— Разрази меня гром, — буркнул Джонс. — В прошлый раз я тут все облазил, и мне не подалось ни единой живой души, а теперь извольте-ка — целая куча встречающих!

От группы неведомых существ отделилась крошечная фигурка. Чувствовалось, что ее переполняет радость: она пронзительно верещала и выкидывала всяческие коленца, делавшие честь ее ловкости.

— Мэри! — верещала она. — Мэри! Мэри! Мэри!

— Ой, — воскликнула девушка, — да это же Ловкие Пальцы! А я-то все гадала, куда подевался мой маленький дружок!

— Тот, который лепил с тобой «куличики»? — уточнил Корнуолл.

— Тот самый, — отозвалась Мэри.

Она опустилась на колени, и Ловкие Пальцы с разбегу прыгнули к ней в объятия.

— Мне говорили, что ты идешь, — всхлипнул он, — а я не верил, не верил! — Он извернулся и поглядел ей в лицо. — Ты выросла, — заявил он сурово. — А я не расту вообще.

— Я спрашивала про тебя в Доме Ведьмы, — проговорила Мэри, — и мне сказали, что ты пропал без следа.

— Я здесь уже много лет, — ответил брауни. — Мне столько надо тебе показать!

К тому времени к паломникам приблизились остальные существа. Большинство встречающих составлял маленький народец — брауни, тролли, эльфы и феи. Все они шумели, приплясывали на ходу, выражая так или иначе свою радость. Их сопровождал человек, вернее, подобие человека: фигура в длинном черном плаще с капюшоном, который закрывал лицо; Корнуоллу показалось даже, что лица у фигуры нет вовсе. Странного человека окутывала легкая дымка, словно он шагал сквозь туман, что стелился по земле для него одного. Подойдя к путникам, он остановился и произнес голосом столь же мрачным, как и его платье:

— Я Хранитель университета. Добро пожаловать в наши края. Сдается мне, у вас возникли неприятности с гарпиями. Порой они становятся донельзя наглыми.

— Ничего страшного, — сказал Хэл. — Мы с ними очень мило побеседовали.

— Мы не обращаем на них внимания, — продолжал Хранитель, — потому что гости к нам заходят редко. Твои родители, милая, — прибавил он, обращаясь к Мэри, — гостили у нас несколько лет назад, и с тех пор больше никого не было.

— Я заглядывал к вам на днях, — возразил Джонс, — а вы никак не отреагировали на мое появление. Если хотите знать мое мнение, вы нарочно старались меня убедить, что университет заброшен.

— Мы наблюдали за вами, сэр, — отозвался Хранитель. — Прежде чем открыться вам, мы желали узнать, что вы собой представляете. Но вы покинули нас в некоторой спешке...

— Вы сказали, что мои родители были здесь, — перебила Мэри. — То есть были и ушли?

— Да, — подтвердил Хранитель, — ушли. Я расскажу вам обо всем, но чуть-чуть попозже. Вы ведь не откажетесь разделить с нами нашу пищу?

— Теперь, когда вы упомянули о еде, — заявил Сплетник, — я почувствовал, что слегка проголодался.

Глава 38

Хранитель восседал во главе стола. Сейчас уже не оставалось никаких сомнений в том, что лица у него не было. Под капюшоном, там, где полагалось быть лицу, клубился туман, в котором время от времени сверкали алые искорки. «Может, — подумал Корнуолл, — они заменяют ему глаза?» К еде он не прикасался, просто сидел и поддерживал беседу, избегая, впрочем, говорить о сколько-нибудь важных вещах: расспрашивал, как проходило путешествие, рассуждал об урожае, жаловался на капризы погоды — в общем, вел обычные застольные разговоры. «По-моему, — подумал Корнуолл, — он весь состоит из тумана, этаким призраком, который вот-вот либо растает в воздухе, либо улетит по ветру».

— Не знаю, что и сказать, — прошептал на ухо Корнуоллу Плакси. — Я и слыхом не слыхивал, чтобы в Пустынном Краю обитало что-то подобное. Вроде бы привидение, а вроде — нет. Словом, он мне не нравится.

Угощение было не то чтобы изысканным, но обильным и хорошо приготовленным.

— Кушайте, кушайте, — уговаривал Хранитель. — Всем хватит.

Однако какое-то время спустя стало ясно, что путники насытились; тогда Хранитель сказал:

— Что ж, теперь вы услышите мои объяснения и зададите вопросы, которые у вас на языках.

— Мы хотели... — тут же вылез Плакси.

Хранитель взмахом руки заставил гнома замолчать.

— Лично ты хотел узнать, кто я такой, — проговорил он. — Я удовлетворю твое любопытство, ибо все равно должен это сделать. Представляясь вам, я назвался Хранителем. В каком-то смысле так оно и есть, но по роду занятий я — философ. Впрочем, тому, чем я занимаюсь, нет точного названия в вашем мире. Вас, мистер Джонс, пожалуй, больше устроит «специалист по философии», а вы, сэр Марк, пожалуйста, воздержитесь пока от расспросов...

— Я воздержусь, — отозвался Корнуолл, — если вы объясните мне вот что: откуда вам известны наши имена?

— Боюсь, правдивый ответ вызовет у вас недоверие ко мне, — вздохнул Хранитель, — но будь что будет: я могу читать мысли. Я проникаю в ваше сознание, могу забираться очень глубоко, но обычно, не желая оказаться невежей, предпочитаю скользить по поверхности. Впрочем, пойди я наперекор собственным принципам и проникни туда, где хранится ваше сокровенное знание, вам не пришлось бы смущаться и раздражаться. Я родом с другой планеты, и мои воззрения не всегда совпадают с вашими; к тому же я вам не судья. Годы научили меня уважать чужие взгляды...

— Будьте добры, — воскликнула Мэри, опасаясь, по-видимому, что ее кто-то опередит, — скажите, пожалуйста, что стало с моими родителями?

— Они вернулись домой, — ответил Хранитель.

— Без меня? Они не могли вернуться домой без меня!

— Ты возненавидишь меня и будешь, без сомнения, права, — сказал Хранитель. — Они ушли по моему настоянию. Я убедил их в том, что ты умерла.

— Да как вы смели? — всхлипнула Мэри. — Зачем? Что вы задумали?

— Дорогая моя, у меня были на то веские основания, — отозвался Хранитель. — Я утешался тем, что в конце концов все наладится...

— Выходит, в придачу к остальным своим талантам вы еще и ясновидящий? — справился Джонс.

— Разве что немного. — Хранителю явно польстило, что его принимают за провидца. — Скорее, я ощущаю, предчувствую судьбу, делаю то, что нужно, и...

— Бог с ней, с судьбой, — проговорила Мэри ледяным тоном, — лучше скажите, зачем вам понадобится...

— Скажу, если вы дадите мне возможность и перестанете на меня кричать.

— Я вовсе не кричу, — возразила Мэри.

— Мы дадим вам возможность, — произнес Корнуолл, — однако предупреждаю вас, сэр: вы идете по тонкому льду.

— Пожалуй, — заметил Хранитель, — начать следует с начала, с чего мне, собственно, и надо было начать. Раса, представителем которой я являюсь, зародилась в глубокой древности на планете в самом центре Галактики. Мы создали великую цивилизацию задолго до того, как на Земле появился первый человек, вероятно, даже раньше, чем жизнь переместилась из моря на сушу. Мне известно, сэр Марк, что вы, если можно так выразиться, предубеждены...

— С ним все будет в порядке, — заверил Джонс. — Что не поймет, потом спросит. Он, похоже, сообразил, что одним колдовством всего не объяснишь. Так что продолжайте.

— Хорошо. Наша культура могла бы развиваться до таких высот, что мы выделились бы из галактики, если не из Вселенной. Ведь мы были одними из первых разумных существ и к тому же значительно опережали других. Образ жизни, которого мы могли бы достичь, превосходил бы всякое воображение, однако еще в древности среди нас нашлись мудрецы, показавшие нам последствия такого развития. В итоге мы остались бы в полном одиночестве, ибо сами разорвали бы все связи между собой и иными формами жизни. Поставленные перед выбором, мы приняли решение: жить не только для себя, но и для тех существ, которые обитают или будут обитать на планетах нашей галактики.

— Мистер, — заявил Джонс, — в моем мире таких, как вы, пруд пруди. Знаю я вашего брата! Доброжелатели, которые лезут туда, куда их не просят, без чьей помощи людям гораздо проще.

— Вы ошибаетесь, — сказал Хранитель. — Мы — всего лишь наблюдатели. Мы стараемся не вмешиваться — разве что в критические моменты.

— По-вашему, сейчас как раз критический момент?

— Боюсь, что да. Не то чтобы должна произойти грандиозная катастрофа, нет; однако я опасаюсь, что может не случиться то, чему суждено случиться. Этот край ожидает величие, но если ожидание окажется напрасным, то галактика, а быть может, и вся Вселенная, потеряет уникальную культуру. Ко всему прочему, если вам, мистер Джонс, станет от того легче, то знайте: меня заботите отнюдь не вы, а население галактики. Мне бы не хотелось, чтобы вы воспринимали нас как миссионеров. Мы не занимаемся благотворительностью. Мы всего лишь наблюдаем и надеемся, и выступаем на свет только тогда, когда у нас не остается иного выхода.

— На словах у вас все получается гладко, — заметил Корнуолл, — но что-то я не совсем понимаю. Прежде всего, о каком величии идет речь? Ну да, в университете хранится знание Пустынного Края, которое, разумеется, заслуживает...

— Друг мой, в нем хранятся знания, надежды и возможности трех великих цивилизаций, которые возникли из одного общего источника. Представьте себе: три различные философии, которые, если объединить их...

— Три, — протянул Джонс. — Мне казалось, я догадываюсь, к чему вы клоните, но откуда взялась третья? Культура Пустынного Края и мира Корнуолла — раз, культура моего мира — два. И все. Из одного — магия, из другого — технология; конечно, они вполне поддаются объединению.

— Существует третий мир, — проговорил Хранитель, — мир родителей Мэри. Ваш мир раскололся не однажды, но дважды. То есть выходит как бы три мира в одном.

— У меня и от двух голова шла кругом, — буркнул Корнуолл, — а теперь еще и третий! Мы думали, что родители Мэри принадлежат к миру Джонса, просто, может статься, родились на несколько столетий позже, чем он...

— Значит, они вернулись в третий мир, — прошептала Мэри. — Но почему...

— Я не мог рисковать, — ответил Хранитель, — мне нельзя было упускать их. Если бы с ними что-нибудь случилось, третий мир, вероятнее всего, не прислал бы никого другого. Я убедил их возвратиться к себе с тем, чтобы воспроизвести потом здесь письменную культуру.

— Ну и что? — спросил Джонс. — Все разложили по полочкам?

— Кажется, да, — кивнул Хранитель. — Я сделал университет хранилищем знаний всех трех миров. Ваш мир, мистер Джонс, делился достижениями технологии; из мира родителей Мэри я позаимствовал великую гуманистическую концепцию, которая, к сожалению, отсутствует в двух прочих мирах. Нужно все это объединить, так сказать, перемешать и создать систему ценностей, которая вберет в себя все лучшее каждой из культур. Затем собрать ученых со всех концов галактики, причем некоторые из них будут специалистами в областях, о которых вы и не слыхали...

— Мне говорили, — перебил Корнуолл, — что у вас тут богатая библиотека древних рукописей. Мне не терпится увидеть ее. Я могу читать на нескольких древних языках. Впрочем, с моим приятелем-гоблином мне, пожалуй, не тягаться. Он просидел в университетской библиотеке дольше моего.

— Ты нашел то, что искал, — буркнул Джиб, — а как быть нам? Ты засядешь за свои рукописи, и тебя от них не оторвешь. Но Хэлу с Енотом, да и мне тоже, тут делать нечего. Мы вернули Древним их топорик, хоть они того, право слово, и не заслуживали. Мы пошли за тобой сюда...

— Мы даже не умеем читать, — прибавил Хэл. — Нас никогда не учили читать. Никто из Народа Болот и Холмов...

— Я не болотник и не лесовик, но буквы для меня все равно что закорючки, — признался Плакси. — Однако домой мне хочется не поэтому. Мой дом — рудник, там остались мои друзья, да и Джиб с Хэлом привыкли к иным занятиям. Правда, я не горю желанием возвращаться той же дорогой.

— Поехали со мной, — предложил Джонс. — Мне надо вернуться в мой мир, чтобы вылечить руку. Марк сделал мне укол, а Мэри перевязала рану, но они не врачи...

— Я уверен, — заявил Оливер, — что, если вы немножко подождете, смогу отыскать в тех томах какое-нибудь колдовство...

— Опять колдовство! — простонал Джонс. — Что касается меня, я сыт им по горло. Обойдусь антибиотиками! В общем, так: я беру с собой тех, кто хочет

попасть домой, отвожу свою машину в то место, которое в моем мире приблизительно соответствует их дому, и доставляю их туда в целости и сохранности. Только им придется спрятаться. Не хватало еще, чтобы их увидели!

— С удовольствием, — согласился Джиб. — Мы будем сидеть тихо как мыши.

— Вы твердо намерены возвратиться? — спросил Хранитель у Джонса.

— Ну разумеется! — воскликнул тот. — Обязательно! Не ради вашей драгоценной галактики, не ради той грандиозной культуры, о которой вы тут рассуждали, а просто потому, что мне здесь нравится. Господи, ну и посмеемся же мы!

— И вы привезете с собой инструкции, важнейшие документы, то, что создано величайшими из ваших мыслителей?

— Вы что, шутите? — изумился Джонс. — Или не знаете, о чем говорите? Да я могу привезти вам целую кипу такого добра! Мой мир ничуть от того не обеднеет. Все, что хотите, — описания, кальки, научные разработки, чертежи, журналы. Черт побери, я постараюсь отобрать лучшее, а когда привезу, то встану рядом с вами и вдоволь нахихикаюсь, пока вы будете со всем этим разбираться.

— Я рад, что вы находите в этом занятии развлечение для себя, — заметил Хранитель.

— Трое из нас остаются точно, — подытожил Корнуолл. — А четвертый, наверно, Ведро. Вы утверждаете, что можете читать мысли. Как насчет того, чтобы попробовать на нем? Он не говорит, но, похоже, понимает нас. Может, вы поделитесь с нами тем, что вам известно о нем?

— Если вас интересует, как он к вам относится, — ответил Хранитель, — то знайте: он признателен вам и стремится стать вашим другом. Вы можете доверять ему целиком и полностью. Но относительно того, что он собой представляет, мне сказать нечего, поскольку он сам до сих пор не выяснил, кто он и что он. Вероятно, со временем — благо впереди у него долгая жизнь — он узнает все, что ему требуется. Однако в его сознании присутствует некое врожденное знание, переданное ему его родителем, который, по всей видимости, при-

был сюда из глубин космоса. Впрочем, внешностью они с отцом, как вы, должно быть, уже догадались, разнятся — и весьма ощутимо. Представители его расы обладают, как мне кажется, способностью изменять по желанию метаболизм своих отпрысков, и я осмелюсь предположить, что родитель нашего друга намеренно придал ему такую наружность, наделил возможностями, которые, с его точки зрения, должны были пригодиться чаду гонимого существа; ведь те, кто охотился на отца, почти наверняка начнут охотиться на сына. Однако, на мой взгляд, Жестяное, как вы его называете, Ведро еще не осознал всех возможностей, заложенных в него отцом. Скорее всего, он будет обнаруживать их одну за другой по мере необходимости. Иными словами, он для нас пока — неизвестный фактор.

— Занятная у вас манера выражаться, — хмыкнул Джонс.

— Возможно, мистер Джонс. Но, я думаю, вы согласитесь с тем, что на неизвестный фактор, как правило, возлагаются самые смелые упования.

— Надеюсь, — пробормотал Джонс, — что ваш фактор в один прекрасный день не сойдет с ума и не перерубит нас всех в капусту. После того случая с винтовкой...

— Хватит, мистер Джонс, — оборвал его Хранитель. — Дайте сказать другим. Прошу вас, мастер Сплетник.

— Я всего лишь порученец, — проговорил Сплетник, — мальчик на побегушках, улаживатель мелких ссор, тот, кто присматривает за тем, чтобы другие ничего не забыли.

— Вы остаетесь?

— Мне предстоит слишком много сделать, пройти не одну сотню миль. Пора наводить порядок, и начну-ка я, пожалуй, прямо сейчас. — Он сунул руку в карман своего одеяния и извлек оттуда топорик Древних. — Раз Древние отвергли его, он должен достаться тому, кто нес его и охранял. Награда за тяготы пути невелика, но все равно приятно. — Он кинул топорик Джибу.

— Будет чем подтвердить свои слова, — ухмыльнулся тот. — Благодарю тебя, Сплетник.

— А вот, — продолжал Сплетник, поворачиваясь к Мэри, — рог единорога. Вам он больше не нужен, так что, пожалуйста, отдайте его мне.

— Охотно, — сказала девушка, — но зачем?

— Его нужно воткнуть в ствол того самого дуба, чтобы он был там, когда появятся следующие, — заявил Сплетник. — Вы должны понимать, что паломников много, а рогов мало, поэтому нам приходится их беречь.

Глава 39

Добрые друзья, надежные товарищи покинули их, исчезли в никуда вместе с Джонсом и его машиной. Корнуолл повернулся и медленно двинулся через лут вслед за теми, кто остался. Впереди шагал по направлению к прекрасному зданию Хранитель, его окружал маленький народец. Чуть в стороне, словно ощущая свою чужеродность, ковылял Ведро.

«Вот и конец, — подумал Корнуолл, — конец долгому и утомительному пути из Вайалузинга, где я отыскал в библиотеке университета спрятанный манускрипт, причем конец совсем не такой, каким я себе его воображал; подобного конца я просто не в силах был вообразить. Я отправился в дорогу, чтобы найти Древних, а теперь Древние меня совершенно не интересуют, ибо не оправдали ожиданий».

Он вспомнил ту ночь, когда они, распрощавшись наконец с Выжженной Равниной, набрали на воду, вспомнил, как ушел от костра, снедаемый чувством вины перед своими спутниками, как размышлял о том, что их ждет, и был уверен, что им не избежать гибели на обратном пути. Что ж, все позади, возвращаться нет никакой необходимости, ибо тут, в чудесном здании на луту под сенью Туманных Гор, работы столько, что ее не переделать и за всю жизнь. Если Хранитель не преувеличил, то перед ним и впрямь открывается возможность слить воедино три великие культуры и соз-

дать из них нечто особенное, с помощью, быть может, ученых из диковинных миров, каждый из которых сведущ в неведомых науках и искусствах. К тому же не стоит забывать про неизвестный фактор в образе Жестяного Ведро, фактор, который способен придать замыслу неожиданную, захватывающую перспективу.

— Не печалься, Марк, — проговорила идущая рядом Мэри. — Они вернулись домой, как им того и хотелось.

— Мне нечего было сказать, — пробормотал он, качая головой. — Понимаешь, нечего! И им тоже. Мы все что-то утратили. Они столько для нас сделали...

— Не больше, чем ты для них, — возразила девушка. — Ты наполнил их жизнь смыслом. Подумай, представь себе, что они будут рассказывать зимними вечерами — Плакси в своем руднике, Хэл с Енотом в дупле дерева, Джиб на болоте...

— Спасибо, Мэри. Ты всегда говоришь то, что нужно. Твои слова исцеляют.

Некоторое время они шли молча, потом Мэри сказала:

— Ловкие Пальцы обещал мне, что нам с тобой дадут новую одежду, а это как раз то, чего нам не хватает. У тебя дырки на коленях и на локтях, а мое старенькое платье годится теперь разве что на половую тряпку. Знаешь, он утверждает, что, если я захочу, мне подберут платье с золотым шитьем. Ты только вообрази, как я буду выглядеть! Настоящая принцесса!

Он положил руку на плечо девушке и развернул ее лицом к себе.

— Ты и так принцесса, — проговорил он, — без всякого платья с золотым шитьем. Я сильнее всего люблю тебя такой, в этом старом платьишке, от которого до сих пор пахнет Зверем Хаоса, пускай оно все драное и в жирных пятнах. Поклянись, что никогда не станешь мыть им пол.

Мэри обвила его руками за шею. Он прижал девушку к себе.

— Все образуется, Марк, — прошептала она. — С платьем или без платья, все образуется.

Содержание

Мастодония, роман, <i>перевод с английского К. Кафиевой</i>	5
Паломничество в волшебство, роман, <i>перевод с английского К. Королева</i>	259

Миры Клиффорда Саймака кн. 6 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1993. — 479с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА
Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах

Книга шестая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редакторы Т. Бережных, М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Н. Дундина, А. Хиршфелде
Оператор компьютерной верстки Л. Бирюковская
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Цветные иллюстрации и форзац: В. Иванов
Оформление шмуцтитолов: Д. Затравкин

**Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством**

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.11.93.
Формат 84х108/32. Гарнитура Таймс. Бумага типогр. Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,62. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2374. С 017.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.
Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-ле-
тия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publishers